

Б.Н.Флоря

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
во второй половине XVI-
начале XVII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Б. Н. ФЛОРЯ

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
во второй половине XVI-
начале XVII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1978

Монография посвящена мало изученному как в русской, так и в польской науке периоду формирования внешнеполитических программ двух крупнейших держав того времени — Речи Посполитой и Российского царства. Автор анализирует классовый характер политических концепций обеих стран, действия русской дипломатии на фоне круга международных проблем. Книга написана на основании богатой источниковедческой базы русских и польских архивов.

Ответственный редактор

В. Д. КОРОЛЮК

Введение

Во второй половине XVI в. на территории Восточной Европы сложилась своеобразная ситуация: друг другу противостояли два мощных политических организма — Россия и Речь Посполитая, каждый из которых претендовал на объединение под своей властью всего восточноевропейского региона, но не имел достаточно сил, чтобы решительно одержать верх над противником. Перед политическими кругами обеих стран развертывалась безотрадная перспектива длительных и кровопролитных войн, которые могли закончиться взаимным истощением обоих, не добившихся своей цели государств. В этих условиях вопрос о будущих перспективах политического развития восточноевропейского региона приобрел небывалую остроту. Последняя четверть XVI — начало XVII в. в истории обоих восточноевропейских держав были отмечены интенсивной работой политической мысли, находившей выражение в целой серии официальных и неофициальных проектов, предусматривавших те или иные пути разрешения накопившихся противоречий и создание новых форм политической организации восточноевропейского региона.

Эта полоса развития оборвалась, когда вмешательство польско-литовских феодалов во внутривосточные события в России, их попытка силой подчинить себе Русское государство привели к такому обострению отношений, когда все подобные проекты стали неактуальными, а затем с наступлением в XVII в. кризиса национальной структуры и политического строя Речи Посполитой определились новые пути развития Восточной Европы.

Прошли столетия, и созданные в XVI — начале XVII в. проекты — свидетельство размышлений людей

тех лет о будущих судьбах Восточной Европы, и развернувшаяся вокруг них сложная политическая борьба стали привлекать внимание исследователей, пытавшихся воссоздать картину политического развития Восточной Европы в средние века.

В творчестве русских и польских буржуазных ученых интересующая нас тема имела странную судьбу. Хотя без упоминаний о проектах унии между Россией и Речью Посполитой не обошелся ни один крупный труд синтетического характера, появившийся в России или Польше конца XIX — начала XX в., нет оснований говорить о сколько-нибудь значительном прогрессе в изучении связанной с этими проектами проблематики с момента появления в середине XIX в. работ, сформулировавших основные взгляды буржуазной науки на процессы политического и этнического развития Восточной Европы в период позднего средневековья.

При всем различии конкретных выводов методологические предпосылки, из которых исходила и русская, и польская буржуазная наука, были принципиально сходными. Для них обеих было общим ошибочное представление об извечном польско-русском антагонизме, порождавшемся изначальными различиями «духа» обоих народов, «духа», который в рамках присущей буржуазной науке идеалистической методологии был главной силой, определявшей и направлявшей весь исторический процесс.

С точки зрения русской буржуазной науки XIX в., весь процесс развития Восточной Европы был определен различным религиозным исповеданием русских и поляков. Не случайно, для ее крупнейшего представителя С. М. Соловьева центральным событием истории Восточной Европы в средневековье, определившим всю дальнейшую судьбу этого региона, был отказ московского князя Василия Темного принять Флорентийскую унию православной и католической церкви. «Борьба условленная отринутием флорентийского соединения в Москве определила судьбы Европы Восточной: верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность Северо-Восточной Руси в 1612 г., сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соеди-

нение Малой России с Великою, условила падение Польши, могущество России»¹.

Выдвижение на первый план из всех многочисленных проблем восточноевропейского региона проблемы религиозной вело к непониманию реального развития и многочисленным искажениям действительности. Так, под пером С. М. Соловьева выступления польских феодалов, рассчитывавших благодаря выбору Ивана IV открыть дорогу польской феодальной экспансии на восток, превращались «в движение православного народонаселения... в пользу царя московского»², поскольку исследователь не мог себе представить, чтобы сторонниками царя были не «православные». Религиозные различия, по его мнению, с самого начала обрекали на неудачу все проекты «соединения» между православной Россией и католической Польшей.

В схеме такого видного представителя польской буржуазной науки XIX в., как Ю. Шуйский, русскому национальному духу, которому необъективно приписывалось «завоевательное варяжское начало»³, противостоял польский национальный феномен, отличительными чертами которого были «славянское» стремление к «мирному» распространению своего влияния и склонность к свободе, вплоть до опасного уклонения в анархию. Разумеется, Польша выступала в труде Ю. Шуйского как носитель лучших «моральных» черт западного мира и культуры. Экспансия польских феодалов на восток трактовалась как героическая, хотя и безуспешная, попытка приобщить русский народ к польским «вольностям» и достижениям европейской культуры.

Отмеченные положения не были особенностью взглядов только двух указанных авторов. С различными видоизменениями они продолжали повторяться в работах польских и русских буржуазных исследователей второй половины XIX — начала XX в. Когда отдельные исследователи пытались углубиться в изучение фактического материала, то следование неверным методологическим постулатам не давало им возможности найти действитель-

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, с. 658.

² Соловьев С. М. История России..., кн. III, с. 619, 623.

³ Szujski J. Dzieje Polski, t. III, cz. 1. Lwów, 1864, s. 106.

ные причины событий и тогда, стремясь связать концы с концами, они объясняли все отрицательными (или положительными) качествами отдельных выдающихся личностей. Так, причину отказа белорусских и украинских феодалов XVI в. — с точки зрения официальной русской науки XIX в., лучших посетителей «православного духа», — избрать Ивана IV на трон Речи Посполитой такие исследователи, как, например, М. И. Коялович или Ф. М. Уманец, видели исключительно в дурных личных качествах этого монарха⁴. В свою очередь польские исследователи XIX — начала XX в. связывали причины неудачи польско-литовской интервенции в России с отрицательными личными качествами короля Сигизмунда III⁵. В этом ярко проявилась неспособность буржуазной науки дать объективно научное освещение вопросов межнациональных отношений.

Разумеется, это не означает, что буржуазными исследователями вообще ничего не было сделано. Трудami С. М. Соловьева, Ф. Вержбовского, А. Трачевского, К. Тышковского и других в научный оборот введен обширный документальный материал, но большая часть накопленных фактов так и не подвергалась научному анализу. Был сделан и ряд правильных наблюдений при изучении отдельных конкретных вопросов⁶, но эти наблюдения лишь механически включались в априорную схему исторического развития, как один из ее второстепенных элементов⁷.

Советская и польская марксистская историография отвергла созданные буржуазной исторической традицией мифы о изначально определенном «предназначении» отдельных народов, о мистическом «духе народа», опре-

⁴ Коялович М. И. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884, с. 163—167; Уманец Ф. М. Вырождение Польши. М., 1872, с. 65.

⁵ Ярко такие взгляды отразились в исследовании: *Sobieski W. Żółkiewski na Kremlu*. Kraków, 1920.

⁶ Наиболее ценна констатация польскими буржуазными исследователями того факта, что польская шляхта, поддерживая русского кандидата на польский трон, связывала его избрание со своими планами колонизации русских земель: *Tyszkowski K. Planu unii polsko-moskiewskiej na przełomie XVI—XVII w. — Przegląd współczesny*, 1928, t. XXIV, s. 393.

⁷ Ярким примером может служить работа К. Тышковского (1928), как бы подводящая итоги всему сделанному польской буржуазной наукой.

деляющем весь процесс его развития и взаимоотношений с другими народами, а также вытекающие из них положения о извечных антагонизмах между ними. Этим утверждениям марксистская историография противопоставила свой взгляд на отношения между народами, как на явление историческое, определяемое основными закономерностями социально-экономического развития и классовой структурой контактирующих между собой этнических общностей, различной на разных этапах исторического развития. Тем самым были созданы методологические предпосылки и для объективного научного изучения польско-русских отношений второй половины XVI — начала XVII в., включая интересующую нас проблематику.

Необходимым условием такого изучения был общий критический пересмотр научного наследия и создание новой марксистской концепции общего развития польско-русских отношений эпохи средневековья, что и было сделано в таких изданиях 50-х годов, как коллективный труд советских историков «История Польши» (т. I) и коллективный труд «Historia Polski», вышедший в Народной Польше.

Польская марксистская историография много сделала для показа классового характера восточной экспансии господствующего класса Речи Посполитой, но имеющиеся работы характеризуют пока лишь высший, кульминационный этап в развитии этой экспансии — период польско-литовской интервенции в России начала XVII в., почти не затрагивая предшествующий период⁸.

В отличие от польских исследователей внимание советских историков привлекли к себе главным образом события времен «бескоролевый» в Речи Посполитой 70-х годов XVI в. Здесь следует отметить прежде всего спе-

⁸ См. вступительную статью В. Чаплиньского к кн.: *Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów*. Wrocław, 1961, и его исследование «Propaganda w służbie wielkich planów politycznych» (*Czapliński W.* O Polsce siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966); см. также: *Tazbir J.* Szlachta a konkwistadorzy. Warszawa, 1966; *Maciszewski J.* Polska a Moskwa. 1603—1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. Исключением является лишь небольшая статья С. Грушецкого — «Idea unii polsko-rosyjskiej na przełomie XVI i XVII wieku», (см. в кн.: *Odrodzenie i reformacja w Polsce*, t. XV. Warszawa, 1970), где в основном подводятся итоги изучения данной темы в польской исторической литературе.

циальное исследование саратовского историка Л. А. Дербова, убедительно показавшего связь проектов, выдвигавшихся в эти годы польской шляхтой, с ее классовыми интересами⁹. Касались событий 70-х годов в своих общих исследованиях по истории международных отношений в Восточной Европе XVI в. В. Д. Королюк¹⁰ и И. Б. Греков¹¹. Наблюдения и выводы этих исследователей, рассматривающих изменения русско-польских отношений 70-х годов в связи с изменениями всей системы международных отношений в Европе в целом, представляют большой интерес, но цели специального изучения этих событий авторы не ставили. Таким образом, ни в польской, ни в советской историографии пока не появилось работ, где было бы осуществлено всестороннее рассмотрение очерченного круга проблем в рамках всего хронологического периода в целом.

Неудовлетворительная изученность темы позволяет сформулировать как предварительную задачу настоящего исследования сбор всех фактических свидетельств о политических проектах, выдвигавшихся правящими кругами или отдельными общественными группировками обоих государств, их обсуждении заинтересованными сторонами и попытках их практического осуществления. Внутренний анализ и сопоставление этих свидетельств дают возможность реконструировать имевшие хождение концепции политического развития Восточной Европы и выявить их эволюцию.

Вторая основная задача исследования: выявление стоящих за этими проектами социальных и политических сил, установление, чьим социальным и классовым интересам они соответствовали.

Ее решению должно способствовать освещение на том же комплексе материалов ряда вопросов культурно-исторической проблематики: установление круга знаний каждой из сторон о соседнем государстве, его государственном строе, особенностях населявшего его «народа» (в понимании этого термина средневековыми писателями), а также

⁹ Дербов Л. А. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол в 1572—1576 гг.— Уч. зап. Саратовск. ун-та, 1954. Саратов, т. 39.

¹⁰ Королюк В. Д. Ливонская война. М., 1954.

¹¹ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.

связь выдвигавшихся проектов со сложившимися традициями политической мысли. Думается, что лишь при таком комплексном подходе можно будет в полной мере понять как содержание самих политических концепций, так и породившую их действительность.

Осуществление поставленных задач облегчается наличием широкого круга источников, значительная часть которых еще не была введена в научный оборот.

Здесь прежде всего следует отметить обнаружение неизвестных официальных политических проектов: к двум известным ранее проектам, изложенным в ответе (1573 г.) Ивана IV М. Гарабурде и в инструкциях (1600 г.) «великому» посольству Речи Посполитой, в настоящее время можно добавить текст предложений Ивана IV, переданный в 1575 г. польскому шляхтичу К. Граевскому, и текст проекта унии, врученного польско-литовскому посольству в Москву (1590 г.). Материалы русских посольских книг, использованные С. М. Соловьевым недостаточно, позволяет существенно пополнить наши представления о проекте унии, выдвигавшемся в 1587 г. русским правительством.

О проектах, возникавших в 70-х годах XVI в. в шляхетской среде, и знаниях шляхты о России дает разностороннее представление изданная Я. Чубком в 1906 г. публикация памфлетов и брошюр того времени, к которой неоднократно обращались исследователи, но до сих пор полностью не исчерпали. Для 80-х годов XVI в. это неопубликованные памфлеты и брошюры «бескорольья» 1587 г. Другими важнейшими источниками, позволяющими выявить позиции различных группировок магнатории и шляхты по вопросу об отношении к России, являются постановления «сеймиков» и «дневники» сеймов. Источники этого рода исследователями уже использовались, ряд текстов привлекается для освещения данной проблемы впервые.

Сведения этих двух видов источников существенно пополняют донесения дипломатов: как изданные, так и неопубликованные донесения папских нунциев и русских послов.

Об особой позиции господствующего класса Великого княжества Литовского и прежде всего литовской магнатории позволяют судить обширные материалы переписки литовских магнатов, отложившиеся в ряде архивных соб-

раний Польской Народной Республики и Советского Союза. Значительная часть этих материалов также не была введена в научный оборот.

Для изучения переговоров между сторонами и официального обсуждения выдвигавшихся проектов главным источником являются неопубликованные русские посольские книги с их подробными, протокольного типа записями. Имеющиеся в них пробелы частично позволяют восполнить материалы, отложившиеся в бывшем государственном архиве Великого княжества Литовского — Литовской метрике, а также ряд разрозненных материалов как опубликованных, так и лишь в настоящее время обнаруженных в польских архивохранилищах. Русские посольские книги позволяют также выявить знания и представления русских правящих кругов о внутреннем положении в Речи Посполитой, а материалы более позднего времени, под этим углом зрения не рассматривавшиеся, дают возможность в ретроспективном плане поставить вопрос об отношении к проектам «соединения» между Россией и Речью Посполитой различных кругов русского общества.

Внешнеполитические программы восточноевропейских государств в XV — первой половине XVI в. и Люблинская уния

К концу XIV в. основная масса украинских и белорусских земель вошла в состав Великого княжества Литовского, превратившегося в самую крупную восточноевропейскую державу. Окружавшее великого князя Витовта литовское боярство выдвигало планы создания грандиозного государства, составными частями которого должны были стать, как вассальные политические образования, и княжества Северо-Восточной Руси, и татарские ханства¹. Казалось, что именно деятельность литовского государственного центра в Вильно определит дальнейшие пути развития Восточной Европы. Однако последующие десятилетия не принесли осуществления этих замыслов литовского боярства. Так называемый «вечный мир» 1449 г., по которому бо́льшая часть земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси была отнесена к сфере политического влияния Великого княжества Московского, означал официальное признание литовской стороной того факта, что планы установления ее гегемонии в Восточной Европе потерпели неудачу. С ослаблением Великого княжества Литовского на первый план в борьбе за господство над Восточной Европой стало все более выдвигаться Польское королевство.

Свою программу политического переустройства Восточной Европы руководящий круг польских политиков четко сформулировал уже в конце XIV в. Хотя в то время польскими феодалами на территории Восточной Европы была занята сравнительно небольшая часть украинских земель, их политические планы заходили очень далеко. Уже принимая по акту Кревской унии 1387 г. великого князя литовского Ягайлу на польский трон,

¹ О внешнеполитической программе Витовта подробнее см.: Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 115—116.

польские политики добились включения в акт унии обязательства Ягайлы «присоединить» (*applicare*) Великое княжество к Короне Польского королевства².

В основе этой попытки, как давно уже показано в историографии, лежали стремления польского господствующего класса (прежде всего малопольской группировки) открыть широкие просторы Восточной Европы для своей феодальной колонизации. При этом, чтобы склонить к такому решению литовское боярство, была предпринята попытка заинтересовать эту общественную силу в слиянии с Польшей, демонстрируя ему те сословные преимущества, которыми в XIV в. уже обладал господствующий класс Короны Польской. Привилей Ягайлы 1387 г., распространивший на католическое литовское боярство ряд прав и привилегий польских феодалов, положил начало длительному процессу сближения общественного строя Великого княжества и Польши³, однако планы инкорпорации Великого княжества в состав Короны не удалось провести в жизнь. В середине XV в. отношения между обоими государствами носили характер персональной унии.

Однако неудачи не заставили польских политиков отказаться от своих планов. В этом убеждает и знакомство с отражением польских концепций восточной политики в трудах такого видного польского идеолога и политика второй половины XV в., как Ян Длугош. Следует отметить прежде всего настойчивые стремления обосновать право польских феодалов на те украинские земли, которые во второй половине XV в. входили в состав Польского королевства. Именно под его пером приобретает стройные очертания представление о том, что западная часть русских земель на протяжении XI в. была владением польских князей и только впоследствии, вследствие усобиц они отложились и их население изгнало польских наместников⁴. Попытки Длугоша опреде-

² О государственно-правовом содержании акта Кревской унии и о значении употребленного в нем термина «*applicare*» см.: *Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego (XIV—XVII w.). Białystok, 1970, s. 23—33.*

³ *Bardach J. Studia z ustroju...*, s. 33—36.

⁴ *Joannis Długossii annales seu cronicae incliti regni Poloniae, lib. 1—2. Varsovia, 1964, s. 268—269, 282, lib. 3—4; Varsovia, 1970, s. 100—101, 103—105, 110—113, 161, 167—168.*

лить границы этих территорий показывают, что речь шла при этом и об обосновании иных, гораздо более далеко идущих политических целей. Так, Длугош не только указывает, что завоеванные Болеславом Храбрым земли доходили почти до самого Киева⁵, но и включает в состав своего труда специальный рассказ о том, как Болеслав, следуя примеру Геракла, поставил на месте впадения Сулы в Днепр железные столпы, «существующие и теперь», чтоб определить тем самым восточные границы Польского королевства⁶. Обозначая таким образом границы владений Болеслава, Длугош утверждал право польских феодалов и на те украинские земли, которые во второй половине XV в. входили в состав Великого княжества Литовского.

Обоснованию этих прав служила и картина древнейшей истории восточных славян во вступительной части его труда. Здесь мы находим утверждение, что Киев был основан «одним из польских языческих князей по имени Кий». К такому заключению Длугоша привело отождествление упомянутых в русской летописи киевских «полян» с польским племенем «полян», обитавшим в районе Гнезпа. Однако в представлении Длугоша это было несомненным свидетельством того, что в древнейшие времена в Киеве правила польская княжеская династия. Для хода дальнейших рассуждений Длугоша весьма показательным категорическое утверждение, что Аскольд и Дир, правившие Киевом в середине IX в., — потомки Кия⁷, хотя такого известия нельзя найти в использованных Длугошем русских источниках. Тем самым оказывалось, что польская княжеская династия правила в Киеве до самого прихода варягов. Тот факт, что законные правители были устранены с помощью вероломного убийства, Длугош специально подчеркивает, указывая, что возмездием за это убийство была казнь Игоря древлянами⁸. Очевидны полемическая направленность этого изображения древнейшей русской истории против тезиса о «Русской земле» как «извечной» вотчине рода Рюриковичей и вместе с тем стремление показать особую древ-

⁵ Ibid., s. 269.

⁶ Ibid., lib. 3—4, s. 100—101.

⁷ Ibid., lib. 1—2, s. 111, 121.

⁸ Ibid., s. 122.

ность политических связей между русскими землями и Польшей.

В Восточной Европе, организованной под эгидой Польского королевства, польские политики готовы были отвести определенное место и литовским феодалам, но место все же подчиненное, второстепенное. Не случайно одним из главных лозунгов их восточной политики было требование «втеления» Литвы в состав Польского Королевства. Признавая сложившуюся в литовской правящей среде версию о происхождении литовцев от древних римлян⁹, польский историк тем самым готов был отвести Литве почетное место в семье европейских народов. С другой стороны, несомненно, не было случайностью охотное подчеркивание хронистом факта прежней зависимости Литвы от русских князей, облагавших Литовскую землю данями¹⁰.

При осуществлении своих планов польские политики XV в. не считали нужным принимать в расчет деятельность политических центров на территории Великороссии, упоминания о которых в хронике Длугоша случайны и отрывочны. Однако к концу 70-х годов XV в. отношение польских политиков стало меняться, о чем свидетельствует обширная запись (внесена Длугошем в 1479 г., незадолго перед его смертью¹¹) об освобождении России от татарского ига. Особенно интересен заключительный раздел записи, где излагаются предостережения короля Казимира литовским панам, намеревавшимся начать войну с Россией: русский государь — противник сильный и могущественный, а в будущем конфликте на его стороне будет еще и поддержка «русского» населения Великого княжества, так что, начав войну с Россией, литовские паны добьются скорее своей гибели, чем победы. Эти предостережения, несомненно, — отголосок определенных дискуссий в кругах польских политиков. Они неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, анализировавших приведенный рассказ с разных точек зрения. Для нас он интересен как показатель того, что к концу 70-х годов XV в. польские политики не только зафиксировали сам факт появления на международной арене новой

⁹ Joannis Dlugossii annales..., lib. 1—2, s. 215—216.

¹⁰ Ibid., lib. 5—6. Varsavia, 1973, s. 198.

¹¹ Joannis Dlugossii opera omnia, t. XIV. Cracovia, 1878, s. 697—698.

крупной политической силы, но и вынуждены были серьезно задуматься над тем, какие последствия может иметь этот факт для господства польских и литовских феодалов над белорусскими и украинскими землями.

Вскоре конкретная деятельность великорусского политического центра дала вполне четкий и недвусмысленный ответ на вопросы, вставшие перед польскими политическими деятелями. Уже на исходе XV в. русское правительство выступило на международной арене с четкой программой переустройства Восточной Европы.

Если выдвинутые польскими и литовскими феодалами программы политического переустройства Восточной Европы складывались в обстановке польской и литовской феодальной экспансии на восток и в известной мере служили закреплению уже достигнутых результатов, то политическая программа великорусского политического центра, с одной стороны, была целиком обращена в будущее, а с другой стороны, ее истоки были связаны с весьма древними слоями русской истории. Корни великорусской политической программы следует искать уже в домонгольской владимирской традиции, где понятие о этническом и культурном единстве древнерусской народности сочеталось с представлением о необходимости политического единства «Русской земли», что должны были осуществить владими́ро-суздальские князья¹².

Анализ летописных сводов, возникавших на территории Великороссии в XIV—XV вв., проделанный дореволюционными и советскими исследователями летописания¹³, показывает, что на русском Северо-Востоке прочно сохранялось представление о единстве всей «Русской земли»¹⁴, о главенствующей роли в ней Владимирского

¹² См., например: «Слово о погибели русской земли» где определение границ «Русской земли» («отселе до угор и до ляхов...») сочеталось с утверждением, что «то все покорено было богом... великому князю Всеволоду». *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в. М.—Л., 1965, с. 154—155.

¹³ Здесь прежде всего следует отметить яркую и разностороннюю характеристику политических концепций русских летописцев XIV—XV вв. в монографии: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

¹⁴ Это объяснялось, конечно, не только основательным знанием предшествующей традиции, но и сохранением в XIV—XV вв., несмотря на возникшие политические барьеры, глубоких и разнообразных связей между отдельными русскими землями.

(затем Московского) центра и резко осуждались захваты отдельных русских княжеств иноземными правителями¹⁵.

В условиях, когда сама Великороссия была политически раздробленной, не было возможности подкрепить это осуждение такими конкретными действиями, которые могли бы положить конец польской и литовской феодальной экспансии. Следует отметить, однако, что по мере того как объединение русских земель вокруг Москвы стало вступать в свою заключительную стадию, в русском обществе начал расти интерес к историческим судьбам тех частей «Русской земли», которые находились под иноземным господством. Резкое увеличение материала по истории южной Руси в составе древнерусских сводов второй половины XV в., как показал А. Н. Насонов, было связано «с новой политической ситуацией», складывавшейся после объединения Великороссии, «с открывавшимися перспективами борьбы за возвращение западных и юго-западных земель»¹⁶.

Объединение большей части великорусских земель вокруг Москвы дало возможность великорусскому государственному центру уже в начале 90-х годов XV в. поставить вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель как конкретную политическую задачу. Об этом говорят такие факты, как принятие Иваном III официального титула великого князя «всех Руси»¹⁷ и внесение в текст русско-австрийского договора 1490 г. обязательства австрийской стороны оказывать помощь Ивану III, когда он начнет борьбу за включение в состав Русского государства княжества Киевского, которое «за собою держит Казимир, король польский и его дети, нашего государства русских земель»¹⁸. В результате последовавших на ру-

¹⁵ См. например, оценки, содержащиеся в записях летописных сводов о походе Казимира на Галицкую Русь в 1349 г. или о взятии Витовтом Смоленска в 1405 г.

¹⁶ Насонов А. Н. История Русского летописания (XI — начало XVIII в.), гл. VII. М., 1969.

¹⁷ Из великокняжеской канцелярии грамоты с этим титулом начинают выходить с 1479 г. (Кучкин В. А. О времени написания Буслаевской псалтири.— В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 223—224); в дипломатических документах он появляется в 1493 г. (Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, с. 305, 317).

¹⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стб. 37.

беже XV—XVI вв. русско-литовских войн в состав Русского государства вошли значительная часть Смоленщины и большая часть Левобережной Украины. При этом в борьбе за воссоединение этих территорий русское правительство активно поддерживала значительная часть местных феодалов, не говоря уже о других группах населения.

По-видимому, под воздействием этих успехов русское правительство приняло решение публично заявить на международной арене, что главной задачей его политики в Восточной Европе является объединение под властью московских великих князей всей государственной территории древнерусской народности. На мирных переговорах 1503 и 1504 г. русские дипломаты заявили, что не может быть подписан «вечный мир» с Великим княжеством, пока под властью литовских князей остаются русские земли, «отчина» предков русского государя. «Ано не то одно наша отчина,— заявляли русские представители от имени Ивана III,— кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города... з божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»¹⁹. В употребленное здесь понятие «отчины», как справедливо указывает К. В. Базилевич, вкладывается одновременно и «этнографический и историко-политический смысл». С историко-политической точки зрения «отчина» Ивана III — это земли, принадлежавшие его «прародителям». Это воззрение типично для средневековой патримонической идеологии, не проводившей различия между родовой собственностью и государственной территорией.

Однако оно приобретало иное содержание, когда «вотчина» прародителей отождествлялась с этнографическим понятием «Русская земля», т. е. территорией, заселенной восточными славянами. Заявляя, что «вотчиной» Ивана III является Русская земля, «вотчиной» литовских князей — Литовская земля, а вотчиной польских королей — Польша, русские государственные деятели по существу ставили вопрос о необходимости привести в соответствие политические и этнографические границы в Восточной Европе²⁰. То, что при этом на первый план

¹⁹ Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, с. 460.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 509, 540—541.

выдвигались не этнографические, а политико-правовые моменты, следует объяснять как устойчивостью патримониальных представлений в русской сословной монархии, лишь вступавшей в процесс своего формирования, так и самим характером межгосударственных контактов, носивших в то время форму персональных отношений между государями и династиями. Не подлежит, однако, сомнению, что для русских политиков и идеологов XVI в. имели важное значение оба указанных фактора²¹, разумеется, не противореча друг другу, а находясь между собой в полном соответствии. В первых десятилетиях XVI в. в русской правительственной среде появились сочинения, дававшие дополнительное обоснование русской внешнеполитической программе.

Здесь прежде всего следует назвать Сказание о великих князьях Владимирских — памятник, возникший, как показала Р. П. Дмитриева, в первые десятилетия XVI в.²² Исходя из тезиса, что Русская земля — «извечная» вотчина Рюриковичей, авторы Сказания подчеркивали особую древность этой династии, восходящей к римскому императору Августу, который некогда «обладал» всей вселенной. Этим подчеркивались особые права на власть московского великокняжеского рода и его особо почетное положение среди европейских династий. Право на это особое положение давал русским монархам и их царский титул, унаследованный от византийских императоров вместе с некогда принадлежавшими Августу регалиями. Тем самым, утверждая особое положение русского государя как наследника древних империй и династий, составители легенды не только укрепляли внутри страны представление об особой древности и высоком престиже «царской» власти, но и пытались обосновать особое место России в системе европейских государств, что должно было облегчить борьбу за воссоединение утраченных территорий.

²¹ В памятниках русской общественной мысли XVI в. проводится достаточно ясное разграничение между понятиями «Русская земля» и «династия». Так, составители «Степенной Книги», ссылаясь на житие Стефана Сурожского, писали, что «и прежде Рюрика пришествия в Словенскую землю не худа бяше держава Словенского языка, воинствоваху бо и тогда на многия страны». ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, с. 63.

²² Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955.

Если это произведение все же лишь опосредственно связывалось с русской программой политического развития Восточной Европы, то ее непосредственному обоснованию было посвящено Родословие литовских князей, обрзовывавшее фактически одно целое со Сказанием о князьях Владимирских²³. Согласно этому памятнику, род литовских князей вел свое происхождение от «служебника» одного из смоленских княжат Гедимиша, который был послан великим князем Юрием Даниловичем за Днепр «имати дани царския». Пользуясь обстановкой смуты, Гедимин присвоил себе собранные средства и, наняв на них «множество людей», сумел стать великим князем на Литве «русских князей несъгласьем и междуусобными браньми». Правда, дети Гедимиша старались поддерживать хорошие отношения с московскими князьями, неоднократно получали от них помощь и приняли православие, но уже его внуки Витовт и Ягайло перешли в «римскую веру», стали водить дружбу с «безбожным Мамаем» и нападать на русские земли. В итоге Витовт «заруби Киев и Чернигов и взят Брянск и Смоленск и приступиша к нему всеи князи пограничныа с вотчинами от Киева да же и до Фоминьского»²⁴.

Таким образом, оказывалось, что на занятые ими русские земли литовские великие князья не имеют никаких прав, поскольку сама княжеская власть была приобретена их родоначальником на украденные у московских князей деньги, а их потомки воздали черной неблагодарностью за оказанные им благодеяния и изменили истинной вере. При этом история происхождения литовских князей составляла резкий контраст с рассказом о происхождении Рюриковичей. Одновременно сам захват русских земель литовскими князьями передвигался в эпоху как можно более позднюю — времена Витовта.

Сформулированная в Родословии версия происхождения литовских князей недолго сохраняла свой официальный характер. Она слишком чувствительно затрагивала интересы московских князей и бояр — потомков Гедимиша — и поэтому в начале 40-х годов XVI в. была заменена иным рассказом, по которому Гедиминовичи при-

²³ Дмитриева Р. П. Сказание..., с. 73—109.

²⁴ Дмитриева Р. П. Сказание..., с. 179—181, 201—204; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 73—75.

знавались потомками полоцких князей. Однако и в этом рассказе в полной мере сохранялся тезис о незаконности власти Ягеллонов над белорусскими и украинскими землями, поскольку полоцкие князья — предки Гедимина — были, по новой версии, князьями-«изгоями», лишенными за измену своей доли в «Русской земле»²⁵. Одновременно с еще большей силой стал звучать мотив о захвате русских земель Гедиминовичами с помощью «измены». В заявлениях русских дипломатов подчеркивалось, что «зашли... нашу отчину великие князья литовские неправдами», «израдою засел был Смоленск Витофт и Северу»²⁶. Понятие «израды» было более детально раскрыто в специальном заявлении, где указывалось, что «предки государей наших, которых слуг своих жаловали города, и они в их государские невзгоды изменным обычаем отъезжали и с теми города ко государей ваших предком»²⁷.

Одновременно с поисками историко-правового обоснования уточнялись и границы той территории в Восточной Европе, которую русские правящие круги рассматривали как «отчину» династии Рюриковичей. До середины столетия русские политики предъявляли свои права лишь на территории, входившие в состав Великого княжества (Киев, Волынь, Полоцк, Витебск), и, хотя при этом упоминались и «иные города», их местоположение точно не определялось²⁸. На мирных переговорах 1563—1564 гг. это понятие было конкретизировано²⁹: в составленный русскими дипломатами список городов были включены все основные центры захваченной польскими феодалами Галицкой земли. Включение в список наиболее западного города этой земли — Перемышля ясно показывает, что русское правительство открыто объявило целью своей внешней политики возвращение всех занятых польскими феодалами западноукраинских земель.

Ликвидация феодальной раздробленности Велико-россии и появление на международной арене новой мощной

²⁵ Подробнее об этом см.: *Флоря Б. Н.* Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI века.— В кн.: *Восточная Европа в древности и в средневековье* (в печати).

²⁶ Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, с. 579; Сб. РИО, т. 71. СПб., 1899, с. 240.

²⁷ Там же, с. 108.

²⁸ Там же, т. 35, с. 579—580, 627, 652; т. 59, с. 74—75, 79, 154—155, 274—276, 572.

²⁹ Там же, т. 71, с. 260.

державы — Русского государства, способного померяться силами не только с Литвой, но и с Польшей, выдвижение русским правительством внешнеполитической программы, предусматривавшей полную ликвидацию политического господства польских и литовских феодалов на белорусских и украинских землях и его попытки проводить эту программу в жизнь — все это в корне изменило политическую ситуацию в Восточной Европе и наложило отпечаток на дальнейшую эволюцию польских и литовских концепций политического устройства данного региона. Сдвиги в политическом развитии Восточной Европы во второй половине XV — начале XVI в. означали крушение всей литовской внешнеполитической концепции. Сами литовские политики понимали ее нереальность в той обстановке, когда старая политическая структура Северо-Восточной Руси безвозвратно ушла в прошлое и вместо раздробленных княжеств Литве противостояло единое Русское государство. В этих условиях содержание литовских внешнеполитических планов изменилось: программой-минимум стало возвращение земель, потерянных в русско-литовских войнах конца XV — начала XVI в., а программой-максимум — ослабление Русского государства за счет отрыва от него ряда важнейших территорий. Характерно, что при заключении союза между Литвой и Крымом в 1506—1507 гг. хан Менгли-Гирей как наследник золотоордынских владык, следуя пожеланиям литовских политиков, «придал» «к Литовскому столцу» Новгород, Псков и Рязань³⁰. Правда, в последующих документах Рязань как «литовская земля» не фигурирует, но притязания на Новгород и Псков стали с начала XVI в. постоянной частью литовской внешнеполитической программы³¹.

Однако осуществление и этой гораздо более ограниченной, чем планы Витовта, программы было не по силам Великому княжеству. В войнах первых десятилетий XVI в. литовские феодалы не добились реальных успехов. Отражением военно-политической слабости Литвы были предложения литовских представителей на переговорах в середине XVI в. заключить «вечный мир» с Рос-

³⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II. СПб., 1848, № 6, с. 5.

³¹ Сб. РИО, т. 35, с. 579—580, 627, 652; т. 59, с. 74—75, 274—276 и др.

сией, если им будет возвращена хотя бы часть утраченных территорий³².

Более того, даже сохранить свои прежние позиции Великому княжеству удавалось в значительной мере благодаря получению постоянной военной помощи из Польши. Это объективно усиливало зависимость Великого княжества от польских феодалов и побуждало последних к возобновлению попыток «инкорпорации» Великого княжества в состав Польской Короны. Эволюцию польских политических концепций в этих условиях можно проследить, сопоставляя хронику Я. Длугоша с сочинениями таких историков XVI в., как М. Меховский и М. Кромер.

Несомненно, при сравнении обнаруживается тесная текстуальная и идейная преемственность между сочинениями указанных авторов. Правда, представления Я. Длугоша о происхождении и родстве славянских народов, как не соответствующие более научным взглядам на происхождение народов, распространявшимся с быстрым развитием ренессансной науки в Европе вообще и в Польше в частности, были в основном оставлены³³. Однако главный тезис о том, что украинские земли — старое владение польских королей эпохи Болеслава Храброго, полностью перешел на страницы последующих трудов. Дипломат и советник Сигизмунда II М. Кромер не только воспроизвел в своем сочинении рассказ Длугоша о строительстве пограничных столпов на Суле³⁴, но и нашел нужным отметить в повествовании о походе Казимира на Галицкую землю в 1349 г., что речь шла о возвращении в состав Польского королевства его старых земель, потерянных в период феодальной раздробленности³⁵.

Но наряду с преемственностью следует выделить ряд новых моментов в общих исторических конструкциях польских историков. Это прежде всего резкое повышение удельного веса восточноевропейских проблем. Если у Длугоша «Московия» появилась на последних страницах его труда внезапно, вне связи с первоначальным замыслом автора, то в Хронике М. Кромера, изданной в 1557 г., уже во вступительной части труда особая глава посвяще-

³² См., например: Сб. РИО, т. 59, с. 276.

³³ У М. Меховского эти рассуждения еще есть, но в Хронике М. Кромера они уже отсутствуют.

³⁴ *Kromer M. Kronika polska. Sanok, 1857, s. 170.*

³⁵ *Ibid., s. 602—603.*

на истории возникновения Московского государства и характеристике соотношения между «Московским» народом и народом «Русским»³⁶. При этом автор не пожалел усилий для доказательств, что возвышение Москвы относится к самому недавнему времени, а до этого она была одним из незначительных русских княжеств. Появление такой главы в Хронике ясно говорит о понимании ее автором того, что без каких-то сведений о «Московии» нельзя дать читателям полную картину современного развития. Это — показатель смещения сферы интересов польской правящей элиты на Восток. Новым является и еще более решительная, чем у Длугоша, солидаризация с литовской внешнеполитической программой, попытки ее историко-правового обоснования. Так, в своем Трактате о двух Сарматиях М. Меховский в полном противоречии с реальной действительностью поместил описание Новгорода и Пскова в том разделе, где описывались земли Великого княжества Литовского³⁷, а в перечень земель, утраченных Великим княжеством на рубеже XV—XVI вв., включил Можайск³⁸ — владение московских князей с XIII в. Претензии на этот город литовские дипломаты стали публично выдвигать через 40 лет после выхода труда Меховского³⁹ и едва ли не под влиянием знакомства с его сочинением.

Отмеченные положения позволяют утверждать, что на протяжении первой половины XVI в. происходит сближение польской и литовской внешнеполитических программ. Мощным фактором, ускорявшим это сближение, было сознание того, что политическая деятельность великорусского политического центра не только может привести к утрате тех украинских земель Великого княжества, которые в Кракове давно рассматривались как ближайший объект польской феодальной экспансии, но и ставит под угрозу господство польских феодалов на давно захваченных ими территориях западной Украины. Уже М. Кроммер в 1557 г. сообщал своим читателям, что московские князья приняли титул «всея Руси»⁴⁰ и добиваются пе-

³⁶ *Kromer M. Kronika...*, s. 28—30.

³⁷ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, с. 106—108.

³⁸ Там же, с. 105.

³⁹ Сб. РИО, т. 71, с. 369.

⁴⁰ *Kromer M. Kronika...*, s. 30.

редачи им «всего панства русского по реку Березину»⁴¹, а в 1564 г. Я. Кохановский упоминал в своем «Сатире» как об общеизвестном факте: «Moskiewski wziął Połocko i listy wywodzi. Ze prawem przyrodzonym Halicz nań przychodzi»⁴² («Московский взял Полоцк и доказывает в своих грамотах, что Галич принадлежит ему по наследству»).

Однако солидарность с Литвой по этим вопросам определяла лишь одну сторону польской позиции. Знакомство с рассказами хронистов о русско-литовских войнах конца XV — начала XVI в. позволяет выявить такую черту польской историографии первой половины XVI в., как стремление подчеркивать военные неудачи Великого княжества, его неспособность самому дать отпор могучему противнику⁴³. Назначение этих высказываний раскрывается при обращении хронистов к рассказу о войнах Великого княжества в прошлом. Здесь мы читаем, что походы Витовта на Новгород и Псков закончились неудачно, когда он опирался лишь на собственные силы и, наоборот, он добился подчинения новгородцев и псковичей и обложил их тяжелыми даями, когда к нему пришла помощь из Польши⁴⁴.

Эти оценки ясно показывают, что польские политики хорошо понимали тяжелое положение Великого княжества, необходимость для него польской помощи, и это заставляло их снова ставить вопрос о реализации намеченных еще в XIV в. планов. При этом они рассчитывали использовать притягательность для шляхты Великого княжества польской модели общественного устройства. Не случайно М. Кроммер, говоря о походах Казимира Великого на Галицкую землю, специально отметил, что местным феодалам было дано польское право и после этого «русские края никогда... от поляков не отпадают»⁴⁵.

⁴¹ *Kromer M. Kronika...*, s. 1346.

⁴² *Kochanowski J. Dzieła polskie*. Warszawa, 1972, s. 66.

⁴³ Ограничимся здесь одним, но весьма показательным примером: в текст предостережений Казимира, заимствованный у Длугоша, Кроммер вставляет слова о том, что Литва «из-за того, что долго не воевала, измельчала и изнежилась» (*Kromer M. Kronika...*, s. 1296).

⁴⁴ *Kromer M. Kronika...*, s. 869—874.

⁴⁵ *Ibid.*, s. 605.

Если зарождение концепций политического переустройства Восточной Европы было связано с началом польской и литовской феодальной экспансии на восточнославянские земли, если перестройка этих концепций была вызвана затем образованием Русского государства, то следующей важной вехой политического развития Восточной Европы оказалась Люблинская уния 1569 г.

Между польской и советской историографией нет серьезных разногласий в определении конкретных причин, которые привели к заключению унии, и ее значения в истории Восточной Европы⁴⁶. Новые неудачи, постигшие Великое княжество в период Ливонской войны (утрата Полоцка в 1563 г. и др.), повысили его заинтересованность в поддержке Короны, еще раз наглядно показав всем слоям литовских феодалов, что без активной помощи со стороны Польши они не могут сохранить свои позиции в Восточной Европе. Одновременно усилившийся в Великом княжестве конфликт между магнатерией и шляхтой, добивавшейся своего уравнивания в сословных правах со знатью, привел к тому, что широкие круги феодалов Великого княжества стали активно добиваться унии с Польшей также потому, что они рассчитывали приобрести те же сословные права, что и шляхта Короны, где уже давно было установлено сословное равенство всех представителей господствующего класса.

В этих условиях, используя невыгодное для Великого княжества международное положение и притягательность своей модели общественного устройства для литовских, белорусских и украинских феодалов, польские политики сумели реализовать свою концепцию унии Короны Польской и Великого княжества Литовского, целью которой было удовлетворение старых устремлений польского господствующего класса. Правда, полной «инкорпорации» Литвы не произошло и Великое княжество продолжало и далее существовать как особый политический организм, но самым актом унии польским феодалам было предоставлено право приобретать владения на его территории. Что касается украинских земель Великого княжества, давно привлекавших польских феодалов, то они при за-

⁴⁶ См.: История Польши, т. I. М., 1956, с. 188—189; История Украинской ССР, т. I. Киев, 1969, с. 155—156; Historia Polski, t. I, cz. II. Warszawa, 1960, s. 251—254.

ключении унии были отделены от Великого княжества и включены непосредственно в состав Польского Королевства. Тем самым были устранены все ранее существовавшие барьеры на пути колонизации польскими феодалами белорусских и украинских земель. Вместе с тем, хотя уния была по форме равноправным соединением двух политических организмов, переход украинских земель в состав Короны фактически закрепил ее руководящую роль во всем политическом организме нового государства — Речи Посполитой, ее решающий перевес над сильно сократившимся по своей территории Великим княжеством.

Характерной чертой этого нового государства было минимальное число общегосударственных институтов. Обе его составные части — Литва и Корона — сохранили каждая особую систему должностей, особую армию и финансы. Единственными общегосударственными институтами были королевская власть и высший орган законодательной власти — сейм. Причина такой неразвитости общегосударственных институтов заключалась в том, что устойчивость всего государства в целом обеспечивалась иными средствами.

Здесь следует особенно подчеркнуть тот, в настоящее время общепринятый тезис, что объединение произошло на базе распространения на литовских, белорусских и украинских феодалов всех тех прав и привилегий, которыми пользовалась в Короне польская шляхта. Тем самым обеспечивалась руководящая роль в новом политическом организме польских феодалов, чья модель общественного устройства, культура, язык становились образцом для подражания, создавались условия для полонизации и католичивания белорусских и украинских феодалов. Мощным катализатором этих процессов была польская феодальная колонизация. Одновременно, поскольку ни в одной из соседних стран господствующий класс не обладал такой суммой прав и привилегий ни по отношению к народным низам, ни по отношению к государственной власти, однородный юридический статус господствующего класса придал Речи Посполитой определенную прочность еще до того, как с завершением процессов полонизации и католичивания белорусских и украинских феодалов в XVII в. единство этого политического организма было скреплено дополнительно общностью языка и этнического самосо-

знания, веры подавляющей части его господствующего класса.

Разумеется, эти сдвиги, означавшие серьезное ухудшение и социального положения, и условий национально-го развития белорусских и украинских народных масс, в дальнейшем привели к возникновению мощного народно-освободительного движения, потрясшего все государственное здание Речи Посполитой и открывшего дорогу к воссоединению Украины с Россией. Однако полное развитие это движение получило лишь через много десятилетий после заключения Люблинской унии. Во второй половине XVI в. оно лишь зарождалось и пока не принималось во внимание феодальными политиками восточно-европейских стран как первостепенный политический фактор. В этот период единственной силой, решавшей вопрос о будущем Речи Посполитой, был ее господствующий класс.

Для судеб русской внешнеполитической программы заключение унии имело большое значение. Серьезные трудности на пути к осуществлению этой программы наметились уже в первых десятилетиях XVI в. Исход восстания М. Глинского (1508 г.), а затем борьбы за Смоленск (1512—1514 гг.) ясно показали, что в отличие от ситуации рубежа XV—XVI вв. лишь незначительная часть господствующего класса Великого княжества проявила стремление к политическому сотрудничеству с Россией. Причины такой позиции основной массы господствующего класса белорусских и украинских земель Великого княжества до сих пор недостаточно выяснены: думается, тут сказалась и готовность литовского правительства нарушить монополию собственно литовских феодалов на «уряды», привлекая на важнейшие государственные посты представителей «русских» православных родов (Острожских, Ходкевичей и др.), и далеко зашедшее в первой половине XVI в. сближение государственного строя Великого княжества с моделью польского общественного устройства, что, несомненно, вызывало у белорусских и украинских феодалов опасения за судьбу своих сословных прав в Московском государстве, где эти права были гораздо более скромными.

Правда, в широких народных массах стремление к воссоединению с Россией сохранялось, что нашло свое выражение, например, в действиях смоленского «мещан-

ства», активно способствовавшего сдаче Смоленска войскам Василия III. Однако в феодальном обществе решающее значение имела позиция господствующего класса, и его отрицательное отношение к идее «соединения» с Россией бесспорно снижало шансы на практическое осуществление русской внешнеполитической программы в XVI в. После происшедшего в 60-х годах XVI в. нового сближения модели общественного устройства Великого княжества с моделью общественного устройства Польши еще более уменьшались возможности осуществления «соединения» с Россией на основе принятия украинскими и белорусскими феодалами русской программы «соединения». Действия украинских феодалов, не оказавших никакого сопротивления включению украинских земель в состав Польского королевства, ясно показывают, как это давно отмечалось в историографии, что они решительно отдали предпочтение своим сословным и классовым интересам перед национальными.

В исторической перспективе именно эту сторону унии следует расценить как наиболее существенную для последующих судеб русской внешнеполитической программы. Однако этот аспект унии стал ясен для русских политиков лишь со временем. В момент же заключения унии и первые последующие за этим годы русское правительство расценивало ее прежде всего под углом конкретного соотношения сил в Восточной Европе.

Следует отметить, что отход феодалов Великого княжества с начала XVI в. от активной борьбы за воссоединение не заставил русское правительство отказаться от своих планов, о чем свидетельствуют и его упорный отказ заключить с Великим княжеством «вечный мир», и дальнейшая конкретизация к середине XVI в. русской внешнеполитической программы отнюдь не в духе ее ограничения какими-то минимальными уступками, и, наконец, Полоцкий поход Ивана IV в 1563 г. И это понятно. Если на быстрое воссоединение всех белорусских и украинских земель нельзя было рассчитывать, то все же, как показывал опыт, можно было, ведя планомерную и упорную борьбу, постепенно отвоевывать у Великого княжества одну территорию за другой — Смоленск в 1514 г. при Василии III, Полоцк при Иване IV в 1563 г. По мнению В. Д. Королюка, «в лице Литвы Русское государство имело сильного противника... однако до тех пор, пока налицо

были польско-литовские разногласия... успех был возможен»⁴⁷.

Но положение могло радикально измениться, если бы к Великому княжеству присоединилось и стало гарантом сложившейся системы отношений Польское королевство. Русское правительство стремилось избежать такого развития событий. С этой точки зрения весьма характерно поведение Ивана IV при взятии Полоцка, когда, отправив в московский плен литовских вельмож, царь любезно приказал отпустить находившиеся в городе отряды поляков, одарив их шубами⁴⁸. Как справедливо отметил В. Д. Корольюк, данный политический акт свидетельствовал о стремлении «предотвратить вмешательство Польши в русско-литовский конфликт или, во всяком случае, отсрочить его»⁴⁹.

И позднее вопрос о позиции Польши по отношению к русско-литовскому конфликту продолжал волновать русских политиков. В инструкциях ездивших в Литву русских дипломатов на всем протяжении 60-х годов постоянно предписывалось выяснить, «польские люди с литовскими людьми в одиначество посмолвились ли» и «заодин ли им королевы земли оберегати»⁵⁰. Правда, когда уния стала фактом и в Москву прибыло первое польско-литовское посольство, царь демонстративно заявил послам, что он не придает никакого значения этому событию: ведь владения Сигизмунда II — Корона и Литва «как преж сего были за предки его от короля Ягайла, так и ныне за ним, а новины тут никакие нет»⁵¹. Отчасти это заявление было правдой: царю, в воззрениях которого господствовали патримонические представления о взаимоотношениях подданных и монарха, был, вероятно, во многом непонятен смысл происшедших событий, тем более что и поступавшие в Москву информации⁵² никак не отражали публично-правового характера унии. Однако эти сообщения весьма точно информировали о том аспекте унии, который был для русского правительства наиболее существенным:

⁴⁷ Корольюк В. Д. Ливонская война. М., 1954, с. 53.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1910, с. 363—364.

⁴⁹ Корольюк В. Д. Ливонская война, с. 60.

⁵⁰ Сб. РИО, т. 71, с. 155, 327, 464—465.

⁵¹ Там же, с. 646.

⁵² См.: там же, с. 625 (сообщение в феврале 1570 г.), с. 804 (июнь 1571 г.).

Литва и Корона договорились «на том, что им стояти ото всех украин заодин: Ляхом Литве пособляти, а Ляхам Литве пособляти без пенезей»⁵³. Из этого следовало, что в случае возобновления войны на стороне Великого княжества выступят не только отдельные наемные отряды поляков, но и все военные силы Польского королевства. Этого русское правительство при дальнейшем планировании своего внешнеполитического курса никак не могло игнорировать. В условиях, когда России, которая вела уже к этому времени войну со Швецией в Прибалтике и отражала агрессию Османской империи, противостояли соединенные силы Короны и Литвы, путь вооруженной борьбы не мог принести значительных успехов. Новая обстановка, сложившаяся после Люблинской унии, ставила ее перед необходимостью искать иных, прежде всего политических решений проблемы воссоединения украинских и белорусских земель.

Наметившиеся после Люблинской унии изменения в соотношении сил в Восточной Европе не остались, конечно, незамеченными и польско-литовскими политиками. Не случайно уже на самом Люблинском сейме 1569 г. некоторые члены литовской рады, такие, как Ян Ходкевич и князь Роман Сангушко, призывали разорвать мирные переговоры с Россией, доказывая, что «никогда не будет лучшего времени [чтобы идти] на Московского»⁵⁴, однако большинство участников сейма не одобрило этих предложений.

У литовских сенаторов были серьезные причины для того, чтобы уклоняться от возобновления военных действий. Даже для блока Литвы и Короны Русское государство было сильным противником, успех в войне с которым потребовал бы от обоих государств большого напряжения сил. Как показывал опыт, в этом случае главной ареной военных действий стали бы белорусские земли Великого княжества, уже и без того опустошенные идущей с 1562 г. войной. Подвергать свои владения риску нового разорения литовские магнаты не хотели. Кроме того, потерпев серьезное политическое поражение при заключении унии, они имели основания для опасений, что возобновление войны

⁵³ Т. е. одна сторона не должна платить другой за оказанную ей военную помощь.— Там же, с. 625.

⁵⁴ Дневник Люблинского сейма 1569 года. СПб., 1869, с. 499—501.

может быть использовано для дальнейшего ограничения территории Великого княжества и ослабления позиций магнатории. Ведь на самом Люблинском сейме часть шляхетских послов из Литвы под лозунгом успешного продолжения войны выставила требование вернуть в казну заложенные магнатам имения и обратить поступающие с них доходы на оборону государства⁵⁵. Неудивительно, что в этих условиях литовские политики склонялись к тому, чтобы добиваться достижения своих целей на востоке с помощью политических средств, тем более что уния с Коронай давала им на будущих переговорах существенные преимущества.

По иным мотивам склонялись к аналогичному решению польские политики. Своего опыта политических контактов с Россией у них не было, и проблема отношений с ней реально встала перед ними лишь после заключения унии и включения украинских земель в состав Польского королевства, что сделало Корону непосредственным соседом Русского государства. Неудивительно поэтому, что эту новую проблему они склонны были рассматривать через призму всей обширной традиции польско-литовских политических контактов. Люблинская уния была ярким свидетельством того, какие значительные результаты может приносить политика «мирной» экспансии на Восток путем династических соглашений, уний и постепенной колонизации. После Люблинской унии у польских политиков появились надежды на то, что и отношения с Россией можно будет в будущем урегулировать теми же методами, что и отношения с Великим княжеством. Сообщения о внутриполитических осложнениях в России, как увидим далее, служили основанием для расчетов на то, что удастся использовать особенности польской модели общественного устройства, чтобы привлечь к польским концепциям унии русское дворянство.

В этих условиях возникли новые проекты политического переустройства Восточной Европы.

⁵⁵ Там же, с. 60.

Проекты политического переустройства Восточной Европы на рубеже 60-х — 70-х годов XVI в.

Новые проекты были реакцией на перегруппировку политических сил в Восточной Европе, но в акте Люблинской унии эта перегруппировка получила лишь свое завершение. Перемены, ведущие к этому финалу, выступили, однако, достаточно ясно уже в начале 60-х годов и тогда же были четко отмечены всеми заинтересованными сторонами. К этому же времени относятся и первые упоминания о проектах перестройки политической структуры Восточной Европы, которые появились почти одновременно в России и в Великом княжестве.

Русские политики в значительной мере исходили из того, что Ягеллоны были не наследственными, а выборными монархами. Тем самым логически открывалась возможность объединения всей Восточной Европы под властью московского государя путем его «вынесения» на занимавшиеся Ягеллонами троны. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже в начале XVI в., когда после смерти Александра Ягеллончика в 1506 г. Василий III обратился к виленскому епископу и панам-радам с предложением, «чтоб они похотели его на государство Литовское»¹. Показательно, что речь шла об избрании Василия III лишь на великокняжеский литовский стол, хотя со смертью Александра стал вакантным также и польский трон. После «вынесения» Сигизмунда I на литовский и польский троны в том же 1506 г. этот вопрос отпал, а наследник Сигизмунда I — Сигизмунд-Август — был «вынесен» на литовский трон и затем коронован на Вавеле еще при жизни отца. Однако вопрос снова стал актуальным в середине XVI в., когда в Москву начали поступать известия о тяжелой болезни бездетного Сигизмун-

¹ Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, с. 481—482.

да II², а литовские послы во время переговоров (в 1560 г.) о браке между Иваном IV и сестрой Сигизмунда Екатериной позволили себе намекнуть, что благодаря этому браку царь может унаследовать литовский трон после смерти короля³.

Первые практические шаги в поисках путей к литовскому трону были предприняты в 60-х годах, после начала войны между Россией и Литвой. С этой целью Иван IV воспользовался пребыванием в Москве одного из наиболее знатных литовских аристократов, «воеводича виленского» Яна Глебовича, попавшего в плен к русским войскам после взятия Полоцка в 1563 г. Отпуская в середине 60-х годов Яна Глебовича из плена, царь взял с него присягу помогать осуществлению его династических планов⁴.

В мае 1566 г. в Москву прибыл «человек» Яна Глебовича Шиллинг с грамотой на имя кн. И. Ф. Мстиславского⁵. На обратном пути Шиллинг был арестован по приказу жмудского старосты Яна Ходкевича и подвергнут пыткам по обвинению в том, что он договаривался об «отъезде» Яна Глебовича в Москву. Арест и пытки угрожали также самому Яну Глебовичу, но за него вступился соперничавший с Яном Ходкевичем за власть в Великом княжестве виленский воевода Миколай Радзивилл Рыжий. Со своей стороны Ян Глебович поспешил информировать короля о тех обязательствах, которые он был вынужден взять на себя, выезжая из Москвы. Запись этих обязательств стала в дальнейшем одним из главных пунктов обвинений, выдвигавшихся Яном Ходкевичем против «воеводича». Конец разбирательству положил королевский «декрет», по которому было признано, что Ян Глебо-

² См., например, сообщение 1556 г. Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, с. 530—531.

³ «А то, кто ведает, как будет пригода государю вашему: будет лучитца на то же, как и тогда при Ягайле». Смысл намека разъясняется при сопоставлении с предшествующей фразой, где говорится о том, как Ягайло «понял королеву польскую» и благодаря этому стал польским королем (Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, с. 39).

⁴ В 1587 г., выставляя свою кандидатуру на польский трон, царь Федор в грамоте к Яну Глебовичу просил последнего «своеи правды не порушить, на чем еси отцу нашему и нам правду дал». ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 17, л. 50.

⁵ О поездке Шиллинга см.: Сб. РИО, т. 71, с. 338—340, 805.

вич является «добрым и верным подданным» Сигизмунда II⁶. Поскольку при этом подчеркивался вынужденный характер присяги, а содержание представленного Яном Ходкевичем документа не подвергалось сомнению, можно полагать, что сохранившаяся запись⁷ довольно точно передает обязательства, которые взял на себя Ян Глебович.

Ян Глебович должен был «приводить» троцкого воеводу М. Радзивилла Рыжего, подскарбия земского и маршалка надворного О. Воловича, а также старосту жмудского Яна Ходкевича к тому, «абы они служили великому князю московскому». «Служба» эта должна была состоять в том, чтобы указанные магнаты «ниоткуда пана себе достать не хотели, кроме его рода, то есть его самого и детей его» и после смерти Сигизмунда II «взяли сына его за пана». Для продолжения переговоров Иван IV намеревался направить к литовским вельможам своего тайного «посланца» и Ян Глебович должен был добиться от них гарантий, чтобы с этим посланцем «ничего не учинили никакой хитростью»⁸⁻⁹. Свидетельство присяги ясно показывает, что к середине 60-х годов в Москве уже сложился конкретный план действий на случай смерти Сигизмунда II. Он состоял в том, чтобы занять литовский великокняжеский стол по соглашению с группой ведущих литовских магнатов. Выдвижение такого плана в условиях, когда в Великом княжестве в 60-х годах XVI в. проходили реформы, значительно ограничивавшие привилегии аристократии в пользу широких слоев шляхты¹⁰, может вызвать удивление. Объяснением этому, возможно, является тот факт, что происходившие изменения не нашли почти никакого отражения в сообщениях бывавших на Литве в эти годы русских дипломатов. Последние в своих отчетах согласно подчеркивали ничем не ограниченную огромную власть в стране магнатской олигархии. Уже И. М. Воронцов, побывавший на Литве в 1556 г., характеризуя власть, которой пользуется в стране виленский воевода и канцлер Миколай Радзивилл Черный, сообщал, что он «выправил лист у цесаря: не станет короля ... быти

⁶ См. «декрет» Сигизмунда II от 1 августа 1569 г.— AGAD, AR II, N 61.

⁷ PAN, rkp. 360. Papiery publiczne Chodkiewiczów, k. 83.

⁸⁻⁹ PAN, rkp. 360, k. 83.

¹⁰ *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Białystock, 1970, s. 49.

ему на Виленском княженье на Литовском»¹¹. В 1558 г. нового русского посланца Р. Олферьева даже посещали многие «дворяне», жалуясь, что «от воеводы виленского насилуванье им... великое, и отнимает все себе»¹². В отчетах, написанных после заключения Люблинской унии, ситуация в стране рисовалась апалогичным образом: «А вся земля Литовская,— докладывал в 1571 г. посланник Г. Ф. Мещерский,— у короля положена на виленском воеводе на Миколае Юрьевиче Радзивиле и волен он во всем, кому что дати и у кого что взяти, и слушают его да старосту жемотского всею землею»¹³. С этими, по мнению русского дипломата, всемогущими на Литве магнатами, М. Радзивиллом Рыжим и Я. Ходкевичем, как раз и пытался договориться Иван IV о признании своих прав на литовский троп. Такие представления о политическом устройстве Великого княжества переносились затем русскими политиками на Речь Посполитую в целом. Наиболее характерным примером здесь может служить данная русскими дипломатами в 1571 г. характеристика Люблинской унии как военно-политическому союзу между радами Литвы и Короны¹⁴, поскольку в их представлении лишь рада — собрание сенаторов-магнатов было органом, правомочным решать все основные внешние и внутренние проблемы государства. Эти оценки, как мы увидим далее, наложили существенный отпечаток на русскую внешнюю политику в период первого «бескоролья».

Попытки соглашения с литовскими магнатами представляли собой лишь одну сторону в подготовке русского правительства к действиям в ситуации, которая возникнет после бездетного Сигизмунда II. По-видимому, под впечатлением известий о возможных притязаниях Радзивиллов в московской правящей среде стали подыскивать обоснования прав Ивана IV не только на русские земли, но и на литовский великокняжеский стол. В грамоте боярской думы литовской раде от ноября 1562 г. появляется новое для практики русско-литовских контактов утверждение,

¹¹ Сб. РИО, т. 59, с. 530—531.

¹² Там же, с. 549.

¹³ Сб. РИО, т. 71, с. 804.

¹⁴ «А польская рада и литовская меж себя посполито соединилися тому другой год, что им стояти заодин, польским людям Литве, а литовским людям Полше помогати без найму на своих пenezех». — Там же,

что, поскольку «гетманы литовские, Рогволодовичев, Давила и Мовколда на Литовское княжество взяли», а одновременно Литва уплачивала дани киевскому князю Мстиславу Владимировичу, то «не токмо, что Русская земля, но и Литовская земля вся вотчина государя нашего»¹⁵.

В этом тексте акцент делается на зависимость Литвы от Киева и ничего не говорится о возможных связях Давила и Мовколда с родом Гедимины. Однако в 1567 г. в послании Сигизмунду II (написано Иваном IV от имени боярина М. И. Воротынского) Давил и Мовколд были прямо названы «прародителями» короля, а версия о происхождении Ягеллонов от «служебника» Витепя недвусмысленно охарактеризована как лживая («безлепичники врут»)¹⁶. Это официальное признание (в русско-литовской переписке) Сигизмунда II потомком полоцкой ветви Рюриковичей в условиях борьбы за Полоцк между Россией и Великим княжеством можно объяснить желанием царя и его советников создать себе основу для притязаний на наследие Сигизмунда II по праву кровного родства. Эта линия в русской политике, как мы увидим далее, получила дальнейшее развитие во время «бескоролевий» 70-х годов. Как и в начале столетия, русские планы в 60-х годах XVI в. распространялись только на Литву, хотя после смерти Сигизмунда II и польский трон должен был стать вакантным.

Неудача миссии Яна Глебовича не привела к снятию задуманных планов с повестки дня. К 1567 г. в Москву стала поступать информация, что какая-то часть литовских феодалов готова «вынести» на литовский трон сына русского государя. В инструкциях посольству Ф. И. Умнога-Колычева (февраль 1567 г.) предполагалось, что литовские феодалы могут обратиться к русским послам с просьбой, «чтоб царь и великий князь дал им на государство царевича Ивана»¹⁷. Однако после 1569 г. русское правительство оказалось перед необходимостью внести в свои планы существенные коррективы. Каким бы ограниченным ни было понимание русскими политиками содержания Люблинской унии, им, конечно, было ясно, что после ее заключения отношения между Литвой и Ко-

¹⁵ Сб. РИО, т. 71, с. 108.

¹⁶ Там же, с. 509.

¹⁷ Там же, с. 464.

роной стали гораздо более тесными. С другой стороны, информация, поступавшая в Москву, показывала, что у русского кандидата есть серьезные шансы на успех в борьбе и за польский трон. Так, к 1569 г. в Москве уже знали, что «слово в Литве и Польше в людях носится, что хотят взять на Великое Княжество и на Польшу царевича Ивана». Отправляя в Литву гонца Ф. Мясоедова, Иван IV специально поручил ему выяснить происхождение этих сообщений и «почему то слово делом не объявится, а в людех носится»¹⁸.

В 1570 г., когда в Москву прибыли первые послы Речи Посполитой, вопрос о возможном выборе царя на польский трон стал уже предметом официальных дипломатических переговоров. На одном из приемов у царя польско-литовские послы заявили, что сенаторы Речи Посполитой «о том не мыслят, что им государя взять от бесерменских или от иных земель... а жедают, что им государя себе избрати словенского роду» и поэтому «прихиляютца тебе, великому государю, и твоему потомству»¹⁹. Правда, как отметил уже В. Новодворский, этому выступлению не следует придавать буквального значения: польско-литовские дипломаты рассчитывали с помощью таких заверений добиться улучшения условий перемирия с Россией, намекая, что царю следует быть уступчивей, так как скоро ему может понадобиться «милость и зычливость народу польского и литовского»²⁰. Именно так понял этот дипломатический шаг Иван IV: отсюда его демонстративное заявление, что польский трон его не интересует²¹ и что сенат Речи Посполитой, если он заинтересован в его избрании, должен не раздражать царя неуступчивостью, а принять русские условия²².

Это заявление было чисто дипломатическим ходом. Как бы ни были конкретные намерения послов, сам факт официальной постановки вопроса о возможности выбора Ивана IV на польский трон был для русского правительства серьезным подтверждением реальности доходивших

¹⁸ Там же, с. 593.

¹⁹ Там же, с. 676.

²⁰ Там же, с. 693. *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904, с. 7.

²¹ «Наше государство и без того полно, и нам вашего чего хотели?» Сб. РИО, т. 71, с. 677.

²² Там же; *Новодворский В.* Борьба..., с. 7.

до Москвы слухов о том, что возможность соглашения с Россией и «соединения» государств является предметом серьезного обсуждения в среде польско-литовских политиков.

О конкретном содержании этих слухов позволяют составить представление инструкции, данные посланным в Литву И. М. Капбарову и Г. Ф. Мещерскому (январь 1571 г.). Послы должны были установить, верны ли сообщения, что Сигизмунд II «королевство оставляет», и выяснить, по чьей инициативе принято такое решение: это собственное желание короля или он вынужден отречься по принуждению рады? ²³ Снова предвиделась возможность переговоров о кандидатуре царевича Ивана ²⁴, а также о «сватовстве» ²⁵, т. е. браке между представителями домов Ягеллонов и Рюриковичей, — свидетельство того, что в слухах фигурировали разные варианты соглашения. Правда, царь не дал послам полномочий для обсуждения этих вопросов, но уже сами предписания собрать обстоятельную информацию о создавшемся положении говорят о его явной заинтересованности в судьбе польско-литовского трона.

Для формирования дальнейшей русской внешнеполитической линии важное значение имели сообщения Г. Ф. Мещерского, вернувшегося в Москву в июне 1571 г. Они полностью подтверждали правильность всех доходивших ранее слухов, пополняя их рядом новых деталей. Так, Г. Ф. Мещерский докладывал, что король действительно «хвор и бездетен» и намеревался отречься от престола. В связи с этим «рада польская и литовская» обсуждала вопрос о том, кто может быть его возможным преемником. Дискуссия привела сенаторов к убеждению, что выхода следует искать в соглашении с Иваном IV. Принимать кандидатов, предложенных султаном, нельзя, так как «будет от турок многое утеснение», а если выбрать австрийского «королевича», то не будет защиты от султана, так как Габсбурги «и за свое мало могут стоять». В отличие от австрийского императора Иван IV — «государь воинской и сильной, может от турецкого салтана и ото всех земель оборонь держати и прибавленье государством

²³ Сб. РИО, т. 71, с. 790—791.

²⁴ Там же, с. 775.

²⁵ Там же, с. 782.

своим чинити». В итоге рада приняла решение просить, чтобы Иван IV «дал» на польско-литовский трон «царевича», а сам женился на сестре Сигизмунда II — Софии и заключил с Речью Посполитой союз против Турции и Крыма.

Осуществление этого решения сорвал Остафий Волович, действовавший по наущению короля, заинтересованного в передаче трона своему племяннику, семиградскому воеводе Яну-Сигизмунду. Это, по словам Г. Ф. Мещерского, вызвало такое возмущение сенаторов, что Волович, получивший «уряд» каштеляна троцкого, «в Троки ехати не смеет, боитца от панов убийства»²⁶. Сообщения аналогичного характера находим и в другом месте его отчета: «А говорят в Варшаве: нехай не вдолзе Полпа и Литва поспол будет: король стар и хвор и бездетен, а опричь московского государя иного государя не искати»²⁷. Ясно, что такие сообщения, рисовавшие положение в Речи Посполитой как очень благоприятное для русского кандидата, могли побудить русское правительство только к дальнейшему усилению своей активности в поисках возможных контактов с различными группировками польско-литовских феодалов, тем более, что наиболее опасный соперник царевича Ян-Сигизмунд Заполья скончался в том же 1571 г.

Хотя, как увидим далее, в сообщениях русских послов было много неточностей и преувеличений, их главное утверждение, что в Речи Посполитой многие думают о выборе царя или его сына на польский трон, полностью соответствовало действительности. О его точности свидетельствуют не только сообщения иностранных послов, но и письма польских протестантов своим единоверцам. Первое, что следует в них отметить — констатацию (в целом ряде текстов) того факта, что основная масса сторонников московского кандидата — это «русские» (*ruthenes*) и «литовцы»²⁸, т. е. население белорусских и украинских земель Речи Посполитой. К сожалению, кроме упоминания об общности религии, авторы дошедших до нас

²⁶ Сб. РИО, т. 71, с. 802.

²⁷ Там же, с. 803.

²⁸ *Przeddziecki A. Jagiellonki polskie, t. V. Kraków, 1878, s. 251—252; Dyaryusze sejmów koronnych 1548, 1553, 1570 r. Kraków, 1872, s. 134; Pirożyński J. Sejm warszawski roku 1570. Kraków, 1972, s. 57.*

сообщений ничего не говорят о мотивах, которые побуждали разные слои белорусского и украинского общества желать выбора царя на польский трон. Гораздо подробнее они описывают настроения польской феодальной среды, где с начала 60-х годов начинают распространяться различные проекты соглашения с царем относительно польского трона. Суть их заключалась прежде всего в том, чтобы, предоставив царской семье определенные шансы на следования после смерти Сигизмунда-Августа, добиться от Ивана IV таких уступок, которые бы обеспечили Речи Посполитой руководящее положение в Восточной Европе.

Один из таких вариантов предусматривал, как и отмечалось в допесениях Г. Ф. Мещерского, возможность брака между Иваном IV и сестрой Сигизмунда II, но при условии, что он вернет отнятые у Великого княжества земли²⁹.

Хотя этот вариант всплывал неоднократно, открывавшаяся возможность вступления Ивана IV на польский трон не устраивала весьма значительные круги польских феодалов. Стремление царя к самодержавному правлению, его суровые расправы со своими политическими противниками вызывали у них серьезные опасения за судьбу шляхетских вольностей. Австрийские послы, побывавшие на Люблинском сейме 1569 г., сообщали в Вену, что из-за своей жестокости царь не может надеяться быть избранным на польский трон³⁰.

Поэтому среди части польских феодалов возник другой проект — усыновление царевича Сигизмундом II и передача его на воспитание польскому королю³¹. Какие цели преследовали авторы такого проекта, позволяет судить сочинение польского шляхетского политика и публициста Анджея Чешельского, изданное в виде речи к послам на Варшавский сейм 1572 г.³² В нем указывалось,

²⁹ См. об этом проекте: *Szujski J. Stosunki dyplomatyczne Zygmunta-Augusta z domem austryjackim.*— Dzieła, ser. II, t. V. Kraków, 1885, s. 381; *Wotschke Th. Der Briefwechsel der Schweizer mit den Polen.* Leipzig, 1908, s. 313; *Новодворский В.* Борьба..., с. 8, прим. 2.

³⁰ *Przedziecki A. Jagiełlonki...*, t. V, s. 251; см. также аналогичную оценку папских дипломатов: *Uchańściana*, t. IV. Warszawa, 1892, s. 25.

³¹ *Wotschke Th. Der Briefwechsel...*, s. 209 (1563 г.).

³² *Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia.* Kraków, 1906, s. 137—139. По мнению биографа Чешельского С. Кота

что речь может идти о кандидатуре лишь младшего сына Ивана IV — Федора, который не похож на своего отца и старшего брата, настоящих «тиранов». Чтобы и он не стал «тираном», царевич по усыновлению должен был находиться в Речи Посполитой на воспитании у польских советников и не вмешиваться в управление государством до смерти Сигизмунда II. За допущение царевича к наследованию польского трона Иван IV уступал Речи Посполитой Новгород, Псков и Смоленск. Проект также предусматривал, что царевич, объявленный наследником Сигизмунда II, должен быть еще при жизни отца коронован на царский трон. Ему также завещалась половина всех русских земель, которые затем, после смерти Ивана IV, вошли бы в состав Речи Посполитой; другую половину мог получить старший сын, но лишь как лен Речи Посполитой, подобно Прусскому герцогству. После пресечения мужской линии последнего и эти земли вошли бы в состав Речи Посполитой. Таким образом, в случае успеха план должен был привести к расчленению и упразднению Русского государства как особой политической единицы, а русские земли становились объектом обогащения польских феодалов. Не случайно в проекте отмечалось, что уступленные Иваном IV земли следует отдать в управление знатым людям из Польши.

Разумеется, эти проекты не были предметом официального обсуждения в сенате, но к ним проявляли интерес видные политики короны. В июне 1572 г. осведомленный секретарь папского легата сообщал в Рим, что некоторые сенаторы, группирующиеся вокруг куявского епископа С. Карнковского, обсуждают возможность выбора на польский трон второго сына Ивана IV³³.

Расчеты на соглашение такого рода с Иваном IV ясно свидетельствуют о том, что польские политики не имели ясного представления о внешнеполитических целях русского правительства. В свою очередь и донесения русских дипломатов не раскрывали царю тех целей, к которым стремились в Речи Посполитой сторонники его избрания на польский трон. «Соединение» между Россией и Речью Посполитой обе стороны понимали совершенно по-разному,

(Polski s'ownik biograficzny, t. IV. Kraków, 1938, s. 58), автором этой речи был А. Фрыч-Моджевский — друг Чешельского,
³³ Uchańściana, t. IV, s. 24.

но в одном важном аспекте их представления совпадали: они вполне отдавали себе отчет в том, что, пока продолжается конфликт между ними, третьи государства используют его, чтобы укрепить свои позиции за счет восточно-европейских держав. Уже в 1950-х годах В. Д. Королюк обращал внимание на то, какие удобные условия для турецко-татарской агрессии создались в результате восточной экспансии польских и литовских феодалов на русские земли³⁴. Правильность этого тезиса была затем на обширном материале показана И. Б. Грековым³⁵. Татарские набеги постоянно и жестоко разоряли не только украинские, но и польские земли, часто нанося тяжелый ущерб имущественному благосостоянию польско-литовских феодалов, не позволяя им в полной мере использовать все выгоды польской феодальной колонизации плодородных земель Юга. Неудивительно поэтому, что в складывавшихся в польско-литовской среде проектах «соединения» наряду с надеждой на возвращение Смоленска и Северской земли и отказ русского правительства от своей объединительной программы большое место занимали расчеты на использование сил и ресурсов «Московии» для защиты южных границ Речи Посполитой от турок и татар (именно так надо понимать упоминавшиеся выше заявления, что Иван IV защитит Речь Посполитую от турецкого султана).

Хотя прямых свидетельств на этот счет и нет, но для Русского государства, которое уже в середине XVI в. выступало с проектом антитурецкой коалиции восточно-европейских государств, а на рубеже 60—70-х годов одно вело тяжелую борьбу с турецко-татарской агрессией, вопрос о «соединении» против Турции и Крыма имел не меньшее значение.

В другом районе Европы — в Прибалтике — за счет России и Речи Посполитой стремилось расширить свои владения Шведское королевство, в ходе Ливонской войны овладевшее северной Эстонией. Уже в 60-х годах XVI в. усиление Швеции стало вызывать беспокойство и русских, и польско-литовских политиков. Не случайно на русско-литовских мирных переговорах 1566 г. литовские послы

³⁴ История Польши, т. I. М., 1956, с. 174.

³⁵ См.: Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв., гл. V. М., 1963.

предлагали «доставати є одного и поделити и вперед от неприятелей оберегати заодин» земли в Ливонии, захваченные шведами³⁶, а Иван IV в 1567 г., уже заключив союзный договор со Швецией, продолжал поиски соглашения о Прибалтике с Речью Посполитой³⁷. Можно допустить поэтому, что русские и польско-литовские проекты «соединения» предусматривали также и определенное, продиктованное интересами соответствующих держав, решение балтийского вопроса. Судя по всему, уже на стадии их формирования первые проекты «соединения» представляли собой весьма сложные по содержанию построения, в которых планы перестройки политического устройства Восточной Европы сочетались с предложениями по решению целого ряда внешнеполитических проблем. Общей чертой обоих вариантов было то, что они исходили из идеи соглашения между русской династией и господствующим классом Речи Посполитой, хотя в русском и польско-литовском понимании это соглашение должно было привести к совершенно разным последствиям. Но такими вариантами проекты переустройства не исчерпывались.

Казалось бы, наличие в России института наследственной царской власти исключало возможность развития таких концепций, которые связывали бы политическое объединение Восточной Европы с вступлением короля польского и великого князя литовского на русский трон. На деле, однако, мы можем констатировать появление таких концепций уже в середине XVI столетия не только как некой политической идеи, рассчитанной на возможное претворение в далеком будущем, но даже скорее как цели уже сегодняшней конкретной политики. Появление этих концепций было тесно связано с обострением отношений между государственной властью и отдельными слоями господствующего класса России в процессе формирования русской модификации сословной монархии. Одним из проявлений возникшего конфликта стали уже с начала 60-х годов XVI в. «отъезды» дворовых детей боярских, недовольных стремлением царя Ивана к неограниченной власти, в Литву. Их рассказы, по-видимому, довольно скоро стали создавать у польских и литовских политиков впечатление о наличии в среде русского дворянства мас-

³⁶ *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954, с. 63.

³⁷ Там же, с. 68.

своего недовольства царем, его стремлением избавить свои отношения с подданными от ограничений традиционного феодального обычая. Отсюда — появление у польско-литовских политиков расчетов на то, что это недовольное дворянство можно будет убедить низложить Ивана IV и возвести на русский трон Сигизмунда II, известного своим внимательным отношением к пожеланиям дворянства³⁸. Отражение таких расчетов можно обнаружить в «пропозиции», зачитанной от имени короля участникам польского сейма 1563 г. Король, говорилось в ней, «надеется на то, что, если бы только войско его королевской милости показалось на русской территории (дословно — на Moskwie), много бояр московских, много благородных воевод, притесненных тиранством этого изверга, добровольно будут приставать к его королевской милости и переходить в его подданство со всеми своими владениями»³⁹. В начале 60-х годов речь шла об использовании такой ситуации для изменения хода начавшейся в конце 1562 г. русско-литовской войны и расширения границ Ягеллонских государств на востоке⁴⁰. С аналогичными расчетами на то, что дворянская оппозиция поможет отпадению пограничных владений на сторону Литвы, был связан позднее так называемый поход Сигизмунда-Августа к Радосшковичам в 1567 г.⁴¹ К началу 70-х годов на этой основе складывается, однако, уже определенная политическая концепция объединения Восточной Европы под

³⁸ Как наиболее характерный пример сообщений, воздействовавших в таком направлении на польских и литовских сенаторов, можно привести запись показаний русских перебежчиков 1568 г.: «А теперь-дей в нас горей татар опритчина, што-дей своя земля з собою режетца, и тая-дей опритчина бардзо землю Московскую пусту чинит, а так-дей многие люди наши просят бога со слезами, што быхмося господарю вашему остави». — *Archiwum Sanguszków*, VII. Lwów, 1910, s. 273.

³⁹ Цит. по: *Piwariski K. Niedoszła wyprawa*, t. zw. *Radoszkowicka*. — *Ateneum wileńskie*, z. 1. Wilno, 1928, s. 85.

⁴⁰ Практические попытки в этом плане предпринимались еще до начала войны. Так, уже в 1562 г. М. Радзивилл Рыжий обратился с письмом к воеводе Тарваса князю Кропоткину и, обличая Ивана IV, который управляет «безо всякого милосердия и права», призывал его «з окрутепства з неволи» перейти «до государя славного, справедливого, добротою его, яко солнце на свете светяще», Сигизмунда II. — Сб. РИО. т. 71, с. 235.

⁴¹ *Bodniak St. Z wyprawy radoszkowickiej na Moskwę w r. 1567/8*. — *Ateneum wileńskie*, z. 3—4. Wilno, 1930, s. 865.

эгидой Сигизмунда II, основные контуры которой прослеживаются в ряде писем короля (конца 1570—1571 гг.) к виленскому воеводе Миколаю Радзивиллу Рыжему.

Поводом для этих писем явились дошедшие осенью 1570 г. до короля и литовских магнатов слухи о смерти Ивана IV. Узнав об этом, Сигизмунд II предписывал воеводе воспрепятствовать тому, чтобы на русский трон вступил кто-либо из сыновей царя. С этой целью воеводе следовало тайно отправить своего посланца в Москву «к тем, расположенным к нам, о которых сообщал нам твоя милость в Коиданове⁴² и в других местах, чтобы убеждать главных людей к вольности и свободе вместо неволи и господства тиранов, панов их, которые не захотят иным способом ими управлять»⁴³. В дальнейшем король снова рекомендовал воеводе вступить в контакты с теми, которые «послам нашим сообщали (*odkazywali*), что они желают прийти под нашу власть», и указал на Курбского как «человека, принадлежащего к этому народу», который мог бы убедить москвичей призвать Сигизмунда II на польский трон⁴⁴. Таким образом, налицо явная ориентация на то, чтобы опираясь на контакты с враждебными Ивану IV группами знати, добиться отстранения от власти старой династии и возведения на русский трон Сигизмунда II, как государя, который гарантировал бы прекращение прежнего внутриполитического курса. Существенную роль при этом должны были играть обещания предоставить русскому дворянству те же «права» и «вольности», которыми обладала шляхта в Речи Посполитой.

Вопреки слухам Иван IV остался в живых, а в июле 1572 г. скончался Сигизмунд II, на котором пресеклась династия Ягеллонов, и польско-литовский трон стал вакантным. Тем самым наступил момент для практической проверки тех проектов политического переустройства Восточной Европы, которые основывались на идее соглашения между династией Рюриковичей и польско-литовским дворянством.

⁴² Т. е. во время похода к Радзиковичам в 1567 г.

⁴³ Письмо Сигизмунда II к М. Радзивиллу Рыжему от 1 декабря 1570 г.— *Racz.*, 73.

⁴⁴ Там же. Письмо от 28 февраля 1571 г. Вопрос о посылке миссии в Москву и кандидатуре Курбского продолжал обсуждаться и в дальнейшем (письма от 11 апреля и 4 мая 1571 г.), пока не выяснилась ложность полученных сведений.

Русско-литовские переговоры 1572—1573 гг. и формирование русской и литовской программ политической перестройки Восточной Европы

Вопреки тому, что говорилось в донесениях русских дипломатов о столкновениях между литовскими сенаторами, нет оснований полагать, что литовские магнаты активно обсуждали проекты «вынесения» царя или его сына на трон Речи Посполитой. Их позицию по вопросу о наследнике Сигизмунда-Августа определили старые связи литовской аристократии с австрийскими Габсбургами¹. С победой австрийского кандидата Ходкевичи и Радзивиллы связывали свои расчеты на упрочение позиций магнатской олигархии в Великом княжестве. Весной 1572 г., еще до смерти Сигизмунда II, литовские магнаты обязались осуществить сепаратную элекцию на литовский трон австрийского эрцгерцога Эрнеста (что предрешало его избрание и на трон польский), если претендент после своего избрания возвратит Великому княжеству отошедшие от него по Люблинской унии украинские земли². Находившиеся в Кнышине литовские сенаторы и связанные с ними епископы ожидали известий из Вены и тайного приезда Эрнеста, который должен был обвенчаться с Анной Ягеллонкой и затем вступить на литовский трон. Однако император на такой шаг не решился, а по мере развития событий стала все более вырисовываться мощная оппозиция как шляхты, так и части магнатурии против избрания Габсбурга на трон Речи Посполитой³.

¹ Halecki O. Die Beziehungen der Habsburger zum litauischen Hochadel im Zeitalter der Jagellonen.— Mitteilungen des Institut für österreichische Geschichtsforschung, Bd. XXXVI. Innsbruck, 1915.

² Gruszecki S. Zmowa w podwarszawskim lesie w 1572 r.— Rocznik warszawski, t. VI. Warszawa, 1967.

³ Gruszecki S. Walka o władzę w Rzeczypospolitej polskiej po wygaśnięciu dynastii Jagiellonów (1572—1573). Warszawa, 1969, s. 18—20, 51—52, 57, 66.

В этих условиях активизировалась деятельность тех коронных сенаторов, которые еще при жизни короля склонялись к «вынесению» на польский трон «царевича». Глава этой группировки, куявский епископ С. Карнковский осенью 1572 г. предложил свой проект брака царевича с сестрой Сигизмунда II Анной на обсуждение как литовских политиков, так и собравшейся на сеймик в Коле великопольской шляхты⁴. Вместе с тем некоторые из коронных сенаторов — влоцлавский воевода Ян Кротоский и другие, выступая против австрийского кандидата, предложили избрать на польский трон самого Ивана IV⁵. Это предложение нашло в среде коронной шляхты самый широкий отклик⁶. Не довольствуясь агитацией в пользу своего кандидата на сеймиках, шляхетские политики, как стало известно об этом литовской раде, пытались вступить в непосредственное сношение с царем, посылая к нему своих гонцов через Литву⁷.

Все это не могло не встревожить литовских политиков: в перспективе коронная шляхта могла посадить Ивана IV на польский трон, помимо и вопреки желанию литовских магнатов. Это заставило их попытаться самим вступить в контакт с Москвой, чтобы предложить царю собственные условия. Решение об этом было принято на совещании в Рудниках в конце сентября 1572 г. ряда наиболее влиятельных литовских магнатов во главе с воеводой виленским М. Радзивиллом Рыжим и старостой жмудским Я. Ходкевичем. Решения совещания были секретными: в них не были посвящены ни сенаторы и шляхтичи, съехавшиеся в Рудники на съезд шляхты Великого княжества, ни ведавший обычно сношениями с иностранными государствами подканцлер О. Волович⁸. Причины такой

⁴ Об агитации С. Карнковского в пользу кандидатуры царевича см.: HRM, t. I. Spb., 1841, s. 224; *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, t. 2. Romae, 1861, p. 775; *Dyaryusz zjazdu w Kole*.— *Pamiętnik biblioteki Kórnickiej*, z. 1. Kórnik, 1929, s. 89.

⁵ О Яне Кротоском см.: *Bidlo J. Jednota bratrská v prvním vyhnání*, č. III. Praha, 1909, s. 8—9.

⁶ О позиции коронной шляхты см. подробнее в следующем разделе.

⁷ Об этом говорил Ян Ходкевич австрийскому резиденту Циру — *Wierzbowski T. Zabiegi cesarza Maxymiliana o koronę polską (1565—1576)*.— *Ateneum*, 1879, N 3, s. 428—429.

⁸ Подробнее о совещании в Рудниках см.: *Floria B. Wschodnia polityka magnatów litewskich w okresie pierwszego bezkrólewia*.—

секретности раскрываются при ознакомлении с содержанием грамоты, которую в октябре 1572 г. повез в Москву гонец Степан Матвеев. Сенаторы сообщали царю, что все «станы и рыцарство» Великого княжества желают видеть на троне Речи Посполитой его младшего сына царевича Федора. Для достижения этой цели сенаторы предлагали «тепер заразом... обрати» Федора на литовский трон. Со своей стороны они просили, чтобы царь и его два сына дали присягу, что они не будут посягать на «свободы, права и вольности» литовской шляхты, и чтобы между Россией и Речью Посполитой был заключен договор о «вечном мире» и союзе. Если царь отнесется благоприятно к литовской инициативе, для выработки соглашения в Москву будет направлен посол М. Гарабурда⁹.

Содержание этого документа позволяет точно определить, в чем заключалась реакция руководящей группы литовских магнатов на сдвиги в настроениях коронной шляхты, наступившие осенью 1572 г. Опасаясь, что дело может дойти до избрания на польский трон Ивана IV, чего литовские магнаты никак не желали допустить, они попытались, прежде чем в Москве узнают о таких настроениях шляхты, договориться с царем о выдвижении гораздо более приемлемой для них кандидатуры царевича Федора. Этого кандидата они рассчитывали навязать Речи Посполитой, используя старые методы, применявшиеся еще Ягеллонами: вынесение царевича на великокняжеский трон фактически предрешало и его избрание в Польше. Поскольку актом Люблинской унии такая сепаратная элекция категорически запрещалась, неудивительно, что литовские сенаторы старались держать свое предложение в полной тайне.

Царь в осторожной форме, по определенно отклонил литовский проект. «На Великое княжество Литовское сестри, с Корупой Польской не обослався» — это означает

Odrodzenie i reformacja, t. XX. Warszawa, 1975, s. 53—55. Об отношении О. Воловича к решениям совещания в Рудниках см. в письмах оршанского старосты Ф. Кмиты.— *Źródła do dziejów Polskich*, t. II. Wilno, 1844, s. 271—272.

⁹ Текст обращения сенаторов известен лишь по пересказу в ответной грамоте Ивана IV от 20 октября 1572 г. Отрывок подлинника издан в кн.: *Акты Западной России*, т. III. СПб., 1848, № 55. Полный текст грамоты в современной копии: ЦГАДА, ф. 389 (Литовская метрика), оп. 2, № 615.

войну, а царь хочет избежать кровопролития¹⁰. Вместе с тем русское правительство подчеркнуло свою заинтересованность в продолжении переговоров, предлагая для решения всех поднятых «великих дел» «не мешкаячи» прислать в Москву М. Гарабурду.

Одновременно с неудачей, постигшей литовских политиков в Москве, изменилось в неблагоприятную для них сторону и положение в стране. Несмотря на все усилия, литовским магнатам не удалось сохранить свои намерения в тайне. Они стали известными и вызвали крайне резкую реакцию коронных сенаторов и шляхты¹¹. Литовские политики группировки М. Радзивилла — Я. Ходкевича были вынуждены отказаться от своего плана, но это не привело к решению прекратить переговоры с Москвой. Поскольку к зиме 1572—1573 гг. расстановка сил в Речи Посполитой не изменилась, мотивы, побуждавшие литовских магнатов искать соглашения с царем, оставались в силе.

Новый план действий, о котором речь пойдет ниже, на съезде шляхты Великого княжества в Вильне, созванном 20 декабря 1572 г., получил поддержку значительной части литовской магнатуры¹².

В грамоте, которую в декабре 1572 г. повез в Москву литовский посланец М. Гарабурда, уже ничего не говорилось о возможности сепаратной элекции¹³. В ней содержалось лишь обещание поддержать на выборах московского кандидата, если предложенные условия будут для литовской стороны подходящими.

Какое соглашение было для литовских магнатов желательным, позволяет установить запись переговоров М. Га-

¹⁰ ЦГАДА, ф. 389, оп. 2, № 615. В грамоте также указывалось, что вопрос о вере и обычаях кандидата на польский трон не может быть решен «в рыхле», «без великого постановенья и рады», из чего следует, что во время переговоров затрагивался вопрос о возможности перехода царевича в католицизм.

¹¹ Как литовский проект был обнародован и какие столкновения имели место в связи с этим см.: *Floria B. Wschodnia polityka...*, s. 57, 61—62.

¹² Состав его участников восстанавливается по подписям на грамотах, направленных Ивану IV.— Труды и летописи Общества истории и древностей Российских, ч. VI. М., 1833, с. 201 и сл.

¹³ Гарабурда на переговорах с Иваном IV специально подчеркивал, что паны, рада и все рыцарство Великого княжества Литовского должны соблюдать (взаимную) присягу между государстами: «с поляками порозниться и без них одни сами пана выбирать не хотят».— HRM, t. I, s. 238.

рабурды с царем и его советниками в Новгороде в феврале-марте 1573 г.¹⁴ Прежде всего посол стремился убедить царя в том, что тот в случае своего избрания не сможет управлять одновременно и Россией, и Речью Посполитой: длительное отсутствие царя в Речи Посполитой приведет к тому, что станет невозможной деятельность судов (по обычаю при выезде монарха из страны деятельность судов приоставлялась), а длительное отсутствие его в России может привести к отпадению дальних краев — Казани и Астрахани. К тому же, — указывал посол, — кандидат на польский трон может быть коронован лишь после его перехода в католицизм¹⁵. Из этого следовало, что единственным реальным кандидатом на трон может быть лишь младший сын царя. Перед выборами царь и царевики Иван и Федор должны дать польско-литовским условиям письменную присягу, что избранный на трон Речи Посполитой царевики сохранит в целостности все права и вольности шляхты и, если потребуется, еще более их расширит. Наконец, в устных предложениях Гарабурды был раскрыт выдвинутый уже ранее в грамоте, привезенной С. Матвеевым, пункт о «вечном мире» как условии избрания царевики. При заключении «вечного мира» царь должен был отдать Великому княжеству Полоцк с пригородами, Усвят, Озерище и Смоленск. Кроме того, самому царевику Федору «для учтивости» царь обязывался дать еще «и иные замки и волости», чтобы избравшие царевики «народы» Речи Посполитой «не имели никаких упреков от других государей и соседей»¹⁶. Эти высказывания литовского посла, раскрывая смысл сжатых формулировок более ранних документов, позволяют охарактеризовать в целом литовскую концепцию переустройства в Восточной Европе. Не подлежит сомнению, что литовские магнаты стремились избежать личной унии между Россией и Речью Посполитой и избрания Ивана IV на польский трон. Именно поэтому они добивались выбора Федора, младшего (и, следовательно, имеющего малые шансы унаследовать русский трон) сына царя. Молодой (в 1572 г. ему было 13 лет) правитель, который к тому

¹⁴ Запись представляет собой отчет М. Гарабурды литовской раде о выполнении своей миссии. По содержанию она четко разделяется на две части: «речи» посла и «ответ» Ивана IV.

¹⁵ HRM, t. I, s. 240.

¹⁶ Ibid., s. 238.

же должен был перейти в католицизм, мог стать послушным орудием в руках магнатов, можно было не опасаться попыток установления им режима сильной власти, подобного «опричнине». Представляется, что письменной присяги требовали не только от самого кандидата, но и от его старшего брата и отца с той целью, чтобы предотвратить с их стороны какие-либо попытки вмешательства во внутреннюю жизнь Речи Посполитой. Одновременно территория Великого княжества должна была получить существенное приращение на востоке, что способствовало бы повышению его удельного веса в политической структуре Речи Посполитой¹⁷.

Сопоставляя литовские условия с более ранним проектом Чешельского, нетрудно выделить такие общие моменты, как стремление обезопаситься от «тирании» будущего правителя или попытку добиться в обмен за выбор на престол территориальных уступок, но вместе с тем очевиден гораздо более умеренный характер литовских предложений: здесь не было речи ни о разделах русских земель, ни об их обращении в «феод» Речи Посполитой. Умеренность литовского проекта лишь отчасти можно объяснить тем обстоятельством, что его авторы знали о Русском государстве и правительстве гораздо больше, чем польские политики, и хорошо понимали, что Иван IV не примет условий, сформулированных Чешельским. Не меньшее значение имело, думается, стремление литовских магнатов не допустить возобновления Ливонской войны. В среде литовских феодалов к началу 70-х годов сложилось прочное убеждение, что дальнейший военный конфликт с Россией бесперспективен и ничего, кроме ущерба и разорения, Великому княжеству принести не может¹⁸. Более того, военные неудачи связывались у литовских магнатов

¹⁷ Не случайно вопрос ставился об уступке Иваном IV лишь белорусских земель, а не Северной Украины, которая вошла бы в состав Короны. Такой подход тесно связан с другой, не вполне понятной особенностью литовских условий: в них не было пункта о пересмотре в пользу Литвы условий Люблинской унии, хотя он занимал главное место среди требований, предъявлявшихся австрийскому и французскому кандидатам на трон.

¹⁸ См. оценку войны и ее перспектив в отражавшем точку зрения литовских магнатов памфлете «Zdanie o obieraniu nowego króla». — В кн.: *Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia*. Kraków, 1906, N XXIII, s. 351—352.

с заключением Люблинской унии, которая привела к потере Великим княжеством целого ряда областей, его низведению на второстепенное место в сложившемся новом политическом организме и, наконец, к потере литовской магнатерией тех привилегий, которые ставили ее над всей остальной массой шляхты. Поэтому продолжение войны на Востоке (особенно когда не оправдались расчеты на раскол в русском обществе) угрожало, в их представлении, не только хозяйственным разорением, но и возможными новыми невыгодными для литовского магнатства переменами в политической структуре Речи Посполитой. Отсюда — готовность литовских магнатов пойти на установление длительного мира в Восточной Европе и даже военно-политическое сотрудничество с Россией на умеренных (в их понимании) условиях.

К принятию своей программы действий литовские магнаты рассчитывали в дальнейшем склонить феодалов Короны. Несомненным следом предпринимавшихся в этом плане акций следует считать написанный виленским войтом А. Ротундусом памфлет «Zdanie o obieraniu nowego króla», в котором доказывалась необходимость выборов царевича¹⁹. М. Гарабурда заверял Ивана IV, что, когда он доставит в Вильно информацию о царских предложениях, в Москву для выработки окончательного соглашения отправятся «великие послы» обеих частей Речи Посполитой²⁰. Однако в Москве литовские политики снова потерпели неудачу. Условия, изложенные царем М. Гарабурде, оказались совершенно несовместимыми с литовскими предложениями.

Впервые свою официальную позицию по отношению к польскому «бескоролью» русское правительство сформулировало в царском «ответе» посланцу Речи Посполитой Ф. Ворыпаю, который прибыл в Москву в сентябре 1572 г. с просьбой о продлении перемирия²¹. Именно в этом «ответе» — царской «речи» на отпуске посланца²² —

¹⁹ Подробный разбор памфлета см.: *Floria B. Wschodnia polityka...*, s. 59—60.

²⁰ HRM, t. I, s. 238—239.

²¹ Об этом посольстве см.: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904, с. 9—10, Приложения, с. 12—14.

²² Оригинал «ответа» неизвестен; перечень публикаций сохранившихся копий см.: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию..., с. 9. Все передают источник с разной полнотой.

Иван IV по собственной инициативе²³ впервые выразил желание вступить на польский трон и сам пытался рассеять невыгодное впечатление, которое его расправы с политическими противниками могли произвести на польско-литовских избирателей. В частности, он обещал, что не будет преследовать ни русских политических эмигрантов, ни последователей Лютера. Однако возможных условий унии царь не излагал, ограничившись лишь общим заверением, что он будет сохранять шляхетские «права и вольности».

Главное место в его «речи» занял вопрос о возможных условиях мира между Россией и Речью Посполитой. Если Речь Посполитая уступит России Ливонию до Западной Двины, то царь готов был отдать ей Полоцк с пригородками и даже добавить к этому что-либо из соседних московских земель. На основе этих предложений мог бы быть заключен «вечный мир» и союз между Россией и Речью Посполитой, независимо от того, будет или нет Иван IV избран на польский трон, но при условии, что выработанный договор будет обязательным для нового польского короля²⁴. Если бы удалось заключить мир и союз между этими государствами,— говорил царь,— то я «татарскому [хану] показал бы дорогу за море». Эта часть царских предложений была повторена и в царской грамоте, врученной Воряпаю; вопрос же о царской кандидатуре на польский трон в этом документе был, по-видимому, обойден молчанием²⁵. Таким образом, в сентябре 1572 г. главной целью русской дипломатии было использовать создавшуюся ситуацию, чтобы склонить Речь Посполитую к заключению мира и союза с Россией. По мысли русских политиков, такое соглашение позволило бы не только найти приемлемое для России и Речи Посполитой решение балтийской проблемы, но и поставить надежный барьер на пути османской экспансии в Восточной Европе. Был поднят, правда, и вопрос о польской короне, но, судя по

²³ Утверждение В. Новодворского (Борьба за Ливонию..., с. 9), что польскую корону предложил Ивану IV Ф. Воряпай, не подтверждается известными материалами о его посольстве.

²⁴ Как формулировалось в царской «речи», «и государь, которого им бог даст, пусть уж на то соглашается, что теперь паны литовские и польские поставовят».

²⁵ Судя по пересказу грамоты в архивной справке XVII в. см.: Новодворский В. Борьба за Ливонию..., Приложения, с. 12—13.

всему, это был пока лишь предварительный шаг, рассчитанный на то, чтобы выяснить реакцию польско-литовской стороны.

С этого момента до начала переговоров с Гарабурдой прошло почти полгода, и за это время позиция русского правительства изменилась. К сожалению, в нашем распоряжении почти нет материалов для того, чтобы судить, насколько полно и точно были информированы русские политики о внутреннем положении в Речи Посполитой²⁶. Однако две вещи не подлежат сомнению. Во-первых, уже то обстоятельство, что в течение полугода после смерти Сигизмунда II дело так и не дошло до выборов, свидетельствовало о больших трудностях, с которыми столкнулись польско-литовские феодалы в поисках подходящего кандидата на опустевший трон. Во-вторых, появление в Москве одна за другой дипломатических миссий, поднимавших разговор о польской короне²⁷, как будто свидетельствовало о том, что выход из трудностей в Литве и в Польше видят в соглашении с царем.

В этих условиях царь и его советники, конечно, не были склонны подчинять свою политику чужим советам. Напротив, они были намерены диктовать Речи Посполитой свои условия унии.

В своем «ответе» Гарабурде царь резко подчеркнул неприемлемость предложенных литовцами условий, в особенности того пункта, который предусматривал территориальные уступки Речи Посполитой со стороны России. Царь квалифицировал это предложение как «дело неслыханное». «И нам,— констатировал он,— сына нашего Федора для чего вам давать к убытку своего государства»²⁸. Наоборот, если поляки и литовцы хотят избрать Федора, то они должны уступить его отцу Киев «для,— как гово-

²⁶ Не сохранились ни статейный список побывавшего в Литве осенью 1572 г. гонца Василия Малыгина, ни записи бесед в Посольском приказе с Ф. Ворыпаем и С. Матвеевым.

²⁷ Поездками С. Матвеева, а затем М. Гарабурды дело не ограничивалось. В грамоте Ивана IV коронным сенаторам от 15 июля 1573 г. упоминаются «многие грамоты», которые писали царю «паны и писари Великого княжества Литовского» (*Новодворский В. Борьба за Ливонию...*, Приложения, с. 6).

²⁸ ИРМ, т. I, с. 238. В другом месте «ответа» царь иронически замечал, что «сын не девка, чтобы мы за ним должны были давать приданое» (*Ibid.*, с. 239).

рил царь, — нашего царского именованья»²⁹. Хотя в этом и в ряде других мест своего «ответа» царь допускал формально возможность избрания царевича Федора на польский трон, по существу, как констатировал и литовский посол, на выбор царевича он не соглашался. Дело не только в том, что во время переговоров царь снова настойчиво выдвигал свою кандидатуру, а возражения, выставленные против нее Гарабурдой, отклонил как неоспорительные. Не менее важно, что царь постоянно характеризовал своих сыновей как молодых людей, еще нуждающихся в его опеке и пока неспособных к самостоятельной деятельности³⁰. «После меня, — указывал царь, — пусть паны — рада и шляхта изберут на польский трон кого-либо из моих сыновей», а теперь «мы их воле сына своего давать не хотим»³¹. Несомненно, в принятии такого решения проявилось стремление царя, деспотически управлявшего не только своим государством, но и семьей, удержать детей в полной зависимости от себя. Однако приведенные выше слова указывают как будто и на то, что царь разглядел в этом варианте скрытую опасность: молодой царевич может стать послушным орудием литовских и польских политиков. Наконец, немалую роль здесь сыграли, судя по царскому «ответу», сообщения, поступавшие к Ивану IV из Речи Посполитой: «хотят у нас сына нашего взять на государство хитростью и отдать его Турецкому, и тем хотят с Турком помириться»³². Такие сообщения, конечно, не могли склонить Ивана IV к тому, чтобы отпустить сына в Литву. Кроме того, как заявил царь Гарабурде, к весне 1573 г. ему уже стало известно, что «некоторые из поляков и ваших (т. е. литовцев. —

²⁹ Ibidem. К вопросу о значении этой мотивировки мы вернемся ниже.

³⁰ См., например, его отзыв о Федоре: «Лет еще не дошел, против наших и своих неприятелей стать ему не можно»; или о детях вообще: «Еще не столько им лет, чтобы их без нас оставлять» (Ibid., s. 239, 241).

³¹ Ibid., s. 241.

³² Ibidem. Такие сообщения, по-видимому, намеренно направлялись в Россию магнатскими группами, оспаривавшими власть у Радзивиллов и Я. Ходкевича, чтобы провалить их проект элекции царевича. Иную, как представляется, не вполне верную трактовку этого эпизода см.: Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 351—352.

Б. Ф.) хотят иметь государем меня самого, а не сына моего»³³. Наличие в самой Речи Посполитой симпатий к кандидатуре Ивана IV, вероятно, делало в его собственных глазах вариант с кандидатурой царевича уже и вовсе неоправданным.

Таким образом, развитая литовскими политиками концепция была отвергнута царем по всем основным пунктам; ей он противопоставил свою концепцию унии между Россией и Речью Посполитой, подробно изложенную в ответах Гарабурде. В основных чертах она была сформулирована, следовательно, к концу зимы 1573 г., но отдельные моменты продолжали обсуждаться и позднее. Так, в апреле 1573 г. вслед за уехавшим в Литву Гарабурдой, с гонцом Пешком Жуковым были посланы «Главизны» с изложением точки зрения по некоторым вопросам, которые, как представлялось царю, были недостаточно освещены в его «ответе»³⁴. Русская программа предполагала создание на территории Восточной Европы своеобразного объединения трех государств — России, Польши и Великого княжества Литовского — под властью единого монарха. Его власть, независимо от того, будет им царь или царица Федора, должна быть наследственной. Правда, известное право выбора допускалось, но оно четко ограничивалось кругом детей данного государя или — в случае пресечения данной ветви — кругом членов царского рода вообще, «чтобы Корона Польская и Великое княжество Литовское мимо детей наших и наш род иного государя себе не выбирали»³⁵.

Анализ этих установлений показывает, что по задуманному проекту Россию и Речь Посполитую должна была постоянно соединять друг с другом прочная династическая связь. Что именно это было для русского правительства наиболее существенной частью его программы, доказывается наличием определенной попытки историко-правового обоснования таких притязаний. На переговорах с Гарабурдой в 1573 г. эти историко-правовые аргументы не фигурировали, но мы узнаем о их существовании из не-

³³ HRM, t. I, s. 240.

³⁴ Текст «главизн» см.: ЦГАДА, ф. 389, оп. 2, № 618; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. III. М., 1960, с. 627.

³⁵ HRM, t. I, s. 239, 241.

сколько более поздних материалов: в 1578 г. они использовались для обоснования «незаконности» прав Стефана Батория на престол Речи Посполитой. Несомненно, однако, их тесная связь именно с условиями, впервые выдвинутыми царем в 1573 г. Действительно, историческое обоснование внешнеполитической программы Ивана IV требовало некоторых корректив к традиционным построениям. «Сказание о великих князьях Владимирских» обосновывало наследственные права русских государей XVI в. — потомков Святослава и Владимира — на всю территорию, некогда принадлежавшую этим древнерусским правителям. В этот комплекс, однако, по ясным утверждениям «Сказания», явно не входила «Литва» (земли за рекой Березиной), не говоря уже о Польше. Для обоснования прав Ивана IV и на эти земли была использована возникшая в середине XVI в. легенда о происхождении Гедиминовичей, согласно которой родоначальник Ягеллонов — Гедимин был не безвестным «слугой» московского князя, а литовским князем, происходивших от избранных на литовский трон полоцких князей — потомков Изяслава, сына Владимира. Следовательно, потомки Гедимины принадлежали к тому же роду потомков Рюрика, что и потомки Ивана Калиты. Из этого в свою очередь вытекало, что Ягеллоны «по коленству... братья» московских государей, а «Коруна Польская и Великое княжество Литовское, — как формулировал царь устами своих дипломатов, — наша вотчина, что того роду не осталось никого, а сестра королева государству не отчич». Единственный «отчич» Ягеллонского наследства — это Иван IV. Правда, если наследственные права Ягеллонов на Литву были общеизвестны, то с их правами на Польшу дело все же обстояло далеко не так хорошо. Поэтому генеалогические выкладки новой версии происхождения Гедиминовичей были подкреплены экскурсом в древнепольскую историю, из которого следовало, что первые польские князья (Болеслав Храбрый и его преемники) были «в равенстве и в дружбе» с галицкими князьями, «а с киевскими великими князьями и в послушенстве были»³⁶, т. е. подчинялись верховной власти киевских князей — предков московских государей.

³⁶ ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 10, л. 360 об. — 363; Соловьев С. М. История России..., кн. III, с. 648.

Речь шла, таким образом, об осуществлении в несколько видоизмененных формах концепции, сформулированной московскими политиками еще в начале XVI в. Однако с расширением ее рамок за пределы территории древнерусской народности, на такие иноэтнические территории, как Польша и этнографическая Литва, нарушалось соответствие между объективным содержанием и внешней формой концепции за счет выдвигания на первый план патримониальной власти монарха как главного объединяющего ряд различных стран элемента. Хотя на переговорах 1573 г. указанная концепция и не выдвигалась, представляется, что именно в ее контексте становятся понятнее и некоторые другие условия, выдвигавшиеся царем. Это прежде всего требование передать в состав Русского государства Киев (хотя бы и без пригородков), как формулировалось в царском «ответе» «для нашего царского именования»³⁷.

В свете изложенного выше именно передача Киева в руки царя окончательно превращала его в правопреемника старых киевских князей со всеми вытекавшими из этого историко-правовыми обоснованиями. Отражение этой же концепции обнаруживается и в предложенном царем проекте титулатуры будущего восточноевропейского монарха: «Божьей милостью государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский»³⁸, где королевский титул поставлен не только после царского, но и после ряда территориальных эпитетов титулатуры. Это и понятно, если учесть, что польские короли были когда-то «в послушенстве» у великих князей киевских, т. е. стояли ниже их на иерархической лестнице.

К главному положению о наследственной власти династии Рюриковичей в Речи Посполитой в царском «ответе» было добавлено еще одно условие принципиального характера. Царь специально подчеркивал свое право свободно «ставить» каменные и деревянные церкви в «замках и дворах», «митрополита и владык... чтить по нашему обычаю». Тем самым царь ясно давал понять, что не только не может быть речи о его переходе в католицизм, но и не должны ограничиваться его действия, направленные на

³⁷ HRM, t. I, s. 241.

³⁸ Ibidem.

укрепление православной церкви в Речи Посполитой. В других принципиальных аспектах взаимоотношений между монархом и подданными никаких существенных изменений царский проект не вносил. Наоборот, царь неоднократно заявлял, что он (или его сын) обязуется сохранять в неприкосновенности «права и вольности» польско-литовской шляхты, а также расширять их по соглашению с сенаторами и готов принести сословиям соответствующую письменную присягу³⁹.

Те конкретные условия, которые царь выдвигал, касались главным образом обеспечения за ним свободы действий в вопросах, связанных с личной жизнью царской семьи. Так, в «ответе» он подчеркивал право династии хоронить членов своего рода в России⁴⁰, а в «Главизнах» фиксировалось право царя и его сыновей выбирать себе жен из числа своих подданных⁴¹. Наконец, царь настаивал на том, чтобы на старости лет он имел возможность отойти от дел и постричься в монастырь⁴². Эта часть русских предложений не носила принципиального характера. Однако другие сформулированные царем условия, такие, как отмена свободной элекции, ослабление роли католической церкви, превращение России с передачей ей Киева в ведущую силу восточноевропейской федерации, в случае их проведения в жизнь привели бы к существенным изменениям в расстановке сил, существовавшей до этого в Восточной Европе, усилив позиции царской власти и тех социальных сил, на которые она опиралась. Вместе с тем существенно ослабили бы как международные, так и внутривнутриполитические позиции прежде всего польских, но в значительной мере и литовских феодалов. Как сформулировал В. Д. Королюк, уния России с Речью Посполитой «по мысли царя должна была превратиться из орудия польско-литовской феодальной экспансии в орудие прекращения этой экспансии»⁴³.

Что же давало Ивану IV основание полагать, что ему удастся добиться принятия своих условий Речью Посполитой? К сожалению, в нашем распоряжении нет тех ис-

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid., s. 239.

⁴¹ Соловьев С. М. История России..., кн. III, с. 627.

⁴² НРМ, t. I, s. 241.

⁴³ Королюк В. Д. Ливонская война. М., 1954, с. 86.

точников, из которых царь и его советники черпали информацию о внутреннем положении в Речи Посполитой и о пожеланиях польско-литовских феодалов, поэтому можно дать лишь предположительный ответ на этот вопрос. Представляется, что русский внешнеполитический курс сложился, по-видимому, под влиянием сообщений об отношении к кандидатуре царя литовской шляхты. О том, что в этой среде кандидатура Ивана IV пользовалась, по-видимому, симпатиями, позволяют догадываться уже краткие отзывы паходившихся в Короне иностранных наблюдателей, которые согласно говорят о большом расположении к царю населения Великого княжества, в особенности той его части, которая держится «греческой религии»⁴⁴. Разумеется, иностранцы интересовались настроениями прежде всего тех социальных групп, которые могли как-то повлиять на исход «бескоролья». Поэтому можно думать, что они имели в виду настроения именно православной шляхты Великого княжества. Эти сообщения, конечно, довольно общи, но они дополняются важной записью (от 8 мая) в «диариуше» элекционного сейма. В ней отмечается, что на выборах литовская шляхта в отличие от магнатов поддерживала кандидатуру царя. Лишь с большим трудом М. Радзивиллу и Я. Ходкевичу, ссылаясь на то, что, не прислав послов на сейм, Иван IV показал, что он на деле не стремится к польской короне, удалось сломить сопротивление шляхты и добиться согласия на выбор Генриха Анжуйского⁴⁵. Эта запись интересна для нас тем, что к моменту начала голосования участникам сейма были хорошо известны условия унии, предложенные Гарабурде царем⁴⁶. Знакомство с этими условиями, как видим, не заставило литовских шляхтичей отказаться от поддержки русского кандидата, из чего можно заключить, что русские условия были для них прием-

⁴⁴ HRM, t. 1, s. 233 (допесение Коммендопе); *de Noailles E.* Henri de Valois et la Pologne en 1572, t. III. Paris, 1867, p. 266; *Charrière E.* Négociations de la France dans le Levant, t. III. Paris, 1856, p. 366, 375—377.

⁴⁵ *Broel-Plater W.* Zbiór pamiętników do dziejów polskich, t. 3. Warszawa, 1858, s. 194.

⁴⁶ Царский «ответ» М. Гарабурде был публично зачитан на сейме 20 апреля 1573 г. (*Orzelski S.* Bezkrólewia ksiąg ośmioro czyli dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 do r. 1576, t. I. SPb.—Mohylew, 1856, s. 92), а литовским участникам сейма он мог быть известен и ранее.

лемыми. Действительно, вопрос о свободной элекции для литовской шляхты не мог иметь глубоко принципиального значения: вплоть до Люблинской унии 1569 г. литовский трон был не элекционным, а «дедичным» — наследственным. Известная возможность выбора существовала, но сам выбор ограничивался кругом лиц, принадлежавших к роду потомков Ягайлы. Формулируя свои династические притязания сходным образом, Иван IV лишь приспособлялся к старой литовской традиции, и поэтому, думается, подобное условие не могло вызывать сильных возражений литовской шляхты. Вопрос о правовом положении и привилегиях католической церкви также не мог иметь особого значения для литовских феодалов, большая часть которых в начале 70-х годов XVI в. держалась либо протестантского, либо православного вероисповедания. Вместе с тем есть основания полагать, что с избранием царя литовская шляхта связывала серьезные надежды на улучшение своего положения и ослабление позиций магнатории, которая и после реформ 60-х годов XVI в. по существу продолжала олигархически управлять Великим княжеством.

Некоторые общие указания на антимагнатский характер устремлений поддерживавшей кандидатуру царя литовской шляхты можно обнаружить уже в материалах магнатской переписки времен второго «бескоролья». Более конкретные свидетельства имеются среди русских дипломатических материалов конца XVI в. Хотя от событий 70-х годов их отделяет почти 30-летний промежуток, думается, все же в данной связи их можно привлечь, поскольку характер взаимоотношений между магнатами и шляхтой за этот период принципиально не изменился. Беседовавший в 1592 г. с русским гонцом А. Резановым «служебник» Л. Сапеги Невежа Коведяев объяснял русскому дипломату, что литовские магнаты никогда не согласятся на избрание царя, так как тот у них «все города королевские повыкупит», а «шляхта великих народов», которая ныне вынуждена паходиться в услужении у магнатов, — «те все будут служити государю»⁴⁷. Несмотря на краткость этих высказываний, ясно, что еще в конце XVI в. отдельные группы шляхты связывали с выбором царя на польский трон освобождение из-под власти

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 22, л. 273.

магнатов (вероятно, на средства из царской казны) заложённых им королями династии Ягеллонов владений королевского домена. Аналогичная реформа, на время серьезно ослабившая магнатию, т. н. «экзакуция добр», была проведена в Короне в 60-х годах XVI в. Ставился вопрос о проведении ее в Великом княжестве, но это требование натолкнулось на упорное сопротивление магнатов, добившихся того, что на землях Великого княжества «экзакуция добр» не была проведена. Литовская магнатирия сохранила свои огромные латифундии, а следовательно, и решающие позиции в политической жизни страны, возможность ставить от себя в зависимость определенные круги шляхты. По мысли литовских шляхтичей, очевидно, именно русский монарх с его огромными политическими и финансовыми возможностями мог бы довести проводившиеся в 60-х годах в Великом княжестве реформы до конца, сломив земельное могущество магнатов. По-видимому, именно к этим слоям, искавшим поддержки царя и одновременно предполагавшим, что магнаты будут сопротивляться его выбору, принадлежали те «многие» люди, которые, как говорил Иван IV М. Гарабурде, в период «бескоролья» призывали его идти «с войском» в Польшу⁴⁸. Смысл этого обращения позволяет раскрыть более поздняя аналогия. Во время третьего «бескоролья» (1587 г.) желавшие вернуться на родину русские политические эмигранты Агип Сарыхозин и Тимофей Тетерин, которые хорошо знали настроения мелкой литовской шляхты, настоятельно советовали русским послам, чтобы «рать государева в Смоленску была наготове, а сам бы государь хотя в Можаяск вышел со своим двором». По их словам, эта военная демонстрация была пужна для того, чтобы литовским магнатам «страшно было». В противном случае трудно ждать успеха, поскольку «паны королевские города и села по себе розымали» и боятся их потерять в случае избрания царя⁴⁹.

Несмотря на отрывочность имеющихся данных, думается, все же можно поставить вопрос о наличии в господствующем классе Речи Посполитой определенных социальных групп, заинтересованных в «вынесении» на трон Ивана IV как представителя сильной власти, и о воздей-

⁴⁸ HRM, t. I, s. 242.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 566 с об.

ствии их настроений на выработку русской внешнеполитической концепции. Разумеется, при этом следует учитывать, что о полном взаимопонимании между сторонами здесь говорить не приходится. Полученным рекомендациям Иван IV не последовал и в Полоцк не отправился. Хорошо зная влияние и силу магнатов в Великом княжестве, царь и его советники скорее всего не рассчитывали добиться успеха вопреки их желаниям. Настроения шляхты более использовались ими как важный козырь в переговорах с литовскими сенаторами. Излагая в 1573 г. М. Гарабурде полученные им предложения и рекомендуя сообщить о них папам-радам, царь давал понять, что если литовские магнаты окажутся неговорчивыми, он может пойти навстречу этим предложениям. Таким образом, для проведения избранного Иваном IV внешнеполитического курса имелись определенные основания, и если он все же в конечном итоге оказался нереальным, то это объяснялось ориентацией на настроения социальной группы, которая занимала второстепенное положение в общественной жизни Речи Посполитой и не могла существенно повлиять на исход борьбы за польскую корону.

Допустив в этом отношении определенный просчет, в других вопросах Иван IV и его советники проявили способности к трезвой оценке положения. Прежде всего это касается известного понимания тех объективных сложностей, которые могут возникнуть в отношениях между русским монархом и польско-литовским обществом после выбора царя на польский трон. Не случайно в своем «ответе» царь добивался от сословий Речи Посполитой торжественной присяги «над нами и нашими детьми никакого лиха не учинить, не подносить никоторого иного государя никоторыми обычаями, ни в иное государство не выдать, никакой хитрости не сделать»⁵⁰. В «Главизнах», посланных в Литву через несколько месяцев по окончании переговоров с М. Гарабурдой, он нашел нужным еще раз вернуться к этому вопросу: на сенаторов и шляхту Речи Посполитой налагалось обязательство, если «по грехом для которого случая учинится какой мятеж промеж государем и землею и вражда, а будет по грехом то уставится на смиренье не возможет», отпустить царя и его детей «на Московское государство без всякое зачепки и

⁵⁰ HRM, t. I, s. 242.

израды»⁵¹. Эти тексты показывают, как велики были опасения перед новыми проблемами, которые несла с собой уния. Неудивительно поэтому, что наряду с проектом возможных условий унии, в царском «ответе» Гарабурде были сформулированы и другие приемлемые для русского правительства варианты политического развития Восточной Европы в будущем, не предусматривавшие слияния восточноевропейских государств в один политический организм. Литовскому послу снова предлагался проект «вечного мира» и военного союза между Россией и Речью Посполитой. Однако если в сентябре 1572 г. вопрос ставился в общей форме, то на новом этапе русское правительство связывало и реализацию этого проекта, и возможность сохранения дружественных отношений между Россией и Речью Посполитой с определенным исходом элекции. Иван IV прямо рекомендовал не выбирать французского кандидата Генриха Анжуйского. «А возьмете ли Французского,— продолжал он далее,— и вы, Литва, ведайте, что мне над вами промышлять»⁵². Если же,— указывал Иван IV,— будет избран сын австрийского императора, то он готов заключить с Речью Посполитой вечный мир и союз и поддерживать с ним такие же отношения, как если бы на польский трон был избран его собственный сын⁵³. Это была прямая попытка повлиять на исход элекции в пользу австрийского и против французского кандидата. На первый взгляд такая определенная позиция русского правительства может вызвать удивление. Ведь по крайней мере с 1560 г. между русским и австрийским дворами, как отмечал известный исследователь русско-австрийских отношений Ю. Юберсбергер, не было дипломатических контактов⁵⁴.

Материал для объяснения такого шага дает текст царского «ответа» М. Гарабурде. Обращает на себе внимание следующее: свое отрицательное отношение к французскому кандидату царь обосновывал тем, что Генрих Анжуйский «будет другом турецкого султана», в то время как избрание сына императора привело бы к заключению

⁵¹ ЦГАДА, ф. 389, оп. 2, № 618.

⁵² HRM, t. I, s. 242.

⁵³ Ibid., s. 239—240.

⁵⁴ *Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des XV Jahrhunderts.* Wien — Leipzig, 1906, S. 403.

Союза «Против всех поганских государей»⁵⁵. Необходимость и желательность такого союза подчеркивались и в грамоте Ивана IV, посланной раде Речи Посполитой с М. Гарабурдой, — царь выражал свое желание, «чтоб бог дал покой христианству навеки» и чтобы «божьей помочью христианство обронено было и высвобождено от рук бусурманских»⁵⁶. Конечно, в период борьбы за польский трон такие заявления часто были лишь средством воздействия на религиозные чувства избирателей. Для русского же правительства в конкретной ситуации конца 60-х — начала 70-х годов вопрос об антитурецкой коалиции был важной проблемой внешней политики. Поэтому нет оснований сомневаться, что надежды на заключение такого союза были той действительной причиной, которая побуждала Ивана IV и его советников к поддержке австрийской кандидатуры на польский трон. Известные основания для таких надежд могла дать русскому правительству та информация об отношениях между державой Габсбургов и Турцией, которая поступала в Москву накануне элекции. Так, в «вестовом списке» Г. Ф. Мещерского, вернувшегося из Польши в июне 1571 г., австрийские Габсбурги изображались как главная сила в войне с Турцией за Кипр: «Цесарь, сослався с испанским Филипом королем и с чешским и с иными государи и турецких людей до ста тысяч убили». Одновременно Г. Ф. Мещерский сообщал, что прибывший зимой 1571 г. к Сигизмунду II австрийский посол порицал короля за то, что тот пропустил через свою землю турецкие войска, идущие на Астрахань и призывал последнего Ягеллона, чтобы он «вперед с Московским и со всеми крестьянскими государи на проклятых на всех мусульман был заодиш»⁵⁷. На основании таких информации в Москве вполне могло сложиться представление о том, что австрийские Габсбурги являются главной силой в антитурецкой борьбе и что они заинтересованы в прекращении русско-польского конфликта и присоединении России к антитурецкому союзу.

Остается неизвестным, приходили ли в Москву уже после наступления «бескорольвья» сообщения о предвыборных обещаниях Габсбургов, их внешнеполитических

⁵⁵ HRM, t. I, s. 240, 242.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 79, 1573, № 1, л. 6 об.

⁵⁷ Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, с. 860—861.

планах. Правда, официальных контактов между русским и австрийским дворами до весны 1573 г. не было, но подобные информации могли доставить в Москву ориентирующиеся на победу Габсбургов магнаты. В этой связи представляется не случайным, что лица, снабжавшие сведениями Г. Ф. Мещерского, явно преувеличили степень участия Австрии в антитурецкой борьбе: в годы войны за Кипр (1570—1571 гг.) австрийские Габсбурги, как известно, сохраняли мир с Турцией. Очевидно, в Речи Посполитой имелись определенные круги, заинтересованные в том, чтобы убедить Ивана IV и его советников, хотя бы и в противоречии с действительностью, в наличии открытого конфликта между державой австрийских Габсбургов и Турцией. Действия этих кругов могли продолжаться и позднее, что сделало бы понятнее и позицию русского правительства на переговорах⁵⁸. Отсутствие источников не позволяет пойти далее этих самых общих предположений. В заключение остается констатировать, что в начале 1573 г. русское правительство придерживалось уже ранее сформулированной им программы урегулирования отношений между Россией и Речью Посполитой на основе приемлемого для русского правительства размежевания сфер в Прибалтике и заключения антитурецкого союза. Эту программу оно рассчитывало реализовать в сотрудничестве с Габсбургами как активными противниками турок, заинтересованными в создании широкой антитурецкой коалиции.

Этими двумя вариантами (династическая уния или антитурецкий союз с проавстрийской Речью Посполитой) на переговорах с М. Гарабурдой дело не ограничилось. В царском «ответе» был сформулирован еще один вариант возможного соглашения: династическая уния между Россией и Великим княжеством Литовским с одновременным разрывом последним Люблинской унии. Хотя во время первой встречи царя с М. Гарабурдой этот вариант в беседе не фигурировал и литовский посланник не выдвигал никаких предложений в этом плане, в ходе второй беседы Иван IV счел нужным дважды заявить, что если бы Великое княжество «захотело нашего панования одно, без

⁵⁸ О возможных каналах поступления в Россию информации, благоприятной для Габсбургов, см. ряд соображений в кн.: Греков И. Б. Очерки..., с. 339—342.

Короны Польской», то с его стороны это не встретило бы никаких возражений⁵⁹. 3 марта 1573 г., отпуская М. Гарабурду из Москвы, В. И. Умной-Колычев и А. Я. Щелкалов еще раз напомнили посланнику об этом⁶⁰. Таким образом, отвергнув подобный вариант решения вопроса в октябре 1572 г., русское правительство в начале 1573 г. само стало настойчиво предлагать его литовским политикам. Что же послужило поводом для такой смены курса? За отсутствием материалов и здесь приходится ограничиться предположениями. Так, обращают на себя внимание обещания царя, если его «вынесут» на великокняжеский литовский стол, вернуть Великому княжеству украинские земли, отошедшие к Короне после Люблинской унии⁶¹. Поскольку условия унии в этом случае, по представлениям Ивана IV, должны были остаться такими же, как при заключении унии между Россией и Речью Посполитой (т. е. какие-либо дополнительные уступки литовским магнатам в этом плане не предусматривались), то ясно, что именно перспектива возвращения утраченных земель должна была склонить Великое княжество к принятию русского проекта. Представляется не случайным, что русское правительство выдвинуло свое предложение именно в то время, когда резко обострились отношения между Короной и Литвой по вопросу о государственноп-правовой принадлежности Киевского, Брацлавского, Волынского воеводств и Подляшья. Уже на Кнышинском съезде в августе 1572 г. представители Великого княжества заявили, что на элекционном сейме Литва будет добиваться общего пересмотра условий унии и прежде всего возвращения отнятых у нее земель⁶². На съездах в начале декабря 1572 г. в Мстибогове⁶³ и в начале января 1573 г. в Вильне⁶⁴ магнаты и шляхта Великого княжества конкретизировали свою позицию: Литва не будет

⁵⁹ HRM, t. I, s. 241—242.

⁶⁰ Ibid., s. 242.

⁶¹ Кроме Киева, который «один, без пригородков» должен был войти в состав России.

⁶² *de Noailles E. Henri de Valois...*, t. III, s. 117—118.

⁶³ О решениях Мстибоговского съезда см.: Литовские сенаторы — сенаторам коронным. 7 декабря 1572 г.— Ibid., s. 141—143.

⁶⁴ О решениях Виленского съезда см.: Литовские сенаторы — сенаторам коронным. 3 января 1573 г.— *Sienkiewicz K. Skarbiec historyj polskiey*, t. II. Paris, 1830, s. 258—266.

«ни государя выбирать, ни элекции начинать», пока не будет отменено решение о передаче украинских земель Коропе. Свои притязания литовская рада попыталась подкрепить конкретными действиями: уже осенью 1572 г. канцелярия Великого княжества начала рассылать по спорным территориям «листы» с предписаниями уплачивать налоги в литовскую казну⁶⁵, что, по-видимому, было весьма благожелательно встречено украинскими магнатами, в руках которых сосредоточивалась административная власть на этих землях⁶⁶. Несмотря на неоднократные протесты коронных сенаторов, эти действия продолжались и зимой 1572—1573 гг.⁶⁷ Разумеется, с материалами польско-литовской переписки конца 1572 — начала 1573 г. Иван IV и его советники не могли быть знакомы, однако трудно сомневаться в том, что решения литовских съездов, а тем более действия великокняжеской канцелярии довольно быстро стали известны русскому правительству.

Очевидно, именно эти события, свидетельствовавшие о резком обострении польско-литовских противоречий, и послужили побудительным толчком для попытки русских политиков разорвать Люблинскую унию и добиться осуществления династической унии между Россией и Великим княжеством Литовским, восстановленным в его первоначальных границах.

Уже исследователи XIX в. выделили целый ряд моментов, которые делали данный вариант политического развития Восточной Европы более предпочтительным для русских политиков, чем уния между Россией и Речью Посполитой⁶⁸. Уния России и Великого княжества и позволяла решить в основном задачу воссоединения белорус-

⁶⁵ См. об этом в обоих упомянутых выше посланиях.— Ibid., s. 265.

⁶⁶ Об их позиции ясно свидетельствует обязательство французских послов на элекции вернуть украинские земли в состав Литвы, выданное по просьбе князя К. Острожского — воеводы киевского, П. Сапеги — каштеляна киевского, А. Вишневецкого — воеводы брацлавского, Василия Захоровского — каштеляна брацлавского и князя Богуша Корецкого — старосты луцкого, брацлавского и винницкого.— Czart., 309, п. 3.

⁶⁷ См.: Коронные сенаторы — литовским, 30 января 1573 г. *Sienkiewicz K. Skarbiec...*, t. II, s. 282.

⁶⁸ *Соловьев С. М. История России...*, кн. III, с. 622—623. Ср.: *Дербов Л. А. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол в 1572—1576 гг.*— Уч. зап. Саратовск. ун-та, 1954, т. 39, с. 244.

ских и украинских земель с Россией, и давала возможность обеспечить руководящее положение Русского государства в восточноевропейских делах, в то время как уния с Речью Посполитой скрывала в себе опасность подчинения России польско-литовскому блоку.

При этом, несомненно, принималось во внимание, что подавляющую часть населения Великого княжества составляют белорусы и украинцы, которых тесно связывало с великороссами сознание общности происхождения от совсем недавно разделившейся древнерусской народности, а также единство вероисповедания. Уния же между Россией и Речью Посполитой сразу же ставила русское правительство перед сложными проблемами согласования этнических и религиозных различий начиная с решения вопроса о том, кто будет производить коронацию будущего монарха — архиепископ гнезненский или русский митрополит. Наконец, к выбору такой альтернативы склоняли и определенные социальные мотивы. В представлении Ивана IV и его советников именно Польша была той частью Речи Посполитой, откуда распространялись опасные для существующего общественного устройства протестантские учения и где особенно укоренились традиции разговора с монархом с «позиции силы»: еще в конце 50-х годов русские дипломаты сообщали царю о самочинных съездах польской шляхты, с которых посылали королю «грамоты, чтоб к ним поехал, а не поедет, и они хотят иного государя добывати»⁶⁹. Именно контакты с польской шляхтой скорее всего могли привести к тем «мятежам», которых так опасались царь и его окружение. Хотя между двумя вариантами унии, предложенными русским правительством, был ряд серьезных различий, оба они были совершенно неприемлемы для литовских магнатов, не желавших видеть на троне такого самовластного правителя, как Иван IV, да еще и не как выборного, а как наследственного монарха. Стремясь не допустить его избрания, литовские магнаты скрыли от русского правительства решение о созыве в начале апреля 1573 г. элекционного сейма. Разыгравшаяся на нем борьба за польский трон протекала без всякого участия русских представителей⁷⁰.

⁶⁹ Сб. РИО, т. 71, с. 550.

⁷⁰ Еще в апреле, в соответствии с заверениями М. Гарабурды, в Москве ждали послов из Речи Посполитой для переговоров о судьбе польского трона. См. письмо А. Щелкалова М. Гара-

Приемлемой для литовской стороны могла быть лишь та часть русских предложений, которая связывалась с выбором Габсбурга на польский трон. Весной 1573 г. сношения между литовскими магнатами и Габсбургами снова оживились⁷¹. Однако судьба польско-литовского трона весной 1573 г. не определялась позицией литовских магнатов. Главной решающей силой на выборах была польская шляхта, от которой зависела в конечном итоге судьба и австрийской, и русской кандидатуры. Чтобы выяснить ее ориентацию, необходимо рассмотреть, как определялись дальнейшие пути политического развития Восточной Европы в появлявшихся в период «бескоролья» многочисленных рукописных и печатных сочинениях, авторы которых стремились повлиять именно на ориентацию польской шляхты — политической силы, находившейся в тот момент в зените своего могущества.

бурде (ЦГАДА, ф. 389, оп. 2, № 618). Подробнее об этом см.: *Floria B. Wschodnia polityka...*, s. 64—65.

⁷¹ Так, например, в середине марта 1573 г. при участии Я. Ходкевича был разработан проект соглашения между литовскими феодалами и императором, которое этот магнат должен был представить на обсуждение литовским сенаторам (*Wierzbowski T. Zabiegi...*, s. 438—439).

Польская шляхта и русская кандидатура в период первого «бескоролья» (1572—1573 гг.)

Как показано выше, уже в первые месяцы после смерти Сигизмунда II кандидатура царя стала довольно популярной среди великопольской шляхты. О положении, сложившемся осенью 1572 г. в Великой Польше, дает представление свидетельство секретаря французского посольства Ж. Шуанена. Последний записал в своих мемуарах, что, по мнению польских политиков, выгоды, которые приносит шляхте московская кандидатура, «столь очевидны, что, кажется, от них невозможно отказаться». «И, если названного Московита,— заключал Шуанен свою запись,— будут правильно направлять в течение этого дела, можно сказать, что это будет партия, наиболее опасная для нас, так как нет человека, который не находил бы хорошим вечный мир и унию между этими двумя большими, сильными и могущественными нациями»¹.

Таким образом, осенью 1572 г. интерес великопольской шляхты к кандидатуре Ивана IV продолжал расти и в политических дискуссиях уже вошел в обиход ряд доводов, которыми сторонники царя доказывали полезность его избрания². Появились и печатные памфлеты сторонников царя. Наиболее ранний из них, принадлежавший перу шляхтича Калишского воеводства Петра Мычельского, датирован 15 ноября 1572 г. Этот памфлет, введенный в научный оборот в середине XIX в.³, исполь-

¹ *Choisnin J. Mémoires.— Nouvelle collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, t. XI. Paris, 1854, p. 395.*

² Правда, Шуанен говорит, что доводы в пользу избрания Ивана IV были изложены в его собственных письмах, обращенных к шляхте (*Ibid.*, p. 395), но это явная ошибка. Иван IV с письмами к шляхте во время первой элекции не обращался.

³ В издании: *Broel-Plater W. Zbiór pamiętników do dziejów Polski, t. III. Warszawa, 1858.*

зовался затем рядом исследователей для изучения взглядов «промосковской» группировки шляхты. 10 января 1573 г. датировано еще одно произведение Мычельского «Przestroga s pokazaniem niepożytków z wzięcia państwa s rođrodku siebie», в котором доказывалось преимущество кандидатуры царя перед выбором на трон кого-либо из уроженцев Речи Посполитой. Кроме Мычельского, кандидатуру царя поддерживали и другие публицисты, авторы памфлетов «Zdanie o obieraniu nowego króla» и «Sententia de eligendo novo rege ex duce Moschorum»⁴.

Следует сразу же выделить один момент, общий всем указанным сочинениям. Избрание царя на польский трон принесет мир и прекращение войн на востоке, чего нельзя добиться иным образом⁵. Спорные вопросы были бы урегулированы благоприятно для Речи Посполитой, обновилась бы с большой выгодой для страны ее экономические связи с Россией⁶, а те силы и средства, которые оба государства тратили на борьбу между собой, могли быть обращены на достижение других важных для Речи Посполитой внешнеполитических целей.

В понимании необходимости мира для страны взгляды польских шляхетских политиков — авторов указанных памфлетов — и литовских магнатов совпадали.

Для Мычельского внешнеполитический аспект русско-польской личной унии связывался с целой программой возвращения потерянных Польшей земель на Западе. Ныне, констатировал он, «земли прусская, поморская и инфлянская» не выполняют своих обязательств перед Речью Посполитой и намереваются в благоприятный момент вообще отделиться от нее «по совету и с помощью императора», а такая польская земля, как Силезия, вообще находится под чужеземной властью. С избранием царя положение изменится. Если после этого немцы попытают-

⁴ Все эти тексты изданы в публикации: *Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia*. Kraków, 1906.

⁵ См. характерное высказывание одного из памфлетов: «Если кто другой государем будет, войны и драки с Московским никогда не перестанут». — *Ibid.*, s. 356.

⁶ Высказывания о важности таких контактов встречаем сразу в нескольких памфлетах: «Снова бы оправилась торговля, которая шла через Литву в Польшу, на чем всегда богатело бы и государство, и его жители, а теперь в Гамбурге меха дешевле, чем в Польше» (*Ibidem*), или: «И как московская земля закрылась, города обеднели и пожитки погибли» (*Ibid.*, s. 362).

ся напасть на Речь Посполитую, их постигнет то, что и при Ягайле (намек на Грюнвальд). Прусские же и поморские князья должны будут подчиниться Речи Посполитой, «ленные присяги и другие повинности давать, как делали и давали при других королях»⁷.

Современные польские исследователи правильно констатируют тот факт, что даже в период вступления Речи Посполитой на путь восточной экспансии и отказа от проведения активной политики на Западе, в польской политической мысли все же сохраняются представления о необходимости для национальных интересов страны активной борьбы за возвращение польских западных земель и прекращения в связи с этим военных конфликтов на востоке⁸. Думается, не случайно такие представления получили отражение в проекте, составленном жителем Великой Польши, т. е. той земли, где сама жизнь постоянно сталкивала шляхту со скрытым, но непрерывным наступлением немецких феодалов⁹. В других памфлетах на первом плане стоит иная внешнеполитическая проблема — борьба с татарскими набегами и турецкой угрозой. В сочинениях Мычельского этой теме также уделяется большое внимание.

От унии с Россией польские шляхтичи ожидали прежде всего организации надежной обороны южных границ Короны: создание для их защиты большой постоянной армии и проведения работ по укреплению подольских замков, что, как можно понять по отдельным намекам, царь должен был осуществить на собственные средства. Далее открывались перспективы изгнания турок за Дунай, восстановления польского влияния в Молдавии и подчинения татарских орд верховной власти Речи Посполитой¹⁰.

Эти высказывания, несомненно, свидетельствуют о высокой оценке частью польской шляхты военно-политических возможностей Русского государства. Как правильно отметил С. Грушецкий, по убеждению этих публицистов

⁷ Ibid., s. 373—374, 395.

⁸ *Gruszecki S. Walka o władzę w Rzeczypospolitej Polskiej po wygaśnięciu dynastii Jagiellonów (1572—1573)*. Warszawa, 1969, s. 180.

⁹ См., например, замечание Мычельского о притязаниях немецких феодалов на землю Велюнскую.— *Czubek J. Pisma...*, s. 374.

¹⁰ Ibid., s. 361, 375.

выбор Габсбурга привел бы к разорению Речи Посполитой турками (как это, например, случилось с Венгрией), в то время как избрание царя открывало перспективу победы над Османской империей¹¹. В своих прогнозах сторонники царя опирались на известные им факты из истории взаимоотношений России с татарскими ханствами. Так, Мычельский, ожидая от царя организации эффективной защиты Польши, ссылаясь на созданную в России разветвленную систему обороны страны от татар¹², а один из анонимных авторов упоминал о покорении Казани и Астрахани¹³. Таким образом, реальные успехи России в борьбе с татарской опасностью повышали в глазах шляхты престиж страны и ее монарха, давали возможности для противопоставления Габсбургам, терпевшим в борьбе с турками неудачи¹⁴.

Успешное решение южной проблемы имело серьезное значение для шляхты. Так, Мычельский указывает, что после организации надежной обороны Подолии «подольские пустыни» превратятся в «освоенные земли», отчего у Речи Посполитой прибавилось бы людей и скарбов, а обедневшему и раздробившемуся рыцарству — «маетностей»¹⁵. Освоение Подолии должно было дать польским феодалам новый фонд земель, на которых смогли бы разместиться владения тех групп в составе господствующего класса, для которых на основных, давно освоенных землях в данных условиях уже не было места.

В этих рассуждениях выступает вполне отчетливо один из главных мотивов, склонявших шляхетских политиков к династической унии с Россией, — расчеты на то, что таким путем удастся остановить начинающийся процесс разорения широких слоев господствующего класса Речи Посполитой путем колонизации новых неосвоенных районов. При этом имелась в виду феодальная коло-

¹¹ *Gruszecki S. Walka...*, s. 172.

¹² *Czubek J. Pisma...*, s. 375.

¹³ *Ibid.*, s. 356.

¹⁴ Характерно, что и в одном из враждебных царю памфлетов мы находим следующее признание: «Однако, если мы так рвемся к этой войне (с Турцией.— *Б. Ф.*), а гетманом нужен нам чужой король, гораздо лучше было бы нам воевать, присоединившись к Московскому, чем к Австрии... легче ему (царю.— *Б. Ф.*) подняться на войну в той земле, чем немцам сейм со- брать».— *Ibid.*, s. 643.

¹⁵ *Ibid.*, s. 376.

низация не только Подолии, но и земель, входивших в состав Русского государства.

В проектах унии с Россией, разработанных шляхетскими публицистами, заинтересованность в феодальной колонизации русских земель выступает столь четко, что это было отмечено даже некоторыми польскими буржуазными исследователями¹⁶. В советской историографии (прежде всего, в работе Л. А. Дербова) эти расчеты были выдвинуты на первый план; как главная, определяющая часть всей концепции польских шляхетских политиков раскрыта их связь с формами восточной экспансии (и соответствующих им идеологических построений) польских феодалов на земли Украины и Белоруссии в предшествующий период¹⁷.

Наиболее четко проблема, решения которой пытался достичь господствующий класс Речи Посполитой, сформулирована в первом памфлете Мычельского. «Нам, станам рыцарским,— писал автор,— из-за нашего размножения и раздробления наших владений нужно подумать, чтобы не обратились в крестьянское состояние, что между рыцарскими людьми уже случается». Чтобы избежать такой судьбы, шляхта нуждается в новых землях, а из всех соседних государств такие земли может предоставить шляхте только русский царь. Во-первых, он вернет Речи Посполитой отобранные у Великого княжества земли¹⁸, на которых «в соответствии с заслугами» будут получать владения неимущие шляхтичи. Во-вторых, царь сам будет давать шляхтичам земли в России. Наконец, с открытием русских границ для польской феодальной колонизации станут возможными и другие способы добывать в тех краях владения.

В других памфлетах нет столь четкой постановки вопроса, как у Мычельского, но очевидно, что их авторы вполне разделяли его представления о возможных резуль-

¹⁶ *Sobieski W.* Studya historyczne. Lwów, 1912, s. 74; *Tyszkowski K.* Planu unii polsko-moskiewskiej na przełomie XVI i XVII w.— *Przegląd współczesny*, 1928, t. XXIV, s. 393.

¹⁷ *Дербов Л. А.* К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол в 1572—1576 гг.— *Уч. зап. Саратовск. ун-та*, 1954, т. 39, с. 194—197. Этот аспект польской концепции унии подчеркивает также В. Д. Королюк: *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954, с. 85.

¹⁸ В других памфлетах они определяются конкретно: Полоцк и Смоленск.

татах унии. С наступлением унии, указывал анонимный автор памфлета «*Sententia de elegendo novo rege*», «было бы так, как сперва поляки на Литве выслужили себе много, то же счастье могло бы быть поляку и литвину в Москве». По мнению другого публициста, дело может пойти в России еще лучше, чем в Литве. У царя «в Москве множество земли, он раздавал бы, а наши рады берут»¹⁹.

Таким образом, для шляхетских публицистов самым существенным было проведение мер, направленных на укрепление разными путями экономического положения шляхетского сословия. В большинстве памфлетов даже не ставился вопрос о возможности установления между Речью Посполитой и Россией «реальной» унии. Лишь у Мычельского мы встречаем скупое указание, что царь когда-то в будущем («*successu temporis*») может привести Москву «*ad unionem*» с Польшей по примеру Ягайлы²⁰, но эта мысль далее никак не развивается.

Заканчивая анализ совокупности воззрений публицистов «промосковского» лагеря, следует рассмотреть их ответы на вопрос, поставленный перед ними их политическими оппонентами: как повлияет на судьбу шляхетских прав и вольностей вступление на польский трон монарха, выросшего в условиях неограниченной власти. Изучение сохранившихся вариантов таких ответов позволяет не только составить представление о ряде дополнительных причин тяготения шляхты к русской кандидатуре, но и понять некоторые общие моменты в отношении шляхетских политиков не только к русскому монарху, но и к русскому народу и государству, что очень существенно для общей оценки системы их взглядов.

Наиболее полный и аргументированный ответ дал на поставленный вопрос Мычельский. Прежде всего он указывал, что «тирания» Ивана IV (под этим, как мы увидим далее, имелась в виду прежде всего его неограниченная власть) является не порождением его дурных качеств как личности, а результатом примитивного состояния русского общества. Иван IV «должен показывать над ними такую тиранию, так как он не может иным образом привести их к исполнению своих приказаний и сохранению

¹⁹ *Czubek J. Pisma...*, s. 357, 364.

²⁰ *Ibid.*, s. 362.

веры»²¹. Царя Мычельский характеризовал самым лестным образом — как храброго, мудрого и справедливого правителя, который «не имсет себе равного среди всех христианских монархов и королей». Действуя не по совету комнатных прихлебателей, но лишь по указаниям собственного разума, он и приумножил свое государство, и содержит его в добром порядке²². «Тирании же своей он не обращает против добрых своих подданных..., но только против изменников своих и своего государства»²³. Затем Мычельский обращается к перспективам, которые откроются после установления постоянных контактов русского монарха с польским обществом. Столкнувшись с высокоорганизованной польской средой, царь проникнется отвращением к «непристойным» русским обычаям и полюбит польские порядки и польский народ²⁴. Угрозы польским «вольностям» от него ждать нечего, так как в русском обществе, из которого он происходит, нет писанных законов, и поэтому Иван IV должен подпасть под влияние развитого польского права²⁵. К тому же ему придется считаться с реальным положением в стране, где он «за несоблюдение прав наших всегда может быть низложен». С другой стороны, то обстоятельство, что царь — правитель, привыкший к самостоятельным и решительным действиям, может иметь благодетельные следствия. Царь не станет подчиняться интригам придворных клик и будет решать дела публично при участии всех «станов»²⁶. Кроме того, суровыми мерами добиваясь от своих подданных соблюдения порядка, Иван IV сумеет и в Польше добиться «быстрого и неотложного оказания справедливости» и прекращения насилий, наездов и убийств и других зол²⁷.

С. Грушецкий, обративший особое внимание на эти высказывания Мычельского, справедливо видит в них отра-

²¹ Ibid., s. 377. Ср. сходную оценку (хотя и не сходные выводы!) в литовском памфлете Ротундуса: тиранство «в Москве есть и должно быть», так как это государство живет «языческим обычаем, какой был и у нас в Литве во время язычества». — Ibid., s. 354.

²² Ibid., s. 372—373.

²³ Ibid., s. 377.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid., s. 368.

²⁶ Ibid., s. 373.

²⁷ Ibid., s. 378.

жение устремлений антимангнатски настроенной части шляхты, искавшей себе сильного монарха, который сумел бы сломить могущество аристократии²⁸. Однако эти соображения характерны лишь для сочинения Мычельского и не встречаются в других памфлетах, где отсутствует и свойственная Мычельскому высокая оценка Ивана IV как государственного деятеля. Что же касается веры в неотразимость воздействия польской культуры на русского монарха, то ее разделяли все авторы, выступавшие за избрание Ивана IV. «Московит,— вторил один из них Мычельскому,— почитал бы все обычаи наши, так как по сравнению с московской грубостью все бы ему казалось наилучшим, и народ наш, и людей наших он без сомнения предпочитал бы своим»²⁹; другой подтверждал эту точку зрения сравнением из мира природы: лев, когда живет в лесу, становится жестоким, а в городе, среди людей, он меняется³⁰. Примеру монарха последовал бы затем и весь русский народ, который бы поляки «легко покорили своей человечностью и обычаями», тем более, что они обыкновенно бывают рады чужеземцам и охотно дают им пропитание³¹.

Можно отметить определенную противоречивость отношения шляхетских публицистов к русскому народу: признание его добрых качеств (например, гостеприимства) соседствует с явно пренебрежительной оценкой. Эта противоречивость станет еще более ясной, если принять во внимание специальную полемику этих публицистов против, по-видимому, распространенного среди части польской шляхты отрицательного отношения к русским. Так, один из анонимных публицистов писал: «А что говорят — Московский народ грубый — не видели его, а судят»³². Мычельский также находит нужным возражать против утверждения — «что это за люд Московский? Боязливый в бою», доказывая, что русские превосходят его соотечественников мужеством и споровкой³³.

Сопоставление между собой столь разных отзывов, встречающихся в сочинениях одних и тех же авторов,

²⁸ *Gruszecki S. Walka...*, s. 170—171.

²⁹ *Czubek J. Pisma...*, s. 357.

³⁰ *Ibid.*, s. 362.

³¹ *Ibid.*, s. 357.

³² *Ibid.*, s. 361.

³³ *Ibid.*, s. 395.

явно указывает на то, что мы имеем дело не с типичными для средневековья определенными однозначными (позитивными или негативными) оценками соседних народов, а с явлениями иного порядка. Сложность оценки в данном случае проистекает из того, что рассмотренные высказывания представляют собой попытку обобщить и одновременно перенести на Россию результаты длительного исторического общения между польской шляхтой и господствующим классом Великого княжества в XIV—XVI вв. Действительно, здесь — на территории Литвы, Белоруссии и Украины — польские шляхтичи сталкивались с обществом иным, чем в Польше, поскольку на этих территориях, претерпевших ужасы татарского нашествия, еще сохранялись те формы общественной жизни, характерные для раннего феодализма, которые в Польше отходили уже в прошлое, а в культурной жизни господствовал иной — восточно-христианский тип культуры. Как известно, процесс исторического общения завершился тем, что господствующий класс, а отчасти и городское население Великого княжества стало активно осваивать присущие Польше эпохи Возрождения формы общественной жизни и культуры, включая и связанный с этими формами польский язык. Это обстоятельство не могло не укреплять у польских феодалов чувство особого превосходства своей общественной организации и культуры над аналогичными явлениями в жизни обитателей Восточной Европы — восточных славян и литовцев — и сознание ее особой ценности. Вместе с тем развертывавшийся на Украине и в Белоруссии процесс быстрого освоения этих форм не оставлял места для утверждений о каких-либо естественных, природных недостатках восточных славян по сравнению с поляками, но, наоборот, показывал способность местных феодалов (с точки зрения польского шляхтича) к переходу от несовершенного, «варварского» состояния к совершенному устройству шляхетской «золотой вольности». Поскольку русский народ составлял в представлении польских публицистов одно целое с другими народами Восточной Европы, то ясно, что и ему такая способность также присуща по природе³⁴ и нужно

³⁴ Ср. высказывание Мычельского, предлагавшего своим оппонентам посмотреть, «каков был перед тем люд литовский и русский, а московский люд — та же Русь и то же племя», — Ibidem.

лишь ознакомить русских феодалов с развитыми формами польской жизни, чтобы снова повторился процесс, проходивший в более ранний период на территории Литвы, Белоруссии и Украины. По характерному утверждению одного из публицистов «как мы потянули за собой литовские державы к нашему языку и к обычаям своим, и к строю, то можно быть уверенным, что если бы мы (к себе на трон.— *Б. Ф.*) Московского взяли, то без сомнения, все тамошнее варварство с течением времени было бы нами реформировано»³⁵.

В таком механическом переносе известных явлений с одного объекта на другой заключался крупный политический просчет шляхетских политиков. Они не замечали качественных различий между монархией Ягайлы и Россией XVI в., где именно в это время на смену патримонiallyному княжеству Рюриковичей пришел возникший на самобытной основе русский вариант сословной монархии со своей сложной общественной структурой, своеобразными историко-правовыми и политическими доктринами. Внешние проявления действий этого нового общественного организма (например, организация сложной системы обороны южных границ) не прошли мимо внимания шляхетских политиков, но никаких выводов из этого не последовало. В целом, Русское государство, в котором, по свидетельству Мычельского, нет даже писаных законов³⁶, представлялось шляхетским идеологам как примитивное общество, развитие которого им легко удастся направить в нужном направлении. Эта концепция основывалась на предпосылках, не вытекавших из изучения действительности; поэтому и неудивительно, что она оказалась нереальной и практически неосуществимой.

Рассмотренные выше памфлеты составляли лишь небольшую часть появившихся в период первого «бескоролья» публицистических произведений. Подавляющая их часть была написана людьми, враждебными кандидатуре

³⁵ *Czubek J. Pisma...*, s. 633.

³⁶ Утверждение Мычельского заставляет усомниться в том, что «внутренние проблемы этого государства не были совсем чужды польской шляхте», как полагает С. Грушецкий (*Gruszecki S. Walka...*, s. 170); ведь «Судебник» Ивана III цитировался уже в сочинениях С. Герберштейна.

царя и стремившимися опровергнуть аргументацию его сторонников.

Обращаясь к рассмотрению доводов противников кандидатуры Ивана IV, следует сразу же констатировать отсутствие у подавляющей части авторов каких-либо сомнений, что условия, которые ставят в своих памфлетах польские сторонники царя своему кандидату, будут им приняты и исполнены. Лишь один анонимный публицист — сторонник Габсбургов — полагал, что царь «для нас не оголодил бы в панстве своем собственных сынов, да и они бы того не терпели, чтобы он вотчину у них стал брать и нам давать»³⁷. Другие таких сомнений не испытывали и были уверены, что трон Речи Посполитой представляет для правителей соседних стран столь большую ценность, что они примут любые предложенные польско-литовскими феодалами условия. Поэтому их аргументация была направлена прежде всего на доказательство того, что Ивана IV не следует выбирать, даже если он пойдет навстречу польско-литовским предложениям.

При таком подходе на первый план выдвигался, естественно, вопрос о «тирании» Ивана IV. Если публицисты, настроенные дружественно по отношению к Ивану IV, рассматривали его «тиранию» как продукт не личных свойств, а тех условий, в которых ему приходится действовать, то их противники, напротив, настаивали на том, что речь идет о «прирожденно» присущем Ивану IV стремлении к жестокости, «так как его мать — татарка», как отмечал один из публицистов³⁸. Кроме того: все равно «злой и застарелый дурной обычай превращается в прирождение, а прирождения не выбьешь и палкой»³⁹. Поскольку же царь по прирождению — жестокий «тиран», то нечего ждать, что после выбора на польский трон он станет считаться с шляхетскими «вольностями». Поэтому, — заключал один из авторов, — «боже избави нас от Москвы, если мы хотим быть вольной шляхтой польской»⁴⁰. В подтверждение своих суждений об Иване IV ряд публицистов поместили в своих сочинениях описания

³⁷ *Czubek J. Pisma...*, s. 446.

³⁸ *Ibid.*, s. 405.

³⁹ *Ibid.*, s. 445. По тем же соображениям отвергалась кандидатура царевича, так как «от волка овца не родится». — *Ibid.*, s. 353.

⁴⁰ *Ibid.*, s. 408.

устраивавшихся царем публичных казней и расправ⁴¹, а один из них указывал, что Иван IV окружен ненавистью и русского общества: «Москва подданным своим так ненавистен, что убегают от него, как могут: сыновья также рады бы от него поскорей избавиться и собственная жена, как говорят по правде, хотела его убить в постели»⁴². Такого рода общей оценкой «тирании» Ивана IV и возможных последствий его вступления на польский трон большая часть публицистов и ограничилась. Более глубоко подошел к вопросу лишь анонимный публицист, автор рифмованной «Беседы Леха с Пястом», который подверг критике тезис Мычельского о том, что польская шляхта достаточно сильна, чтобы положить конец возможным посягательствам на свои «вольности». По его мнению, исход такого конфликта мог оказаться совсем иным, ведь Иван IV «имеет в Польше и Литве больше (народа.— *Б. Ф.*) своего языка и веры, чем ляхского». Между тем, продолжает он, обращаясь к своим собеседникам, «ваше панование Руси надоело, и она может встряхнуть рогами, надеясь на государя своей веры, своего языка и своего народа». Если в конфликте со шляхтой, помимо населения его собственных земель, Иван IV получит поддержку «русского посольства», польским «станам» будет трудно овладеть ситуацией⁴³. Приведенное рассуждение, хотя и одинокое в обширной публицистике периода первого «бескоролья», показывает, что некоторые из шляхетских политиков учитывали в своих построениях этническую и конфессиональную неоднородность Речи-Посполитой (в случае избрания Ивана IV это могло быть использовано русским монархом для реализации его абсолютистских устремлений). Опасения возможного союза между царем и белорусским и украинским населением страны являются косвенным свидетельством того, что тяготение этого населения к великорусскому политическому центру, вероятно, проявилось в этот момент достаточно отчетливо.

Хотя изложенные выше доводы занимали в аргументации антимосковских публицистов центральное место, в их сочинениях имеются и другие доводы против избра-

⁴¹ *Czubek J. Pisma...*, s. 55, 425.

⁴² *Ibid.*, s. 446.

⁴³ *Ibid.*, s. 52.

ния Ивана IV. Это прежде всего соображения о внешнеполитических осложнениях, которые выбор царя может навлечь на Речь Посполитую. Так, для них было несомненно, что начнется война с Турцией, наступит конфликт с немецкими князьями и Габсбургами, наконец, Речи Посполитой придется и далее участвовать в Ливонской войне⁴⁴. Между тем, рассуждали они, Россия — это не тот сильный союзник, который поможет Речи Посполитой преодолеть столь значительные затруднения. Речь Посполитая (и прежде всего Польша) — вообще более сильное государство, чем Россия, хотя она и меньше размером, но гораздо более населена и богата⁴⁵, а теперь Россия — совсем обеднела из-за частых поражений, угона массы населения в полон татарами и непрерывных расправ царя над своими подданными⁴⁶. Такие оценки антирусскими публицистами военных возможностей России не только должны были подорвать доверие к доводам сторонников царя, но и дать обоснование для их собственной внешнеполитической программы. Не соглашаясь почти ни в чем со своими оппонентами из промосковского лагеря, публицисты других направлений молчаливо сходились с ними в одном: лишь выбор русского кандидата на польский трон мог привести к мирному разрешению противоречий между двумя восточноевропейскими державами. Отказ от выбора царя означал войну. В такой ситуации для противников царя приобретал значение вопрос, кто из возможных кандидатов на польский трон смог бы успешно вести борьбу с Иваном IV.

Теоретически, вероятно, наибольшее внимание с этой точки зрения могли привлечь к себе Габсбурги — правители наиболее крупной из соседствующих с Речью Посполитой держав. Кандидатура эрцгерцога Эрнеста, сына императора Максимилиана II, пользовалась поддержкой целого ряда влиятельных магнатов и представителей духовенства, но широкие круги шляхты почти с самого начала «бескоролья» проявляли глубокую враждебность к австрийскому кандидату. Основные причины этой враждебности достаточно выявлены польскими исследователями. Во-первых, австрийский эрцгерцог был представите-

⁴⁴ Ibid., s. 405, 425, 434.

⁴⁵ Ibid., s. 432.

⁴⁶ Ibid., s. 425.

лем германской княжеской династии, немцем, а представление о извечной непримиримости интересов польского и немецкого народов было к этому времени прочно усвоено польской шляхтой⁴⁷. Во-вторых, Габсбурги имели среди шляхты прочную репутацию правителей, которые на подчиненных им территориях пытаются ограничить привилегии сословий и подчинить их своему централизованному аппарату с его бесчисленными поборами. Наконец, шляхта опасалась, что с выбором Габсбурга Речь Посполитая окажется вовлеченной в долгую войну с Турцией, которая разорит страну, а император не сможет оказать полякам реальной помощи (об этом выразительно говорил пример разоренной турками Венгрии)⁴⁸. Такая позиция едва ли не подавляющей части коронной шляхты уже осенью 1572 г. заставила, как это уже отмечалось, более реалистических польских политиков искать других кандидатов на польский трон.

Часть протестантской магнатории (сенаторы Королевской Пруссии, некоторые предводители малопольских протестантов) и шляхты склонна была поддерживать кандидатуру шведского короля Юхана III⁴⁹. Уже осенью 1572 г. появились первые памфлеты, рекомендовавшие его шляхте⁵⁰. Наряду с другими аргументами определенная роль была отведена в них и ссылкам на успехи Юхана III в войне с Россией, которую он уже с 1569 г. вел в Ливонии⁵¹. Назначение этих ссылок раскрывается в одном из сочинений, написанных для пропаганды шведского кандидата: «С этим соединением (Речи Посполитой со Швеци-

⁴⁷ Не случайно, в публицистических текстах 1572—1573 гг. можно найти в несколько измененной форме знаменитую пословицу: «Jak świat światem, nie będzie Polak Niemcowi bratem» (Пока стоит мир, поляк немцу братом не будет).— *Tazbir J. Rzeczpospolita i świat. Studia z dziejów kultury XVII w. Warszawa, 1971, s. 37.*

⁴⁸ Подробную характеристику взглядов шляхты на австрийского кандидата см.: *Gruszecki S. Walka...*, s. 108—121.

⁴⁹ О шведской кандидатуре см.: *Plaza S. Próby reform ustrojowych w czasie pierwszego bezkrólewia (1572—1574). Kraków, 1969, s. 87—89; Gruszecki S. Walka...*, s. 177—178.

⁵⁰ С уверенностью это можно утверждать о памфлете «Circumstantiae albo kondycye Które za sobą ma król szwedzki», поскольку полемический ответ на это сочинение датирован ноябрем 1572 г. (*KotarSKI E. Publicystyka Jana Dymitra Solikowskiego. Toruń, 1970, s. 110.*)

⁵¹ *Czubek J. Pisma...*, s. 426.

ей.— *Б. Ф.*) шведское королевство, как могучая башня, всегда может быть нам полезно против Московского, так что если где-нибудь началась война, татары за деньги готовы, с другой стороны — шведы. С божьей помощью могли бы мы тогда у этого неприятеля не только свое назад отобрать, но и его собственное себе присвоить»⁵². Это рассуждение должно было убедить читателей в том, что именно выбор шведского короля на польский трон и военно-политический союз со Швецией обеспечат Речи Посполитой победоносное окончание восточной войны. Однако успехи Юхана III в войне с Россией далеко не были столь очевидными, как казалось некоторым публицистам прошведского лагеря. Характерно, что утверждения одного из анонимных публицистов о «счастье» Юхана III в этой войне вызвало насмешливую реплику Я. Д. Соликовского: «С Московским счастливый, а что у него взял?»⁵³ Даже среди самих сторонников этого кандидата были известные сомнения на тот счет, сможет ли шведский король успешно справиться со стоящими перед Речью Посполитой трудностями⁵⁴. Во враждебных шведской кандидатуре сочинениях эти сомнения выражались в несравненно более сильной форме: Юхан III «не может защититься ни от датского короля, ни от Московского, а как бы он нас защитил от неприятелей коронных»⁵⁵.

Ненадежность Швеции как союзника, недоверие к военно-политическим возможностям Шведского королевства обращали внимание шляхты к кандидатуре Генриха Анжуйского, представлявшего на выборах Францию, хотя и ослабленную религиозными войнами, но все же остававшуюся крупнейшей европейской державой того времени. О планах, связывавшихся господствующим классом Речи Посполитой с французской кандидатурой, позволяют судить обещания французских послов на элекции⁵⁶, несомненно подсказанные им польскими сторонниками Генриха Анжуйского. Послы обещали, что будет заключен «вечный союз» между Францией и Речью Посполитой и

⁵² Ibid., s. 465—466.

⁵³ Ibid., s. 465.

⁵⁴ Ibid., s. 426.

⁵⁵ Ibid., s. 443.

⁵⁶ Ibid., s. 504—505.

что Франция добьется прочного мира между Речью Посполитой и Турцией. Послы предложили также, чтобы французское правительство «на свои средства» (*suis sumptibus*) вело войну с Россией за возвращение земель, некогда входивших в состав Великого княжества. Помимо денежных субсидий, французский король должен был прислать для участия в будущих военных действиях 4-тысячный корпус гасконцев. Содержание изложенных обязательств ясно говорит о том, что польские феодалы, поддерживавшие французского кандидата, определенно брали курс на возобновление войны с Россией, которую они рассчитывали выиграть при поддержке Франции.

Таким образом, перед средним шляхтичем — читателем рассмотренных нами ранее произведений — обрисовывались две перспективы дальнейшего развития Восточной Европы. Одна обещала мир на востоке, но угрожала опасностью шляхетским вольностям. Другая же вела к возобновлению долгой и разорительной войны. Обе эти перспективы не могли полностью удовлетворить шляхту, отдельные группы которой пытались найти третье решение, при котором отпали бы отрицательные стороны обоих обрисованных выше вариантов.

Попытка такого решения дана в памфлете «*De electione novi regis*». В заключительном разделе этого сочинения анонимный автор специально рассматривает возможности избрания на польский трон русского кандидата. Свой разбор он начинает со следующей дилеммы: выгоды от мира с Россией неоспоримы, но вместе с тем Иван IV «с большой свирепостью действовал против нас, а над подданными своими и теперь чинит зверства»⁵⁷. Поэтому царя можно бы избрать лишь на определенных условиях, при которых бы он «жестоким тираном быть не мог». Условия эти следующие: царь должен вместе со своей землей принять «христианскую веру и религию» (т. е., очевидно, католицизм), взять в жены польскую принцессу, передать свою казну в коронный скарб и, наконец, «на вечные времена» присоединить к Короне своих сыновей и всю свою землю «как была присоединена прусская земля»⁵⁸. Содержание кратких высказываний

⁵⁷ В других отношениях, по мнению автора, это достойный правитель: «храбрый, могущественный».

⁵⁸ *Czubek J. Pisma...*, s. 403.

автора памфлета позволяет раскрыть сопоставление его проекта с более подробным проектом (1572 г.) А. Чешельского, близким рассуждениям нашего памфлетиста не только своей основной идеей, но и рядом конкретных решений.

Ясно, что выбор Ивана IV должен был привести прежде всего к ликвидации Русского государства как самостоятельной державы и его превращению в зависимое от Речи Посполитой образование — «лен», подобный Прусскому герцогству. Тем самым Иван IV утрачивал положение самостоятельного правителя и оказывался в определенной зависимости от польских феодалов. Эта зависимость усугублялась «присоединением» его сыновей к Речи Посполитой, т. е. их передачей на воспитание и под опеку польско-литовских сенаторов, которые, очевидно, решали бы в будущем, кто из них унаследует по смерти Ивана IV польский трон, а кто будет «ленником» Речи Посполитой на московском троне. К этим заимствованным у Чешельского положениям аноним добавил еще один пункт, который должен был усилить эту зависимость: передача царского «скарба» в польско-литовскую казну не позволила бы Ивану IV использовать эти средства для создания собственной «партии» в Речи Посполитой. Проведение в жизнь этих условий должно было передать распоряжение будущими судьбами утратившей самостоятельность России в руки польско-литовских феодалов и поставить бывшего русского монарха в полную от них зависимость. При этом, по-видимому, не должны были затрагиваться сословные права русских феодалов, как не были ограничены сословные права прусских феодалов с превращением княжеской Пруссии в польский лен.

Высказывания памфлетиста показывают, что в отдельных вопросах он был способен мыслить более реалистично, чем Чешельский. Так, если Чешельский думал, что Иван IV согласится на подобные условия в обмен лишь за возможность видеть в будущем своего сына на польском троне, то анонимный автор предлагал в обмен за уступки польский трон самому Ивану IV. Вместе с тем он в отличие от Чешельского не ставил вопроса о раздроблении Русского государства, которое, как польский «лен», должно было сохранить свое единство. Этим уступок реализму было, однако, недостаточно для того, чтобы обрисованная в памфлете программа могла быть принята

какой-либо влиятельной группировкой польской шляхты. Никаких откликов на нее в богатой публицистике 1572—1573 гг. не обнаруживается. Судя по всему главные группировки шляхетских политиков при всех различиях во взглядах хорошо понимали, что нет никаких оснований ожидать, чтобы Иван IV согласился на подобные условия.

В январе 1573 г. был созван конвокационный сейм. Французский посол Ж. Монлюк сообщал в Париж, что на сейме слушали московского посланца, объяснявшего, что действия Ивана IV в Ливонии направлены только против шведов и просившего «опасной грамоты» для царских послов. Влоцлавский воевода Ян с Кротошина предложил обсудить с посланцем и другие вопросы, но остальные участники сейма резко выступили против этого⁵⁹. Отчет Ж. Монлюка дополняет донесение неизвестного лица, где указывается, что, по мнению участников сейма, царь «последний кандидат, о котором следовало бы говорить»; при этом упоминалось о его «бесконечных жестокостях»⁶⁰. Хотя упоминание о московском посланце на конвокации не подтверждается данными других источников⁶¹, все же представляется вероятным, что на конвокации произошло столкновение, закончившееся неблагоприятно для сторонников царя. На участников сейма, очевидно, уже успели оказать влияние многочисленные брошюры, авторы которых ярко описывали «тиранство» Ивана IV. Это, однако, еще не означало полного отхода шляхты от русского кандидата. Характерно, что французские дипломаты и после января 1573 г. продолжали выражать свою озабоченность развитием событий в Речи Посполитой⁶². Еще

⁵⁹ Ж. Монлюк — Карлу IX. 22 января 1573 г.— *Noailles de E. Henri de Valois et la Pologne en 1572*, t. III. Paris, 1867, p. 220.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 280.

⁶¹ Какой-либо русский гонец, побывавший в Речи Посполитой в начале 1573 г., не упоминается ни в текстах русско-польской дипломатической документации этого времени, ни в сохранившемся описании утраченной посольской книги (см.: Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 109).

⁶² См., например, отзыв французского посла в Венеции от апреля 1573 г. о Московите, «которого сегодня предпочитают другим» (*Charrière E. Négociations de la France dans le Levant*, v. III. Paris, 1856, p. 386). Аналогичного характера отзыв содержится в письме французского посла в Константинополе от 4 июня 1573 г. (*Ibid.*, p. 391).

более показательны, что уже после конвокации появился ряд новых памфлетов, направленных против кандидатуры царя, в том числе знаменитая «Крушвицкая беседа» Я. Д. Соликовского, датированная 10 февраля 1573 г. В этом сочинении главный публицист «французской» партии пытался подкрепить доводы антирусских политиков ссылками на экономическое соперничество России и Речи Посполитой на европейском рынке, что не позволит царю проводить такую политику, которая соответствовала бы интересам обоих государств одновременно ⁶³.

Выпуск новых памфлетов не привел к серьезному ослаблению позиций «промосковской» группировки коронной шляхты. 5 апреля папский легат сообщал в Рим, что кандидатура царя встречает полное одобрение (*grandissimo applauso*) дворян, особенно «еретиков» ⁶⁴. Хронист Р. Гейденштейн также констатировал, что «большая часть шляхты склонялась к царю» ⁶⁵. Однако когда 19 апреля М. Гарабурда зачитал в сенате «ответ» царя на литовские предложения ⁶⁶, позиция шляхты резко изменилась. Царский «ответ» был жестоким ударом по планам «промосковской» группировки шляхетских политиков. Царь не только не был намерен отдать пограничные области для поселения беднейшей шляхты, но требовал передать ему Киев. Более того, вырисовывавшийся из царского «ответа» замысел Ивана IV разорвать Люблинскую унию и добиться сепаратного избрания на литовский трон ставил под угрозу и результаты польской феодальной колонизации на землях Украины и Белоруссии. Требование же наследственной власти в Речи Посполитой было явным покушением на одну из главных шляхетских вольностей — свободу элекции.

Неудивительно, что после зачитания царского «ответа», как отметил М. Бельский, «когда это услышали, отпало у всех сердце от московского» ⁶⁷. И это свидетельство не единично. «Московит,— вспоминал в своих мемуарах

⁶³ *Czubek J. Pisma...*, s. 479—481.

⁶⁴ *Uchańściana*, t. IV. Warszawa, 1892, s. 57.

⁶⁵ *Heidenstein R. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594 ksiąg XII*, t. I. SPb., 1854, s. 71.

⁶⁶ *Orzelski S. Bezkrólewia ksiąg ósmioro czyli dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 do r. 1576*, t. I. SPb.—Mohylew, 1856, s. 92.

⁶⁷ *Bielski M. Kronika polska*, t. 3. Sanok, 1856, s. 1311.

Ж. Шуанен, — внушал нам страх, но письмо, которое он написал, сделало его столь одиозным, что не было никого, кто хотел бы сказать о нем одобрительно»⁶⁸. 1 мая, еще до вступления выборов в заключительную стадию, австрийские послы могли сообщить Максимилиану II, что победы царя на выборах можно не опасаться⁶⁹.

Стоит отметить, что при этом шляхта отнеслась отрицательно и к той части русских предложений, которые касались заключения «вечного мира» и союза против турок между Москвой и Речью Посполитой, что со всей определенностью вытекает из хода дискуссий на элекционном сейме. Показательно, — когда сторонники императора, используя царский ответ в своих целях, пытались привлечь шляхту на сторону эрцгерцога и указывали, что выбор этого кандидата позволит сохранить мир на Востоке и даст возможность европейским державам совместно действовать против турок⁷⁰, их попытки оказались безрезультатными. Еще более важно, что на завершающем этапе дискуссии, когда, как заметил С. Ожельский, были важны те доводы, которые говорили в пользу Генриха Валуа или шведского короля⁷¹, заметное место занял вопрос об оценке военно-политических возможностей кандидатов с точки зрения их способности вести войну с Россией. Шведские дипломаты приложили значительные усилия, чтобы убедить сенаторов и шляхту избрать Юхана III на польский трон и заключить военно-политический союз со Швецией. Идея такого союза, выдвинутая первоначально в речи шведских послов от 16 апреля⁷², была затем облачена в более четкие формы в их обращении от 5 мая 1573 г. к шляхте⁷³. Они заверяли, что Речь Посполитая и Швеция, объединив свои войска, легко изгонят Ивана IV из Ливонии, вернут назад земли, некогда «коварно» отнятые у Великого княжества московскими князьями, и вообще смогут расширить границы Литвы и Короны на Востоке за счет «враждебных земель». Эти предложения полностью одоб-

⁶⁸ *Choisnin J. Memoires...*, p. 414.

⁶⁹ *Kraushar A. Olbracht Łaski wojewoda sieradzki*, t. I. Warszawa, 1888, s. 209—210.

⁷⁰ *Orzelski S. Bezkrólewia...*, s. 125.

⁷¹ *Ibid.*, s. 132.

⁷² *Ibid.*, s. 62; *Broel-Platter W. Zbiór...*, t. III, s. 167.

⁷³ *Ibid.*, s. 174—175.

рил и развил в большой речи один из ведущих коронных политиков краковский воевода Ян Фирлей. Восхваляя военные достоинства шведских войск, которые «в совершенстве знают, как вести войну в московском крае», оратор убеждал слушателей, что после соединения военных сил Речи Посполитой и Швеции «государство Московское несомненно рухнет»⁷⁴. Речь Фирлея следует оценить, как принципиально новое явление в истории польской политической мысли. Весьма влиятельная группировка феодалов Короны устами одного из своих ведущих представителей не только одобрила программу военных действий против России в союзе со Швецией (что не было новостью), но и сформулировала конечную цель войны как полное поражение Русского государства.

Однако убедить господствующий класс Речи Посполитой в реальности своей внешнеполитической программы «прошведской» группировке не удалось. Решительным оппонентом Фирлея выступил один из ведущих литовских политиков староста жмудский Ян Ходкевич. Подвергнув критике и личность Юхана III, и его методы правления (по мнению Ходкевича деспотические), он недвусмысленно указал на ту основную причину, которая побуждала шведского короля добиваться польской короны: «Если поляки не возьмут его к себе королем, то Москва у него заберет все будущей зимой»⁷⁵. Как указывает С. Ожельский, это выступление Я. Ходкевича сыграло решающую роль в провале шведской кандидатуры. Несомненно, высказывания наместника Сигизмунда II в Ливонии, признанного знатока балтийских дел, были достаточно авторитетными для собравшейся на сейм шляхты. Но немалое значение имел, вероятно, и тот факт, что развитие событий в Ливонии зимой — весной 1573 г. наглядно подтверждало правильность его прогнозов. Уже зимой 1573 г. русская армия взяла штурмом Пайде — один из главных шведских опорных пунктов в Эстонии⁷⁶. Военный перевес России был очевидным. Это делало доводы Яна Ходкевича особенно убедительными и заставляло шляхетских политиков соглашаться с той оценкой, которую дал возможным последствиям унии со Швецией

⁷⁴ *Orzelski S. Bezkrólewia...*, s. 130.

⁷⁵ *Ibid*, s. 133—134.

⁷⁶ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 248—249.

Я. Д. Соликовский: «Тягот бы нам прибыло, так как мы должны были бы защищать их (шведов.— Б. Ф.) от Москвы»⁷⁷. После того как шляхта отвергла и австрийского, и шведского кандидата, «на поле битвы» остался один Генрих Анжуйский, который в мае 1573 г. и был провозглашен королем польским и великим князем литовским.

Таким образом, когда выяснилось, что программу мирной экспансии польско-литовских феодалов на Восток русское правительство принять не желает, господствующий класс Речи Посполитой склонился к решению возобновить вооруженную борьбу за господство в Восточной Европе, используя при этом войска и финансы Франции. Правда, за время короткого правления Генриха Валуа до войны между Россией и Речью Посполитой дело не дошло, однако принятые сразу по приезде Генриха в Польшу меры по усилению блокады Нарвы⁷⁸ — русского порта на Балтике — ясно показывают, в каком направлении должна была развиваться в ближайшее время внешняя политика страны.

⁷⁷ *Czubek J. Pisma...*, s. 493.

⁷⁸ *Attman A. Den ryska marknaden i 1500 talets baltiska politik.* Lund, 1944, s. 245—246.

Второе «бескоролевье» в Речи Посполитой и кандидатура Ивана IV на польский трон (1574—1576 гг.)

Правление Генриха Анжуйского вопреки ожиданиям оказалось непродолжительным. В июне 1574 г., узнав о смерти своего брата Карла IX, он тайно бежал в Париж, и польский трон стал вакантным. Расчеты польско-литовских феодалов решить свои проблемы с помощью Франции рухнули. Господствующему классу Речи Посполитой предстояло искать нового кандидата на польский трон, выбор которого помог бы укрепить международное положение государства и удовлетворить социальные требования борющихся за власть феодальных группировок. Благодаря работам ряда исследователей (прежде всего В. Закшевского, Ф. Вержбовского, И. Мацурека), достаточно хорошо известна общая расстановка сил в господствующем классе Речи Посполитой во время второго «бескоролевья».

Из государей и вельмож, стремившихся занять опустевший трон, далеко не все сумели обеспечить себе поддержку сильных группировок польско-литовских феодалов.

Несмотря на большие усилия, затраченные шведским послом А. Лорихсом, так и не сложилось «прошведской» группировки ни в Короне, ни в Литве. Новые неудачи в войне с Россией способствовали дальнейшему падению в глазах магнатории и шляхты политического авторитета и шведского правителя, и шведского королевства. На элекционном сейме осенью 1575 г. лишь 5—6 второстепенных политиков отдали свои голоса за Юхана III¹. Небольшая, но политически активная группировка протестантской малопольской шляхты, объединявшаяся вокруг

¹ О шведской кандидатуре см.: *Zakrzewski W.* Po ucieczce Henryka. *Dzieje bezkrólewia, 1574—1575.* Kraków, 1878, s. 223—224, 394—395.

краковского воеводы П. Зборовского, поддерживала кандидатуру крупнейшего чешского магната Вилема из Рожмберка. С его избранием связывались проекты создания в Центральной Европе польско-чешского политического блока, который должен был стать базой для ведения войны с Россией (сам претендент обязывался пожертвовать на войну 2 млн. золотых). Однако связанная с реализацией этого проекта перспектива усиления протестантизма в стране оттолкнула от него католическую шляхту, а сам В. Рожмберк — подданный Максимилиана II — не решился пойти на открытое единоборство с претендовавшими на польский трон Габсбургами². Ряд влиятельных коронных политиков поддерживали кандидатуру феррарского герцога Альфонсо д'Эсте, но этот владетель маленького итальянского княжества также не посмел открыто противостоять Габсбургам³. Не выдвигал открыто свою кандидатуру на первых этапах политической борьбы и семиградский воевода Стефан Баторий, не имевший ни в Литве, ни в Короне своей сильной «партии»⁴.

Такая нерешительность претендентов лишь отчасти объяснялась опасениями столкнуться со всем могуществом Австрийского дома. Не меньшее значение имело то обстоятельство, что в Речи Посполитой на протяжении 1574—1575 гг. сложилась влиятельная политическая группировка, готовая посадить на польский трон австрийского кандидата⁵. В Короне к числу его приверженцев принадлежал целый ряд представителей высшего католического клира, которым после долгих усилий удалось привлечь на свою сторону самого главу католической церкви архиепископа Я. Уханьского, а также многих светских сенаторов. Еще более сильными были позиции этой группировки в Великом княжестве, где подавляющая часть литовских магнатов последовательно поддерживала Габс-

² О кандидатуре Рожмберка см.: *Macûrek J. Āechove a Poláci v druhé polovině XVI století. Praha, 1948, roz. II.*

³ О кандидатуре Альфонсо д'Эсте см.: *Zakrzewski W. Po ucieczce...*, s. 217—222.

⁴ *Bazyłow L. Starania Stefana Batorego o koronę polską.— Nauka i sztuka, 1948, t. 7, s. 22—25.*

⁵ Формирование «проавстрийского» лагеря в Речи Посполитой детально прослежено в работах В. Закшевского (*Po ucieczce...*) и Ф. Вержбовского (*Zabiegi cesarza Maxymiliana o koronę Polską.— Ateneum, 1879, t. 4.*)

бургов на протяжении всего второго «бескоролья»⁶. Несомненно, как и в предшествующие годы, светские и духовные магнаты обеих частей Речи Посполитой связывали с победой австрийского кандидата планы установления магнатской олигархии в стране⁷. Наряду с этим следует выделить и некоторые мотивы, характерные именно для позиции литовцев. В соглашении литовских магнатов от 1 ноября 1574 г. необходимость выбора австрийского кандидата аргументировалась следующим образом: «С таким государем может быть [установлен] не только мир границам нашим... но и соглашение между главными христианскими государями против всех поганых врагов Креста Святого. И великий князь Московский еще на прошлой элекции через пана Гарабурду сообщал, что он желает этого»⁸. Ссылка на М. Гарабурду ясно показывает, что решение о поддержке австрийского кандидата сложилось у литовских магнатов под воздействием результатов русско-литовских переговоров. Не веря в успех войны против России и понимая невозможность подчинить русское правительство своим расчетам, литовские политики искали возможность выхода в предложенном Иваном IV проекте антитурецкой коалиции. Совместная война России, Речи Посполитой и империи Габсбургов против Турции (как следствие выбора австрийского кандидата) способствовала бы, согласно их расчетам, установлению длительного мира между Россией и Речью Посполитой и сохранению господства литовских феодалов над белорусскими землями. Принять это решение было тем легче, что с началом войны против Турции земли Великого княжества наверняка оказались бы вне сферы военных действий.

⁶ Тексты соглашений литовских магнатов с обязательством поддерживать кандидата Габсбургов на выборах см.: Czart., 2242, n 33—34; BOZ, N 1809/1, k. 23; AGAD. Archiwum Zamoyskich, N 3081, k. 43, 46—48.

⁷ Не случайно, что если Габсбурги выдвигали кандидатуру второго сына императора эрцгерцога Эрнеста, то сенаторы настаивали на выборе самого Максимилиана II, несомненно рассчитывая на то, что император по-прежнему будет пребывать в Вене, а реальная власть сосредоточится в руках сената.

⁸ *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория, т. 1. СПб., 1904, с. 118; см. также: Archiwum Jana Zamojskiego kanclerza i hetmana wielkiego koronnego, t. I. Warszawa, 1904, N 53.

Кандидатура Ивана IV, как отметил уже В. Закшевский⁹, в рядах сената не имела почти никакой поддержки: на собравшемся осенью 1575 г. элекционном сейме лишь двое сенаторов в своих выступлениях упомянули о возможности выбора царя. Вместе с тем уже на первых этапах политической борьбы Иван IV без всяких усилий с его стороны стал главным кандидатом литовской¹⁰ и польской¹¹ шляхты на польский трон. Одной из главных причин нового обращения шляхты к кандидатуре русского царя было, как отметил уже В. Закшевский¹², наступившее в 1574—1575 гг. обострение отношений между магнатерией и шляхтой. Из компромисса феодальных группировок, который привел к избранию Генриха Анжуйского, всю выгоду извлекли магнаты. Пользуясь неопытностью молодого короля, они за краткий период его правления сумели завладеть значительной частью королевских имений, а теперь вынашивали планы установления магнатской олигархии. В ответ на эти действия в шляхетской среде получила популярность идея новой «экуекции добр», более строгой чем первая, «если только не московской», т. е. проведенной путем расправы с магнатами¹³. В этих условиях взгляды шляхтичей обращались к Ивану IV как правителю, который решительными действиями мог бы сломить власть магнатов¹⁴. Разумеется, при этом речь не шла о каких-то уступках русскому монарху. Иван IV по-прежнему оставался для его сторонников «вторым Ягайлой» — орудием для осуществления внутри- и внешнеполитических концепций шляхты.

Главную силу этого лагеря составляли «рутены». Уже Ф. Коммендоне в 1573 г. констатировал, что именно они отстаивали кандидатуру царя¹⁵. О том, что почти «вся

⁹ *Zakrzewski W.* Po ucieczce..., s. 418.

¹⁰ О позиции литовской шляхты см.: *Floria B.* Magnateria litewska a Rosja w czasie drugiego bezkrólewia.— *Odrodzenie i reformacja*, XXVII. Warszawa, 1977, s. 146—147.

¹¹ О позиции польской шляхты см.: *Zakrzewski W.* Po ucieczce..., s. 227; Викентий Лаурео, мондовский епископ, папский нунций в Польше и его неизданные донесения кардиналу Комскому. Варшава, 1887, с. 76.

¹² *Zakrzewski W.* Po ucieczce..., s. 395.

¹³ *Pałucki W.* Drogi i bezdroża skarbowości polskiej XVI i pierwszej połowy XVII wieku. Wrocław, 1974, s. 102—103.

¹⁴ Викентий Лаурео..., с. 244.

¹⁵ *Uchańściana*, t. IV. Warszawa, 1892, s. 75 (донесение от 24 апреля 1573 г.).

Русь» поддерживает кандидатуру Ивана IV, писали во время второго «бескорольвья» и папский нунций в Рим, и литовские сенаторы в Вену¹⁶. Из содержания их сообщений видно, что указанный термин охватывал и православных украинских феодалов Волыни и Киевщины, и польских шляхтичей юго-западных земель Короны («Русского» воеводства). При этом именно вторая из указанных групп отличалась наибольшей активностью. Нунций специально отмечал деятельность «русских» родственников примаса¹⁷, членов семьи Уханьских, — шляхтичей Белзского воеводства. На элекционном сейме осенью 1575 г. Павел Уханьский был главным оратором «промосковского» лагеря. Известно также об общем решении польской шляхты Белзского, Русского и Подольского воеводств на предэлекционном сеймике поддержать на выборах кандидатуру Ивана IV¹⁸. То, что наибольшую политическую активность проявляла именно эта группировка шляхты, представляется глубоко закономерным. Осуществление «соединения» с Россией максимально соответствовало интересам этой группировки господствующего класса Речи Посполитой — главной силе польской феодальной колонизации на Востоке. «Соединение» должно было открыть для нее необъятные просторы «Московского царства» и одновременно обеспечить надежную защиту ее украинских имений от турецких и татарских набегов.

Правда, условия, предложенные Иваном IV через М. Гарабурду, были неприемлемы, но, по свидетельству М. Бельского, уже во время элекции часть шляхты сочла эти условия вымыслом враждебных царю литовских магнатов¹⁹. По мере обострения отношений с магнатерией эта версия стихийно получала в шляхетской среде все большее распространение. Однако намерения царя оставались неясными и неудивительно, что с самого начала

¹⁶ Викентий Лаурео..., с. 244; *Вержбовский Ф.* Посольство Иоанна Кобенцеля в Москве в 1575—1576 гг. — Варшавские университетские известия, 1896, VII, с. 9—10. Приложения, с. 33.

¹⁷ Викентий Лаурео..., с. 260.

¹⁸ *Orzelski S.* Bezkrólewia ksiąg ośmioro czyli dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta, t. II. SPb. — Mohylew, 1856, s. 259. О сторонниках Ивана IV в Русском воеводстве см. также депешу феррарских послов от 22 февраля 1575 г. — PAN, rkp. 8717, s. 65.

¹⁹ *Bielski M.* Kronika polska, t. 3. Sanok, 1856, s. 1311.

«промосковский лагерь» стал энергично искать контактов со своим кандидатом. Дело было нелегким, так как М. Радзивилл и Я. Ходкевич поставили дозоры на литовско-русской границе, чтобы воспрепятствовать сношениям между русским правительством и польской шляхтой²⁰. Все же сторонникам Ивана IV удалось найти путь к нему через литовского магната Яна Глебовича, зятя Яна с Кротошина.

В своих письмах к Ивану IV, написанных летом — осенью 1574 г., литовский вельможа информировал царя о плане созыва в Стенжице в мае 1575 г. сейма для решения вопроса о судьбе польского трона и от имени сторонников Ивана IV в Литве и Короне настоятельно советовал выслать на проектируемый съезд русских послов. «А не пошлешь никого, — писал Я. Глебович, — не начаясь (стать польским королем. — *Б. Ф.*), бо цесарь крестьянский и много иных государей послы готовят». Послы Ивана IV, указывая далее, должны прежде всего сообщить, что царь намерен дать присягу соблюдать шляхетские права и вольности. К письму был приложен текст «Генриховских артикулов» и других обязательств Генриха Валуа и Карла IX²¹, что, очевидно, должно было, по мысли Я. Глебовича, помочь русским политикам подготовить текст соответствующих обязательств от имени царя. Без таких обязательств царь не может рассчитывать на успех, «не будучи дедичом папшей земли»²².

Так Иван IV был поставлен в известность о положении в Речи Посполитой и о том, что ждут от него его сторонники. Он, однако, отказался следовать их рекомендациям и не отправил в Стенжицу своих послов. Одной из причин такой сдержанности было, несомненно, то обстоятельство, что судьба польского трона оставалась неясной с правовой точки зрения. Несмотря на бегство Генриха Анжуйского из Польши, он не был низложен «станами» и юри-

²⁰ *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. II, s. 113.

²¹ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ор ГБЛ). Собрание Троице-Сергиевой Лавры (далее — Тр.), II, № 17, л. 198—203 («Артикулы Генриховские»), л. 203—204 (предвыборные обещания Генриха Валуа), л. 205—208 об. (Обещания Карла IX).

²² Лишь вопросы о «послушенстве папе» и титулатуре будущего монарха как особо сложные для урегулирования могли бы быть, по его мнению, отложены до окончательного решения в будущем. — Там же, л. 193 с об. — 198.

дически оставался польским королем. На эту сторону дела царь не преминул указать Я. Глебовичу в своем ответе, отклоняя его предложение. «Тому как возможно статься,— писал он,— что украсти государство и украдом на государство приехать и послов своих послати, а король неведомо будет, неведомо не будет». Такое посольство будет для царя лишь «за поспешно и себе в укоризну»²³. Сдержанность Ивана IV была результатом понесенной им незадолго до этого неудачи: когда уже после избрания Генриха Анжуйского в Москву прибыл польский гонец А. Тарановский для переговоров о продлении перемирия, он уверил царя, что Генрих Анжуйский в Польшу не приедет. Положившись на эти заверения, Иван IV обратился к польской и литовской «радам» с просьбой об опасной грамоте для «великих послов», которых он был намерен отправить в Польшу для переговоров об условиях «соединения»²⁴. Когда Генрих Анжуйский все же прибыл в Польшу, царь и его советники оказались в неудобном положении. Поэтому в Москве были твердо намерены на этот раз не повторять подобной ошибки. Учитывая, однако, всю важность дела, можно все же думать, что русское правительство решилось бы пренебречь этими моментами, если бы оно могло быть уверено в конечном успехе своей акции. Но оснований для такой уверенности у царя и его советников не было. В возникновении сомнений относительно возможности выбора Ивана IV на польский трон не последнюю роль сыграл тот же А. Тарановский.

Не посвященный в махинации литовских политиков, посланец невольно выдал Ивану IV их игру, рассказав, как собравшаяся на элекции шляхта долго и безрезультатно ждала русских послов, а затем решила, что видно царь не хочет стать польским королем²⁵. В гневе царь отправил к литовским сенаторам послание, в котором перечислял «все збродни, чим его отселе з Литвы сводили»²⁶. Разумеется, после этого доверие в Москве к исходящим из Литвы предложениям сильно упало. Во-

²³ Там же, л. 217 с об.

²⁴ Об этом эпизоде подробнее см.: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою. СПб., 1904, с. 16—19.

²⁵ Там же, Приложение, с. 17—18.

²⁶ Акты Западной России, т. III. СПб., 1848, с. 170.

первых, не могла внушать большого доверия и личность Я. Глебовича, от которого, как ясно видно из царского ответа на письмо последнего, с момента его выезда из России не поступало никаких известий. Во-вторых, А. Тарановский сообщил царю, что присланные на элекционный сейм М. Гарабурдой царские «кондиции» включали в себя такие пункты (например, отмена вольной элекции), которые «были против вольностям и правам нашим» и «оскорбили панов Короны Польской и Великого княжества Литовского»²⁷. Ознакомившись затем с «Генриховскими артикулами», царь и его советники могли уже составить себе полное и всестороннее представление о глубоких различиях между тем объемом власти, которого добивался для себя Иван IV как король польский, и тем, который готов был предоставить своему монарху господствующий класс Речи Посполитой. При учете всех этих обстоятельств отказ русского правительства от официальной дипломатической акции становится вполне понятным.

Однако это не означало, что оно было готово ограничиться ролью пассивного наблюдателя событий. Царь и его советники Афанасий Нагой и дьяк Ерш Михайлов воспользовались приездом в Москву по торговым делам польского шляхтича К. Граевского²⁸, чтобы через него неофициально передать литовской и польской шляхте новый вариант русских условий унии между Россией и Речью Посполитой. Известное представление об этих условиях дают записанные в литовской канцелярии со слов неудачливого посланца «Артикулы от князя великого московского через Криштофа Граевского сказаны»²⁹.

²⁷ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию..., Приложение, с. 19.

²⁸ Этой версии о целях его поездки держался сам К. Граевский при его допросе литовскими сенаторами в августе 1575 г. См.: Показания польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву, с предисл. И. С. Рябипина.— Чтения Общества Истории и древностей российских, 1905, кн. 1. По сообщению одного из австрийских агентов в Польше, он был отправлен в Москву Зборовскими.— *Biblioteka Jagiellońska w Krakowie*, гкр. 6314/IV (копии документов из Венского архива), s. 134 v.

²⁹ Источниковедческую характеристику и публикацию этого текста см.: *Флоря Б. Н.* Артикулы, сказанные через Криштофа Граевского — важный источник по истории русской внешней политики 70-х годов XVI в.— *Археографический ежегодник за 1975 год*. М., 1976, с. 334—338.

Так, Иван IV добивался, чтобы его коронация была проведена «не через архиепископа, а через митрополита», и настаивал, чтобы за ним был признан царский титул, который начинался бы с Киева, а лишь за ним шла Польша, доказывая «стародавность народов цесарства русского, который... с давне пред нашими монархи было». Одновременно в связи с этим был поднят и вопрос о передаче России Киева³⁰. Первым пунктом в «Артикулах» зафиксировано требование, чтобы объединенные восточно-европейские державы «все посполом волное и едностайное обирание пана мели одного з народу его покол дом его ставати будет», т. е. речь шла об установлении наследственной власти царского рода в будущей восточноевропейской федерации. Все эти условия были без существенных изменений почерпнуты из царского «ответа» (март 1573 г.) М. Гарабурде, в котором они составляли самую существенную часть. Наряду с этим в «Артикулах» можно отметить и новые моменты. Это прежде всего описание состава будущей «рады» нового государственного образования: первое место в ней должен был занять (очевидно, в соответствии с разработанными в Москве историко-правовыми конструкциями) воевода киевский, а «потом рада московская так переплетаючи, як литовскую с корунною». Так, в московских проектах наряду с наследственной властью царского рода появляется еще один связующий элемент: общий сенат, объединяющий в своем составе вельмож всех трех частей будущего государственного объединения. Кроме того, царь выражал согласие по избрании на польский трон созвать специальное собрание для «разезнанья и померкованья веры», с тем чтобы Иван IV имел возможность окончательно решить, какой религии ему следует держаться. Такое обещание, по существу мало к чему обязывавшее Ивана IV, было явно направлено на то, чтобы смягчить возражения тех групп господствующего класса Речи Посполитой (прежде всего, католического духовенства), которые выступали против кандидатуры царя по вероисповедным мотивам.

Для установления социальной среды, которой был адресован новый русский проект, интерес представляет

³⁰ В «артикулах» об этом не говорится, однако, отвечая на вопросы о содержании его беседы с царем, К. Граевский сообщил, что «он не слышал ни одного намека на Ливонию, а слышал только о Киеве» (Показания..., с. 11).

выдвинутое Иваном IV в «Артикулах» условие «абы ему вольно было давати оселости звлаща в пустых краях, которых есть в Москве немало, людем тым, котори бы того годне заслужовали». Несомненно, этим Иван IV делал шаг навстречу тем слоям шляхты, которые выступали за избрание царя, рассчитывая с его помощью получить новые возможности для феодальной колонизации и тем улучшить свое материальное положение. Однако Иван IV при этом проявил сдержанность (в «Артикулах» говорится прямо лишь о «пустых», т. е. незаселенных землях), а форма, в которую он данное условие облек (требование ничем не ограничивать монарха при раздаче данных земель), говорит за то, что в планах русских правителей подобные раздачи выступали, по-видимому, как одна из мер, направленных на укрепление власти царя над своими новыми подданными.

Таким образом, вразрез с рекомендациями его сторонников царь не пожелал стать правителем Речи Посполитой на условиях «Генриховских артикулов» и признать за шляхтой право на свободную элекцию. Наоборот, идя на ряд мелких уступок шляхте, он пытался добиться принятия с ее стороны главных положений разработанного в Москве государственно-правового устройства.

Думается, что обнародование этих условий могло явиться новым тяжелым ударом по планам польских шляхетских политиков. Однако К. Граевский не смог выполнить своей миссии, так как на обратном пути был арестован литовскими сенаторами. По-видимому, сидя в тюрьме, он, чтобы добиться вмешательства шляхты и освобождения, подверг царские условия существенным изменениям. В его письме брату Петру³¹, распространявшемся среди съезжавшейся в Стенжицу шляхты, при изложении предложений царя отсутствовали все неприемлемые для польской шляхты условия, а на первом месте фигурировало заявление, что Иван IV «хочет соединить свои народы с Польшей такими узами, как некогда Ягайло соединил [с Польшей] Литву». «Письмо Граевского», несомненно, немало способствовало тому, что среди собравшейся в Стенжице польской шляхты сторон-

³¹ Изложение этого документа см.: *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. II, s. 115—117.

ники московского кандидата решительно преобладали³². К ним хотели присоединиться и литовские шляхтичи, отправившие к полякам посла городенского повета К. Кунсовича с предложением «цысаря крестьянского на государство не взять и иных, только бы... нам видеть у нас на государстве Московского государя». Лишь неспешно арестовав Кунсовича и оказав прямое давление на шляхту Великого княжества, литовские сенаторы сумели предотвратить ее соединение с польскими сторонниками кандидатуры царя³³.

При таком соотношении сил «проавстрийская» партия не решилась поставить на съезде вопрос о выборе Габсбурга на польский трон, ограничившись лишь детронизацией Генриха. Однако и шляхетский лагерь не выдвинул прямо своего кандидата: доставленный в Стенжицу по требованию шляхты русский гонец Ф. Ельчанинов, направленный царем еще к Генриху Анжуйскому, лишь передал сенаторам царскую грамоту, из которой шляхтичи не могли заключить, намерен Иван IV добиваться польского трона или нет. Кроме того среди «промосковской» шляхты не было единства относительно личности самого кандидата. Если одна часть шляхты желала выбора Ивана IV как сильного правителя, то другая — отдавала предпочтение кандидатуре Федора. Так, на поле Стенжицкого съезда был поставлен крест с надписью: «Kto cesarza mianuje Ten śmierć sobie gotuje By chciał być Fiedor jak Jagiełło Dobrze by nam z nim było» («Кто избирает императора, готовит себе смерть. Если бы был Федор, как Ягайло, хорошо бы нам с ним было»)³⁴. В итоге вопрос о судьбе польской короны остался открытым³⁵.

Соперничающие группировки старались создать себе благоприятные условия для продолжения борьбы за польскую корону. Усилия литовских сенаторов были направлены на то, чтобы не допустить установления контактов между польской шляхтой и Иваном IV. Я. Ходкевич на обратном пути из Стенжицы тайно посетил русского гон-

³² Об этом свидетельствуют современники: Викентий Лауро..., с. 76; *Orzelski S. Bezkrólewia...*, s. 106—107; *Korespondencja Hieronima Rozrażewskiego*, t. I. Toruń, 1937, s. 133.

³³ Об этом эпизоде см.: ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 10, л. 11 с об. (Статейный список Ф. Ельчанинова).

³⁴ *Zakrzewski W. Po usieczce...*, s. 338.

³⁵ О Стенжицком съезде см.: *Ibid.*, s. 318—352.

ца в Бресте и убеждал его, что лишь с помощью Литвы царь сможет добиться польского трона, так как «ляхове, как पहले приятеля цысаря турецкого хотели, так и теперь таково же ищут». Пусть царь присылает послов со своей «тайной думой» именно к литовским магнатам, а они не только сумеют добиться для него короны, но и обеспечат при формальной свободе элекции сохранение этой короны в руках потомков Ивана IV, как это было ранее с Ягеллонами³⁶. Как видим, литовский магнат прибег к самым чувствительным для Ивана IV доводам, чтобы добиться своей цели.

В Стенжице по приказу Я. Ходкевича русского гонца держали в 7 верстах от города, пристав не пускал к нему «никакова человека»³⁷. Все же к гонцу, «утаясь пристава», сумели проникнуть посланцы «рыцарства» Якуб Лашковский и Войтех Закревский. Они вручили Ф. Ельчанинову тексты грамот, которые Ивану IV, если он хочет достичь польского трона, следовало еще перед выборами прислать Якубу Уханьскому, сенаторам (в том числе ряду политиков персонально) и шляхте³⁸. Эти «образцы», по словам посланцев, направлял к царю глава польской католической церкви архиепископ Гнезненский Я. Уханьский, но анализ их содержания вызывает сомнения в истинности этого утверждения. Так, грамота самому примасу была посвящена доказательству губительности раздоров между православными и католиками, так как тех «дву сторон незгодю уросл Махумет», и того, что царя нельзя считать еретиком, так как он «хрещон во имя отца и сына его и духа святого». Письмо завершалось предложением Ивана IV как христианского государя «таково ж ведаючи народ ваш весь сарматцкии или словенскии», «чтоб для добра крестьянского и вашии для обороны крепкие мне за пана и короля польского обрали»³⁹. Как видим, в этом проекте грамоты нет ни обещания перехода в католическую веру, ни заверения, что права «костела римского» будут сохраняться нерушимыми, что, как представляется, должно было прежде всего

³⁶ О беседе Я. Ходкевича с Ф. Ельчаниновым см.: *Floria B. Magnateria litewska...*, s. 150—151.

³⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 10 об.

³⁸ Там же, л. 10 об., 14.

³⁹ Там же, л. 14 с об.— 16.

интересовать главу польской церкви. Наоборот, почти все письмо заполняет аргументация о необходимости союза между православными и католиками против мусульман, типичная для воззрений господствующего класса южных районов Речи Посполитой, жестоко страдавших от татарских набегов⁴⁰.

Другим важным документом в группе «образцов» следует считать текст обращения к шляхте. Устами составителей грамоты царь заявлял, что «вас в Коруне польской людей мудрых много есть», которых он «рад имети больших в товарищех» и вообще желает быть «не так паном, али рыцерским людем как братом»⁴¹. Далее следовали обещания более конкретные: уплата долгов Сигизмунда-Августа «желнырем и дворяном», амнистия для русских политических эмигрантов в Речи Посполитой и, наконец, заверение — «толко меня королем оберете, о том стану думать, чтоб вас с людьми своими содиначить». Если первое из этих условий отражало конкретные интересы определенной части шляхты, а исполнение второго было как бы залогом того, что как король Речи Посполитой Иван IV изменит свои традиционные методы правления, то последнее носило общеполитический характер. Примечательно, что о смене религии в этих документах вопрос не поднимался, но по вопросу об установлении «реальной» унии между Россией и Речью Посполитой их составители проявили большую настойчивость, добиваясь хотя бы предварительного заявления, что в будущем царь предпримет шаги для ее заключения.

С этим документом резко контрастирует «образец» грамоты, которую следовало послать каждому из воевод⁴². Здесь нет ни конкретных обещаний, ни заверений, высказывания носят предельно общий характер. Такое сопоставление, думается, вполне определено указывает, в какой среде интересующие нас документы возникли. Наконец, следует отметить рекомендации посланцев направить особые грамоты серадзскому воеводе Ольбрахту Ласскому, каштеляну бецкому Станиславу Шафранцу и

⁴⁰ См., например, аналогичные высказывания Константина Острожского: *Флоря Б. Н.* Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х годах XVI века.— В кн.: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 222.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 17 с об.

⁴² Там же, л. 18 с об.

старосте радзейовскому Рафалу Лещинскому; последнему нужно было обещать пост «скарбного»⁴³. Всех этих политиков, расходившихся между собой и по вероисповеданию, и по политической ориентации, объединял в период второго «бескоролья»⁴⁴ лишь один признак — популярность в шляхетской среде. Все это позволяет рассматривать миссию Я. Лашковского и В. Закревского как попытку сторонников царя среди польской шляхты вступить в непосредственные контакты со своим кандидатом, предложив ему конкретный план действий в борьбе за польскую корону. Таким образом, события Стенжицкого съезда завершились попыткой представителей двух совершенно разных политических групп навязать русскому правительству удобную им линию поведения в предвыборной борьбе. Хотя мотивы их действий, как показано выше, были весьма различными, советы совпадали в одном: русское правительство должно активизировать свою внешнюю политику, направив в Речь Посполитую своих представителей для переговоров об условиях унии.

Иван IV, однако, не последовал этим советам и избрал совсем иное решение. Вместо «великих послов» с чрезвычайными полномочиями в Литву был отправлен обычный гонец Семен Янглич Бастанов⁴⁵. Вся его миссия должна была ограничиться передачей литовской и польской раде царских грамот⁴⁶, в которых царь сообщал лишь о своем намерении направить в Речь Посполитую посланника, «а с ним хотим приказати к вам о своих делах»⁴⁷. В грамотах никак не затрагивался вопрос о польском троне; в случае благоприятного ответа на них в Речь Посполитую должен был выехать посланник — Лука Новосильцев⁴⁸, чтобы передать отдельным сенаторам, а также «панятом, княжатом и всему рыцарству» царские грамоты с просьбой поддержать кандидатуру Ива-

⁴³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 18 с об.

⁴⁴ О них см.: *Kraushar A. Olbracht Łaski wojewoda sieradzki*, t. 1—2. Warszawa, 1888; *Kowalska H. Stanisław Szafraniec z Pieskowej Skaly.— Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, t. 3. Warszawa, 1958; *Polski s'ownik biograficzny*, z. 72. Wrocław, 1972, s. 132—135.

⁴⁵ См. царский «приговор». — ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 18 об.

⁴⁶ См. наказ Бастанову. — Там же, л. 28 об. — 29, 37 об.

⁴⁷ Там же, л. 20—27; латинский перевод грамоты коронным сенаторам см.: HRM, t. 1. SPb., 1841, s. 268—269.

⁴⁸ См. царский «приговор». — ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 19.

на IV на выборах⁴⁹. Однако Л. Новосильцев тоже не получил полномочий для переговоров об условиях избрания. Он должен был лишь добиваться «опасной» грамоты для «великих» послов⁵⁰, которым царь обещал дать все необходимые указания, «как меж нас и государством Коруны Польской и Великого княжества Литовского, тое доброе дело совершить и постановить»⁵¹. «Великие» же послы, насколько можно судить по имеющимся материалам, вообще не были назначены и тем более не были подготовлены для них инструкции.

Избранный царем образ действий, направленный на явное затягивание переговоров, вызвал к жизни несколько комментариев исследователей, приходивших к разному мнению о причинах выбора именно такой линии поведения. Некоторые исследователи пришли даже к выводу, что в действительности Иван IV не добивался польской короны и стремился лишь затянуть избирательную борьбу в Речи Посполитой, чтобы создать выгодные условия для своих операций в Прибалтике⁵². Более обоснованной представляется точка зрения, выдвинутая Л. А. Дербовым: не желая принять корону на условиях, предложенных польско-литовскими феодалами, царь затягивал переговоры, стремясь поставить польско-литовских партнеров в такое положение, когда он мог бы «сам продиктовать полякам свои условия»⁵³.

Действительно, сообщения, привезенные Ф. Ельчаниновым, свидетельствовали о серьезном политическом кризисе в Речи Посполитой, открытом противоборстве шляхты и магнатов, которые не могут найти кандидата, удовлетворявшего бы обе стороны⁵⁴. Но одновременно снова

⁴⁹ О текстах грамот, составленных по одному формуляру даст представление опубликованная грамота Я. Ходкевичу.— Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. IV. Вильно, 1875, № 14.

⁵⁰ См. текст посольских «речей» Л. Новосильцева.— Акты Западной России, т. III, с. 182—184.

⁵¹ Там же.

⁵² *Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954, с. 89, 91; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 347—350, 353—354.

⁵³ *Дербов Л. А.* К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол в 1572—1576 гг.— Уч. зап. Саратовск. гос. ун-та, 1954, т. 39, с. 208—210.

⁵⁴ См. описание «олекцей» в Степжице: ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 10—12.

явственно выступили различия между пониманием «унии» русским правительством и польско-литовскими феодалами. Так, Я. Ходкевич в упомянутой выше беседе с гонцом заявил о том, что для литовцев, а еще более для поляков неприемлемы такие условия, как отмена свободной элекции, коронация по православному обряду, уступка России Киева⁵⁵, посланцы же шляхты предлагали, чтобы царь признал себя «братом» и «товарищем» польских и литовских шляхтичей. Этого царь, конечно, делать не желал⁵⁶.

В этих условиях могло представляться правильным подождать, пока, запутавшись в своем конфликте вокруг австрийской кандидатуры, польско-литовские феодалы будут вынуждены сами обратиться к Ивану IV, который смог бы навязать им свою концепцию власти. К этому следует добавить, что, поступая так, Иван IV, по его представлениям, ничем особенно не рисковал. Ведь в Речи Посполитой был лишь один (как следовало из сообщений Ф. Ельчанинова) кандидат на трон — сын императора, а Габсбурги после бегства Генриха Анжуйского предлагали Ивану IV «заодин стояти против всех недругов» и действовать согласованно в борьбе за польский трон, поддерживая того из кандидатов (русского или австрийского), у кого будет больше шансов⁵⁷. Царь, ответивший на это предложение согласием⁵⁸, мог рассчитывать, что новый польский король из династии Габсбургов пойдет с ним на компромисс в Ливонии и одобрит его планы большой антитурецкой коалиции⁵⁹. Не случайно в это время резко активизировалась русская политика на юге⁶⁰.

При этом, конечно, не было намерения буквально тянуть до бесконечности и быть лишь пассивным свидетелем

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 7 об.— 8.

⁵⁶ Характерно, что при составлении грамот сенаторам были обойдены молчанием рекомендованные шляхетскими посланцами политики — верный признак, что Иван IV не был намерен следовать их указаниям.

⁵⁷ См. «речи» австрийского посланца М. Паули.— ЦГАДА, ф. 53 (Сношения России с Данией), кн. 2, л. 179 об.— 180 об.

⁵⁸ См. инструкции его посланнику в Вену Никону Ушакову (весна 1575 г.): *Almqvist H. En förolyckad moskovitisk beskickning.— Historiskt tidskrift, 1938, N. 2, p. 180—181.*

⁵⁹ Насколько эти расчеты были основательны, вопрос особый, не имеющий прямого отношения к теме работы.

⁶⁰ См.: *Флоря Б. Н. Россия и походы запорожцев...*

лем выборов. Характерно, что когда в августе 1575 г. от С. Бастанова пришли сообщения, что «шляхта и земля и мещане... хотят, сказывают, бити челом, тебе, государю»⁶¹, царь немедленно приказал «отпустить в Литву часа того» Луку Новосильцева⁶². Тогда же Новосильцев выехал в Смоленск, чтобы сразу по получении опасной грамоты ехать в Речь Посполитую⁶³. Однако приезд русского посольства, которое выдвинуло официально кандидатуру Ивана IV, не соответствовал планам литовских и польских магнатов, которые продержали С. Бастанова до самой элекции, не давая ему опасной грамоты. В результате вопрос о судьбе польской короны на элекционном сейме в ноябре 1575 г. снова решался без участия русских дипломатов.

Накануне наступления элекции шляхетские политики так и не знали точно, что им следует ожидать от московского кандидата. Два известных им русских проекта унии — «Письмо Граевского» и «ответ» Ивана IV М. Гарабурде — резко расходились между собой по содержанию, и было неясно, какой из них является аутентичным выражением воли русского царя. О сумятице, возникавшей в этой ситуации в умах шляхетских идеологов, дает понятие написанный в октябре 1575 г.⁶⁴ памфлет Я. Д. Соликовского «Коморник и бурмистр», в котором оба означенных в заглавии персонажа ведут между собою спор о разных претендентах на польскую корону. «Коморник» отстаивал ту точку зрения, что Иван IV мог бы стать для Польши вторым Ягайло, «который и мир Короне принес и Литву присоединил». Правда, он — тиран, но тираном был сначала и Ягайло, который, однако, потом переменялся, «и больше всего свобод и вольностей мы имеем от него и от его потомков, так бы и теперь было». «Бурмистр» возражал на это, что предложенные Иваном IV условия унии неприемлемы. Не годится, что Иван IV добивается, чтобы его короновал собственный митрополит, неприемлемо, что он желает сделать своей столицей Киев, но, главное, царь хочет «не Москву к королев-

⁶¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 39.

⁶² Там же, л. 40 об.

⁶³ Там же, л. 41.

⁶⁴ О дате см.: *Kotarski E. Publicystika Jana Dymitra Solikowskiego. Toruń, 1970, s. 114.*

ству, но королевство к царству русскому присоединить»⁶⁵. Эти рассуждения ясно показывают: первые контакты между сторонами наложили отпечаток не только на политику Ивана IV, но и на воззрения шляхетских политиков. Часть из них уже начала отдавать себе отчет в том, что она имеет дело с крупной самостоятельной политической силой, которая вовсе не намерена подчинять свои действия интересам Речи Посполитой. Отсюда — раскол в среде самой шляхты по вопросу об отношении к московскому кандидату. Не случайно значительная часть шляхетского лагеря во главе с М. Сеницким объединилась под лозунгом выбора «Пяста» — местного уроженца, который будет править в соответствии с интересами шляхты, отвергая всех иностранных кандидатов на трон (а в их числе и Ивана IV)⁶⁶.

Несмотря на это, позиции «промосковской» группировки среди шляхты накануне элекции продолжали оставаться весьма сильными. Правда, сторонников царя в Великом княжестве литовском сенаторам удалось устранить. Опасаясь их выступления, магнаты просто скрыли от литовской шляхты срок начала работы сейма, чтобы «выбрать короля, не уведомив их и без их желания»⁶⁷. Однако приверженцев царя было много и среди польской шляхты, которая сумела прибыть на сейм. Его кандидатуру поддерживала шляхта на большей части южных территорий Польского королевства (Русское, Подольское, Белзское воеводства, Волынь, Киевщина)⁶⁸. В северной части страны, по отрывочным сведениям С. Ожельского, на предэлекционных сеймиках приняла решение избрать царя шляхта Ленчицкого воеводства и Подляшья⁶⁹. Об этом же свидетельствовал и торжественный прием, устроенный шляхтой русскому гонцу С. Бастанову, несмотря на противодействие сенаторов⁷⁰. Как известно,

⁶⁵ *Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906, s. 649.*

⁶⁶ *Sucheni-Grabowska A. Walka o demokrację szlachecką.— In: Polska w epoce Odrodzenia. Warszawa, 1970, s. 50—52.*

⁶⁷ Викентий Лаурео..., с. 276; *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. II, s. 277—278.

⁶⁸ *Ibid.*, s. 259, 276, 326 и неопубликованный диариус элекционного сейма.— ЦГАДА, ф. 12, разряд 12 (Дела о Польше и Литве), № 14, л. 8 с об.

⁶⁹ *Orzelski S. Rezkrolewia...*, s. 256, 272.

⁷⁰ Подробнее см.: *Новодворский В. Борьба за Ливонию...*, с. 28

приезд С. Бастанова не разъяснил положения. Отсутствие у него условий унии оживило страх перед «тиранией» и вызвало переход части сторонников царя во главе с Я. Замойским в лагерь сторонников Пяста⁷¹. На этом, однако, дело не закончилось. Среди шляхты все еще оставалось много сторонников Ивана IV. Хотя сенаторы пытались убедить их, что Иван IV «не ищет короны»⁷², шляхтичи знали, что русские послы «едут в Польщу, чтобы стараться о Короне и уже находятся в Смоленске»⁷³, и прямо обвиняли литовских магнатов в задержке этих послов⁷⁴.

Дальнейший ход событий во многом определило резкое обострение отношений между магнатами и шляхтой, вызванное стремлением сенаторов, не считаясь с волей шляхты, возвести на польский трон императора Максимилиана II. Когда конфликт между враждующими группировками стал явным, по инициативе одного из наиболее горячих сторонников царя Павла Уханьского, Познанское, Калишское, Краковское и Белзское воеводства обратились к сторонникам М. Сепицкого и к сенаторам с предложением оставить своих кандидатов — императора и Пяста — и согласиться на избрание Ивана IV⁷⁵. Ответом на это предложение со стороны сенаторов было провозглашение Максимилиана II польским королем. Это решение в корне изменило ситуацию. Теперь всему шляхетскому лагерю, ущемленному олигархией в его важнейшей прерогативе — праве выбора монарха, был срочно необходим свой кандидат, готовый приять корону и выступить вместе с шляхтой против Габсбургов и сената. Иван IV не соответствовал этим требованиям. Его намерения не были известны, для завершения переговоров с ним нужно было время, которым шляхетский лагерь в данных условиях не располагал. Кроме того, шляхетские политики считали царя союзником Габсбургов⁷⁶. В этом сложном положении внимание польской шляхты привлекла ранее не игравшая роли в политиче-

⁷¹ Викентий Лаурео..., с. 285; *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. II, s. 259.

⁷² *Ibid.*, s. 315.

⁷³ *Ibid.*, s. 325.

⁷⁴ Письмо О. Воловича и М. Талвоша к М. Радзивиллу и С. Збаражскому от 16 ноября 1575 г.— AGAD, AR, V, N 2134.

⁷⁵ *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. II, s. 311, 313—315.

⁷⁶ *Ibid.*, s. 325—326.

ской борьбе кандидатура семиградского воеводы Стефана Батория. Этот правитель, которого Габсбурги незадолго до элекции пытались свергнуть с семиградского трона, как раз поэтому был готов принять польскую корону и вступить из-за нее в открытую борьбу с Максимилианом II⁷⁷. В результате шляхетский лагерь⁷⁸ провозгласил Батория польским королем.

Разбирая причины, склонившие шляхту к такому решению, следует отметить одно важное обстоятельство: ее убеждение, что Иван IV — союзник Габсбургов, сложилось под влиянием соответствующих выступлений литовских сенаторов. Литовские магнаты, составлявшие главную силу сенаторского лагеря, в своей политической стратегии исходили из того, что на данном этапе господствующему классу Речи Посполитой необходимы прежде всего прекращение войны и мир с Россией. Поэтому на протяжении всего второго «бескоролья» литовские магнаты настоятельно советовали императору добиться от Ивана IV заявления, что он сохранит мир с Речью Посполитой лишь в случае избрания Габсбурга на польский трон⁷⁹. Утверждение, что только выбор австрийского кандидата дает Речи Посполитой мир на востоке, так как «на основе старых союзов... император держит царя в своих руках», было одним из главных доводов «проавстрийского» лагеря и на элекционном сейме⁸⁰. Однако то, что казалось совершенно очевидным в разоренной войной Литве, получало совершенно другой отзвук в кругах коронной шляхты. «Говорят, что с Москвой будет мир,— заявлял Я. Замойский,— но этот неприятель много забрал у нас земли и добровольно ее не отдаст»⁸¹. «Не надеюсь, чтобы в правление императора в Польше можно было рассчитывать на мир с Москвой,— вторил ему С. Ожельский,— возвращение Северы, Смоленска, Полоц-

⁷⁷ *Bazyłow L. Starania...*, s. 36 i nast.

⁷⁸ Следует учитывать условность этого определения: в числе сторонников Батория была и часть коронной магнатории, которая, правильно угадывая соотношение сил, предпочла присоединиться к шляхте.

⁷⁹ Об этих акциях литовских магнатов см.: *Вержбовский Ф. Посольство Иоанна Кобенцеля...*

⁸⁰ *Heidenstein R. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta*, t. 1. SPb., 1854, s. 192; ЦГАДА, ф. 12, разряд 12, № 14, л. 5.

⁸¹ *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. II, s. 267.

ка и Ливонии требует немалых трудов»⁸². Таким образом, в отличие от литовцев коронная шляхта была согласна лишь на такой мир, который бы обеспечил руководящее положение Речи Посполитой в Восточной Европе. Разумеется, шляхетские политики предпочитали добиться этого мира путем соглашения с русским монархом. В случае если бы такое оказалось невозможным, они были готовы продвинуть границы своего государства на Восток и с помощью оружия.

14 января 1576 г. вернувшийся в Москву С. Бастанов вручил царю свой статейный список, а также «списки посольства турецких и цесаревых и седмиградского воеводы послов», т. е. речи этих послов на элекционном сейме⁸³. «Выслушав» эти материалы, царь приказал Л. Новосильцеву немедленно ехать в Речь Посполитую, т. е. принял решение официально выставить свою кандидатуру на польский трон⁸⁴. Однако прошло совсем немного времени, и у русского правительства сложился иной план действий. 30 января 1576 г. в Литву была отправлена царская грамота с предложением о сепаратном «вынесении» на литовский великокняжеский стол либо самого Ивана IV, либо царевича Федора. Царь предлагал литовским сенаторам выслать к нему послов, «наказав и списав подлинно о всяких ваших повольностях и справах» для заключения соответствующего договора⁸⁵. Думается, принятие такого решения было плодом более внимательного знакомства с сообщениями С. Бастанова. Помещенное в его статейном списке описание вооруженного «рокоша» шляхтичей, которые на самом элекционном поле «учали из луков и из самопалов стрелять и копы шюрмовать»⁸⁶, могло только усилить сомнения в возможности управлять столь буйными подданными. Иван IV не желал уподобиться Сигизмунду II, которого он в своем послании А. Курбскому презрительно именовал «худейша худейших рабов суца, понеже от всех повелеваем»⁸⁷. Пред-

⁸² Ibid., s. 250.

⁸³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 90; ср. л. 104 об.

⁸⁴ Там же, л. 150 с об.; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1. СПб., 1851, стб. 500.

⁸⁵ Там же, стб. 578—584.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 103 с об.

⁸⁷ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 62.

ставляется, что именно эти соображения определили решение царя не принимать короны из рук мятежной польской шляхты, а, воспользовавшись конфликтом между ней и литовской радой, попытаться посадить на литовский трон одного из членов царской семьи. Были предприняты и определенные шаги, чтобы заинтересовать русским проектом литовских магнатов. Уже само выдвижение кандидатуры Федора шло навстречу их пожеланиям. К этому добавлялся другой довод, пущенный в ход уже во время переговоров зимой 1573 г., — возможность возвращения Великому княжеству потерянных в 1569 г. украинских земель. Не случайно, отправленные к австрийскому двору в начале 1576 г. русские послы должны были заявить от имени Ивана IV: «А ныне наше хотенье то, чтоб Литовское Великое княжество и с Киевом и что к нему города были к нашему государству к Московскому»⁸⁸. Тем самым было бы осуществлено объединение большей части восточнославянских земель под властью династии Рюриковичей, хотя, конечно, не в той форме, как это предполагали первоначально Иван IV и его советники.

При условии, что Габсбурги согласятся на такие изменения и заключат с Иваном IV союз против турок, русское правительство было готово поддержать австрийского кандидата на польский трон в борьбе с непокорной польской шляхтой, «войною промышлять, как бы себе тех государств достигати»⁸⁹. Успех задуманного плана зависел от позиции литовских магнатов. Они, правда, заверяли Ивана IV в своем расположении, но царь располагал сведениями о том, что на деле они ему враждебны⁹⁰. Неудивительно поэтому, что с планом сепаратной элекции царь все же не связывал больших надежд. Не случайно в грамоте литовским сенаторам содержался совет выбрать австрийского кандидата, если их не устроит кандидатура царя или царевича. Неудача русского проекта выяснилась очень скоро. Несмотря на все различия политической ориентации, ни одна из группировок в Великом княжестве не была заинтересована в разрыве унии с Ко-

⁸⁸ Памятники..., т. 1, стб. 589; ср. стб. 535.

⁸⁹ Там же, стб. 591—592.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 40, 97 (сообщения литовских шляхтичей С. Бастанову о враждебном отношении магнатов к Ивану IV).

роной, к чему привело бы осуществление русских предложений.

Однако в ходе переговоров Л. Новосильцева с литовскими, а затем и коронными сенаторами открылись другие возможности. Уже на переговорах с Л. Новосильцевым в Вильно (февраль 1576 г.) виленский воевода М. Радзивилл Рыжий, отметив с сожалением, что вплоть до приезда посланника Иван IV «о царевиче Федоре к нам не писывал», заверил, что на новой элекции он «всею своим сердцем и всею своею душою» будет добиваться выбора царевича⁹¹. Еще более определенно вопрос о выборе царевича на трон Речи Посполитой был поставлен в марте 1576 г. во время пребывания Л. Новосильцева в Ловиче — резиденции примаса Я. Уханьского. Беседовавший с посланцем по поручению примаса С. Уханьский сообщил, что на 8 апреля 1576 г. архиепископ гезненский созывает в Варшаве съезд всех сенаторов и шляхты Речи Посполитой, на котором он намерен предложить сторонникам и Габсбургов, и Батория, оставив своих кандидатов, «бити челом» Ивану IV, чтобы тот «дал сына своего царевича Федора на государство»⁹². 11 марта Я. Уханьский вручил Л. Новосильцеву «опасную» грамоту для русских великих послов, которых он просил прислать как можно скорее⁹³.

На первый взгляд такие заявления выглядят странно, если учесть, что и Я. Уханьский и М. Радзивилл Рыжий были «столпами» «проавстрийской» партии и сыграли огромную роль в выборах Максимилиана II на польский трон. Однако следует учитывать, что по окончании элекции сторонники императора оказались в весьма неблагоприятном положении. Коронная шляхта в феврале 1576 г. заняла столицу страны — Краков, овладев находившимися на Вавеле королевскими регалиями, а император, вместо того чтобы направиться с войском на помощь своим сторонникам, затеял долгую и бесплодную дискуссию с польско-литовскими послами, отказываясь принять предложенные ему «*pacta conventa*»⁹⁴. В условиях, ког-

⁹¹ Там же, л. 153—157.

⁹² Там же, л. 172—172 об.

⁹³ Там же, л. 173 об.

⁹⁴ *Kraushar A. Olbracht Łaski wojewoda sieradzki, t. 2. Warszawa, 1882, s. 94—96.*

да в Речь Посполитую вот-вот должен был прибыть Стефан Баторий, перед сторонниками Габсбургов в Короне возникла неприятная перспектива не только политического поражения, но и судебного преследования: одним из главных требований шляхетского лагеря был суд над инициаторами выборов Максимилиана II как государственными изменниками⁹⁵. В Великом княжестве позиции магнатской олигархии были гораздо более прочными, но и литовским сторонникам императора победа коронной шляхты грозила серьезными неприятностями, тем более что поведение магнатов, которые брали «посулы» у разных правителей и довели страну до гражданской войны, вызывало сильное недовольство и у шляхты Великого княжества⁹⁶. Неудивительно поэтому, что, получив известие о приезде русского посланника, Я. Уханьский «поднял руки к небу, говоря, что это ниспослано святым духом»⁹⁷. Дипломатическая инициатива Ивана IV давала той части коронной магнатурии, которая во время элекции неудачно сделала свою ставку на Габсбургов, возможность найти приемлемый выход из создавшегося положения. Поставив вопрос о выборе русского кандидата, недавно столь популярного в шляхетской среде, группа сенаторов, объединившаяся вокруг примаса, рассчитывала привлечь на свою сторону значительную часть коронной шляхты, что позволило бы, имея поддержку литовских магнатов, добиться избрания царевича и провала кандидатуры С. Батория. Тем самым не только открывалась возможность получения щедрых пожалований, но не могло быть и речи о наложении на примаса и других сенаторов каких-либо наказаний за их деятельность во время элекции. Разумеется, устраивал магнатурию обеих частей Речи Посполитой и сам кандидат, молодой и неопытный в политике, которым, как казалось магнатской олигархии, легко будет управлять.

Приступая к осуществлению своих планов, примас 5 марта 1576 г. обратился к собравшимся в Кракове сенаторам и шляхте с предложением созвать 8 апреля в Варшаве съезд всех «частей» королевства, включая Литву

⁹⁵ *Sucheni-Grabowska A. Walka...*, s. 52—53.

⁹⁶ См. записи разговоров Л. Новосильцева с литовскими шляхтичами: ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 161—162 об.

⁹⁷ Викентий Лаурео..., с. 378.

и Пруссию. Одновременно были предприняты шаги для избавления от обязательств перед Максимилианом II. В своем послании (от 11 марта) императору сенаторы — сторонники Габсбургов — указывали, что, не выполнив своего обещания прибыть в Польшу через месяц после выборов, император поставил их в тяжелое положение, так что они могут быть вынуждены принять новые решения для спасения Речи Посполитой⁹⁸. На сеймике Великого княжества, созванном М. Радзивиллом Рыжим в Гераногах в конце февраля 1576 г., литовские феодалы постановили назначить императору определенный срок для приезда в Речь Посполитую, «а не будет он к нам на тот срок, и ему-де у нас на государстве не быти»⁹⁹. Из Литвы в Краков были также отпращены послы с предложением созвать съезд для выборов будущего монарха¹⁰⁰. Литовские магнаты стремились согласовать свои действия с украинскими феодалами. Не случайно К. Радзивилл, отпуская Л. Новосильцева в Москву, просил, чтобы царь на будущих выборах обещал «обороняти... Волынь и Подолье от татар... и воинских людей своих давати... на помочь»¹⁰¹. 11 марта В. Лаурео писал, что наряду с литовцами кандидатуру царевича поддерживает «почти вся Волынь»¹⁰².

Как с беспокойством сообщал папский нунций в Рим, Я. Уханьский и его сторонники были даже готовы не требовать перехода царевича в католицизм, ограничившись его согласием короноваться и причаститься по латинскому обряду с разрешения московского митрополита¹⁰³. Это обстоятельство ясно свидетельствует о том, что в субъективном желании осуществить свой план у сторонников царевича недостатка не было. Гораздо хуже обстояло дело с необходимыми для этого реальными силами. Правда,

⁹⁸ *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. III, s. 152—154, 162—164.

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 180 с об.

¹⁰⁰ *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. III, s. 191.

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 189.

¹⁰² Викентий Лаурео..., с. 374.

¹⁰³ Там же, с. 378. Такая умеренность не исключала расчетов католического епископата на ликвидацию с помощью царевича «ересей» в стране. Не случайно один из доверенных примаса заявил Л. Новосильцеву: «У нас деи есть ныне люторская вера и жидовье и ересники и как — деи нешто... будет царевич Федор на государстве... и нам, деи, такие веры не надобе». — ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 174 с об.

в Великом княжестве весной 1576 г. позиции этой группировки оказались довольно сильными: на сеймике Великого княжества в Гродно в апреле 1576 г. сторонники царевича Федора явно преобладали¹⁰⁴. Однако совершенно иным было положение на главных землях Короны. Здесь положение полностью контролировалось сторонниками С. Батория, позиции которых были настолько сильны, что они не чувствовали никакой необходимости искать компромисса с кучкой сенаторов, собравшихся в Ловиче вокруг примаса, тем более что к весне 1576 г. соглашения с С. Баторием стала энергично искать и целая группа литовских сенаторов во главе с Я. Ходкевичем.

Явная слабость позиций группировки примаса в Короне не укрылась и от внимания Л. Новосильцева, вернувшегося в Москву 20 апреля 1576 г. В своем статейном списке он сообщал и о занятии сторонниками С. Батория Кракова, и о переходе на их сторону виднейших коронных сенаторов, а сторонники примаса были выразительно обозначены термином «панове — рада Мазовецкого княжества» — по единственной территории, подчинявшейся руководству примаса¹⁰⁵. По-видимому, именно сознавая всю ненадежность задуманной политической комбинации, царь и его советники не нашли нужным дать ответ на предложения М. Радзивилла и Я. Уханьского. Развитие событий в ближайшее же время полностью оправдало такую сдержанность. Когда С. Баторий прибыл в Краков и дал понять, что он готов амнистировать организаторов, элекции императора¹⁰⁶, в лагере оппозиции наступил полный развал. Период второго «бескоролья» закончился.

Русское правительство за эти годы пришло к пониманию того, что его программа политического переустройства Восточной Европы неприемлема для господствующего класса Речи Посполитой. «Колебания» и «нерешительность» царя и его советников в отстаивании своего плана довольно точно отражали постепенное осознание этого

¹⁰⁴ Викентий Лаурео..., с. 422—423; *Acta historica*, t. XI (*Sprawy wojenne króla Stefana Batorego*). Kraków, 1887, s. 24; *Orzelski S. Bezkrólewia...*, t. III, s. 212—213, 249—250.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 165 об.— 167 об.; 178 и др.

¹⁰⁶ Это решение означало готовность нового короля пойти на компромисс с магнатами и ослабить свои связи с выдвинувшим его шляхетским лагерем.

факта русскими политиками. В дальнейшем мы увидим, на каких путях они пробовали искать выхода из создавшегося положения. Менее значительными были сдвиги во взглядах идеологов различных течений польско-литовских феодалов. Правда, польско-литовская магнатерия решительно исключила московскую кандидатуру из числа приемлемых претендентов на польский трон, но прежде всего из-за отрицательного отношения лично к Ивану IV, о чем говорит тот явный интерес, который в этой среде продолжали проявлять к проектам выбора «царевича». Что касается шляхетских политиков, то их воззрения мало изменились по сравнению с началом 70-х годов XVI в. Слабо наметившаяся тенденция к пересмотру первоначальных построений не получила развития главным образом потому, что так и не состоялись переговоры об условиях «соединения» между шляхтой и официальными русскими представителями.

Но если представления и цели шляхты остались прежними, то конкретные пути достижения этих целей, намеченные публицистами начала 70-х годов XVI в., не годились в новой ситуации, когда на польском троне сел трансильванский воевода и на трон уже пельзя было посадить Ивана IV. Нужно было искать новые пути. Направление поисков определилось тогда, когда после военных побед С. Батория на востоке в 1579—1580 гг. многим политическим деятелям Речи Посполитой стало казаться, что в Восточной Европе складывается новое соотношение сил.

Перспективы политического развития Восточной Европы в концепциях польско-литовских политиков 1584—1586 гг.

Сопоставляя взгляды польско-литовских политиков времени правления С. Батория с высказываниями политиков и публицистов первой половины 70-х годов XVI в., можно отметить два новых момента, в которых нашли свое выражение итоги осмысления сложных событий последнего этапа Ливонской войны. Во-первых, под влиянием военных успехов Речи Посполитой в определенных кругах коронных политиков стало складываться пренебрежительное отношение к Русскому государству, возникать опасные иллюзии, что сложные восточно-европейские проблемы сможет легко и быстро решить сила польского оружия. Как иллюстрацию настроений такого рода можно привести высказывания коронного канцлера Я. Замойского, который в беседе с папским пунцием в июле 1581 г. заявил, что не только не считает Московита «столь могущественным, как об этом говорят... но что если его величество король Польши захочет дать ему половину [своего] войска ... он надеется с божьей помощью за недолгое время довести Московита до крайности»¹.

Наряду с этим создавая в России периода последних лет Ливонской войны обстановка брожения и недовольства провинциального дворянства политикой Ивана IV привела к новому оживлению тех концепций 60-х годов XVI в., которые определяли путь к реализации внешнеполитических целей Речи Посполитой на востоке на основе соглашения с оппозиционными силами в русском обществе. В 1579—1581 гг. польским правительством был предпринят целый ряд попыток побудить оппозицию открыто выступить против Ивана IV и перейти

¹ *Pierling P. Batory et Possevino. Paris, 1887, s. 96.*

на сторону польского короля². Хотя эти попытки и не привели к сколько-нибудь существенным результатам, расчеты на соглашение с оппозиционными по отношению к царской власти силами снова стали неотъемлемой частью политического багажа польско-литовских политиков.

Характерно, что первой реакцией сенаторов на сообщение о смерти Ивана IV было предложение направить в Москву посольство для выдвижения на русский трон кандидатуры С. Батория, который взял бы под свою опеку малолетних царевичей, — проект, в котором нельзя не видеть несомненного сходства с политическими комбинациями Сигизмунда II и М. Радзивилла Рыжего³.

Как известно, смерть Ивана IV открыла собою полосу острой внутривластной борьбы в Русском государстве. Эта борьба, которая уже на первом этапе привела к упразднению «опричных» порядков, как убедительно показано в работах советских исследователей, вышла за рамки узкого круга борющихся за власть дворцовых группировок. Уже в 1584 г. в столице страны имели место массовые выступления горожан и провинциальных дворян, требовавших упразднения злоупотреблений прежнего режима⁴. Для польско-литовских политиков, которые были довольно быстро информированы о происшедшем послом Речи Посполитой Львом Сапегой, оказавшимся в Москве в самый момент волнений⁵, эти события были одновременно и свидетельством важного ослабления Русского государства, и сигналом для активизации своей внешней политики. Расходясь в представлениях о том, какую конкретную линию действий следует избрать, все группы польско-литовских политиков сходились на том, что следует использовать переживаемые Русским государством трудности для укрепления позиций Речи Посполи-

² Подробнее об этом см.: *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений в эпоху феодализма. М., 1973, с. 176—204.

³ Донесение нунция Болоньетти от 17 апреля 1584 г. — *Monumenta Poloniae Vaticana* (далее: МРВ), t. VII. Kraków, 1939—1948, s. 178—179.

⁴ Об этом см.: *Скрынников Р. Г.* Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова. — *История СССР*, 1975, № 2, с. 49—50, 53, 59—60.

⁵ Его донесение см.: *Archiwum domu Radziwiłłów*. Kraków, 1885, s. 174—175.

той в Восточной Европе. Первым конкретным шагом новой восточной политики, предпринятым по согласованному решению короля и сенаторов, было заявление Льва Сапеги, что польско-литовское правительство считает мирный договор между Россией и Речью Посполитой, заключенный в 1582 г. сроком на 10 лет, прекратившим свое действие со смертью Ивана IV⁶. Тем самым правительство Речи Посполитой приобретало на востоке свободу действий. С вопроса о том, как этой свободой следует воспользоваться, начинались разногласия.

Группировавшиеся вокруг С. Батория политики сочли, что наступил удобный момент для военного захвата России. Уже на совещаниях с сенаторами в Гродне в мае 1584 г. король поставил вопрос о необходимости начать войну, средства на ведение которой должен дать ближайший сейм⁷. Еще более определенно был поставлен вопрос о войне на совещании сенаторов в Люблине в августе 1584 г., где в подтверждение правильности расчетов на легкую победу зачитывались донесения Л. Сапеги⁸. Однако на этих совещаниях предложения короля натолкнулись на сопротивление. В Гродне литовские сенаторы отказались обсуждать королевский проект, прямо ссылаясь на то, что не оправившееся от последствий Ливонской войны Великое княжество не может выдержать тяжести военных расходов⁹. Не дало желательных королю результатов и совещание в Люблине. Не веря в реальность королевского проекта, сенаторы добились принятия иного плана действий, преследовавшего достижение более реальных, как им казалось, целей. Отказываясь от планов завоевания России, они рассчитывали, угрожая войной, добиться у русского правительства территориальных уступок. Если русское правительство, — заявил Л. Сапега на июльских переговорах 1584 г., — хочет мира, оно должно прислать в Речь Посполитую своих «великих послов» для заключения нового мирного

⁶ ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 15, л. 260 об.—261.

⁷ Русские дипломаты, побывавшие в Литве, указывали и размер побора, который намерен потребовать Баторий, — 4 золотых с волокни (Там же, л. 153 об.).

⁸ О совещании в Люблине см.: МРВ, VII, s. 402—404, 414.

⁹ Письмо С. Батория к Я. Замойскому от 23 мая 1584 г. — *Archivum Jana Zamojskiego kanclerza i hetmana wielkiego koronnego*, t. III. Warszawa, 1913, s. 308—309.

договора между государствами. Договор будет заключен, если русское правительство признает права Речи Посполитой на Северскую землю и Смоленск. Санага соглашался заключить перемирие лишь до приезда послев¹⁰, этим русской стороне давалось понять, что в случае отказа подписать мир ее ожидает война.

Принятие таких решений вовсе не означало, что король и стоявшие за ним круги готовы и дальше покорно одобрять действия иных политических группировок. Просто обсуждение планов войны на востоке перешло в узкий круг немногих, близко связанных с королем политиков, обсуждавших свои дела в тайне от «сословий»¹¹. Чисто военная сторона дела их не беспокоила. В сообщениях русских дипломатов от 1585—1586 гг. неоднократно встречаем сообщения, что планы С. Батория поддерживают те шляхтичи, «у которых имений нет, и то их промысл и кормля, что наймуются на службу»¹². Положение этих слоев шляхты, пытавшихся на королевской службе добыть себе средства пропитания, с окончанием московской войны (1582 г.) снова ухудшилось¹³. Возобновление войны с Россией под руководством любимого вождя открывало для них хороший выход из создавшегося положения и неудивительно, что они были готовы поддерживать все шаги короля в данном направлении. Это означало, что король может быстро получить в свое распоряжение значительные военные силы, которые в любой ситуации будут повиноваться его приказам при наличии достаточных средств для их содержания хотя бы на начальном этапе военных действий. Таких средств, однако, у короля не было и в условиях Речи Посполитой представить их могла только шляхта, «ухвалив» соответствующие налоги на сейме. Уверенности, что шляхта займет позицию, благоприятную военным планам, между тем у короля и его окружения также не было.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 260 об., 283—288.

¹¹ См. об этом свидетельство участника совещаний С. Жолкевского в его письме Сигизмунду III от 25 августа 1595 г. — *Maszyrek J. Zapas Polska a Habsburkú a přístup k Černému moři*. Praha, 1931, s. 55.

¹² ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 736 об.; кн. 16, л. 261, 426 об.

¹³ *Kronika polska Marcina Bielskiego*, t. 3. Sanok, 1856, s. 1511; *Heidenstein R. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta*, t. II. SPb., 1857, s. 128—129.

В этих условиях возник замысел получить необходимые средства от римской курии. Решение об этом сложилось, по-видимому, после окончания совещания в Люблине в августе 1584 г., когда С. Баторий обратился к папскому легату Антонио Поссевино с просьбой вести от его имени переговоры с Римом и итальянскими государствами о предоставлении субсидий для завоевания России. Завоевание России, — разъясняли папскому представителю король и Я. Замойский, — не только позволит предотвратить захват этой страны турками, но и откроет ее для пропаганды католицизма и даст возможность С. Баторию, объединив под своей властью всю восточную Европу, нанести решающий удар Османской империи¹⁴. Эти заявления как свидетельство беспокойства и заботы короля Стефана о судьбах «христианского мира» неоднократно разбирались и комментировались в буржуазной литературе¹⁵, хотя ясно, что для получения денег необходимо было прибегать к аргументам такого рода, даже если бы их авторы вовсе не верили в успех «крестового похода» против турок.

Гораздо меньше акцентировалась другая сторона вопроса: субсидии нужны были С. Баторию для того, чтобы вести войну, не считаясь с решениями сейма. В ответ на недоуменный вопрос А. Поссевино, разве имеет право польский король вести войну без согласия государства, он весьма ясно заявил: «Это правда, если война ведется на средства поляков, но не иначе». Позднее король снова заверил легата, что поляки не смогут ему противодействовать, если война будет вестись не на их счет¹⁶. Подобные разъяснения могли удовлетворить папского представителя, но близкие к королю политики (прежде всего Я. Замойский), несомненно, знали, что 4-я статья «Генриховских артикулов» — главных государственных законов Речи Посполитой — ясно определяла как обязательство со стороны короля: «О войне или о посполитом рушении мы не должны ничего начинать без позволения

¹⁴ MPV, VII, s. 273, 279, 281.

¹⁵ *Załęski S. Wojenne plany Stefana Batorego w latach 1583—1586.* — *Przegląd powszechny*, 1884. Kraków, t. III—IV, s. 354—355; *Pierling P. Le Saint Siège, la Pologne et Moscou (1582—1587)*. Paris, 1885, p. 22—26.

¹⁶ MPV, VII, s. 434.

всех сословий на сейме»¹⁷. Такие замыслы объединенной вокруг С. Батория группы политиков позволяют рассматривать ее как исторического предшественника «дворцовой партии» Сигизмунда III, которой в 1609 г. удалось вовлечь Речь Посполитую в войну с Россией, даже не обсуждая этого вопроса на сейме.

Вместе с тем появление такого плана ясно свидетельствует о том, что у короля и его окружения было мало надежд добиться своих целей легальным путем при поддержке «сословий». Действительность скоро подтвердила основательность этих опасений. Хотя в королевской инструкции на предсеймовые сеймики осени 1584 г. лишь констатировалась выгодность сложившейся ситуации для Речи Посполитой и не делалось никаких определенных указаний относительно направления ее будущей политики¹⁸, вопрос о том, следует или нет вести войну с Россией, занял в постановлениях сеймиков центральное место.

При всей отрывочности материалов можно констатировать, что планы С. Батория получили определенную поддержку на землях юго-запада Короны, где шляхта давно была сторонницей активной восточной политики. Однако эта поддержка была весьма далека от того, чего желали в королевском окружении. Так, сеймики Белзского и Подольского воеводств, одоббив планы войны с Россией, вместе с тем рекомендовали вести войну «без привлечения и угнетения подданных наших», т. е. фактически отказались вотировать поборы¹⁹. Таким образом, даже в Белзе, где старостой был сам соавтор военных планов Я. Замойский, королевской партии не удалось добиться своего. На других землях было еще хуже. Так, в проекте постановлений Краковского воеводства послам прямо рекомендовалось «не скоро приступать к этой войне, с которой должны прийти новые тяготы»²⁰. Такой же была позиция мазовецких сеймиков²¹.

¹⁷ *Plaza S. Próby reform ustrojowych w czasie pierwszego bezkrólewia (1572—1574)*. Kraków, 1969, s. 181.

¹⁸ Текст инструкции см.: *Dyaryusze sejmowe z roku 1585*. Kraków, 1901, s. 351—352.

¹⁹ BOZ, N 1809/1, k. 65v; *Dyaryusze...*, s. 355.

²⁰ *Ibid.*, s. 359.

²¹ MPV, VII, s. 511. Неясно положение в Люблине: ср. BOZ, 1809/1, k. 388 и MPV, VII, s. 512.

Наконец, совершенно враждебным было отношение к военным планам Великого княжества. На этих землях, разоренных долгой войной и только что переживших тяжелый неурожай²², намерения короля вызвали настоящую панику. «И земля о том необышно тужит, только война будет», — сообщал побывавший на Литве осенью 1584 г. русский гонец Прокофий Толстой²³. Неудивительно, что сеймик Великого княжества в Волковыске резко отклонил королевские планы²⁴. Сообщения русских дипломатов, что на сейме 1585 г. особенно резко против предложений С. Батория выступали «Волынцы»²⁵, позволяют предполагать, что и у украинских феодалов инициатива двора не нашла поддержки.

В широких кругах шляхты уроки войны с Россией, как мы увидим далее, оценивались совсем иначе, чем в королевском окружении. Неудаче агитации двора способствовала также политика русского правительства, которое не только заявило сразу по вступлении Федора на престол о своем намерении подтвердить мирный договор, но и распорядилось 31 мая 1584 г. по случаю его венчания на царство освободить без выкупа всех находившихся в России польско-литовских пленных²⁶. Сыграли, возможно, свою роль и опасения перед возможным покушением короля на свободу элекции, что как-то связывалось в сознании шляхты с его военными замыслами²⁷. Шляхта скорее отдавала предпочтение плану действий, предложенному сенаторами. «Мир с Московским, если о нем просить будет, принять, сначала что-либо на нем выторговав», — указывалось в решениях сеймика Полоцкого воеводства²⁸.

²² ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 153 об.

²³ Там же, л. 157.

²⁴ Там же, л. 534, 617 об. См. также текст решений Виленского воеводства, где указывалось: «Согласиться на войну с Россней и никаких для этого налогов вотировать и вносить не можем». — Czart., rkp. 2242, N 47.

²⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 630.

²⁶ Там же, л. 39—43, 101 об.—102, 188. По свидетельству пушция, эти шаги заметно усилили стремление шляхты к миру (MPV, VII, s. 391).

²⁷ См., например, записанные П. Толстым слухи, что король хочет передать трон брату, который «сидит в Угрех», а сам будет завоевывать Россию. — ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 157.

²⁸ BOZ, 1809/I, k. 57v.

Неуспех королевской программы у шляхты немедленно сказался на переговорах С. Батория в Риме. Сами по себе планы Батория, конечно, не вызывали возражений Ватикана, но затея вести войну с Россией, игнорируя позицию «сословий», не без оснований представлялась курии сомнительной. Поэтому, получив сведения о решениях сеймиков, курия постаралась отмежеваться от короля Стефана.

В феврале 1585 г. А. Поссевино получил приказ покинуть польский двор и отправиться преподавать в иезуитскую коллегию в Вармии²⁹.

Однако неудачи не остановили С. Батория. С открытием сейма в феврале 1585 г. «королевская» партия пошла буквально напролом, стремясь подчинить своей воле сенат и посольскую избу. В королевской «пропозиции», зачитанной на открытии сейма Я. Замойским, вопрос о войне с Россией был поставлен совершенно открыто.

Пусть в ход уже известные аргументы о необходимости «спасти» Россию от турок, коронный канцлер одновременно пытался убедить шляхту, что завоевание России не потребует от нее больших усилий³⁰. В подтверждение правильности своих слов Я. Замойский ссылался на показания знатного русского перебежчика М. Головина, утверждавшего, что в России «для розни и пестроенья служити и битися никто не хочет» и если король выступит, хотя бы с небольшим войском, то «где... ни придет, тут все ево будет, нигде против его руки поднять некому». Более того, часть дворян, недовольных тенерешним правлением, может перейти на сторону короля³¹. Во время «вотованья» Я. Замойский в большой речи снова повторял и развивал эти аргументы³². Наконец, на заключительном этапе работы сейма 25 февраля люблинский каптелян выступил перед посольской избой, снова при-

²⁹ О переговорах С. Батория с Ватиканом см.: *Zaleski S. Wojenne plany...*, s. 354—360; *Pierling P. Le Saint Siège...*, p. 17—45, 57—58; *Kuntze E. Les rapports de la Pologne avec le Saint Siège a l'époque d'Etienne Batory.*— In: *Etienne Batory roi de Pologne, prince de Transylvanie. Cracovie, 1935*, p. 192—196.

³⁰ *Dyaryusze...*, s. 40.

³¹ О рассказах М. Головина см.: ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 617 об., 629 об.; *MPV, VII*, s. 597, 625.

³² *Dyaryusze...*, s. 30.

зывая от имени короля дать средства на московский поход³³.

На этот раз инициатива короля встретила поддержку сенаторов, которые во время «вотования» уклонялись от рекомендаций по вопросам восточной политики³⁴. Изменение их позиции было связано с тем, что задуманный сенаторами план при попытках его осуществления натолкнулся также на серьезные трудности. Правда, к 20 февраля 1585 г. в Варшаву прибыли для переговоров о мире русские «великие послы» Ф. М. Троекуров и М. А. Безнин, но принудить их к условиям мира, выработанным в Варшаве, сенаторы не смогли. Предлагая заключить с Речью Посполитой «вечный мир» и даже союз против турок и татар, послы, однако, решительно отклонили требования территориальных уступок³⁵. Представляется, что в этих условиях сенаторы были не прочь инсценировать демонстрацию готовности сейма к войне, что могло бы заставить послов пойти на уступки.

Однако попытки воздействовать на посольскую избу оказались безрезультатными. В ответ на апелляцию к сообщениям М. Головина, шляхтичи, как сообщали русские послы, припомнили относящиеся к 1580 г. высказывания другого знатного русского эмигранта Д. Бельского: «Людей во Пскове нет и наряд вывезен и здадут тебе Псков тотчас», а в результате королевской армии после долгой и тяжелой осады пришлось отступить от города, не добившись успеха³⁶. Так и теперь придется нести расходы, а результаты представляются весьма сомнительными «хоти-деи король землю свою опустошит, воеватца з государем московским станет, а тово еще не ведомо, доступит ли городов или потеряет свои»³⁷. Таким образом, королевские планы завоевания России представлялись шляхетским послам явно нереальными. Неудивительно, что посольская изба решительно отклонила план вой-

³³ Dyaguysze..., s. 310. Русские послы резюмировали это заявление в краткой и образной форме: «Не потеряйте-де у себя, пустите меня с Московским воеватца, Бог-деи вам дает Московское государство в руки даром». — ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 630.

³⁴ Dyaguysze..., s. 21, 25.

³⁵ Ход переговоров излагается как в допесениях русских дипломатов (ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 623 об.—635), так и в «дневнике» сейма 1585 г. (Dyaguysze..., s. 254—257).

³⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 637 об.

³⁷ Там же, л. 636 об.

ны³⁸. На приеме у короля 26 февраля послы рекомендовали требовать уступки Северной земли, но если бы русские — «и этого не уступили, мир [все же] заключить, и для непокоя причины не давать»³⁹. На той же аудиенции королю были изложены причины, побудившие послов принять данное решение: отсутствие прочного мира с соседями, неурожай на Литве, разорение «людей рыцерских», которым необходимо время, чтобы оправиться, и, следовательно, отсутствие средств на войну⁴⁰.

Такая позиция посольской избы не давала возможностей ни королю, ни сенату осуществить свои планы. В итоге русскими послами и польско-литовским правительством было заключено двухлетнее перемирие между государствами, повторявшее условия мирного договора 1582 г. Выбор такого срока, как отмечалось уже составителем одного из «дневников» сейма, объяснялся тем, что король рассчитывал добиться согласия на войну с Россией у следующего сейма⁴¹.

В условиях, когда оказывалось невозможным ни идти войной на Россию, ни принудить русское правительство к выгодному для Речи Посполитой миру, на первый план в польско-литовской восточной политике выдвинулся еще один вариант решения восточноевропейских проблем. Речь шла о том, чтобы путем переговоров склонить верхушку русского дворянства к соединению с Речью Посполитой в одном государственном организме. Сообщения о том, что среди русских вельмож есть сторонники польского короля, стали приходить в Варшаву уже в первые месяцы после смерти Ивана IV⁴². Хотя эти сообщения первоначально, по-видимому, не вызвали к себе большого доверия⁴³, их все же оказалось достаточно, чтобы предпринять попытку зондирования позиции русской стороны в этом отношении. Проект соответствующего заявления стал подготавливаться еще в начале осени

³⁸ Как отмечено в дневнике сейма, послы ряда воеводств «об этом и говорить не допустили». — *Dziaryusze...*, s. 265.

³⁹ *Ibidem*.

⁴⁰ *Ibidem*.

⁴¹ *Ibid.*, s. 257.

⁴² См., например, запись показаний, данных в августе 1584 г. польским властям в Ливонии бывшим медиком Ивана IV Иоганном Эйлофом. — *MPV*, VII, s. 415.

⁴³ С. Баторий не ссылался на них при переговорах с курией, хотя такой аргумент, несомненно, усилил бы его позиции.

1584 г.⁴⁴, а само заявление было оглашено от имени сената Я. Замойским перед русскими «великими» послами в феврале 1585 г.⁴⁵ Канцлер предложил, если царь Федор умрет без наследников, объединить обе державы в единый политический организм по образцу уже существующей унии между Польшей и Великим княжеством Литовским. Для создания подобного государства существуют такие естественные предпосылки, как соседство, общность языка и происхождение от братьев Леха и Руса, а также единство веры — православный обряд распространен в Речи Посполитой, где отправляется свободно и беспрепятственно. Уния с Речью Посполитой защитила бы Россию от угрозы нашествия турок и татар и позволила бы соединенным державам нанести решительный удар мусульманам. Конкретные условия унии в заявлении коронного канцлера не излагались, думается, прежде всего потому, что в Варшаве не ждали от этого шага немедленных практических результатов. Здесь не сомневались, что русские послы, как это и произошло в действительности, откажутся обсуждать предложенный проект. Как отметил составитель «дневника» сейма, такой шаг был важен на будущее, чтобы русские вспомнили о сделанном им предложении, если царь умрет бездетным⁴⁶.

Новый, более серьезный шаг в этом направлении был предпринят в декабре 1585 г., когда король и сенат отправили с особой миссией в Москву каштеляна минского М. Гарабурду⁴⁷. Поводом к отправке посольства явились распространявшиеся по Европе (не имевшие объективных оснований) слухи о тайном соглашении царя с Габсбургами, по которому один из братьев императора Рудольфа II должен был унаследовать русский престол после смерти Федора Ивановича⁴⁸. Эти слухи вызвали серьезное беспокойство польско-литовских политиков, опасавшихся окружения Речи Посполитой с двух сторон вла-

⁴⁴ См. письмо Я. Замойского А. Поссевино от 8 октября 1584 г. — *Archiwum Jana Zamoyskiego*, t. III, s. 370.

⁴⁵ Текст заявления известен в двух вариантах — кратком (*Dyaryusze...*, s. 257) и пространным (*Pierling P. Le Saint Siège...*, p. 155; *Zalęski S. Wojenne plany...*, s. 368—369).

⁴⁶ *Dyaryusze...*, s. 257.

⁴⁷ О дате отправки миссии см.: ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 63.

⁴⁸ *Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des XV Jahrhunderts*. Wien — Leipzig, 1906, s. 503—504.

дениями Австрийского дома⁴⁹. Поскольку в Варшаве располагали сведениями, что переговоры с Габсбургами вела лишь часть боярской думы, «не ставя в известность других», то М. Гарабурда должен был информировать о переговорах «всю московскую раду» и тем способствовать провалу русско-австрийского соглашения⁵⁰. Но этим цели его миссии не ограничивались. Слухи о переговорах вызвали у сенаторов надежды, что если русские ищут себе иноземного правителя, то, может быть, удастся добиться, чтобы они признали своим будущим государем польского короля⁵¹. В своей грамоте боярской думе, порицая поиски «дружбы с чужими и от вас далекими народы», сенаторы выражали пожелание, чтобы Россия и Речь Посполитая «в вечную и нераздельную приязнь и единство сошли и случилися», повторяя аргументы в пользу такого соединения, содержащиеся в изложенном выше заявлении Я. Замойского⁵².

Конкретные условия соглашения, предложенные М. Гарабурдой в Москве, заключались в следующем: Речь Посполитая выражала готовность заключить «вечный мир», не требуя территориальных уступок, но при условии, что русская сторона даст письменное обязательство в случае смерти бездетного царя Федора возвести на русский трон С. Батория⁵³. В то же время «станы» Речи Посполитой сохраняли за собой свободу действий в случае, если бы Баторий скончался раньше Федора Ивановича⁵⁴. Тем самым становится ясным один из главных пунктов польско-литовского проекта «унии»: речь шла о создании такого двуединого организма, в котором лишь господствующий класс Речи Посполитой обладал правом решать вопрос о выборе будущего монарха, в то время как русское дворянство таким правом бы не располагало.

⁴⁹ *Zaleski S. Wojenne plany...*, s. 32—33.

⁵⁰ Письмо С. Батория к М. Радзивиллу Сиротке от 18 декабря 1585 г.— *Racz.*, N 79.

⁵¹ *Zaleski S. Wojenne plany...*, s. 33.

⁵² ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 62—63.

⁵³ По сведениям, собранным позднее русскими дипломатами, это обязательство должно было быть скреплено присягой русских «сословий», чтобы «бояре... и все думные люди крест целовали и служилые б лутчие люди и митрополит с владыками и со всем собором на том клятву дали». — ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 439.

⁵⁴ Там же, л. 76 с об., 81 с об.

Переговоры, которые вел М. Гарабурда в Москве (в апреле 1586 г.), начались с требования посла дать ему возможность вести переговоры с боярской думой и митрополитом, но это требование было отклонено⁵⁵. Лишь накануне отъезда Гарабурда был допущен на заседание боярской думы, однако не для дискуссии по возможным условиям мира, а для манифестации перед иностранным дипломатом⁵⁶ единства действий русской правящей верхушки. Из предложений сената Речи Посполитой лишь одно получило одобрение русского правительства: царь и боярская дума еще раз подтвердили свое желание заключить «вечный мир» с Речью Посполитой, но без уступок и обязательств с русской стороны. Что касается проекта династической унии, то его боярская дума вообще отказалась обсуждать⁵⁷. Единственным, хотя и сомнительным по своей ценности, официальным результатом миссии М. Гарабурды было письменное заявление бояр, что все сведения о переговорах с Австрией являются чьим-то злостным вымыслом⁵⁸, а также обещание прислать в Речь Посполитую послов для дальнейших переговоров.

Иначе выглядела закулисная сторона переговоров⁵⁹. Так, хотя посол не был допущен на заседания боярской думы, а переговоры с ним вели люди, несомненно, подобранные фактическим правителем при неспособном царе — его шурином Борисом Годуновым⁶⁰, посол сумел разо-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 42 об. и сл.

⁵⁶ Из записи приговора боярской думы — «быти послу у всех бояр в набережной палате в большой и сказати ему перед дворяны и перед купецкими людьми, что пикоторого дела не приговорил» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 85-а с об.) — видно, что первоначально посла должно было принять целое сословное собрание, но в дальнейшем от этого замысла отказались и купцов на приеме не было (там же, л. 98—99).

⁵⁷ Изложение основных моментов переговоров см.: *Соловьев С. М.* История России от древнейших времен, кн. IV. М.—Л., 1960, с. 209—211.

⁵⁸ «Нехто злодей, изменник всего хрестьянства такое злодейское слово затеял... и принес к панам-радам». — ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 117.

⁵⁹ См. письмо подканцлера коронного А. Барановского маршалку коронному А. Опалинскому от 18 июня 1586 г. (Кórn., гкр. 1708, к. 23—24 v), где подробно излагается отчет М. Гарабурды о его пребывании в России.

⁶⁰ В состав посольской комиссии входили родственник правителя

слать членам боярской думы копии грамоты сенаторов. В результате князя Ф. И. Мстиславский, И. П. Шуйский, а также «иные бояре» потребовали объяснений по поводу тайных переговоров с Габсбургами у Б. Годунова и его ближайшего сподвижника — думного дьяка А. Щелкалова, стоявшего во главе Посольского приказа. В боярской думе начался «мятеж» (tumult), правитель и думный дьяк «складывали вину с себя на приставов». Одобренный успехом, посол затем разослал боярам текст своего предложения прислать летом 1586 г. в Речь Посполитую своих великих послов с неограниченными полномочиями вести переговоры и решать обо всем, что относится к «вечному миру» и объединению Москвы с Польшей. Результат этих действий, по словам посла, превзошел все ожидания. «И уже, — сообщал он, — даже дворяне великого князя отступили от Годунова и Щелкалова», возражавших против предложений Гарабурды, «и к другой стороне пристали, открыто заявляя, что сабли против польского короля не поднимут, а вместе с другими боярами хотят согласия и соединения». «И почти вся земля, — заверял далее посол, — расположена к королю его милости», кроме упомянутых выше правителей — Б. Годунова и А. Щелкалова.

Сообщения М. Гарабурды становятся понятнее при их сопоставлении с тем, что нам известно, по русским источникам, о внутреннем положении в стране. Уже в 1585 г. в русских правящих верхах сложились две борющиеся за власть группировки, во главе которых стояли с одной стороны — Б. Годунов, с другой — князя Шуйские. Хотя группировка Годунова обладала большей долей власти (в ее ведении были, в частности, сношения с иностранными государствами), группировка Шуйских также имела сильные позиции в правительстве, опираясь, кроме того, на поддержку ряда церковных иерархов и верхушки московского посада. Несмотря на столь неоднородный характер поддерживающих ее сил, группировка эта в своем руководстве отражала стремления крупной боярской знати, оттесненной от власти при Иване IV, а теперь стремившейся восстановить прежнее положение.

И. В. Годунов, родственник Романовых И. В. Сицкий, А. Я. и В. Я. Щелкаловы и возвышенный Б. Годуновым дьяк Елизар Вылузгин,

ние⁶¹. Отчет М. Гарабурды вносит в эту картину новый штрих — готовность боярской группировки, чтобы отстранить Б. Годунова от власти, пойти на контакты с польско-литовским правительством. Об этих контактах, завязавшихся, по-видимому, в конце 1585 — начале 1586 г., сохранились упоминания и в других источниках⁶². Уже в марте 1586 г. А. Поссевино сообщал в Рим: «великий князь глуп и не имеет разума, а многие бояре не могут терпеть правления одного из родственников этого князя и нескольких других вельмож и потому просят, чтобы король как можно скорее вступил со своим войском в Московию»⁶³. Утверждение, что бояре добивались военной интервенции С. Батория, является, возможно, вымыслом А. Поссевино (или его информаторов), но все же представляется бесспорным, что часть русского боярства обещала правительству Речи Посполитой способствовать «унии» между государствами, чтобы обеспечить себе успех в борьбе за власть⁶⁴. Появление у польско-литовских планов «унии» влиятельной поддержки внутри России открывало перед восточной политикой Речи Посполитой новые перспективы. Неудивительно, что итоги миссии М. Гарабурды были восприняты с восторгом находившимися в Гродне (постоянной резиденции С. Батория в 1585—1586 гг.) коронными политиками. «Очень много этим посольством пана Минского сделано, — сообщал А. Опалиньскому коронный подканцлер, — Пан Бог, право, подает [нам] в руки то, чего предки самыми большими и сильными стараниями добиться не смогли»⁶⁵. Здесь с нетерпением ждали обещанного русского посольства, рассчитывая на соглашение с устранившими Б. Годунова боярскими правителями. Эти расчеты, однако, не оправдались. Шуйским не удалось свергнуть Бориса или ос-

⁶¹ Подробнее об этих группировках см.: *Скрынников Р. Г. Политическая борьба...*, с. 54—55, 58—59.

⁶² См., например, сообщение С. Жолкевского, что король «привлекал к себе Москву с помощью Ивана Петровича Шуйского» (цит. по: *Maciurek J. Zápas...*, s. 55).

⁶³ *Zaleski S. Wojenne plany...*, s. 39.

⁶⁴ Подлинные планы этой группировки не могут быть установлены из-за недостатка источников.

⁶⁵ Реакция литовских сенаторов была гораздо более сдержанной. Так, Л. Сапега заметил по поводу рассказов М. Гарабурды, что посол «короля его милость пустыми словами утешить хочет» (*Archiwum domu Sapiechów*, t. I. Lwów, 1892, N 18).

лабить позиций его группировки в правительстве. На переговоры с польско-литовскими сенаторами в июне 1586 г. были направлены лица, связанные с правителем, — боярин Ф. М. Троекуров и дворянин Ф. А. Писемский, а врученные им инструкции даже не предусматривали возможности обсуждения каких-либо проектов «унии»⁶⁶.

Между тем на переговорах в Гродне в августе 1586 г. сенаторы, основываясь на сообщениях М. Гарабурды, снова выступили с предложением о заключении «унии» между Россией и Речью Посполитой после смерти царя Федора⁶⁷, так чтобы, как разъясняли сенаторы, «над всеми этими народами правил один государь, а каждый народ имел бы всякие свои права и обычаи». Такое соединение только усилило бы международные позиции обоих государств, а русские, кроме того, «легче могли бы дойти до свобод и вольностей». Последнее замечание явно адресовалось представителям боярской оппозиции, которых ожидали увидеть в составе русского посольства. Вместе с тем эта формулировка позволяет выявить еще один важный момент задуманного в Варшаве плана: именно обещание «свобод и вольностей» должно было привлечь к польско-литовскому проекту русское дворянство. Наряду с этим были пущены в ход угрозы. Заключение «унии» выдвигалось теперь как одно из условий жесткой альтернативы: либо уступка спорных территорий (в случае отказа — война по истечении срока перемирия), либо заключение после смерти Федора договора о «реальной» унии между государствами.

Доводы польско-литовской стороны не оказали никакого воздействия на русских послов, отказавшихся обсуждать польско-литовский проект. Решение всех спорных вопросов было отложено до пограничного съезда боярской думы и сената Речи Посполитой, который должен был состояться в июне 1587 г. При этом русские послы упорно возражали против включения вопроса о «соединении» в повестку дня съезда и согласились на это лишь после угрозы немедленного «отпуска» и полного разрыва отно-

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 147—182 — текст посольских инструкций.

⁶⁷ Письмо неизвестного лица (Я. Пиотровского?) А. Опалиньскому от 18 сентября 1586 г. (Kórn., гкр. 1708, к. 72—72 v). В русской посольской записи эти заявления переданы суммарно (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 267—268 об.).

шений⁶⁸ между Россией и Речью Посполитой. Хотя в итоге вопрос о «соединении» в повестке дня съезда остался, русские послы не замедлили разъяснить Л. Сапеге, что под словом «соединение» они понимают отнюдь не слияние двух государств в единый организм, а лишь военно-политический союз между ними⁶⁹. И все эти длительные и ожесточенные споры шли лишь вокруг возможного перечня обсуждаемых вопросов, в котором никак не предопределялись результаты будущей дискуссии⁷⁰.

В этих условиях собравшимся в Гродне сенаторам стало ясно, что нет оснований ждать обнадеживающих результатов от съезда, если дипломатические демарши не будут подкреплены иными формами давления. «Каждый из нас легко мог увидеть, что эти переговоры иначе нам не дадутся, как, если бы одной рукой к нужным условиям их приводить, а другой рукой — докучать им железом, а иначе слабая надежда [на успех]», — писал 6 сентября подканцлер коронный коронному маршалку А. Опалиньскому⁷¹. Не случайно, срок перемирия между Россией и Речью Посполитой истекал вскоре после начала работы намеченного съезда. К этому времени на границе должна была стать серьезная военная сила, присутствие которой заставило бы русских пойти на уступки. Средства для снаряжения такой армии должен был дать сейм. Такой поворот в настроениях сенаторов совпал по времени с новой активизацией «королевской» партии. Хорошо известно, что уже осенью 1585 г., получив известия об избрании нового папы — Сикста V, С. Баторий возобновил переговоры с курией о предоставлении ему субсидий на московскую войну. В апреле 1586 г. для личных переговоров с папой в Италию выехал племянник короля Андрей Баторий⁷². При этом и С. Баторий и дейст-

⁶⁸ Подробное изложение этой стадии переговоров: ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 279 об.— 296 об.

⁶⁹ *Archiwum domu Sapiehow*, t. I, N 23 (Письмо Л. Сапеге к К. Радзивиллу от 6 сентября 1586 г.).

⁷⁰ Русские послы отмечали в своем комментарии к соглашению: в нем указывается, «что говорить на обе стороны, а на дело никакое не указано, что зделати так» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 292 с об.).

⁷¹ *Kórn.*, rkp. 1708, k. 75 v.

⁷² *Pierling P.* Le Saint-Siège..., p. 77—83; *Zaleski S.* Wojenne plany..., s. 39—41.

вовавший в тесном контакте с ним А. Поссевино широко использовали сведения о контактах короля с боярской оппозицией, чтобы склонить курию на сторону королевских планов⁷³. Возможно, благодаря этому обстоятельству королевская дипломатия на сей раз добилась определенного успеха. Правда, Сикст V заявил, что он желал бы выступить как посредник в урегулировании отношений между Россией и Речью Посполитой, но обещал выплачивать С. Баторию субсидии в случае неудачи посредничества. Более того, не дожидаясь реакции русского двора на свои предложения, папа уже в ноябре 1586 г. отправил в Польшу свой первый взнос — 25 тыс. дукатов⁷⁴. Однако субсидии были предоставлены далеко не в том объеме, как просил С. Баторий (800 тыс. дукатов в год в течение 3 лет), и их было, безусловно, недостаточно для ведения большой войны. В этих условиях для короля оказывалось весьма выгодным присоединиться к разработанному сенаторами плану действий, поскольку его осуществление так или иначе давало королю средства для набора армии. Средства же у шляхты было легче извлечь, когда речь шла не о войне, а лишь об угрозе войны⁷⁵.

В результате в королевской инструкции на предсеймовые сеймики, разосланной в октябре 1586 г., именно этот план был предложен на рассмотрение шляхты. В инструкции говорилось, что на намеченном польско-литовском съезде нечего ждать уступок от русских, «если не будут видеть какой-либо грозы и что ваши милости взялись серьезно и со всеми силами за это дело». В противном случае посылка сенаторов на съезд принесла бы только вред государству: они стали бы посмешищем для русских политиков, которые бы еще более укрепились в своем отрицательном отношении к польским предложениям.

В инструкции, однако, был добавлен еще один важный довод в пользу предложенного плана, который позволяет раскрыть дополнительные мотивы действий его создателей. Автор инструкции обращал внимание шляхты на то, что и в России есть люди, «которые имеют не-

⁷³ *Załęski S. Wojenne plany...*, s. 39, 42; *Pierling P. Le Saint-Siège...*, p. 175.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 90—93, 175—176; *Załęski S. Wojenne plany...*, s. 44—45; *Kuntze E. Les rapports...*, s. 202—203, 207—209.

⁷⁵ Разумеется, это не препятствовало «королевской» партии вести среди шляхты пропаганду собственных планов войны.

малую надежду, чтобы могли сами когда-нибудь прийти к этому» (к унии с Речью Посполитой.— *Б. Ф.*), но если они не увидят «силы отсюда», им не удастся осуществить своих намерений⁷⁶. Таким образом, неудачный исход русско-польских переговоров не заставил сенаторов отказаться от своих расчетов на сотрудничество с боярской оппозицией. С этими расчетами, думается, и была связана вся идея добиться с помощью военной демонстрации «соединения» государств.

В декабре 1586 г. начали собираться предсеймовые сеймики. Хронисты единодушно сообщают, что настроение собиравшейся на сеймики шляхты было благоприятным для королевских планов и, выражаясь словами М. Бельского, «едва ли не все рыцарство к тому склонялось, чтобы короля на эту войну отправить и хорошо снарядить»⁷⁷. Вслед за хронистами это повторяют и исследователи⁷⁸. Однако можно думать, что хронисты обрисовывали положение в «розовых красках». Так, в письмах магнатов того времени встречается ряд сведений о проходивших летом 1586 г. совещаниях оппозиционных С. Баторию польских политиков (где ставился вопрос о низложении короля с трона), о направленных против него памфлетах, распространявшихся перед сеймом среди шляхты⁷⁹. Очевидно, что полного единства в польском господствующем классе не было. Сложным было и положение в Великом княжестве. Коронный подканцлер, который лето 1586 г. провел в Гродне, сообщал, что Литва горит желанием воевать⁸⁰. Однако русские дипломаты, также находившиеся в Гродне в августе 1586 г., передавали в своем отчете иные отзывы шляхтичей: следует помириться с Россией, так как «воеватца... не за что, только лише-деи воеватца королю для своей чести», и что «те-деи поветы, которые от государевы украины, грошей

⁷⁶ Инструкция на сеймик в Прошовицах от 24 октября 1586 г.— AGAD. Archiwum publiczne Potockich, N 6, k. 8v — 9.

⁷⁷ *Heidenstein R. Dzieje...*, s. 202; *Kronika Marcina Bielskiego*, t. 3, s. 1532; *Solikowski J. D. Krótki pamiętnik rzeczy polskich*. SPb.— Mohylew, 1855, s. 74.

⁷⁸ См., например: *Kuntze J. Les rapports...*, s. 299.

⁷⁹ Kórn., rkp. 1708, k. 46 v (Письмо Я. Пиотровского к А. Опалиньскому от 18 июля 1586 г.); k. 68 (Письмо Я. Понятовского к А. Опалиньскому от 29 июля 1586 г.); *Archiwum domu Radziwiłłów*, s. 182.

⁸⁰ Kórn., rkp. 1708, k. 76.

ему не поступятца и на войну думати не почнут»⁸¹. В письмах М. Радзивилла Сиротки также можно обнаружить целый ряд язвительных выпадов по адресу королевских планов и весьма пессимистические оценки возможных результатов, которые война принесет Великому княжеству⁸².

В этих сложных условиях на исход работы сеймиков и на решения сейма могли решающим образом повлиять события, происходившие в это время в России. Осенью 1586 г. борьба политических группировок в России снова обострилась. Шуйские, стараясь лишить правителя опоры в царской семье, пытались организовать коллективное «челобитье» митрополита, бояр и «купецких людей» о разводе царя Федора со своей женой⁸³. Годунов же обвинил своих противников в тайных контактах с польским королем. Отправленные в Литву летом 1586 г. послы пытались собрать сведения, нет ли у Шуйских каких-либо сношений с М. Головиным⁸⁴. Зимой 1586/87 г. в пограничные города Великого княжества Литовского пришли известия, что Годунов обвинил перед думой «младшего Шуйского» в тайных контактах с литовскими сенаторами, для чего тот якобы выезжал на рубеж под видом охоты⁸⁵. Наконец, австрийский посол Н. Варкоч, посетивший Москву в конце 80-х годов, записал в своем отчете, что назначенные Иваном IV правители «стали тайно сноситься с Польшей и хотели присоединить к ней (*incorporiren*) страну, как утверждал Борис», и «имелись явные доказательства того, что это не сочинено»⁸⁶. Свидетельства этих независимых друг от друга сообщений позволяют понять, что стоит за лаконичным показанием источника 20-х годов XVII в. — «Нового летописца»: Борис в борьбе с Шуйскими «научи на них доводить людей

⁸¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 426 об. — 427 об.

⁸² См. его письма к К. Радзивиллу от 30 марта, 9 апреля и 1 июля 1586 г. (*Archiwum domu Radziwiłłow*, s. 21, 26, 27; AGAD, AR, IV, n. 505).

⁸³ *Скрынников Р. Г. Политическая борьба...*, с. 55—56.

⁸⁴ *Archiwum domu Sapiehów*, t. I, N 24 (Письмо Л. Сапеги от 10 сентября 1586 г.).

⁸⁵ Письмо С. Паца к К. Радзивиллу от 1 января 1587 г. — AR, V, N 11123.

⁸⁶ Текст отчета Н. Варкоча: *Штендман Г. Ф. Отзыв об историческом исследовании проф. А. Трачевского.* — В кн.: *Отчет о XXI присуждении наград гр. Уварова.* СПб., 1880, с. 117.

их Федора Старова с товарищи и возложи на них измену»⁸⁷. «Измена» — это были сношения Шуйских с польским королем.

Как бы то ни было, осенью 1586 г. оппозиция была разгромлена. Тем самым пропадала (пусть даже проблематичная) возможность сотрудничества с внутренними силами в России и задуманный сенаторами план становился полностью нереальным. Однако сообщения об этих событиях еще не стали известными шляхте, когда 13 декабря 1586 г. в разгар приготовлений к созыву сейма и будущей военной кампании С. Баторий неожиданно скончался; сеймики разошлись, не приняв никаких решений⁸⁸. Ситуация изменилась, а это требовало от обеих сторон поисков новых конкретных путей, которые вели бы к осуществлению их целей.

⁸⁷ Полное собрание русских летописей, т. XIV. СПб., 1910, с. 36—37.

⁸⁸ Так, на сеймике Краковского воеводства успел выступить лишь воевода Андрей Тенчинский, а затем «не пришлось никому голосовать», так как пришло известие о королевской смерти.— AGAD. Archiwum publiczne Potockich, N 6, k. 13 v.

Формирование русской внешнеполитической программы во время третьего «бескоролья» (1587 г.)

Первоначальный план действий сложился у русского правительства быстро. Уже в январе 1587 г. в Литву выехали русские посланники Е. Ржевский и З. Свиязев с предложением польско-литовским феодалам быть «под... царскою рукою с государством Московским сопча заодин»¹. В грамотах сенату и «рыцарству» обеих частей Речи Посполитой² говорилось, что царь, желая всякого добра «как своему государству, так и вашим землям», предлагает обоим государствам объединиться под его «царскою рукою» и «против всех недругов стояти обще заодин». Если польско-литовские феодалы относятся к этому предложению положительно, то им следует прислать в Москву «великих» послов, «умыслив накрепко со всею землею как которым делом быти пригож». В соответствии с предложенной процедурой посланникам не было дано указаний о возможных условиях унии: все вопросы должны были решаться на переговорах царя с «великими» послами Речи Посполитой³. Одновременно послам было дано поручение, которое позволяло представить русский внешнеполитический замысел конкретнее. Послам следовало проинформировать литовцев, что если поляки «одни кого себе за государя оберут», то царь согласен на то, чтобы его выбрали только на литовский трон. Одновременно послы должны были заверить литовцев, что царь в этом случае не только сохранит в неприкосновенности права и вольности дворянства Великого княжества, но и позаботится о том, чтобы «начальное государство Киевское» и другие земли, которые поляки

¹ ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 17, л. 1 об.— 2.

² Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен, т. VI, ч. II. СПб., 1790, с. 151—159.

³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 123, 127—129.

«приворотили к польской земле насильством», были снова присоединены к Литве⁴. В ответ на возможные сомнения в реальности таких предложений, послам предписывалось разъяснять, что ведь «государство Литовское, коли было за великими князьями Литовскими опроче Коруны польские, ино и тогда против Польши стояло, а ныне коли будут такие два государства вместе, ино кто может против их стояти»⁵. Предпочтительность для Великого княжества соединения с Россией, а не с Польшей дополнительно аргументировалась тем, что «поляки верою с крестьяны на рознь, а вы, паны-рада и вся земля литовская крестьяне с нашею землею вера одна и обычай один»⁶.

Таким образом, на первом этапе третьего «бескоролья» русская политическая линия была прямым продолжением тех проектов начала 70-х годов XVI в., которые предусматривали разрыв Люблинской унии, создание русско-литовского объединения и восстановление Великого княжества в его первоначальных границах. Правда, с самого начала русское правительство проявило в своем подходе известную гибкость. Так, если бы предложение разорвать унию с Польшей встретилось с отрицательной реакцией литовских политиков, посланники должны были придать своему предложению о сепаратной элекции другой смысл, утверждая, что это просто лучший способ привести «бескоролье» к нужному литовским феодалам результату: если царь станет великим князем литовским, «тогда и у неволи быти Коруне Польской с Великим княжеством Литовским»⁷. Однако, очевидно, какой вариант переустройства Восточной Европы был для русских политиков более желательным. Не менее ясно это видно из перечня магнатов, которым были адресованы грамоты царя и бояр⁸: все высшие сенаторы Великого

⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 124 с об.; ср. л. 132 с об.; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. IV. М., 1960, с. 215—216.

⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 132 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 124 об.—125.

⁸ Там же, л. 36—59 об., 68—106. Тексты грамот составлены по одному формуляру, следующему тексту «общих» царских грамот. Исключением является грамота Б. Ф. Годунова — К. Острожскому с напоминанием, что тот, «будучи с нами крестьяны од-

княжества, украинские магнаты — К. Острожский и Я. Збаражский — и лишь два представителя Короны в узком смысле слова (архиепископ гезненский и подканцлер коронный).

Не случайно также посланники должны были уговаривать литовцев присылать в Москву своих послов — «наперед польских панов», заверяя их, что после своего избрания царь будет «Великое княжество Литовское и любить больше, и оберегать больше Коруну польские, потому что и земля со государя нашего заодно вместе и вера одна и обычай крестьянской»⁹.

Мотивы, склонявшие русское правительство к проведению такого курса, были по существу теми же, которые определяли аналогичные шаги Ивана IV. Возможно, что к этому добавились дополнительно опасения перед экспансионистскими акциями польских феодалов и их вождя — Я. Замойского¹⁰. Неясно, однако, что убеждало Б. Годунова и А. Щелкалова в реальности их плана разрыва Люблинской унии. Неясно также, чем руководствовалось русское правительство, когда в условиях роста экспансионистских тенденций польско-литовских феодалов и ослабления международного престижа России после Ливонской войны настаивало на том, чтобы переговоры об условиях унии происходили непременно в Москве, хотя этого не требовал действовавший в гораздо более благоприятной ситуации Иван IV.

На чем бы, однако, эти планы ни основывались, действительность, как увидим далее, скоро заставила внести в них серьезные поправки. Правда, русских посланников встретил в Великом княжестве теплый прием. В различных городах «шляхта многие и мещане и чернь» выражали свое желание видеть на опустевшем троне царя Федора¹¹. Одновременно посланникам неофициально сооб-

ной веры» и «непоколебим в вере крестьянской», должен «паче и мимо всех» добиваться выбора царя.

⁹ Там же, л. 125.

¹⁰ Показательно, что Яну Замойскому — канцлеру и гетману коронному — не была направлена особая грамота, не упоминался он и в «общей» грамоте польско-литовским сенаторам (ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 61—62). Тем самым русское правительство давало понять, что не желает иметь с этим польским политиком никаких контактов.

¹¹ См.: *Floria B. Rosyjska kandydatura na tron polski u schyłku XVI wieku.* — *Odrodzenie i reformacja*, t. XVI. Warszawa, 1971, s. 86—87.

щали, что виленский воевода К. Радзивилл «да с ним подканцлер Лев Сапега да подскарбей Федор Скумин о крестьянстве радеют и хотят тово, чтоб у них пановал государь ваш»¹². Позднее от имени этих магнатов посланников тайно посетил виленский купец Лука Мамонич, подававший различные советы как действовать, чтобы добиться избрания царя¹³. Наконец, в апреле Ф. Скумин дал в честь посланников в своем доме официальный прием, на котором присутствовал целый ряд литовских сенаторов, заверявших, что они будут поддерживать кандидатуру царя на элекции¹⁴. Весной 1587 г. стали завязываться и контакты между русским правительством и украинской магнатерией. 15 марта послов посетил католический епископ Киева Я. Воронецкий, заверивший их, что его родственник, князь Януш Збаражский готов способствовать выбору царя¹⁵. Положительно отнесся к русской инициативе и князь Константин Острожский, к которому было отправлено особое «посольство»¹⁶. Его «человек» Василий доставил в Москву «речи» своего господина с рекомендациями, как следует действовать¹⁷. Настроение населения на украинских землях, по мнению посланников, было благоприятным для царя¹⁸. Из Короны также приходили сообщения, что среди польской шляхты есть сторонники русского кандидата¹⁹. Однако, хотя русская инициатива встретила благоприятный отклик в разных слоях польско-литовского общества, выполнение задуманного плана натолкнулось на трудности.

Прежде всего ни литовские шляхтичи, ни посланцы литовских магнатов ни разу не поставили вопрос о разрыве польско-литовской унии, а когда посланники по собственной инициативе затронули эту тему, реакция оказалась отрицательной²⁰. В итоге, 27 марта посланники бы-

¹² ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 193 об.— 194.

¹³ Там же, л. 215—216.

¹⁴ Там же, л. 565 об.— 572 об.

¹⁵ Там же, л. 261 об.— 262 об., 265 с об.

¹⁶ См.: Письмо К. Острожского к К. Радзивиллу от 10 марта 1587 г.— AR, V, N 11075.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 121 об.; ср.: кн. 17, л. 312 об.— 313.

¹⁸ См. их сообщение, что «и Вольшь и Подоляне и Русь... хотят государя, царя и великого князя».— Там же, л. 561 об.

¹⁹ Там же, л. 220.

²⁰ Там же, л. 563 с об.; см. также отписку послов, перехваченную литовцами: AR, II, N 208.

ли вынуждены сообщить в Москву, что «литовским людям от польских отстать никак не мочно», так как «сцепились меж себя племянством, и имения у литовских панов в Польше, а у польских в Литве». Кроме того, «в Литве умножилось лятцкие веры (т. е. католической религии.— *Б. Ф.*) болши»²¹. Таким образом, не было оснований рассчитывать на разрыв Люблинской унии и возникновение унии русско-литовской. Вместе с тем для польско-литовских феодалов оказалась неприемлемой предложенная русским правительством процедура переговоров. Собеседники русских послов, выражая желание способствовать победе царя на выборах, одновременно подчеркивали, что для этого необходимо, чтобы царь прислал своих «великих» послов на элекционный сейм. Если же русские послы на сейм не придут,— разъяснял посланникам Л. Мамонич,— «короля оберут тотчас от иных стран»²². Под влиянием всех этих сообщений русский внешнеполитический курс к апрелю 1587 г. изменился. Первоначальный план, оказавшийся нереальным, был оставлен, и русское правительство решило принять участие в предвыборной борьбе за польско-литовский трон.

В начале мая посланников, находившихся еще в Литве, известили о намерении царя отправить на элекционный сейм в Варшаву «великое посольство»²³. Еще раньше, в конце апреля, польско-литовским посланникам П. Черниковскому и Б. Огинскому, приехавшим в Москву для переговоров о продлении перемирия, был вручен перечень «прибытков», которые принесет Речи Посполитой выбор царя,— первый набросок проекта русско-польско-литовской унии²⁴. Этот набросок лег в основу развернутого текста русских предложений²⁵, врученного «великим послам» — С. В. Годунову, Ф. М. Троекурову,

²¹ Там же, л. 220 об.

²² Там же, л. 209 с об., 263, 433 об.

²³ Там же, л. 414 и сл.

²⁴ Там же, л. 326—339, 386—407 об. (устные «речи» и врученный посланникам письменный текст); *Соловьев С. М.* История России, кн. IV, с. 217—218.

²⁵ Эти предложения были изложены не в одном, а в ряде документов: перечне «прибытков» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 59 об.—65 об.), проекте договора между Россией и Речью Посполитой, «только оберут государя на королевство» (там же, л. 127 об.—141) и образце «договорной записи толко оберут государя» (Там же, л. 156—172 об.).

В. Я. Щелкалову и Д. П. Петелину, которые в июне 1587 г. выехали в Варшаву для официального выдвижения кандидатуры Федора Ивановича на элекционном сейме. При составлении текста предложений были использованы как информации, собранные русскими посланниками, так и советы литовского посла Б. Огинского, с которым неофициально консультировались по ряду вопросов²⁶.

Весь комплекс русских предложений можно условно разделить на пункты, определяющие: а) взаимоотношения между царем как представителем королевской власти и сословиями внутри Речи Посполитой; б) взаимоотношения между двумя государственными организмами в рамках будущего политического объединения; в) основные направления внешней политики этого объединения.

Переходя к рассмотрению первой группы вопросов, следует сразу же констатировать, что русское правительство молчаливо отказалось от притязаний на установление в Речи Посполитой наследственной власти Рюриковичей и признания их особых прав патроната над православной церковью в Короне и Великом княжестве. Федор Иванович соглашался стать польским королем на тех же условиях, что и С. Баторий, и заранее заверял будущих подданных, что он их «справ и волпостей не нарушит, ещо к тому и прибавливати хочет»²⁷ и «людем всяким тех государств вера вольно будет держать по своей вере, хто в которой вере живет...»²⁸. С предложениями Ивана IV данную часть русского проекта сближало лишь условие, что, когда царь «по времени» поседет в Речь Посполитую, то он имеет право «ехать с своими людьми Московского государства с своим двором»²⁹, а также требование, чтобы подданные (от сенаторов до «мещан») принесли присягу «хитрости никоторые не учинити и о лихе о всяком о нас... ни о чем ни с кем не ссылатися и государства нашего под нами не подыскивати никоторыми делы»³⁰. Стоит отметить, что текст присяги — это

²⁶ Как сообщил в своем отчете литовской раде Б. Огинский, с ним говорили «о римской вере, о сеймах, что далеко в Варшаве бывают, и о других делах и советов у меня о том спрашивали, как с этим следовало поступать». — AR, II, N 207.

²⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 62 об.

²⁸ Там же, л. 71.

²⁹ Там же, кн. 17, л. 139.

³⁰ Там же, л. 140 с об.

стандартное, обычное для русских документов обязательство лояльности и не содержит характерных для исходивших от Ивана IV бумаг упоминаний о «мятежах», которые не удастся урегулировать мирным путем. Поскольку Б. Годунов и А. Щелкалов не выступали с программой перестройки системы власти в Речи Посполитой, у них и не было оснований ожидать возникновения серьезных конфликтов. Что же касается стремления окружить монарха близкими ему людьми, то, помимо сложившихся на выков русской жизни, на такое решение вопроса несомненно влияла неспособность Федора к самостоятельному управлению делами.

Новым элементом русской внешнеполитической программы была готовность русского правительства не только полностью сохранить существующее устройство Речи Посполитой, но и внести в него изменения, которые сделали бы его еще более благоприятным для польско-литовских феодалов. Так, в условия будущей унии было включено обязательство царя «не вступатися» «ни в какие доходы и скарбы» Речи Посполитой³¹. Не совсем ясная формулировка посольских инструкций разъясняется текстом первоначального наброска, где читаем: «каких доходов ни будет, которые приходили на короля, всяких прибитков, в то ни во что государь вступатися не хочет, а обещает то все паном радным и рыцарству всему да еще к тому и своею казною... хочет наддавати»³². Таким образом, речь шла об использовании на нужды Речи Посполитой тех доходов, которые ранее шли на содержание королевской семьи. Соответствующие средства царь обязывался черпать из своей русской казны³³. Одновременно русское правительство обещало выплатить долги прежних монархов «желнырем» в размере до 100 тыс. «угорских золотых»³⁴. Несомненно, содержание этих предложений было подсказано литовскими политиками (советы Мамонича)³⁵, а также жалобами литовской шляхты на прежних монархов, которые государство «истожили» (в особенности на С. Батория, который «воевался, а нас всех истожил и для войны рыцарские люди мно-

³¹ Там же, кн. 18, л. 62 об., 132, 162.

³² Там же, кн. 17, л. 328 об.

³³ Там же, кн. 18, л. 139 об.

³⁴ Там же, л. 63, 162.

³⁵ Там же, кн. 17, л. 216.

гие именья свои закладывали, а что кому за наем посулено, и тому никому платеж не бывал»³⁶). Однако внимание русского правительства к этим жалобам ясно говорит о его стремлении обеспечить себе на выборах поддержку шляхты, в особенности тех ее слоев, которые были связаны с военной службой и по окончании Ливонской войны столкнулись с серьезными материальными затруднениями. Не случайно, в царских грамотах, направленных с «великими послами» сенаторам, указанные выше предложения отсутствовали, вместе с тем они были специально включены в грамоты, адресованные шляхте³⁷.

В выборе такой ориентации сказывался прежде всего учет итогов политической борьбы 70-х годов XVI в., которые ясно показывали, что не магнаты, а шляхта является решающей политической силой в Речи Посполитой. Вместе с тем был принят во внимание и политический опыт 1584—1586 гг., когда страдавшие от хозяйственных разорений слои мелкой шляхты оказались опорой группировки, выступавшей за возобновление войны с Россией. Выдвигая разобранные выше предложения, русское правительство стремилось оторвать эти слои от Я. Замойского и политиков его круга и сделать их опорой своего политического влияния в Речи Посполитой.

Аналогичные тенденции можно, как увидим далее, проследить и в комплексе тех норм, которые должны были определять сферу внутренних отношений между Россией и Речью Посполитой. При разработке данной группы вопросов русские политики исходили из того, что и после заключения унии оба государства будут представлять собой особые организмы, внутренняя жизнь которых не связана друг с другом. Все нововведения, которые в этой сфере готово было предложить русское правительство, ограничивались мерами по известному облегчению контактов между жителями обоих государств. Первоначальный набросок условий унии предусматривал, что купцам из Речи Посполитой будет предоставлено право свободного проезда по всей русской территории и через нее в восточные страны³⁸. В окончательном тексте

³⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 267 об., 571; Соловьев С. М. История России..., кн. IV, с. 216—217.

³⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 43; ср.: там же, л. 32—35.

³⁸ Там же, кн. 17, л. 404.

проекта это установление было дополнено взаимным обязательством польско-литовской стороны предоставить русским купцам свободный проезд по всей территории Речи Посполитой³⁹. Конечно, такие меры облегчали экономическое общение между государствами, но они не сопровождались какими-либо предложениями по изменению системы сбора пошлин или установлению единой монеты, что показывает осторожный подход, стремление пока удовлетворяться в основном фиксацией существующего положения. Одновременно русские проекты унии предусматривали, что подданные⁴⁰ одного из государств, которые имеют родственников в другом, могут свободно «приятелю до приятеля ездить и с ними ся видать и свататься». Однако, проявляя готовность к облегчению контактов, русское правительство и в этом вопросе занимало осторожную позицию, очерчивая круг возможных поездок описанной выше житейской ситуацией и стремясь поставить такие поездки под контроль государственных органов России и Речи Посполитой⁴¹.

Лишь в одном важном вопросе оно изменило свою осторожную позицию. Предписывая послам категорически отвергать притязания польско-литовских феодалов на какую-либо часть русской территории⁴², русское правительство взяло на себя обязательство, если «польские и литовские люди, и мозырове (т. е. мазуры.— *Б. Ф.*) и желныри», у которых нет имений или их мало⁴³, «похотят вотчин в новых городах на Диком поле», наделить просителей землями в этом районе и даже дать им специальные грамоты, что те «вотчины их и их детей впрок навек, вольны они те вотчины продавати и променять, кому по-

³⁹ Там же, кн. 18, л. 138.

⁴⁰ Не совсем ясно, какой круг лиц должны были эти постановления охватывать. Если в перечне «прибытков» фигурируют лишь «люди народу шляхецкого» (Там же, л. 62 об.), то в тексте договора фигурируют «люди народу шляхецкого и мещане и всякие люди» (Там же, л. 132).

⁴¹ Проект договора предусматривал, что поездки должны совершаться «з доклада» боярской думе и сенату Речи Посполитой. «А без доклада и не сказався с обе стороны не ездить» (Там же, л. 132 с об.; ср.: л. 162 об.).

⁴² Там же, л. 66 и сл.

⁴³ Среди жителей Мазовии процент малоземельной «загородовой шляхты», ведущей фактически крестьянский образ жизни, был особенно значительным.

хотят»⁴⁴. Ясно, что, соглашаясь наделять шляхту землями в практически незаселенном районе, русские политики стремились, чтобы осуществление их предложений не ущемило в чем-либо интересы русского дворянства, отстаивавшего, конечно, свое исключительное право на эксплуатацию местной рабочей силы.

В данной связи важнее, однако, отметить другие стороны этого предложения, рассмотрение которых помогает лучше понять тактику русского правительства в предвыборной борьбе и отчасти его дальнейшие политические планы. Прежде всего обещанные пожалования должны были достаться не всему господствующему классу Речи Посполитой, и тем более не его верхушке — магнатории, а низшим, малоимущим слоям. В этом нельзя не видеть еще одно подтверждение того, что на выборах русское правительство определенно ориентировалось на завоевание поддержки шляхты. С другой стороны, речь шла не об открытии границы и занятии земель польско-литовской шляхтой, так сказать, явочным порядком, а о планомерной акции, которая должна была проводиться русскими властями. Понимаемая таким образом раздача земель из уступки польско-литовской шляхте превращалась по существу в инструмент русского политического влияния в Речи Посполитой, в средство укрепления власти монарха в будущем⁴⁵.

Аналогичным образом русское правительство подходило и к вопросу о «возмещении» тем феодалным родам, которые потеряли свои земли на Смоленщине и в Северной земле в период русско-литовских войн конца XV — начала XVI в. Этот вопрос неоднократно ставился во время польско-русских переговоров при С. Батории, и в Москве ожидали, что он может быть снова поднят на элекции. В этом случае русские представители должны были категорически отклонить предложение о возвращении старых «вотчин» в общем порядке, но вместе с тем заверить, что после избрания царя отдельные лица могут

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 132 об.—133; ср.: л. 63, 163 с об.

⁴⁵ Кроме того, проведение таких акций должно было способствовать принятию шляхтой русского проекта антитурецкой коалиции. См.: *Флоря Б. Н.* Антитурецкая коалиция и «бескоролье» 1587 г. в Речи Посполитой.— В кн.: *Юго-Восточная Европа в Средние века.* Кишинев, 1972, с. 264—266.

обращаться к нему со своими просьбами, «и государю нашему... в своем государстве в Московском которого пана или воеводу или дворянина пожаловать будет вольно, как ему, государю, бог известит»⁴⁶. Естественно, что и в этом случае царь, ничем формально не ограниченный в своих действиях, мог осуществлять такие пожалования в соответствии со своими интересами, предоставляя земли лишь тем, кто держался бы приемлемой для него политической линии. Такой курс, направленный на привлечение шляхты на сторону русского кандидата и ее одновременное подчинение русскому политическому влиянию, был дальнейшим развитием решений, первоначально наметившихся в условиях унии, переданных еще Иваном IV К. Гравевскому.

Указанные меры во внешнеполитическом замысле русских политиков занимали все же второстепенное место. Главное, что должно было привлечь польско-литовскую шляхту на сторону русского кандидата, это была развитая уже в перечне «прибытков» (апрель 1587 г.) концепция военно-политического союза между Россией и Речью Посполитой. Если при решении других вопросов русские политики последовательно придерживались того, что уния между Россией и Речью Посполитой будет личной, то при трактовке вопросов внешней политики они вышли за рамки такого представления. Врученные послам проекты договоров предусматривали, что одновременно со вступлением царя Федора на польский трон между Россией и Речью Посполитой будет заключен вечный союз со взаимными обязательствами обеих сторон помогать союзнику «людьми своими» и «оберегать» его территорию «ото всяких наших и от их недругов»⁴⁷. Тем самым заранее исключалась ситуация, когда одна из стран могла бы вести войны, в которых другая страна не участвовала⁴⁸, и уста-

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 70 с об.

⁴⁷ Там же, л. 130 об.—131, 160 об.—161. Согласно разработанной в Москве процедуре переговоров, тексты соглашения о союзе между Россией и Речью Посполитой должны были быть скреплены присягой не только представителей Речи Посполитой и царя, но и боярской думы (Там же, л. 82), чем подчеркивалось отличие этого соглашения от личной унии.

⁴⁸ Как это имело место, например, в период Тринадцатилетней войны Короны с Тевтонским Орденом, в которой Великое княжество не принимало участия.

навливалась практически единая внешняя политика для всего образующегося политического организма. Направленность этого союза оставалась традиционной: как и при Иване IV, речь шла о совместных действиях против держав, посягающих на Прибалтику (в конкретной ситуации середины 80-х годов XVI в. это были не Габсбурги, а Швеция), с одной стороны, и против Турции и Крымского ханства — с другой⁴⁹.

Проект 1587 г. предусматривал, что войну за Ливонию с Данией и Швецией Россия возьмет на себя (как указывалось в тексте, царь даст Речи Посполитой «и рать свою и наряд») и «доступя» земли, занятые шведами и датчанами, передаст их Речи Посполитой, оставя себе только город Нарву⁵⁰. Аналогичным образом основную тяжесть войны с Османской империей и Крымским ханством в рамках будущей антитурецкой коалиции должна была взять на себя Россия. Так, царь обещал на свои средства построить крепости на Донце, Дону и Днепре для защиты владений обоих государств от татарских набегов⁵¹. Одновременно он должен был «на Крым наступити своими людьми с прибыльными государствами татарскими и своею казною»⁵². С началом на Балканах войны против Османской империи царь также обязывался посылать войско против турок «своим накладом»⁵³. Если Крымское ханство должно было стать особым вассальным государством под совместным протекторатом России и Речи Посполитой, то относительно возможных завоеваний на Балканах определенно подчеркивалось, что все завоеванные земли будут «приворочены к Польше и к Литовской земле»⁵⁴. Таким образом, и при осуществлении восточной политики основная тяжесть борьбы должна была пасть на Россию, а главные достижения — достаться Речи Посполитой.

⁴⁹ Подробный анализ русской внешнеполитической программы 1587 г. см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973, с. 18—20; *оп же.* Антитурецкая коалиция..., с. 262—267.

⁵⁰ Там же, кн. 18, л. 64 об.— 65.

⁵¹ Там же, кн. 17, л. 327—328; кн. 18, л. 60 об.— 61.

⁵² В проектах договоров такого условия нет, но послам были даны полномочия, если польско-литовские феодалы этого потребуют, включить такое обязательство.— Там же, л. 89 об.— 90.

⁵³ Там же, кн. 17, л. 334.

⁵⁴ Там же, л. 333 об.— 334; кн. 18, л. 61 с об.

Выдвигая такие неравноправные, выгодные прежде всего польско-литовской стороне условия союза, русское правительство, несомненно, учитывало политический опыт русско-польских контактов 1584—1586 гг. Наступившее в эти годы усиление экспансионистских тенденций в восточной политике Речи Посполитой ясно показывало, что польско-литовские феодалы могут пойти лишь на такой военно-политический союз с Россией, который принес бы им существенные выгоды, ни в чем не ущемляя их интересов. Такое решение определялось прежде всего логикой предвыборной борьбы, когда в ходе ее приходилось доказывать преимущество своего кандидата над другими, также обещавшими Речи Посполитой разного рода приобретения и выгоды. Это была лишь одна сторона дела. Внимательное рассмотрение посольских инструкций показывает, что, принимая на себя всю тяжесть затрат по укреплению международных позиций Речи Посполитой на Балтийском и Черных морях, русское правительство рассчитывало в обмен за это получить ряд преимуществ иного порядка.

Установление единой внешней политики для всей восточноевропейской федерации делало особенно насущным вопрос, из какого центра будет осуществляться руководство этой политикой. Русские политики старались не акцентировать на этом внимание, но, как видно из текстов наказа, у них были на этот счет вполне определенные представления. Б. Годунов и А. Щелкалов исходили из того, что царь постоянно будет жить «на своем прежнем государстве на Московском», а в Речь Посполитую приезжать на «недолгое время»⁵⁵. В этих условиях царь явно не мог бы осуществлять повседневного управления Коронной и Литвой и поэтому всякие дела, касавшиеся их внутренней жизни, должны были решать паны — рада «по прежнему обычаю»⁵⁶. Рада могла осуществлять и прием иностранных дипломатов, которые придут с «невеликими делами». Что же касается важных дипломатических миссий, то они должны были отсылаться для переговоров с самим царем в Москву. При этом указывалось, что для обеспечения интересов Речи Посполитой «у государя в то время» должно находиться «человека по два, по пану рад-

⁵⁵ Там же, л. 83—84.

⁵⁶ Там же, л. 84 об.

ному да писарю»⁵⁷, но ясно, что в такой ситуации все важные вопросы, касающиеся внешней политики обоих государств, должны были решаться при определяющем участии русских политиков.

Кроме того, русское правительство рассчитывало провести свою линию в вопросах, связанных с процедурой вступления Федора Ивановича на польский трон и официальным оформлением положения России и Речи Посполитой в рамках федерации. Речь шла о проблемах, поставленных еще в период первого «бескоролья», но не нашедших тогда приемлемого для обеих сторон решения. Одна из сложностей заключалась в том, что окончательно стать польским королем Федор Иванович мог только после обряда коронации, который по традиции совершал в Кракове в кафедральном соборе глава польской католической церкви архиепископ Гнезненский. Невозможность осуществить этот акт без участия представителей католического епископата привела к тому, что, хотя это и не было зафиксировано в каких-либо правовых нормах, фактически на польский трон мог вступить только правитель, исповедующий католическую веру. Поэтому уже на русско-литовских переговорах начала 70-х годов XVI в. перед Иваном IV был поставлен вопрос о перемене вероисповедания, если он хочет стать польским королем.

Вторая сложность вставала при попытках составления титулатуры будущего правителя Восточной Европы. По прочной средневековой традиции титул государя должен был состоять из наименований всех территорий, на которые распространялась его власть, и порядок расположения этих наименований соответствовал месту и значению тех или иных территорий в рамках единого целого. При этом сама техническая сторона не позволяла ставить вопрос о соблюдении формального равноправия, что было возможно при создании иных знаков эмблематики (гербов, печатей). В результате, казалось бы, чисто формальное дело с составлением титулатуры вело к бескомпромиссной постановке вопроса о том, какое из двух государств — Речь Посполитая или Россия — будет признано первым (а следовательно, и главным) членом федерации. Этот вопрос для русско-польских отношений также был к 1587 г. уже традиционным, но, несмотря на это, не поте-

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 85 об.— 86.

рял своей актуальности. Уже литовские собеседники Е. Ржевского и З. Свиязева (Л. Мамонич, Ф. Скумин) поставили их в известность, что при обсуждении московской кандидатуры на элекции вопросы о проведении коронации, смене веры и титулатуре окажутся в центре дискуссии⁵⁸.

В решении этих вопросов русское правительство следовало линии, намеченной в условиях, переданных Иваном IV К. Граевскому. Чтобы ослабить возможную оппозицию со стороны католической шляхты Короны, правительство Б. Годунова, как ранее Иван IV, готово было обещать, если вопрос о выборе Федора будет решен положительно, созвать после его вступления на трон «собор людей мудрых... как греческих, так и иных». На этом «соборе» в зависимости от итогов дискуссии царь примет ту веру, какую найдет лучшей⁵⁹. Вместе с тем сама коронация Федора на польский трон должна была быть осуществлена митрополитом московским в Успенском соборе Кремля, куда католические епископы и светские сановники Речи Посполитой доставили бы королевскую корону из Кракова⁶⁰. В случае возражений польско-литовской стороны послы могли пойти на уступки, но эти уступки носили второстепенный характер⁶¹, поскольку и в измененном варианте коронация должна была быть проведена московским митрополитом на русской территории. Свою жесткую позицию в этом вопросе русские политики мотивировали тем, что для царя совершенно невозможно «оставя такое свое великое государство Российское царство и опустив свое царское достояние ехать в Коруну Польскую и в Великое княжество Литовское коруноватись» и разъясняли: «Коруноватися государю нашему коруною на великие государства к своему Московскому государству»⁶². По вопросу о титулатуре будущего монарха по-

⁵⁸ Там же, кн. 17, л. 217, 263, 571 с об.; *Соловьев С. М.* История России..., кн. IV, с. 219.

⁵⁹ Грамота посланникам от 7 мая 1587 г.— ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 418 об.

⁶⁰ Там же, кн. 18, л. 71, 78 об.— 79.

⁶¹ Так, царь соглашался, чтобы коронация была проведена не в Москве, а в Смоленске и при обряде коронования были использованы не сами королевские регалии, а изготовленные с них копии (Там же, л. 79 с об.).

⁶² Там же, л. 80 с об.

слам также предписывали настаивать, чтобы титул «государя, царя и великого князя Владимирского и Московского» предшествовал титулу польского короля и литовского великого князя⁶³. В подтверждение своей точки зрения они должны были подробно аргументировать и особую древность царского рода, и особое достоинство восходящего к византийской традиции царского титула, основываясь на материале «Сказания о великих князьях Владимирских»⁶⁴, текст которого был подвергнут новой обработке⁶⁵.

Приведенные выше высказывания не оставляют сомнений, что в обмен за отказ от пользования польско-литовским «скарбом», земельные раздачи шляхте и будущие усилия по укреплению международного положения Речи Посполитой русское правительство стремилось добиться не только перехода в его руки фактического руководства внешней политикой восточноевропейской федерации, но и четкого формального признания первенствующего места Российского государства в политической структуре Восточной Европы (что, в частности, находило свое отражение и в процедуре коронации, и в титулатуре монарха).

Сопоставление данного проекта с предшествующими планами Ивана IV показывает, что к 1587 г. сложившаяся в 70-х годах внешнеполитическая концепция подверглась всестороннему пересмотру для определения более реальных, более соответствующих существующим условиям политических целей, а также путей и средств их достижения. При этом были отвергнуты характерные для политики Ивана IV прямолинейные методы и развиты дальше те элементы более долговременной стратегии и маневрирования, которые наметились в его программе в период «второго» бескоролья. Следует отметить, что

⁶³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 72—72 об.

⁶⁴ Там же, л. 73 и сл.

⁶⁵ Так, послы должны были заявить, что не только Владимир Мономах, но и «победоносец» Александр Невский «венчан был... царскою шапкою Мономаховою» и «описыван во все государства дальние царским именованьем» (Там же, л. 77 об.—78). В рукописной традиции «Сказания» сведения о судьбе «шапки Мономаха» после смерти ее первого владельца появляются только в списках второй половины XVII в.—*Дмитриева Р. П.*, Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, с. 56.

от пересмотр коснулся именно концепции унии. При решении других политических проблем Б. Годунов и И. Щелкалов действовали таким же образом, как и Иван IV в начале 70-х годов. Это и понятно, так как изменился характер отношений между Россией и Речью Посполитой, широко возрос объем знаний русских политиков о внутренних противоречиях в Речи Посполитой и внешнеполитических установках польско-литовских феодалов, в то время как общая расстановка сил в Центральной и Юго-Восточной Европе с начала 70-х годов принципиально не изменилась.

Преимущество с внешнеполитической линией Ивана IV проявлялась также в том, что русское правительство было готово заключить «вечный мир» и союз с Речью Посполитой⁶⁶, даже если бы выбор царя Федора по каким-либо причинам оказался невозможным (лишь бы Речь Посполитая гарантировала, что выбранный король будет соблюдать заключенный договор⁶⁷). Даже при заключении 9-летнего перемирия послы должны были добиваться, чтобы в тексте соглашения фиксировалось обязательство сторон действовать «против всех недругов заодин». «А будет так не напишут, — разъяснялось в наказе, — оно бы хоти именно так написать: стояти на крымского сопча заодин»⁶⁸. Последние замечания ясно показывают, против кого прежде всего должен был быть направлен этот союз. Хотя в конце 70-х — начале 80-х годов XVI в. набеги татар на Россию не достигали прежней интенсивности, усиление влияния Османской империи на Северном Кавказе и захват турецкими войсками в конце 70-х — начале 80-х годов Азербайджана открывали перспективу возобновления турецкой экспансии в Поволжье в новой, еще более опасной для Русского государства ситуации, чем в начале 70-х годов. Неудивительно, что проблема ослабления позиций Турции и Крыма в Восточной Европе продолжала оставаться весьма актуальной и в русской внешней политике 80-х годов⁶⁹. Не менее важным для

⁶⁶ «Быти вперед меж собою в любви и в докончанье и в соединение ввек нерушимо и стояти против всех недругов заодин».

⁶⁷ Там же, л. 91, 93 об., 96 об.

⁶⁸ Там же, л. 105—106.

⁶⁹ Об усилиях русского правительства, направленных на создание антитурецкой коалиции, подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Антитурецкая коалиция..., с. 259—260.

выгодного России решения балтийского вопроса было добиться согласованных с Речью Посполитой действий в Прибалтике. Врученные послам инструкции, касающиеся содержания союзного договора, указывают несколько возможных вариантов раздела шведских владений в Прибалтике между Россией и Речью Посполитой⁷⁰. Разумеется, в этом разделе посольских инструкций не упоминалось о каких-либо обязательствах русской стороны отвоевать для Речи Посполитой те или иные земли, принадлежащие Турции или Швеции. Таким образом, даже если бы избрание Федора оказалось невозможным, русское правительство было намерено искать военно-политического союза с Речью Посполитой для согласованного решения балтийской и черноморской проблем, хотя и на иных условиях, чем в случае заключения унии.

Выбор такого политического курса определил и отношение в Москве к претендентам на польскую корону, соперничавшим с царем на третьей элекции: австрийскому эрцгерцогу Максимилиану, брату императора Рудольфа II, и шведскому принцу Сигизмунду Вазе, сыну Юхана III.

К началу 80-х годов XVI в. планы создания антитурецкой коалиции с участием России, империи Габсбургов и Речи Посполитой стали для русской внешней политики уже своеобразной традицией, которой Б. Годунов и А. Щелкалов намерены были следовать и в новой ситуации⁷¹. Репутация Габсбургов как главных противников турок в Европе (далеко не всегда соответствовавшая реальным фактам) породила в Москве расчеты на осуществление с их помощью своих планов борьбы с Османской империей и Крымским ханством. Отсюда — линия на то, чтобы, если выбор царя Федора окажется невозможным, содействовать избранию Максимилиана⁷². Послы должны

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 100 об.— 101 об., 102 об.— 103 об.

⁷¹ Уже в апреле 1587 г. русское правительство объявило посланникам Речи Посполитой о своем намерении соединиться «с цесарем Рудольфом, зятем его Филипом королем испанским и укрепяся в вечной покой против неприятелей хрестьянских» идти вместе с ними против турок.— Там же, кн. 17, л. 332 об.

⁷² Известное воздействие на русскую позицию оказал и приезд посланца от эрцгерцога Максимилиана, просившего о поддержке его кандидатуры и обещавшего не только союз, но и территориальные приращения за счет Речи Посполитой.—

были «вмещати... накрепко паном — радам и всему рыцерству, чтоб обрали себе цесарева брата» и согласовывать свою деятельность с австрийскими послами⁷³. В этом отношении правительство Б. Годунова также шло по стопам Ивана IV.

Отношение к другому кандидату — шведскому — определялось прежде всего тем, что его выбор полностью перечеркивал все планы согласованной политики России и Речи Посполитой в Прибалтике, а намечавшаяся после смерти Юхана III личная уния между Швецией и Речью Посполитой исключала возможность соответствовавшего интересам России решения балтийского вопроса. Немалое значение имело и то, что на выборах шведский принц выступал как кандидат тех сил, которые добивались сохранения дружественных отношений между Речью Посполитой и Турцией. В артикулах, рассылавшихся по стране его сторонниками (к апрелю 1587 г. они попали и в Москву), прямо указывалось, что выбор шведского принца «турскому не в досаду будет»⁷⁴. Избрание шведского кандидата, таким образом, грозило русскому правительству неудачей всех его внешнеполитических планов. Неудивительно поэтому, что русские политики приложили максимум усилий, чтобы провалить эту кандидатуру. В январе 1587 г., получив сведения о том, что шведский королевич может оказаться в числе кандидатов на польский трон, Б. Годунов и А. Щелкалов поручили Е. Ржевскому и З. Свиязеву заявить, что в случае выбора шведского принца на Речь Посполитую падет вся вина за возможные последствия⁷⁵. Весной 1587 г. русское правительство еще более усилило давление. Ф. М. Троекуров и А. Щелкалов заявили польско-литовским посланникам, что, если будет избран шведский принц, «тогда на первой час которым было из Асторохани и из-за Волги нагайским людем и казанским итти на Крым... и тех в тот же час поворотят на Литовскую землю»⁷⁶. Таким образом, выступая против шведского кандидата, русские политики прибегли к тем же мерам воздействия, что и Иван IV, воз-

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1. СПб., 1851, стб. 976—980.

⁷³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 93 об.— 95 об.

⁷⁴ Там же, кн. 17, л. 336.

⁷⁵ Там же, л. 148.

⁷⁶ Там же, л. 337 с об., 339.

ражая против кандидатуры Генриха Анжуйского. Аналогия с действиями Ивана IV в 1573 г. будет еще более полной, если учесть, что, как и в период первого «бескоролевья», угрожая войной, они были далеки от того, чтобы привести эту угрозу в исполнение. Великим послам были даны полномочия добиваться мира и союза с Речью Посполитой даже в том случае, если элекция закончится выбором Сигизмунда Вазы⁷⁷.

Таковы были в основных чертах планы политического переустройства Восточной Европы, разработанные русскими политиками во второй половине 80-х годов XVI в. При их разработке Б. Годунов и А. Щелкалов опирались на донесения русских дипломатов из Речи Посполитой, оценивавших положение в стране, как весьма благоприятное для победы русского кандидата. В какой мере, однако, их оценки соответствовали реальной ситуации? Что побуждало польско-литовских феодалов на этом этапе развития поддерживать кандидатуру царя? В какой мере их планы унии совпадали с русской программой? Рассмотрению этих вопросов и посвящена следующая глава.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 96 с об.

«Промосковский» лагерь на элекции 1587 г. и его политическая программа

Обзор настроений различных групп господствующего класса Речи Посполитой весной — летом 1587 г. следует начать с той, о взглядах которой нам известно больше всего, — с политических руководителей Великого княжества.

Первой реакцией литовских политиков на смерть С. Батория была попытка урегулировать отношения с Россией, поскольку стало ясно, что с наступлением третьего «бескоролья» назначенный на июнь 1587 г. пограничный съезд не может состояться в установленное время. На конвокационный съезд в феврале 1587 г. представители Великого княжества привезли проект грамоты царю с сообщением о происшедших событиях и с просьбой перенести срок съезда на более позднее время¹. Одновременно глава литовской делегации Я. Глебович предложил собравшимся под Варшавой коронным сенаторам и послам в соответствии с достигнутой ранее договоренностью выделить из своей среды трех представителей, которые могут быть на этот съезд посланы². По первому вопросу было достигнуто соглашение, и в конце февраля в Москву было отправлено посольство с просьбой «абы тот съезд на иинши далши час преложон был»³. Одновременно сейм дал разрешение литовским сенаторам принять и отправить московских посланцев З. Свиязева и Е. Ржевского, однако выделить делегатов на съезд с русскими

¹ Dyaryusze sejmowe r 1587. Sejmy konwokacyjny i elekcyjny. Kraków, 1887, s. 233; Письмо О. Воловича к К. Радзивиллу от 29 февраля 1587 г. — AR, V, N 2134.

² Dyaryusze..., s. 227; Exhorbitancje litewskie. — PAN, rkp. 638, k. 36.

³ См.: Грамота сенаторов Речи Посполитой — царю, 21 февраля 1587 г. — ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 17, л. 273 об. — 280.

боярами представители Короны отказались⁴. Принятое решение вызвало явное недовольство собравшихся в Новогрудке литовских сенаторов, которые писали: «Действительно надо нам жалеть, что Ваши милости, отнесясь легкомысленно к столь важному и опасному для Речи Посполитой делу, на сторону его отложили и забросили»⁵.

Хлопоты литовских политиков вокруг организации съезда отчасти, конечно, объяснялись надеждами, что таким образом им удастся защитить территорию Великого княжества от возможного нападения с русской стороны⁶. Однако этим не исчерпывались те мотивы, которые побуждали их настаивать на немедленных переговорах. Раскрыть эти моменты позволяет письмо лидского старосты Яна Абрамовича, написанное вскоре после окончания конвокационного сейма. Я. Абрамович советовал своему корреспонденту — виленскому воеводе К. Радзивиллу — выбрать представителей из числа одних литовцев и послать их вести переговоры о «вечном мире» с Россией, «не боясь нарушения унии, так как поляки о нас не думают». Более того, он рекомендовал провести такой съезд еще до окончания элекции, так как «новому государю паны поляки ни чем иным так не послужат, как войной с Москвой и литовской гибелью». «Наши» могут согласиться на это, «забыв о вечном мире, который всего нужнее Литве», и так доброе дело «обратится в ничто к нашей вечной гибели и позору»⁷. В сопоставлении с приведенными выше фактами данные высказывания позволяют установить, что в начале 1587 г. в восточной политике Великого княжества произошел резкий поворот. В борьбе ориентаций, среди руководящей группы литовских политиков возобладали взгляды противников внешнеполитической линии С. Батория, подобных М. Радзивиллу Сиротке. В связи с этим была взята ориентация на заключение

⁴ О решениях конвокации см.: Письмо О. Воловича к К. Радзивиллу от 14 марта 1587 г.— AR, V, N 2134.

⁵ Письмо литовской рады к раде коронной от 18 марта 1587 г.— AR, II, N 172. Еще более резкий отзыв о решениях конвокации см. в письме М. Радзивилла Сиротки к Я. Замойскому от 17 апреля 1587 г.— ГПБ, Авт. 125, № 27.

⁶ Этот мотив ясно выступает, например, в литовских «экзорби-танциях».

⁷ Письмо Я. Абрамовича к К. Радзивиллу от 10 апреля 1587 г.— AR, V, N 16.

длительного мира с Россией. Конкретные рекомендации Я. Абрамовича, правда, не были приняты, но его предложение сепаратными действиями навязать Речи Посполитой нужную Великому княжеству внешнеполитическую линию, несомненно, звучало в унисон с настроениями других магнатов, которые, как увидим далее, действовали именно в этом духе на элекционном сейме. Думается, что эта смена курса была вызвана приходом в Литву известий о разгроме Б. Годуновым летом — осенью 1586 г. политической оппозиции. В этих условиях виды на успех сильно уменьшились, а поход на восток приобретал характер обыкновенной войны между государствами, от которой можно было ждать тяжелых последствий для Великого княжества.

С приездом З. Свиязева и Е. Ржевского перед литовскими политиками встала еще одна проблема — как следует относиться к выдвижению кандидатуры царя на польский трон.

Об их первой реакции мы узнаем из уже цитированного выше послания литовской рады, отправленного в Корону на следующий день после официального приема русских посланников. Посылая коронным политикам копии царских грамот и проект ответа с предложением царю прислать своих послов на элекцию, литовские сенаторы предупреждали, что если их коллеги захотели бы русских «посланцев либо долго здесь держать, либо как попало отправить», то им ничего не оставалось бы, как сделать вывод, что коронные политики «умышленно и по нерасположению к нам этого неприятеля хотят всадить к нам на шею» и уже без согласования с поляками улаживать свои отношения с Россией. Одновременно они выражали надежду, что политики Короны, так же как и они, желают Речи Посполитой «вечного успокоения» и «оказию эту, которая сама, сверх всех надежд к нам приходит, как попало, мимо себя пустить» не захотят⁸. Из этих рассуждений ясно выступает опасение, что коронные сенаторы проводят политику, не соответствующую интересам Великого княжества, и могут препятствовать переговорам с Россией. Эти опасения должны были несколько утихнуть с получением в конце апреля 1587 г. писем от коронных сенаторов с полным одобрением предложенного

⁸ AR, II, N 172.

ответа⁹, но заинтересованность литовских политиков в продолжении дипломатических контактов и приезде русских послов на элекционный сейм из приведенных текстов следует с полной очевидностью. Отчасти это было связано с расчетами, что на переговорах с послами удастся добиться тех целей, которые литовские сенаторы преследовали, добиваясь созыва съезда¹⁰.

Однако ряд высказываний в корреспонденции литовских магнатов заставляет вкладывать иной смысл в понятие «оказии», которая «сама идет в руки». Здесь прежде всего следует остановиться на письмах М. Радзивилла Сиротки его двоюродному брату К. Радзивиллу, воеводе виленскому. Уже в первом из них М. Радзивилл писал об избрании царя: «Если смотреть не только на настоящее, но и в будущее (как мы говорили с тобой в Коиданове), то что лучшего могло бы быть для этих государств. Правда, по слухам,— продолжал он далее,— царь не способен к управлению, но с этим можно и примириться, если удастся решить вопрос, кто будет опекуном, и литовцы не поссорятся на этой почве с поляками, которые хотят всем управлять¹¹. В другом письме он просил К. Радзивилла рекомендовать московским послам, чтобы в «условиях», которые представители царя предложат на элекции, было точно указано, какую помощь Россия сможет оказать Речи Посполитой в случае войны с Турцией. Внесение такого условия, по его мнению, могло бы способствовать успеху русского кандидата на выборах¹². В следующем письме встречается упоминание о каком-то соглашении между магнатами, чтобы на выборах, если не пройдет царь, отдать предпочтение австрийцу, а если не пройдет тот,— шведу¹³. А Я. Кишка в апреле 1587 г. предлагал московских послов отправить с «большой признательностью», добиваться от них, чтобы царь «не по-

⁹ Тексты писем: AR II, N 178.

¹⁰ См., например, пожелания Я. Кишки, чтобы послы приехали с проектом договора о «вечном союзе» (Письмо Я. Кишки к К. Радзивиллу от 23 апреля 1587 г.— AR, V, N 6759).

¹¹ Письмо М. Радзивилла Сиротки к К. Радзивиллу от 24 апреля 1587 г.— *Archiwum domu Radziwiłł'ów*. Kraków, 1886, s. 32.

¹² Письмо М. Радзивилла Сиротки к К. Радзивиллу от 29 апреля 1587 г.— *Ibid.*, s. 33.

¹³ Письмо М. Радзивилла Сиротки к К. Радзивиллу от 3 мая 1587 г.— AR, IV, N 506.

зволил интригам чужеземцев свести себя с правильного пути и для себя, а не для кого другого склонял и приготавливал людские души». Я. Кишка подавал также советы насчет условий, которые русские послы должны привезти на элекцию¹⁴. Следует отметить и сделанные, правда *post factum*, высказывания еще одного литовского сенатора, подканцлера Л. Сапеги. В сентябре 1587 г. он писал К. Радзивиллу: «пан Бог мне свидетель, как я желал иметь его (Федора Ивановича.— *Б. Ф.*) (своим) господином, хотя знал и видел много трудностей (на пути) к этому, а среди других — недостатки, присущие его личности, но я о них молчал и никому о них не рассказывал, и до сего времени молчу»¹⁵. Как видно из отдельных упоминаний в письмах М. Радзивилла Сиротки, в этом обмене мнений активно участвовал и киевский воевода Константин Острожский, которому, по мнению литовских политиков, «Московский по вкусу пришелся»¹⁶.

К этим свидетельствам следует присоединить и письмо неизвестного по имени литовского сенатора, который отвергал возможность выбора Пяста, указывая, что это не принесет стране тех выгод, которые может дать избрание царя. Любопытно, что, стараясь получить возможно более точную информацию об обещаниях царя, неизвестный автор поставил перед своими корреспондентами вопрос: если поляки (или часть их) не захотят вместе с литовцами выбрать царя и предпочтут другого кандидата, согласится ли последний в этих условиях принять «разорванное государство» и даст ли компенсацию тем обитателям Великого княжества, которые бы «после этого разрыва потеряли из-за него свои имения», расположенные в Короне¹⁷. Постановка этого вопроса ясно говорит о том, что в кругу литовских политиков (возможно, под воздействием заявлений З. Свйазева и Е. Ржевского) обсуждалась возможность сепаратного «вынесения» царя на литовский великокняжеский стол.

Приведенные высказывания интересны не столько как свидетельство позиции отдельных магнатов, которые за

¹⁴ Письмо Я. Кишки к К. Радзивиллу от 23 апреля 1587 г.— AR, V, N 6759.

¹⁵ Archiwum domu Sapiehow, t. I. Lwów, 1892, N 30.

¹⁶ Письмо М. Радзивилла Сиротки к К. Радзивиллу от 16 апреля 1587 г.— AR, IV, N 506.

¹⁷ ГПБ, Авт. 152, л. 26.

время третьего «бескоролья» неоднократно меняли свою ориентацию, сколько как показатель того, что на этот раз по крайней мере часть литовской магнатории готова была серьезно обсуждать вопрос об унии с Россией. С приближением элекции число приверженцев царя в рядах литовской магнатории, по-видимому, уменьшилось¹⁸, однако, когда в конце элекционного сейма его сторонники письменно протестовали против выбора других кандидатов, этот «протест» скрепили своими подписями два первых сенатора Литвы — виленский воевода К. Радзивилл и троцкий воевода Я. Глебович, а также подканцлер Л. Сапега, маршалок Дмитрий Скумин и Лукаш Сапега¹⁹.

Причины такой позиции части литовских политиков понятны. Хотя их в известной мере беспокоила неспособность Федора к правлению, однако уже поэтому они не боялись, что он сможет, подобно Ивану IV, ввести в стране «тиранское правление». Вместе с тем ослабление России в результате Ливонской войны вызывало у них надежды, что им удастся добиться заключения унии на условиях, продиктованных польско-литовской стороной. В то же время виды на завоевание России после подавления их возможного союзника — боярской оппозиции — представлялись весьма сомнительными.

От рассмотрения позиции правящей элиты Великого княжества перейдем к анализу эволюции взглядов широких слоев шляхты. Первые отзывы о настроениях литовской шляхты относятся к зиме 1587 г. В это время в Вильне уже шли толки о «Московском», который, «если бы он не был так глуп, как о нем говорят... скоро имел бы неплохую партию»²⁰. Последующие отзывы относятся к весне 1587 г., когда шляхта уже узнала, что царь Федор выставляет свою кандидатуру на польский трон. В апреле 1587 г. М. Радзивилл Сиротка, оценивая реакцию шляхты на русские предложения, писал, что «нашим это очень пришлось по вкусу». Видя те выгоды, которые это

¹⁸ 12 июня 1587 г. Ю. Радзивилл сообщал пунцию, что он и его родственники убедили многих сенаторов, ранее поддерживавших кандидатуру царя, отказаться от своих намерений.— *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия, т. II, вып. 2. СПб., 1913, с. 517.

¹⁹ Экземпляры этой «протестации»: Kórn., N 1537, k. 123—124v, 129—130; Czarl., N 313, k. 187—188.

²⁰ Письмо одного из Радзивиллов к Я. Збаражскому от 12 февраля 1587 г.— AR, II, N 169.

принесет Речи Посполитой, они готовы стать на сторону русского кандидата и ожидают, что и в Польше многие последуют их примеру²¹. Аналогичную оценку ситуации дал несколько позднее епископ виленский Ю. Радзивилл. Когда стали известны, — писал он, — «мягкие и заманчивые» предложения царя, то «кажется все единодушно склонились к нему, как бы не думая более о других»²². Сам епископ, фанатичный католик и приверженец Габсбургов, прилагал большие усилия к тому, чтобы изменить это настроение, но с горечью вынужден был признать, сообщая нунцию о съезде сенаторов и шляхты Великого княжества, состоявшемся в Волковыске перед элекцией, что «многие дворяне очень упорствуют в своем желании» выбрать царя на польский трон²³. Наконец, уже в период элекции, 1 августа 1587 г., «все литовские дворяне», съехавшиеся на выборы под Варшаву, подписали обязательство «не желать другого короля, кроме Московита под страхом потери имущества, чести и жизни»²⁴. При обсуждении кандидатур литовская шляхта действовала на элекционном поле как единая группа, от имени которой выступал в поддержку кандидатуры царя избранный ею маршалок²⁵.

Таким образом, с наступлением третьего «бескоролья» традиционные для литовской шляхты симпатии к русскому кандидату вспыхнули с новой силой. В условиях, когда за кандидатуру царя высказались и подавляющая часть шляхты, и ряд ведущих представителей магнатирии, лагерь его сторонников стал ведущей политической силой в Великом княжестве. Иной характер имел ход событий и расстановка политических сил в Короне.

Польские сенаторы, конечно, также придавали значение сохранению мира с соседями в период «бескоролья» и поэтому охотно согласились на предложения литовской рады выслать представителя в Москву для продления перемирия. Но и русские дела, и русский кандидат стояли

²¹ Письмо М. Радзивилла Сиротки к Я. Замойскому от 17 апреля 1587 г. — ГПБ, Авт. 125, № 27.

²² Письмо Ю. Радзивилла к А. да Капуа от 15 мая 1587 г. — *Шмурло Е. Ф.* Россия..., с. 513—514.

²³ Письмо Ю. Радзивилла к А. да Капуа от 12 июня 1587 г. — Там же, с. 517.

²⁴ Депеша нунция от 4 августа 1587 г. — Там же, с. 523.

²⁵ *Dyaryusze...*, s. 144—145, 208; HRM, t. II, SPb., 1842, s. 22.

у них явно на втором плане. Так, когда весной 1587 г. Л. Сапега переслал подканцлеру коронному В. Барановскому адресованную ему грамоту царя, тот ответил, что за отсутствием при нем «русского дьяка» он грамоты прочитать не мог, а если бы даже и прочитал, то не нашел бы нужным на нее ответить²⁶. Некоторые польские политики, однако, и в это время проявили интерес к русским предложениям.

Наиболее благоприятное впечатление русская инициатива произвела на главу католической церкви в Польше, гнезненского архиепископа Станислава Карнковского. Этот прелат еще в 1585 г., когда С. Баторий серьезно заболел, нашел нужным пригласить к себе русского посла, ехавшего в Австрию, и выразить надежду, что в случае наступления «бескорольвья» царь Федор может вступить на русский трон²⁷. Узнав о русских предложениях, примас заявил, что он готов поддержать русского кандидата, если тот станет католиком, и через нунция просил папу предоставить ему полномочия для принятия царя в лоно католической церкви. Помимо честолюбивых надежд на роль «апостола Востока», примасом, по его собственным словам, руководили расчеты на то, что кандидатура царя может стать популярной среди шляхты²⁸. В тот момент это были только расчеты — в адресованных К. Радзивиллу письмах польских сенаторов встречаем ясные указания, что весной 1587 г. русские предложения обсуждались в Короне лишь в узком кругу ведущих политиков, а шляхта еще не имела своего мнения по этому вопросу²⁹.

Положение изменилось с возвращением из Москвы в мае 1587 г. польско-литовского посольства. Перемены эти были связаны с деятельностью представителя Короны в

²⁶ Письмо В. Барановского к литовским сенаторам от 18 апреля 1587 г.— AR, II, N 178.

²⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стб. 932—933; Соловьев С. М. История России..., кн. IV, с. 207—208.

²⁸ Депеша нунция от 28 апреля 1587 г.— Шмурло Е. Ф. Россия..., с. 510—511.

²⁹ Письмо М. Фирлея к К. Радзивиллу от 3 апреля 1587 г.— AR, V, N 3771; Письмо А. Чарнковского к К. Радзивиллу от 7 апреля 1587 г.— AR, V, N 2507. По оценке австрийского посла С. Павловского, шляхта отнеслась равнодушно к обращению царя.— Mayer E. Des Olmutzer bischofes St. Pawlowski Gesandtschaftsreisen nach Polen 1587—1598, Abt. 1. Wien, 1861, s. 30.

составе посольства — люблинского подстолия П. Черниковского. После переговоров с русскими политиками он стал убежденным сторонником московского кандидата³⁰. 12 мая, перед отъездом из Москвы, он направил письмо люблинскому старосте, в котором энергично опровергал «фальшивые» слухи о неспособности царя к управлению государством и доказывал, что царь обладает всеми качествами большого государя, которые соединяются в нем с добротой природы, в чем послы Речи Посполитой могли сами убедиться, видя его подданных, оживающих после «тирании» покойного правителя³¹. По-видимому, он же стал распространять среди населения Короны переданный послам текст обещаний русского правительства³², что привело к существенным переменам в отношении господствующего класса Короны к русской кандидатуре. Некоторые сенаторы поспешили уведомить литовских политиков о своем положительном отношении к выбору царя³³.

Еще более значительным оказалось влияние этих текстов на коронную шляхту. Хотя в нашем распоряжении нет цифровых данных, к началу элекции большая группировка шляхты перешла в лагерь сторонников царя, о чем свидетельствуют обозначившиеся летом 1587 г. перемены в тактике действий отдельных политических группировок³⁴. Рост популярности кандидатуры царя среди шляхты нашел свое отражение и в действиях примаса, который выслал навстречу ехавшим на элекцию русским послам своего «человека» Якуба Кленовского с сообщением, что он «коруны ни на кого положить не хочет опричь государя, царя и великого князя»³⁵. Он также

³⁰ «Знаю наверно, что он так подаст (шляхте) князя великого, что ни один живой человек о нем лучше говорить не будет», — писал литовским сенаторам представитель Литвы в составе этого посольства Богдан Огипский. — AR, II, N 207.

³¹ Текст письма: *Шмурло Е. Ф.* Россия..., с. 518—519; ср. с. 517 (депеша нунция от 20 июня 1587 г.).

³² Польский перевод обещаний: *Czart.*, 313, к. 208—209; PAN, N 638, к. 29.

³³ Так, К. Томицкий, каштелян Гнезненский, 14 июля 1587 г. писал К. Радзивиллу: «Боже, дай то, чтобы Московский был королем на добрых и достойных условиях, само то добро к нам идет, вред было бы пренебречь этим» (*Czart.*, 2460, N 77).

³⁴ См. об этом ниже.

³⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 233.

публично восхвалял перед собравшейся под Варшавой шляхтой достоинства русского кандидата ³⁶.

О составе этого лагеря позволяют судить подписи на сохранившихся экземплярах «Протестации» сторонников царя против выборов Максимилиана и Сигизмунда, а также те данные о голосовании на выборах, которые приводятся в двух различных «Дневниках» элекционного сейма. Наиболее слабыми были позиции «промосковской» партии в юго-западных воеводствах Короны. Воеводства Русское, Белзское и Подольское были представлены лишь каштеляном львовским Яном Сененским ³⁷ и львовским хорунжим Яном Гербуртом ³⁸. Кроме них, лишь небольшая группа подолян во главе со старостой скальским Станиславом Ланцкоронским после долгих колебаний выступила за избрание царя ³⁹. На территории Великой Польши сторонниками царя была, по-видимому, небольшая группа шляхты, главным образом из Калишского воеводства, к ней принадлежали, в частности, калишский подстолий Фалейбовский и автор одного из «Дневников» сейма писарь гродский конинский Ян Любоньский ⁴⁰. Наряду с великополянами можно выделить также не очень большую, но активную группу малополян, среди которых главную роль играли краковянин Адриан Марцинковский, земский судья люблинский Петр Козловский, а также такие известные шляхетские политики-протестанты, как Миколай Казимирский ⁴¹ и Адам Горайский ⁴² (их подписи мы встречаем на всех известных экземплярах «Протестации»). Больше всего приверженцев этой группе удалось собрать на Любельщине ⁴³.

Основную массу сторонников царя составляла на элекции шляхта северо-восточных воеводств Короны, прежде

³⁶ См. депешу пунция от 28 июля 1587 г.— *Шмурло Е. Ф.* Россия..., с. 521—522.

³⁷ *Dyaryusze...*, s. 121, 150; см. также его подписи на экземплярах «Протестации».

³⁸ *Dyaryusze...*, s. 148, 153; см. также его подписи на экземплярах «Протестации». О Я. Гербурте см.: *Polski słownik biograficzny* (далее — PSB), t. IX/3, s. 442—443.

³⁹ *Dyaryusze...*, s. 150—151.

⁴⁰ *Ibid.*, s. 145, 147, 214—215.

⁴¹ См. о нем: PSB, t. XII/2, s. 293; *Dyaryusze...*, s. 137, 153, 214; HRM, t. II, s. 23.

⁴² См. о нем: PSB, t. VIII/2, s. 280—281; *Dyaryusze...*, s. 150; HRM, t. II, s. 23.

⁴³ *Dyaryusze...*, s. 137, 140, 144, 150, 214.

всего Мазовии. Так, незадолго перед началом выборов на дороге в Варшаву примаса встретила толпа мазовецких шляхтичей, просивших его способствовать избранию царя. В день начала работ сейма у места заседаний сенаторов также собралось около 2 тысяч мазуров, многие из которых пришли на элекцию пешими, требуя чтобы «Московский нашим паном был»⁴⁴. В этом нельзя не видеть непосредственного воздействия на неимущую «загородную шляхту» Мазовии царских обещаний раздавать обедневшим «мазурам» земли. На одном из экземпляров «Протестации»⁴⁵ также обнаруживается большая группа подписей шляхтичей из Мазовецкого и Плоцкого воеводств. Таким образом, часть мазовецкой шляхты сохранила расположение к кандидатуре царя даже на заключительном этапе элекции, когда было ясно, что он не намерен переходить в католическую веру. В этой группе главными лицами были, по-видимому, подкоморий плоцкий Михал Францкевич с Радзимины и Апджей Чехановский с Чеханова, подписавшие в числе первых несколько текстов «Протестации». Вероятно, под влиянием шляхты склонился к кандидатуре царя и один из мазовецких сенаторов каштелян черский Стапислав Радзимицкий⁴⁶. Еще более прочные позиции кандидатура царя имела в куявских воеводствах. На отмеченном выше экземпляре «Протестации» имеется значительное число подписей шляхтичей из Брест-Куявского воеводства. На элекции они выступали сплоченной группой, через своего представителя единодушно отдавшей свои голоса за «Московского»⁴⁷. Куявскую шляхту возглавлял староста крушвицкий Адам Былинский. Накопец, за избрание царя выступала и часть феодалов Восточной Украины. Его кандидатуру поддерживал крупнейший восточнукраинский магнат воевода брацлавский — князь Януш Збаражский⁴⁸, а заметка в «Диариуше», что шляхта из Киевского воеводства через своего представителя единодушно отдала свои голоса за царя⁴⁹, показывает, что за ним пошла достаточно заметная часть шляхты этого района.

⁴⁴ *Smoleński W.* Udział szlachty mazowieckiej w elekcyach królów.— *Przegląd historyczny*, 1905, N 1, s. 212.

⁴⁵ *Czart.*, 313.

⁴⁶ *Dyaryusze...*, s. 104.

⁴⁷ *Ibid.*, s. 147.

⁴⁸ *Ibid.*, s. 131.

⁴⁹ *Dyaryusze...*, s. 151.

Сопоставляя эти данные с размежеванием политических группировок в Короне в период второго «бескоролья», следует сделать вывод о весьма значительных изменениях, происшедших в отношении различных групп шляхты к московской кандидатуре. Лишь феодалы юго-восточных областей (Киевское воеводство) сохранили свою прежнюю ориентацию. Что касается главной силы, выдвигавшей кандидатуру царя в период второй элекции, малопольской шляхты юго-западных воеводств Короны, то теперь она либо вообще отсутствовала в «промосковском» лагере (Русское, Белзское воеводства), либо представляла явное меньшинство господствующего класса своих районов (Малая Польша, Подолье). Главными центрами «промосковского» лагеря стали к концу 80-х годов районы, господствующий класс которых в начале 70-х годов еще не проявил особой активности в поддержке русской кандидатуры. Происшедшие сдвиги оказались устойчивыми, наметившееся в 1587 г. распределение сил может быть отмечено и в последующие годы.

Характерно, что и в 1587 г. движение в поддержку кандидатуры царя носило характер самостоятельной акции шляхты. То обстоятельство, что вместе со шляхтой действовало и несколько сенаторов, занимавших в рядах коронной магнатории и в системе должностной иерархии второстепенное положение (это не относится лишь к Янушу Збаражскому), а часть сторонников царя поддерживала контакты с примасом, не может этого вывода изменить. Тем самым нужно внести и определенные поправки в возобладавшее в историографии представление, что политическая борьба на элекции 1587 г. носила характер соперничества исключительно между группами знатных родов.

Программа выступавшей самостоятельно группировки коронной шляхты, как представляется, нашла свое отражение в распространявшемся на элекционном сейме документе под названием «*Conditiae Moskiewskie*»⁵⁰ (Мо-

⁵⁰ Текст документа известен пока в одном списке (Czart., 313, k. 206—207). На элекции он, по-видимому, играл определенную роль, и не случайно, что его латинский перевод попал в руки испанского посла в Праге (см.: *Elementa ad fontium editiones*, t. XIV. Romae, 1966, N 172), а его пересказ послал своим швейцарским единоверцам протестант Ян Ласицкий.— *Wotschke T. Der Briefwechsel der Schweizer mit den Polen. Leipzig, 1908, s. 417.*

сковские условия). Судя по названию, следовало бы полагать, что перед нами — текст обещаний, распространенных на элекции русскими послами, подобно тому, как это делали австрийские или шведские послы. Действительно, в тексте этого документа имеется целый ряд пунктов, которые можно обнаружить в тексте «прибытков», переданном в апреле 1587 г. П. Черниковскому, либо в тексте условий, которые русские «великие послы» должны были огласить на элекции в августе 1587 г. Это — обязательство вести войны с неприятелями Речи Посполитой, строить замки на ее южной границе и содержать двор на собственные средства, предоставить польско-литовским купцам свободу торговли со странами Востока и «освободить остаток Инфлянт от ... персон».

Однако уже здесь обращают на себя внимание конкретные определения размера обязательств, которые отсутствуют в русских документах⁵¹. Это заставляет подозревать, что мы имеем дело не с официальным документом русской стороны, а с какой-то его переработкой. О направленности переработки говорит следующее сопоставление. Если и в первичной версии русских условий, и в окончательной указывалось, что царь будет помогать Речи Посполитой «людьми своими»⁵², то в «Кондициях», наоборот, отмечается, что царь обязуется вести войну «на свои средства, из Москвы привезенные». Если припомнить приведенные выше высказывания М. Радзивилла Сиротки, что Речи Посполитой нужны от России не войска, а деньги, то станет ясно, что русское предложение обработано здесь в духе, нужном польской стороне. Еще более существенно, что пункты, заимствованные из русских предложений, пополнены в «Кондициях» рядом условий, которым нет никаких аналогий в русских официальных материалах. Речь идет, в частности, об обязательствах царя «подорванное право поправить» и «добра Речи Посполитой на свои средства освободить как в панстве Литовском, так и в Короне». Нетрудно видеть, что здесь имеются в виду общее упорядочение и унификация законодательства и выкуп на средства из царской казны заложённых магнатам земель королевского домена не только

⁵¹ Так, указывается, что замков на юге будет построено 30, что царь будет содержать на Украине 6-тысячное войско и т. д.

⁵² ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 333 об.— 334; кн. 18, л. 131.

в Польше, где результаты аналогичных реформ, проведенных при Сигизмунде II, были в значительной мере утрачены при С. Батории⁵³, но и в Литве, где акт Люблинской унии прямо запрещал проведение подобных мер.

Осуществление таких реформ было на протяжении всего XVI в. главным требованием польской шляхты, борющейся с магнатерией за власть в государстве. Включение подобных условий в «Кондиции» ясно показывает, что их составление было делом рук шляхетских политиков, а сам документ представлял политическую платформу интересующего нас течения на выборах. В нем ряд приемлемых для шляхты условий, почерпнутых из русских предложений, соединен с перечнем тех обязательств, которые шляхта со своей стороны намерена была потребовать от Русского государства⁵⁴. Рассмотрение этих обязательств позволяет представить в основных чертах концепцию русско-польской унии той части коронной шляхты, которая выступала за избрание царя на польский трон. Царь должен был прежде всего вернуть потомкам бывших владельцев земли, «от века отнятые Москвой», принять католическую веру и не держать при себе в Речи Посполитой людей из своего русского «двора» и — главное — «учинить вечную унию с Короной и Княжеством Литовским с уступлением сукцессии».

Сопоставление этих предложений с материалами переговоров между русскими послами и «промосковским» лагерем на элекции (18—20 августа 1587 г.), а также с записями выступлений на элекционном сейме позволяет выяснить, в какой мере сформулированная в «Кондициях» программа была характерна для всех сторонников московской кандидатуры, и глубже раскрыть содержание отдельных кратких и не совсем ясных формулировок «Кондиций». Прежде всего следует отметить, что в перечень выдвигавшихся на переговорах пожеланий не попа-

⁵³ *Sucheni-Grabowska A. Losy egzekucji dobr w Koronie w latach 1574—1650.*— *Kwartalnik historyczny*, 1973, N 1, s. 5—9.

⁵⁴ Разумеется, следует учитывать, что приданная этой программе форма — перечня обещаний царя своим избирателям — должна была дезориентировать широкие круги шляхты, заставляя их принимать взгляды своих лидеров за русскую внешнеполитическую программу.

ли пункты о «экзакуции прав» и «экзакуции добр»⁵⁵ — очевидно, литовская магнатерия не допускала до выдвижения предложений, затрагивавших ее интересы. От некоторых условий, сформулированных в «Кондициях», польско-литовская сторона отказалась, заменив их другими, более приемлемыми по форме для русского правительства. Так, в указанных перечнях мы не находим требования о возврате земель их бывшим владельцам. Вместо этого представители Великого княжества, а затем Речи Посполитой ставили вопрос о «даване оселостей людем народу шляхетцкого литовским и польским в земли Московской»⁵⁶ или о раздаче «вотчин польским и литовским людем... в Смоленске и в Северских городех»⁵⁷. Таким образом, вместо территориальных изменений ставился вопрос об открытии русской территории для польско-литовской феодальной колонизации.

Однако большая часть требований, выдвинутых в «Кондициях», несомненно, была общей для всего лагеря сторонников царя. Так, в числе выставленных на переговорах условий находим требования построить за счет царской казны крепости «против польские граицы на Днепре»⁵⁸, принять католическую веру и провести унию церквей⁵⁹, поставить в своей титулатуре на первое место титул польского короля⁶⁰. Что касается главного вопроса — о характере самой унии, то и высказывания отдельных политиков, и предложения, выдвинутые сторонниками царя на переговорах с послами, говорят за то, что общим для всего «промосковского» лагеря было стремление добиться не личной, а «реальной» унии с Россией, однако более точно о содержании этой унии употреблявшиеся формулировки типа «абы вечно тые панства все под одного государя рукою были» или «случити» оба государства так, «что уже навек панству от панства не отрыватися», — не позволяют судить.

⁵⁵ См. перечни вопросов, предложенных послам от имени Великого княжества (ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 237, 239, 261—263) и от имени всей Речи Посполитой (Там же, л. 274 об. и сл.).

⁵⁶ Там же, л. 238.

⁵⁷ Там же, л. 296.

⁵⁸ Там же, л. 294 об.

⁵⁹ Там же, л. 276 об.

⁶⁰ Там же, л. 278 об.: «Коруна не может быть под шапкой государя вашего».

При сопоставлении «Кондиций» с выступлениями отдельных ораторов на сейме⁶¹ вырисовывается лишь один аспект будущей унии — это передача Федором своих наследственных прав на русский трон Речи Посполитой («уступление сукцессии»), так чтобы «Москва не имела никогда другого государя, кроме польского короля». Аналогия с передачей Сигизмундом II Польше своих наследственных прав на литовский трон перед заключением польско-литовской унии ведет к предположению, что будущая уния между Речью Посполитой и Россией по своему характеру должна была быть подобной Люблинской унии. В пользу этого предположения свидетельствует также то обстоятельство, что и составители «Кондиций», и польско-литовские представители на переговорах исходили из того, что после заключения «вечной унии» будет сохраняться особая русская армия, казна и т. д., т. е. Россия в новой государственной системе сохранит свою административную обособленность, как сохранила ее Литва в рамках Речи Посполитой.

Однако принять это положение препятствует полное молчание «Кондиций» и заявление польско-литовских представителей на переговорах об организации каких-либо общих институций для образуемого восточноевропейского объединения и прежде всего русско-польско-литовского сейма. Такое молчание тем более удивительно, что значение сейма для сохранения единства сложного политического организма хорошо понимали и сами польские политики того времени⁶², и участники элекционного сейма. Показателен с этой точки зрения текст памфлета «*Interrogatoria o obrazach Rzeczypospolitey*», где находим следующее рассуждение анонимного автора о возможностях унии с Россией: «*Tanta molle imperii* чтобы была хорошо управляема, это — невозможно. Так, сеймы, если бы были общими, должны были бы быть аж в Вильне, а если бы к тому скоплению народа, как у нас бывает *in consiliis publicas*, приступила бы громада Москвы, все бы *inexplicabile* было. А если бы они имели (у себя)

⁶¹ Dyaryusze..., s. 104, 109, 135—136, 213—214.

⁶² См., например, свидетельство Е. Оссолинского: «Речь Посполитая... сложенная из столь многих пародов, сохраняет свое единство лишь благодаря непоколебимому авторитету сейма» (цит. по: *Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w. Bia'ystok, 1970, s. 59*).

отдельные *konsylia*, тогда эта уния не была бы *durabilis*»⁶³. Отрицательное отношение автора к идее унии с Россией, как видим, вытекало из неведения в возможность правильного функционирования общего сейма — главной гарантии прочности польско-литовско-русского объединения.

Магнаты и шляхта, поддерживавшие кандидатуру царя и вместе с тем обошедшие молчанием в своих переговорах с русскими послами вопрос об общем сейме, очевидно, искали иного решения проблемы. За отсутствием материалов невозможно выяснить, как протекала дискуссия. Высказывания отдельных польских политиков позволяют сориентироваться, в каком направлении шли поиски. Так, каштелян черский Станислав Радзиминский выдвигал следующие условия унии: 1) после передачи царем Федором Речи Посполитой своих прав на русский трон представители русского общества не должны участвовать в выборах будущего монарха; 2) на Россию должно быть наложено обязательство защищать Речь Посполитую в случае войны, в то время как польская сторона не должна иметь таких обязательств по отношению к России; 3) из всех прав и вольностей, которыми пользуется польско-литовская шляхта, за русскими феодалами может быть признана лишь неприкосновенность личности и имущества (нельзя ни казнить, ни конфисковать имения без судебного приговора), но не право на участие в управлении государством⁶⁴. Во многом аналогичный характер носили предложения краковского писаря гродского Яна Ланчинского. Согласно его проекту, русские феодалы также могли быть уравниены с польско-литовской шляхтой «только *in privatis non in publicis*», их представители не должны допускаться «*ad publicas consultationes*» как люди невежественные («грубые») и неспособные к переговорам («*intractabiles*»). В рамках будущего государственного устройства Россия должна была, по его мнению, занять такое положение, как «провинция» в Римской империи, так «чтобы [русские] войну, сбор налога, *opera publica* сами без нас могли предпринимать»⁶⁵.

⁶³ Czart., 92, N 17.

⁶⁴ Dyaryusze..., s. 104.

⁶⁵ Ibid., s. 109.

В свете этих высказываний становится понятным, почему на переговорах с русскими послами представители Речи Посполитой не ставили вопроса ни о создании общего сейма, ни о проведении в России социальных реформ, подобных тем преобразованиям, которые были проведены в 60-х годах XVI в. в Великом княжестве Литовском и привели к фактическому сближению правового статуса господствующего класса и форм государственной организации обоих, затем вступивших в реальную унию государств⁶⁶. Уния с Россией в представлении польско-литовских политиков должна была носить иной характер, чем уния, заключенная в Люблине. Если последняя была равноправным (по крайней мере по форме) соглашением господствующих классов Короны и Литвы, то России в будущей унии с Речью Посполитой отводилась неравноправная роль.

Условия унии, в их различных вариантах, предусматривали наложение на Россию обязательств постоянной финансовой и военной помощи Речи Посполитой для обеспечения ее обороны (как полагал весь лагерь сторонников царя в целом) или для решения ее внутривнутриполитических проблем (как хотели шляхетские политики), но при этом польская сторона не брала на себя соответствующих обязательств по отношению к России. Более того, поскольку не предвиделось создания такой общегосударственной институции, как сейм, и одновременно не предполагалось привлекать русских феодалов «ad publicas consultationes», то ясно, что подобные условия обеспечивали представительному органу господствующего класса Речи Посполитой исключительное право решений по вопросам, касавшимся всего восточноевропейского объединения в целом. Правда, наряду с сеймом Речи Посполитой в решении этих вопросов должен был участвовать и монарх, царь Федор, который мог бы представлять интересы русского общества. Однако в условиях, когда русские феодалы отстранялись не только от решения указанных выше вопросов, но и от участия в элекции будущего монарха, а царь не мог брать с собой на польско-литовскую территорию свой русский «двор», институция общего для

⁶⁶ Об этом важном аспекте Люблинской унии см.: *Bardach J. Studia...*, s. 46—53.

всех государств мопарха приобрела иной характер, становясь по существу орудием подчинения русского общества польско-литовским интересам. Правда, за русским господствующим классом сохранялась возможность самостоятельных решений не только о сборе налогов, но и войне и мире, однако, как видно из приведенных высказываний, это определялось прежде всего стремлением избавиться от каких-либо обязательств по отношению к России и расходов на ее нужды.

В целом эти проекты унии должны рассматриваться как важное явление в истории польской политической мысли. Если проекты публицистов начала 70-х годов XVI в. предусматривали лишь открытие русской территории для польской феодальной колонизации при наличии личной унии между государствами, то проекты конца 80-х годов шли гораздо дальше, предвидя установление «реальной» унии и превращение Русского государства в политический придаток Речи Посполитой при сохранении традиционной структуры и форм государственной организации русского общества. В такой концепции следует видеть соединение представлений о соотношении сил между государствами, которые сложились в шляхетском обществе после походов С. Батория, с ранее сформировавшимися взглядами на русский господствующий класс как на совокупность политически невежественных людей, всецело отдавших на милость и немилость своего государя. Отсюда — убеждение польско-литовских феодалов, что русские политики не могут быть из-за своей «грубости» полноправными партнерами при обсуждении общегосударственных вопросов, а также их расчеты на то, что русский господствующий класс может принять польско-литовскую концепцию унии и согласиться на неравноправное положение в составе будущей тройственной федерации в обмен на предоставление элементарных гарантий жизни и имущества его членов. Определенную, хотя и не главную, роль при выработке этих концепций сыграли представления польско-литовских феодалов о личности царя Федора. Правда, эти представления у разных группировок существенно расходились; у шляхетских политиков Короны под влиянием, вероятно, сообщений Петра Черниковского сложилось представление о новом русском царе как справедливом и милосердном правителе, умеющем прекращать внутренние конфликты и стремя-

щемся избегать насилия⁶⁷. От такого правителя можно было, вероятно, ожидать его скорой адаптации политически развитым польско-литовским обществом. Для сенаторов (прежде всего литовских магнатов), лучше информированных о русских делах, Федор был неспособным к ведению государственных дел человеком, которого группе лиц, стоявших у кормила правления Речи Посполитой, было бы легко поставить под свой контроль⁶⁸.

Основанные на подобных представлениях концепции польско-литовских политиков были не менее утопически-ми, чем построения их предшественников времени первого «бескоролья», и, конечно, не могли найти поддержки ни у царя, от которого требовали отказа от его наследственных прав на русский трон, ни у русского дворянства, которому предлагали превратиться в политически неполноправный придаток польско-литовской шляхты. Одновременно наличие у польско-литовских феодалов таких понятий и концепций обрекало на неудачу планы русского правительства добиться политического руководства в Восточной Европе в обмен за ряд уступок в пользу Речи Посполитой. Нереальность в данной ситуации главных политических концепций обеих сторон, по существу, предрешала неудачу попыток их воплощения в жизнь. Однако оставалась еще одна важная для обеих государств проблема: как сложатся их отношения в ближайшем будущем, если до установления унии между ними дело не дойдет. Этот вопрос, как показано выше, русское правительство также предполагало обсудить на элекции с представителями Речи Посполитой. В ситуации, когда не было условий для выбора царя Федора на польский трон, его решение во многом зависело от исхода элекции, а следовательно, от тех группировок в Речи Посполитой, которые выдвигали иных претендентов на польскую корону.

⁶⁷ Dyaryusz..., s. 135, 211—212, 215 и сл.

⁶⁸ См., например, приведенные выше высказывания М. Радзивилла Сиротки и Л. Сапеги.

Элекционный сейм начинал свою работу летом 1587 года в напряженной обстановке. Как и в моменты предшествующих «бескоролевий», господствующий класс Речи Посполитой в 1587 г. оказался расколотым на ряд политических группировок, среди которых «промосковский» лагерь был самым большим, но отнюдь не самым монолитным. Наиболее опасным соперником этого лагеря была сильная группировка, во главе которой стоял коронный гетман и канцлер Я. Замойский. Вокруг него объединилась значительная часть коронной магнатории (краковский воевода А. Тенчипский, маршалок коронный А. Опалинский и целый ряд других воевод и каштелянов); коронному канцлеру оказала широкую поддержку шляхта южных воеводств Короны¹, а также значительные группы шляхты Великой Польши — Серадзского воеводства и Мазовии. На стороне Я. Замойского выступили также шляхта и города королевской Пруссии².

Все эти группы магнатов и шляхты объединились вокруг коронного канцлера под старым популярным лозунгом выбора Пяста; но с наступлением лета это объединение стало все более склоняться к тому, чтобы под-

¹ Среди приверженцев канцлера можно обнаружить много земских «урядников» разных рангов и представителей шляхты с территории Русского, Белзского и Подольского воеводств; в составе других группировок почти не было шляхты этого района. См. также свидетельство Соликовского, что «вся Русь (т. е. Русское воеводство.— *Б. Ф.*) была за королевичем шведским». — *Solikowski J. D. Krótki pamiętnik rzeczy polskich.* SPb.-Mohylew, 1855, s. 80.

² См. перечень ораторов в лагере Я. Замойского при обсуждении кандидатов на польский трон 14—18 августа 1587 г., до того как состав этой группировки существенно изменился с новым поворотом событий (см.: *Dziaryusze sejmowe r. 1587. Sejmny konwokacyjny i elekcyjny.* Kraków, 1887, s. 98—116, 119—122).

держат кандидатуру шведского наследного принца Сигизмунда Вазы, племянника по женской линии последнего короля из дома Ягеллонов — Сигизмунда II³. Когда этого кандидата, выдвинутого первоначально вдовствующей королевой Анной, поддержали объединившиеся вокруг Я. ЗамоЙского магнаты и шляхта, шансы на его победу в «бескорольеве» резко возросли. В перечне «прибытков», составленном в окружении королевы Анны⁴, а позднее в памфлетах, написанных близкими к Я. ЗамоЙскому⁵ политиками, формулировался целый ряд причин как внутреннего, так и главным образом международного порядка, которые склоняли указанные выше группировки к поддержке шведского кандидата. Из внутренних причин наиболее существенным было соображение, что католический и одновременно принадлежащий к протестантской династии правитель будет держаться принципов веротерпимости.

Более весомыми были доводы международного порядка. Прежде всего во всех сочинениях, написанных в пользу шведского кандидата, подчеркивалось, что выбор шведского принца дает возможность включить в состав Речи Посполитой Эстонию и тем утвердить полное господство польско-литовских феодалов в Прибалтике. Одновременно отмечалось, что сотрудничество со Швецией позволит Речи Посполитой создать собственный флот на Балтийском море, используя шведское кораблестроение и металлургию, с одной стороны, и польско-литовские людские ресурсы — с другой. Наряду с этим в памфлетах указывалось, что выбор шведского кандидата позволит Речи Посполитой сохранить мир с Турцией и создаст основу для заключения направленного против России польско-шведского союза, который будет способствовать успешному осуществлению наступательной политики Речи Посполитой на востоке.

³ Об эволюции позиций «лагеря ЗамоЙского» на протяжении первой половины 1587 г. см.: *Lepszy K. Walka stronnictw w pierwszych latach panowania Zygmunta III*. Kraków, 1929, s. 9—16.

⁴ Опубликовано в кн.: *Mayer E. Des Olmutzer Bischofes St. Pawlowski Gesandtschaftsreisen nach Polen*. Wien, 1861, s. 33—36.

⁵ Памфлеты «Commoditates po krolewicu Szweckim» и «Commoditates drugie po krolewicu Szweckim krotko zebrane». — AGAD, Archiwum publiczne Potockich, rkp. 6, k. 81—87, 95—96; «Commoditates, quae Electionem Ser. Principis Domini Sigismundi, certo sequuntur». — PAN, rkp. 638, k. 31—35.

Сопоставляя высказывания этих памфлетов с суждениями политиков на элекционных сеймах 70-х годов XVI в., следует как будто прийти к выводу, что в отношении польско-литовских феодалов к шведскому королевству наступили существенные изменения и это государство, ранее не рассматривавшееся как серьезный политический партнер, теперь стало расцениваться как крупная политическая сила, сотрудничество с которой может принести значительные выгоды Речи Посполитой. Анализ деятельности Я. Замойского и политиков его круга на элекции позволяет внести существенные коррективы в эти представления, основанные на изучении памфлетов.

Несомненно, одним из главных моментов, склонявших влиятельную фракцию польских феодалов к идее соглашения со Швецией, были расчеты на окончательное решение вопроса о Ливонии. Не случайно требование передать Речи Посполитой Эстонию было включено в подготовленные этой группировкой «*pacta conventa*», а Я. Замойский и другие сенаторы его лагеря приложили большие усилия к тому, чтобы заставить шведских представителей это требование принять⁶. Ряд ораторов отметили также, что выбор шведского кандидата позволит сохранить мир с Османской империей⁷. Однако идея военно-политического союза со Швецией, направленного против России, не нашла отражения ни в выступлениях ораторов⁸, ни в проекте «*pacta conventa*». Это, разумеется, не значит, что Я. Замойский и поддерживавшая его группировка отказались от планов экспансии на Восток. Политическая деятельность коронного канцлера и феодалов Русского воеводства по окончании третьего «бескоролья»⁹ ясно говорит об их стремлении вернуться к политике Батория.

Отрицательное отношение лидеров этого лагеря к кандидатуре царя также свидетельствует о стремлении решать восточную проблему не дипломатическими, а иными

⁶ *Almquist II. Den politiska krisen och konungavalet i Polen år 1587. Göteborg, 1916, s. 154—160.*

⁷ *Dyaryusze...*, s. 102, 104, 115.

⁸ Исключением служит лишь «вотум» автора одного из разобранных выше памфлетов — С. Гостомского (*Dyaryusze...*, s. 101—102).

⁹ См. об этом ниже.

средствами. Они, конечно, учитывали, что шведский принц на польском троне будет оказывать поддержку планам наступательной политики на Востоке. Более того, они были не прочь обеспечить себе помощь шведского правительства при возобновлении войны с Россией. Так, в 7-й статье «*pacta conventa*» фиксировалось обязательство шведской стороны предоставить Речи Посполитой порох, ядра и другие средства вооружения для ведения войны против России¹⁰. Но о заключении союза со Швецией речь не шла.

Такая постановка вопроса ясно показывает, что по существу принципиального изменения оценок не произошло и польские политики не считали Швецию серьезным политическим партнером в своей будущей борьбе с Россией. Мотивы, определившие выбор Сигизмунда Вазы, были по существу теми же, что в 1575 г. определили выбор С. Батория. В обоих случаях речь шла о правителе одной из соседних с Польшей, но второстепенных по своему политическому значению держав, выбор которого помог бы сохранить установившийся внутри и внешнеполитический (антирусский и протурецкий) курс. Не случайно шведского кандидата поддерживали по существу те же группировки феодалов Короны, которые в свое время сыграли решающую роль в выборе С. Батория. Разница состояла в том, что если Баторию выбор на польский трон не принес убытка, то шведский кандидат за свой выбор должен был уплатить дорогую цену — отдать Речи Посполитой прибалтийские владения шведского королевства. Чтобы заставить шведскую сторону пойти на это, в ход была пущена угроза, что в случае отказа принять поставленные условия польский трон может попасть в руки такого противника Швеции, как царь, а польско-русский союз означает гибель для шведского королевства¹¹. В таком образе действий польской дипломатии выступала тенденция трактовать Швецию как государство, которое в данной ситуации вынуждено подчиняться пожеланиям польских политиков.

Шведское правительство оценивало ситуацию иначе. После окончания Ливонской войны, которая принесла Швеции Северную Эстонию и русские новгородские при-

¹⁰ *Volumina legum*, t. II. SPb., 1859, s. 247.

¹¹ *Almqvist H. Den politiska...*, s. 98—99.

города, шведские феодалы уже не расценивали положение своего королевства как критическое, а завоевание польского трона не выступало в их размышлениях как единственное средство спасения. Напротив, под влиянием достигнутых успехов у них возникали планы распространения шведских границ дальше на восток; они начинали поглядывать на Речь Посполитую как на опасного конкурента, который может утащить из-под рук предназначенную им русскую добычу. Для этой новой линии было показательным, что первоначально Юхан III ответил отрицательно на поступающие из Речи Посполитой предложения выставить на выборах кандидатуру своего сына. Лишь под влиянием сообщений о складывании в стране сильного «промосковского» лагеря шведская позиция изменилась¹².

Однако принятое решение вовсе не означало, что Юхан III готов был ради избрания сына пойти на те крупные уступки, которых добивалась польская сторона. Так, шведское правительство упорно отвергало предложения уступить Эстонию Речи Посполитой, соглашаясь в крайнем случае, чтобы обеспечить выбор Сигизмунда, лишь дать неопределенные обещания рассмотреть этот вопрос в будущем¹³. Стремясь добиться того, чтобы эстонский вопрос был снят с обсуждения, а внешняя политика Речи Посполитой была направлена в желательную для шведских феодалов сторону, шведские политики в своей агитации на элекции настаивали на идее союза обоих государств против России, подробно описывая те выгоды, которые этот союз может принести польско-литовским феодалам.

В «артикулах», распространявшихся на элекции шведскими послами¹⁴, подчеркивалось, что «таким соедине-

¹² Шведская позиция и ее изменения на начальном этапе третьего «бескоролья» подробно охарактеризованы в ряде работ: *Biaudet H.* Les origines de la candidature de Sigismond Vasa au trône de Pologne 1587. Helsinki, 1911, p. 33—51; *Almquist H.* Den politiska..., s. 58—101; *Lepszy K.* The union of the Crowns between Poland and Sweden in 1587.— In: Poland at the XI International Congress of historical sciences in Stockholm. Warszawa, 1960.

¹³ *Almquist H.* Den politiska..., s. 62—63, 100—101, 213.

¹⁴ В русском переводе текст «артикулов» см.: *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен, т. VI, ч. II. СПб., 1790, с. 169 и сл.; польский текст: PAN, rk. 638, k. 6v-8.

нием двух крепких королевств» Россия будет ослаблена, а к победителям отойдут Псков и Смоленск. Одновременно шведский военный флот захватит Архангельск и прервет торговые связи между Россией и странами Западной Европы «и в том Московскому государству убыток великой будет». В еще более резкой форме эти заверения были сформулированы в речи шведских послов перед собравшейся на элекции шляхтой¹⁵. В этой антирусской коалиции руководящую роль должна была играть Швеция, но на этом шведские политики в тот момент избегали сосредоточивать внимание, и лишь в будущем такой политический курс мог породить раздоры между шведским правительством и польско-литовскими феодалами. На данном этапе обе стороны, шведские дипломаты и сторонники Я. Замойского, действовали согласованно, и это понятно, так как положение в начале элекции было не таково, чтобы можно было рассчитывать на быстрый выбор Сигизмунда Вазы.

Бесспорно, с переходом в шведский лагерь группировки Я. Замойского за шведским кандидатом стала крупная политическая сила, а родственная связь шведского принца с Ягеллонами давала ей в руки мощное орудие агитации среди шляхты, традиционно привязанной к династии Ягеллонов. Однако с началом элекции за коронным канцлером следовала все же меньшая часть шляхты¹⁶. Кроме того, в рядах его группировки отнюдь не было полного единства. Смена курса Я. Замойским и рядом связанных с ним политиков еще не означала, что шведского кандидата на элекции будут поддерживать все те группы шляхты, которые объединились вокруг Замойского под лозунгом выбора Пяста. Среди них оказалось достаточно людей, проявивших готовность отдать свои голоса Федору Ивановичу, когда выбор Пяста оказался невозможным. Для оценки соотношения сил на начальном этапе элекции следует признать весьма симптоматичными действия шведских дипломатов, которые при посредничестве литовских сенаторов обратились к русским послам с предложением снять кандидатуру Сигизмунда, если царь Федор заключит «вечный мир» со Швецией, признав ее права на Эстонию, а также выплатит Юхану III дол-

¹⁵ Текст речи: *Mayer E. Des Olmutzer...*, s. 350—360.

¹⁶ *Solikowski J. D. Krótki...*, s. 83.

ги Сигизмунда II и Речи Посполитой¹⁷. Этот демарш показывает, как пессимистически оценивали ситуацию шведские представители и насколько они были уверены, что элекция закончится победой московского кандидата.

Еще более сомнительными были виды на победу другой группировки — приверженцев Габсбургов, соперничавшей в политической борьбе со сторонниками царя. Австрийская дипломатия приложила большие усилия к тому, чтобы создать в стране сильную политическую группировку, которая сумела бы возвести на польский трон одного из эрцгерцогов — братьев императора Рудольфа II¹⁸. Однако сформировать такую группировку не удалось. В отличие от «бескоролевий» 70-х годов XVI в. большая часть коронных сенаторов отказалась в 1587 г. поддерживать австрийского кандидата, в чем, несомненно, сказался учет уроков второго «бескоролевья». На сторону австрийского кандидата, правда, встал влиятельный в Малой Польше род Зборовских и ряд магнатских семей из Великой Польши (познацкий воевода Станислав Гурка, Чариковские), которые при С. Батории были устранены от кормила правления. Выступая за австрийского кандидата, они рассчитывали с его помощью оттеснить от власти выдвинувшихся при покойном короле политиков, прежде всего Я. Замойского¹⁹. Но этим магнатам удалось повести за собой весьма небольшую часть великопольской и малопольской шляхты. Не встала в 1587 г. на сторону кандидата Габсбургов и Литва, где австрийским представителям удалось привлечь на свою сторону лишь Радзивиллов несвижской линии — виленского епископа Юрия, а затем его брата М. Радзивилла Сиротку²⁰. Да и это приобретение было заслугой не австрийских дипломатов, а папского нунция, который, следуя указаниям Сикста V, убедил этих магнатов — ревностных

¹⁷ *Almquist H. Den politiska...*, s. 125.

¹⁸ О деятельности австрийских дипломатов см.: *Mayer E. Des Olmutzer...*, s. 18—33; *Almquist H. Den politiska...*, s. 40—43, 52—55.

¹⁹ О позиции этих магнатов и мотивах, ее определивших, см. в указанных выше работах Э. Майера и Х. Альмквиста.

²⁰ О позиции несвижских Радзивиллов см. письма Ю. Радзивилла нунцию от 15 мая и 12 июня 1587 г. — *Шмурло Е. Ф. Россия и Италия*, т. II, вып. 2. СПб., 1913, с. 513—514, 517—518.

католиков — поддержать на элекции представителя «архикатолического» дома Габсбургов²¹. Всех этих сил было, разумеется, мало, чтобы пытаться взять верх в борьбе не только со складывавшимся сильным «промосковским» лагерем, но и с более слабой группировкой Я. Замойского.

Недостаток сил вожди «проавстрийской» группировки пытались возместить тактическим маневрированием. Составленный ими план действий предусматривал, что «проавстрийская» партия должна формально присоединиться к лагерю сторонников царя, «к которому очень расположена большая часть дворянства», чтобы, опираясь на его поддержку, нанести поражение «партии» Сигизмунда. Затем выяснится, что выбор царя невозможен, так как он не хочет отказаться от православия, а «духовные лица и католики не могут согласиться на избрание короля-схизматика», и тогда шляхта будет вынуждена принять Габсбурга, так как другого выбора у нее не будет²². В результате, еще до начала работы элекционного сейма С. Гурка и Зборовские заявили о своем присоединении к сторонникам царя.

Таким образом, в «промосковском» лагере оказалась основная масса собравшихся на элекцию феодалов Короны и Литвы. Однако слабой стороной этого лагеря было то, что в его составе объединялись группировки, преследовавшие существенно разные цели. Помимо «проавстрийской» партии, присоединившейся к сторонникам царя по тактическим соображениям, в его рамках различаются две особые политические силы, лишь условно и временно объединившиеся между собой — феодалы Великого княжества Литовского и «промосковские» группировки коронной шляхты. Каждая из них имела собственный план действий, который она пыталась осуществить на начальном этапе элекции.

План, намеченный литовскими феодалами, позволяют реконструировать материалы русско-литовских перегово-

²¹ О позиции курии см.: *Biaudet H. Sixte Quint et la candidature de Sigismonde du Suède au trône de Pologne en 1587. Helsinki, 1910.*

²² Этот план подробно изложили папскому нунцию такие видные деятели «проавстрийской» партии, как Станислав Гурка и католический епископ Киева Якуб Воронецкий. — *Шмурло Е. Ф. Россия..., т. II, вып. 2, с. 523—525.*

ров под Варшавой в конце июля — начале августа 1587 г. Уже в день приезда русских послов их посетил посланец литовских сенаторов Богдан Огинский с рядом вопросов об условиях унии, на которые литовские сенаторы хотели бы получить ответ²³. Когда послы отказались вести переговоры до получения официальной аудиенции²⁴, литовская рада продолжала настаивать на своем и прислала 31 июля писаря Андрея Иванова с просьбой дать такие ответы²⁵. После того как и эта попытка не удалась, литовские феодалы выслали к послам официальную делегацию во главе с епископом жмудским и воеводой полоцким²⁶, которая и добилась поставленной цели.

Причины поспешности, проявленной литовскими феодалами, позволяют выяснить содержание некоторых поставленных вопросов. Так, уже Б. Огинский спрашивал послов: если на выборах литовцы разойдутся с поляками, из которых многие желают видеть на троне шведского королевича, захочет ли Федор Иванович «великим князем Литовским стать», оказать Литве быструю помощь войсками и деньгами и дать возмещение тем лицам, которые при этом потеряют «тут в Польше именья и маенности»²⁷. Затем тот же вопрос поставил перед послами жмудский епископ М. Гедройц. Выразив уверенность, что сторонники царя должны одержать победу на выборах, он затем перешел к такому варианту событий, когда сторонникам царя не удастся победить противника. В этом случае, заявил епископ, ставя все точки над и, «хотим мы Литва, да Поляшье да Мазовше с Киевом и Подолье и Волынъ... от Польши оторватца и унею с ними, по вашему докончанье, хотим разорвать»²⁸. Очевидна близость приведенных заявлений с программой действий, намеченной в разобранным выше письме неизвестного литовского вельможи, а также с выдвигавшейся русским правительством программой разрыва Люблин-

²³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 236 об.

²⁴ Там же, л. 240.

²⁵ Там же, л. 248, 251 с об.

²⁶ В делегацию входили, помимо указанных сенаторов, подскарбий Федор Скумин и от «рыцарства» — К. Дорогостайский и М. Зенович (запись переговоров, сделанная К. Дорогостайским: Ossol., гкр. 185, к. 22v).

²⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 239.

²⁸ Там же, л. 262 с об.

ской унии и политического объединения России с Великим княжеством, восстановленным в его старых границах.

И все же, несмотря на недвусмысленный характер приведенных заявлений, нет оснований думать, что Великое княжество действительно хотело пойти на столь радикальную перемену своей политической ориентации. Думается, что речь шла прежде всего о том, чтобы сепаратной элекцией царя, проведенной литовскими феодалами, определить и результаты третьего «бескоролья» в целом. На раннем этапе элекции конфликты между группировками польских феодалов достигли особой остроты, так что в течение длительного времени пачать работу сейма не было возможным. В этих условиях Литва, не принимавшая участия в борьбе и сохранившая свое «единачество»²⁹, имела возможность решающим образом повлиять на исход элекции. Инициатива шведских послов существенно облегчала эту задачу. Не случайно, на переговорах литовские политики настойчиво советовали русским дипломатам «помириться» с шведским королем и предлагали свое посредничество³⁰. Своевременное заключенное соглашение с Юханом III выводило из игры единственного противника и, учитывая непопулярность австрийского кандидата, почти автоматически гарантировало успех царю Федору. В этих условиях, сотрудничая с Россией и угрожая сепаратной элекцией, можно было добиваться согласия польских феодалов на восстановление старых границ Великого княжества, что и было, думается, главной целью литовской политики³¹.

Однако и при этих благоприятных условиях план литовских политиков был слишком смелым. Решиться на его осуществление они могли, лишь получив точное представление о том, стремится ли русское правительство

²⁹ Конечно, это единство не было абсолютным: по сведениям русских послов к кандидатуре Сигизмунда Вазы склонялись канцлер Остафий Волович и староста жмудский Ян Кишка (там же, л. 246), но все же основная масса литовских феодалов следовала за главной группировкой литовской знати во главе с виленским воеводой К. Радзивиллом.

³⁰ Там же, л. 261 об.

³¹ Вопрос о восстановлении Великого княжества в его старых границах был поставлен литовской радой уже в самом начале третьего «бескоролья» (Dyaryusz..., s. 218), а затем на открытии элекционного сейма 1587 г. (*Bielski J. Dalszy ciąg kroniki polskiej*. Warszawa, 1851, s. 12).

действительно выиграть на выборах и какие условия унии оно может предложить. Отсюда — попытка выяснить, «есть ли государь его милость великий князь Московский правдиве себе самому о тое панство старанье чинити рачит»³², а также появление длинного перечня вопросов, охватывавших все стороны будущего комплекса взаимоотношений между Россией и Речью Посполитой³³. Задуманный проект не был проведен в жизнь прежде всего потому, что русские дипломаты не дали ответа на поставленный перед ними главный вопрос — согласится ли царь на сепаратную элекцию. Молчание русских дипломатов, разумеется, в первую очередь объяснялось отсутствием соответствующих указаний в наказе, составители которого не предвидели подобной ситуации. Но одного этого для объяснения позиции русских послов недостаточно. Такие знатоки русско-польских отношений, как Ф. М. Троекуров и В. Я. Щелкалов, входившие в состав русской делегации, несомненно представляли, насколько выгодным для русских внешнеполитических интересов является предложенное литовской делегацией решение проблемы, к которому и само русское правительство склонялось на первом этапе третьего «бескоролья». Думается, что сдержанность русских политиков в немалой мере объяснялась тем, что в ходе обсуждения между сторонами наметились серьезные разногласия по вопросу о характере унии.

Эта часть русско-литовских переговоров не получила почти никакого отражения в статейном списке посольства, где лишь кратко отмечено, что послы дали литовским представителям, «выписав из государева наказу всякие прибитки по статьям»³⁴. Однако, как показывает запись К. Дорогостайского, дело этим не ограничилось и русские послы должны были давать пояснения по поводу представленных текстов. В ходе этой дискуссии русские дипломаты проявили большую гибкость, удачно обходя острые вопросы³⁵.

³² ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 238 об.

³³ Перечни вопросов: Там же, л. 237 об.— 239, л. 261 с об.; см. также указанный выше запись переговоров, сделанную К. Дорогостайским.

³⁴ Там же, л. 260 с об.

³⁵ Так, на вопрос, где будет постоянно пребывать царь, послы отвечали: там, где его присутствие будет нужнее (Ossol., гкр. 185, к. 24).

Сравнение записи К. Дорогостайского с посольским наказом показывает, что по целому ряду вопросов в своих уступках литовской стороне послы явно вышли за рамки данных им инструкций³⁶. Послы обещали не только установление полной свободы контактов между Россией и Речью Посполитой, но и признание за польско-литовскими феодалами права покупать и брать в приданое земли на русской территории. Отступления от инструкции в данном случае столь значительны, что невольно возникает подозрение, что сам К. Дорогостайский вложил в общие заявления русских дипломатов содержание, наиболее соответствовавшее главным устремлениям господствующего класса Речи Посполитой. Показательно, однако, что даже в такой интерпретации, гораздо более благоприятной для польско-литовских интересов, чем настоящий русский проект, предложенные условия унии оказались неприемлемыми для литовских политиков. К. Дорогостайский с огорчением отметил в своей записи, что Федор Иванович не собирается отказываться от своих наследственных прав на русский трон и свои «государства» «обычным правом *more hereditario* держать хочет... как и перед тем было». Более того, «сама Москва,— записывал он ответы русских дипломатов,— не хочет того, чтобы одинаково все в одних вольностях с нами были»³⁷.

Такие заявления были для литовских политиков малоприятной неожиданностью, если учесть, что положение об отказе Федора Ивановича от наследственных прав было одним из главных постулатов польско-литовской программы унии. Выявление столь серьезных расхождений, несомненно, подействовало сдерживающим образом не только на русских дипломатов, но и на литовских политиков. Поняв, что для осуществления их проекта нет подходящих условий, они молчаливо отказались от задуманного плана и перешли к сотрудничеству с «промосковской» группировкой коронной шляхты, очевидно, рассчитывая на то, что в дальнейшем совместными усилиями всего «промосковского» лагеря все же удастся склонить русскую сторону принять польско-литовскую программу.

³⁶ См., например, записанное К. Дорогостайским обязательство освободить польско-литовских купцов от уплаты «мыта» в России (*Ibid.*, к. 23 v).

³⁷ *Ibid.*, к. 22v.

Сообщения «статейного списка» русских послов позволяют реконструировать план действий группировки коронной шляхты, также записавшей в рамках «промосковского» лагеря особое положение. В конце июля 1587 г. имело место ее крупное самостоятельное выступление. Шляхта, собравшаяся в лагере, враждебном Я. Замойскому, констатировала, что уже в течение длительного времени сейм не может начать работы, и обвинила в этом сенаторов, которые «интригами тянут время, чтобы шляхта разъехалась» и можно было бы решить вопрос о короне без ее участия. В результате было постановлено, что единственным выходом из ситуации является созыв вооруженного съезда («рокоша») всей присутствующей на выборном поле шляхты, в том числе и тех ее представителей, которые находятся на службе у отдельных вельмож. Этот съезд мог бы продиктовать свою волю враждующим магнатским группировкам.

Для исполнения задуманного плана были отправлены особые посланцы к «панским слугам» и литовской шляхте с призывом принять участие в задуманном съезде³⁸. Позднее организаторы «рокоша» указывали, что единственной целью их действий было добиться прекращения конфликтов и начала выборов³⁹.

Однако по-иному обрисовывает дело обширная запись в «статейном списке» русских послов, где говорится о намерении шляхетских политиков «обратить» на польский трон Федора Ивановича. «А которая наша братья, шляхта, служат у панов, а паны их государя московского обирати не хотят, и мы зделаем рокош, то есть рыцарское коло, да закличем под шляхетскою учтивостью: хто шляхтич, а служит у пана, и тот бы от пана своего отступил, а приступил бы до Посполитой Речи и обирал с нами вместе государя московского». Кто так не сделает, тот общим решением участников «рокоша» будет «шляхетства отсужен». «А только шляхта от панов отступит, — передавали составители статейного списка разговоры шляхтичей, — и паном-деи, одним, что делати, у неволи им обирати Московского ж государя»⁴⁰. Сопоставляя данное свидетельство с тем фактом, что главными организато-

³⁸ Dyaryusze..., s. 163.

³⁹ Ibid., s. 165.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 264 об.— 265.

рами «рокоша» были хорунжий львовский Я. Гербурт и малопольские политики М. Казимирский и А. Горайский⁴¹ — известные предводители «промосковского» течения среди коронной шляхты, можно сделать вывод, что одной из главных целей «рокоша» было возведение на польский трон Федора Ивановича. С выбором этого кандидата, как показывает приведенный выше анализ «московских кондиций», шляхта связывала надежды на улучшение своего материального положения и на укрепление своих позиций в государственном устройстве Речи Посполитой за счет магнатории. Таким образом, и на третьей элекции русская кандидатура была кандидатурой антимангнатски настроенной шляхты.

Однако осуществить свой план шляхетским политикам не удалось. Попытка привлечь к участию в «рокоше» магнатскую клиентелу восстановила против них магнаторию обоих враждующих лагерей, а также литовских вельмож, совместными усилиями которых созыв «рокоша» был предотвращен, а его инициаторам пришлось давать пояснения, что они вовсе не собирались выходить за рамки легальности⁴². Такой итог был, несомненно, в немалой мере определен общим соотношением сил, которое к концу XVI столетия становилось все более неблагоприятным для шляхты. Имели свое значение и иные обстоятельства. Как отмечалось в посольской книге, организаторы «рокоша» были намерены поставить вопрос о выборе царя, как только будут официально объявлены русские предложения и «приезд государя Московского нам будет ведом». Между тем русские послы отказывались что-либо заявлять до официального приема, тем самым шляхта ничего не знала о намерениях царя. В итоге, польским шляхетским политикам пришлось также отказаться от своего плана и искать подходящих решений в сотрудничестве с другими политическими группировками.

Благодаря всем этим обстоятельствам формальное единство «промосковского» лагеря не было нарушено и он в дальнейшем продолжал выступать как единая сила вплоть до того момента, когда борьба за польскую корону вступила в заключительную стадию.

⁴¹ Dyaryusze..., s. 163—167.

⁴² Ibid., s. 165.

Характерным для элекции 1587 г. явлением была ожесточенность борьбы между группировками коронных феодалов. Несмотря на усилия посредников, не удалось добиться даже их формального примирения. Я. Замойский и его сторонники стали на элекционном поле особым лагерем, отказываясь посещать место заседаний сейма, выбранное при участии политических противников канцлера — С. Гурки и Зборовских, а те в свою очередь категорически выступали против контактов с партией канцлера. В итоге, в течение полутора месяцев элекционный сейм не смог приступить к работе; в середине августа 1587 г. каждый из лагерей перешел к самостоятельному обсуждению кандидатур, не считаясь с тем, что подобный способ действий противоречил установленным нормам проведения элекции.

Первым с такой инициативой выступил лагерь Я. Замойского, где 14 августа началось «вотование» сенаторов. Как уже указывалось выше, шляхту и сенаторов собрал под знамена Я. Замойского лозунг выбора Пяста. Поэтому, когда выяснилось, что выбор Пяста невозможен, между различными группами шляхты наметились разногласия. Правда, сторонников Габсбургов в лагере Я. Замойского почти не было ⁴³, однако в ходе дебатов выявилась группа людей, которые либо (как каштелян львовский Ян Сененский) выступали за избрание царя ⁴⁴, либо (как краковский воевода А. Тенчинский, воевода иновлоцлавский Ян Сплавский ⁴⁵) считали его одним из главных претендентов, кандидатура которого заслуживает самого внимательного обсуждения ⁴⁶.

Неудивительно, что против этой кандидатуры был направлен основной огонь критики приверженцев шведского принца. Прежде всего они старались рассеять у сторонников царя представление о больших военных и финансовых возможностях Русского государства. У московского царя, указывал, например, С. Гостомский, не может быть

⁴³ Лишь один оратор предложил поддержать кандидатуру эрцгерцога.— Ibid., s. 111, 198; *Mayer E. Des Olmutzer...*, s. 59.

⁴⁴ *Dyaryusze...*, s. 114, 121.

⁴⁵ Ibid., s. 99, 106.

⁴⁶ Как отмечал А. Тенчинский, «с Московским [приходит] такое большое присоединение, что, если бы все кандидаты собрали против него [свои предложения], они не смогли бы с ним сравниться».— Ibid., s. 99.

больших средств, так как в его стране не добывают драгоценных металлов и есть лишь один торговый порт на Белом море⁴⁷. Приверженцы Сигизмунда выражали также сомнения в размерах и силе русской армии, указывая на неудачи, постигшие ее в последние годы Ливонской войны⁴⁸. Отсюда следовал вывод, что сотрудничество с Россией не поможет Речи Посполитой укрепить свое международное положение. Напротив, выбор царя поставит польско-литовских феодалов перед необходимостью вести тяжелую войну с Османской империей, в которой Россия не сможет эффективно помочь Речи Посполитой: русские земли расположены слишком далеко от турецких владений и, кроме того, как сможет царь защитить Речь Посполитую от турок, если он не смог дать отпора покойному королю?⁴⁹ В итоге двухдневной дискуссии сторонники царя оказались в явном меньшинстве и к 15 августа вопрос о выборе Сигизмунда Вазы был уже практически предрешен⁵⁰. Немедленная «номинация» шведского кандидата не состоялась в тот момент лишь из-за формальных препятствий: примас, в права которого входило исполнение этого обряда, а с ним и другие католические епископы находились в лагере противников Я. Замойского.

Если группировка, игравшая в лагере Я. Замойского руководящую роль, нашла возможным приступить к обсуждению кандидатур, не знакомясь с русскими условиями унии, то противоположный лагерь, объединявший в своих рядах основную массу сторонников московского кандидата, не мог приступить к выборам, не составив представления о содержании русских предложений. Поэтому голосованию магнатов и шляхты этого лагеря предшествовали переговоры польско-литовской делегации с русскими послами, начавшиеся 15 августа в селе Каменце⁵¹.

Следует сразу же отметить, что принципиальные расхождения между программами сторон в ходе переговоров

⁴⁷ Dyaryusze..., s. 101.

⁴⁸ Ibid., s. 101, 110.

⁴⁹ Ibid., s. 101, 104, 110.

⁵⁰ Ibid., s. 198.

⁵¹ Записи о первом этапе переговоров сохранились в двух версиях: русской (ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 274 и сл.) и польской (Czart., rkp. 313, k. 207, i nast.— Ad interrogata respons pos'ów moskiewskich).

выявились лишь частично, а некоторые основные вопросы, по которым расхождения объективно были особенно велики, так и не стали предметом дискуссии. В значительной мере это объяснялось позицией русских послов. Они, учитывая, по-видимому, опыт предшествующих переговоров с литовскими представителями, отдавали предпочтение общим высказываниям, в которые обе стороны могли вкладывать различный смысл. Так, по объективно наиболее важному вопросу — о характере самой унии — русские послы оперировали таким неопределенным термином, как «вечное соединение», или заявляли, что они «согласны, чтобы [Россия и Речь Посполитая] всегда имели одного государя»⁵². В итоге у части польско-литовских политиков создавалось впечатление, что по этому вопросу русская сторона готова принять польско-литовские условия⁵³. Аналогичным образом, когда польско-литовские представители, не удовлетворившись обещанием наделить неимущую шляхту наделами на пустых землях в Диком поле, потребовали, чтобы царь раздавал шляхте земли на Смоленщине и в Северской земле, послы ответили: «Чья ко государю нашему служба дойдет, и государь наш волен тово жаловать вотчиною и в Московском государстве»⁵⁴. Русские послы и здесь формально не отступали от инструкций. Вместе с тем их высказывания, так сформулированные, создавали впечатление, что и по данному вопросу русское правительство готово удовлетворить пожелания польско-литовских феодалов. Несмотря на это, вскоре после начала переговоров русские послы оказались в весьма трудном положении.

Стало выясняться, что внешнеполитические планы русского правительства не привлекают к себе польско-литовских феодалов. Их отношение к русским планам наступательной войны против Османской империи и Швеции оказалось более чем сдержанным. Прежде всего, здесь сказалось снижение в глазах господствующего класса Речи

⁵² ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 275 с об.; *Dyaryusze...*, s. 212.

⁵³ Так, выступая 19 августа перед шляхтой, Я. Зборовский отметил, что царь «открытой рукой хочет править теми, кто был у него невольниками... обширное государство и подневольный народ хочет привести к единству и вольности» (*Ibid.*, s. 135, 211—212).

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 295 об.—296; *Соловьев С. М. История России...*, кн. III, с. 223.

Посполитой военно-политического престижа Русского государства после военных кампаний С. Батория, о чем ясно свидетельствуют приведенные выше высказывания сторожников Я. Замойского. Ослабленная Ливонской войной и вступившая в 70—80-х годах XVI в. в полосу тяжелого хозяйственного разорения, Россия не казалась польско-литовским феодалам союзником, сотрудничество с которым могло обеспечить для Речи Посполитой существенные приобретения за счет турецких владений на Балканах.

Серьезный удар по русским внешнеполитическим построениям нанесла и политика Габсбургов. В своих планах русские политики ориентировались на создание большой антитурецкой коалиции, в состав которой наряду с Россией и Речью Посполитой должны были войти Ватикан, Испания и державы австрийских Габсбургов. Между тем Габсбурги не только не солидаризировались с русскими планами, но, напротив, в своих предвыборных «артикулах» заявляли о готовности сохранить, а «надобно будет и обновить» мир с султаном⁵⁵. Уклопялась от войны с Турцией и Испания Филиппа II, бросившая в 80-х годах XVI в. все свои силы на борьбу с восставшими Нидерландами и на подготовку «Непобедимой армады». Такая позиция австрийских и испанских Габсбургов не осталась неизвестной польским и литовским политикам, у которых она, несомненно, усилила скептическое отношение к русскому проекту⁵⁶. Известное значение имело и то обстоятельство, что русская сторона не предполагала обсуждать конкретные условия военного союза между государствами, поэтому послы не могли указать точные размеры русской военной и финансовой помощи Речи Посполитой⁵⁷.

Как бы то ни было, русская внешнеполитическая программа польско-литовских феодалов не заинтересовала⁵⁸.

⁵⁵ Текст этих артикулов: Там же, л. 342.

⁵⁶ Во время переговоров сенаторы прямо указывали послам, что те предлагают создать антитурецкую лигу, а «у цысаря взято с турским перемирье на семь лет, а у шпанского короля на восемь лет». — Там же, л. 295 с об.

⁵⁷ Там же, л. 294 об., 299 с об.

⁵⁸ О реакции польско-литовских феодалов см. подробнее: *Флорья Б. Н.* Антитурецкая коалиция и «бескорольевье» 1587 г. в Речи Посполитой. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века, Кишинев, 1972, с. 269—275.

Следовательно, у них не было никаких мотивов, которые бы заставили их согласиться, как это планировалось в русском проекте, на формальное признание руководящей роли России в будущем восточноевропейском объединении. Неудивительно, что реакция польско-литовских представителей на предложения провести коронацию в Москве по православному обряду и поставить царский титул на первое место в титулатуре будущего восточноевропейского монарха в этих условиях оказалась резко отрицательной. «И то не видя ничего — суммировали они свою позицию, — подворотити нам Коруна Польская под Москву, и то так быти не может»⁵⁹. Столь же остро реагировали польско-литовские представители на заявление послов, что царь «когда хочет, так к вам приедет», прямо заявив им, что «государю вашему у нас не бывать»⁶⁰. Неуступчивая позиция русских послов (инструкции предписывала им не идти ни на какие уступки в этом отношении) привела к тому, что именно вопросы о том, кто займет в будущем объединении формально первое место и когда новый монарх прибудет в Речь Посполитую, оказались в центре дискуссии. На последней встрече послов с представителями шляхты⁶¹, состоявшейся 20 августа, обсуждались только эти вопросы и стороны разошлись, не придя к соглашению⁶².

Особое место занял на переговорах вопрос о смене религии московским кандидатом. Представители польской историографии XIX в. полагали, что разногласия, выявившиеся при обсуждении этого вопроса, оказали решающее влияние на судьбу московской кандидатуры. Так, М. Божиньский писал: «народ, который только что возвратился к католичеству и религиозной ревностью старался загладить временное отступничество, не хотел уже теперь посадить на свой трон исповедника православной церкви, а Федор не мог отступить от этой церкви, и об это препятствие разбилось все дело»⁶³. Однако последующие буржуазные польские исследователи не решились повторить этой оценки. И это не случайно — анализ имеющих-

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 285 об.— 291 об.

⁶⁰ Там же, л. 276 с об.

⁶¹ Сенаторы в этой встрече не участвовали.

⁶² Там же, л. 301 об.— 304; Dyaryusze..., s. 212.

⁶³ *Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie*. Warszawa, 1977, s. 304.

ся источников показывает, что реальная позиция различных группировок шляхты была совершенно иной, чем это представлялось М. Бобжиньскому.

Правда, уже во время пребывания весной 1587 г. на Литве Е. Ржевского и З. Свиязева ряд лиц, беседовавших с посланниками, поставил перед ними вопрос о необходимости для царя переменить веру⁶⁴, но при этом подчеркивалось, что шляхта Великого княжества не заинтересована в выполнении этого требования и что речь идет лишь об успокоении претензий поляков, у которых «во обычье обирать государя такова, хто б был Римские веры». Для позиции, занятой литовскими феодалами, еще более характерны предпринятые ими уже во время элекции поиски компромисса, который позволил бы царю вступить на польский трон, не меняя веры.

Один из таких проектов, переданных «великим» послам посланцем литовской рады Б. Огинским, состоял в том, чтобы убедить «духовный чин» согласиться на выбор царя при условии, что русское духовенство согласится внести в свой символ веры «filioque» («исповедати б духа святого от отца и от сына»⁶⁵), а в остальном все останется по-старому (т. е. русская церковь будет независима от папы и т. д.). Другой проект литовской рады, переданный через писаря А. Иванова, заключался в том, что русский царь должен был подтвердить все права и привилегии католической церкви, сохранить в неприкосновенности ее связь с Ватиканом и обещать провести между католиками и православными диспут о вере. Разъясняя последнее предложение, А. Иванов говорил: «В том порухи некоторые в вере государю вашему не будет, потому как разговоры на обе стороны о вере будут, и государь ваш толды молыт — говорили люди мой греческого закону с римскими людьми о вере да не соидетца мне быти в римской вере». А если царь захочет, — разъяснял далее посланец, — «и он то волен говорити, чтобы все люди были в греческой вере, только б нынеча обирание государя вашего за тем не стало»⁶⁶. Высказывания литовского посланца ясно показывают, что вопрос о вере будущего монарха литовских политиков вовсе не интересовал и они лишь пытались

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 217, 263 об.— 264, 571 об.

⁶⁵ Там же, кн. 18, л. 239 об.

⁶⁶ Там же, л. 250 с об.

как-то его уладить, чтобы не нанести ущерба тем чисто политическим планам, которые были связаны с выбором московского кандидата.

Пути решения, предложенные литовской радой, при этом практически совпали с той позицией, которую занимало в этом вопросе само русское правительство. Эти сведения, извлеченные из русских посольских книг, вполне совпадают с сообщениями виленского епископа Ю. Радзивилла, который с большим огорчением сообщал нунцию, что литовская шляхта не придает никакого значения православному вероисповеданию царя, так как, по ее мнению, «греческая вера Московита не очень далека от католической», отличаясь от нее лишь «отдельными церковными церемониями, изображениями и тому подобными вещами»⁶⁷. Такое отношение в сущности не может вызывать удивления, если учесть, что основная масса литовской шляхты и магнатории в 80-х годах XVI в. держалась либо православия, либо протестантизма разных толков.

Более сложным было положение в Короне, где позиции католического вероисповедания и католического клира были гораздо сильнее, чем в Великом княжестве. Не случайно, здесь группа опытных политиков, как показано выше, серьезно рассчитывала на то, что православное вероисповедание царя приведет к провалу его кандидатуры. Ряд коронных сенаторов и шляхтичей, отвергая кандидатуру Федора, указывали на то, что он схизматик. Однако это были преимущественно люди из лагеря Я. Замойского⁶⁸ либо сторонники Габсбургов⁶⁹, использовавшие в полемике всякие доводы против московского кандидата. Что же касается шляхты, собравшейся в лагере сторонников царя, то в ее среде господствовали иные настроения. Показательна инициатива представителей шляхты в составе польско-литовской делегации, которые на переговорах в Каменце во время дискуссии о вере будущего монарха и способе проведения коронации выступили со своим проектом решения этих вопросов. Шляхетские представители не только не требовали, чтобы царь стал католиком, но, наоборот, исходя из того, что будущий монарх

⁶⁷ Шмурло Е. Ф. Россия..., т. II, вып. 2, с. 514.

⁶⁸ Dyaguusze..., s. 100, 101, 120.

⁶⁹ Радзивиллы несвижские, Спытек Йордан, Зборовские (Ibid., s. 140, 147—148, 152, 207; HRM, t. II, SPb., 1842, s. 22—23).

сохранит свое прежнее вероисповедание, предложили для согласования точек зрения сторон разделить обряд коронации на две части: причащение в православной церкви при участии митрополита и возложение короны на голову монарха архиепископом гнезненским⁷⁰. Хотя проект не получил (по разным мотивам) одобрения ни входивших в состав польско-литовской делегации сенаторов, ни русских послов, однако ясно, что в своем подходе к интересующим нас вопросам представители шляхты руководствовались чисто политическими соображениями, настаивая на участии архиепископа в акте коронации не по религиозным, а по государственно-правовым соображениям.

Стоявшие за ними группировки шляхты обеих частей Речи Посполитой продолжали отстаивать свои позиции и в дальнейшем, когда в «московском» лагере началось обсуждение кандидатур. Так, «маршалок» литовской шляхты утверждал от ее имени, что для выбора царя достаточно его обещания провести «диспут» о вере⁷¹. Эта инициатива встретила поддержку ряда шляхетских политиков Короны, которые доказывали, что от папы можно добиться согласия на коронацию православного царя патриархом, поскольку между католицизмом и православием нет глубоких различий и сам папа разрешает отправлять богослужение в римских храмах по греческому образцу⁷². Вышеизложенное дает основание утверждать, что начавшийся в Речи Посполитой постепенный подъем контрреформации к концу 80-х годов XVI в. еще не оказал заметного влияния на формирование польско-литовских концепций политического развития Восточной Европы, которые и в это время продолжали носить последовательно светский характер.

Хотя отказ принять католичество не отразился существенно на позиции «промосковски» настроенной шляхты, он не мог не повлиять на отношение к кандидатуре царя католического епископата и в особенности его главы — архиепископа гнезненского Станислава Карнковского. Рассчитывая на то, что «обращение» царя сделает его известным всему католическому миру, примас готов был пойти даже на риск конфликта с курией, отказавшись по

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 277 об.— 278 об.

⁷¹ HRM, t. II, s. 22.

⁷² Dyaryusz..., s. 147; HRM, t. II, s. 23.

требованию нунция дать клятву, что он ни при каких условиях не коронует царя⁷³. Публичный отказ царя принять католичество означал жестокий удар по всем этим планам, поставив главу католической церкви в Польше, агитировавшего за выбор царя, в крайне сомнительное положение сторонника «схизматического» государя. Его трудности еще более усугублялись действиями сторонников Я. Замойского, публично заявивших примасу, что «*religio schismaticum dominare non posset*»⁷⁴ (схизматик верой править не может). Неудивительно, что именно примас, оказавшись в столь невыгодной ситуации, стал инициатором резкой смены политического курса католического епископата, который до сих пор находился в лагере сторонников царя. Логически он мог провести линию на раскол между сторонниками Федора Ивановича и Габсбургов, но как опытный политик, хорошо ориентирующийся в настроениях шляхты, в основной своей массе враждебной по отношению к австрийскому кандидату, он избрал другое решение — поставить всю силу и авторитет католической церкви на сторону Сигизмунда Вазы. 17 августа С. Карнковский публично заявил, что выбор русского и австрийского кандидатов невозможен⁷⁵, а 19-го — отправился в лагерь Я. Замойского. За ним последовали почти все епископы и целая группа светских сенаторов⁷⁶. Правда, одновременно лагерь Я. Замойского покинули приверженцы царя во главе с каштеляном львовским Яном Сененским⁷⁷. Но, поскольку их было немного, переход большой группы духовных и светских сенаторов в «прошведский» лагерь означал существенное изменение соотношения сил в пользу сторонников Сигизмунда Вазы. Одновременно с переходом примаса к Я. Замойскому отпали формальные препятствия для «номинации» шведского принца, и в тот же день, 19 августа, архиепископ гнезненский С. Карнковский и маршалок коронный А. Опалиньский торжественно провозгласили его избрание польским королем⁷⁸.

⁷³ Шмурло Е. Ф. Россия..., т. II, вып. 2, с. 523—524.

⁷⁴ Dyaryusze..., s. 198.

⁷⁵ Ibid., s. 200.

⁷⁶ Ibid., s. 124—125.

⁷⁷ Уже 15 августа он участвовал как член польско-литовской делегации в переговорах с русскими послами (ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 274).

⁷⁸ Dyaryusze..., s. 129.

Правда, противный лагерь не только не признал этой «номинации» законной, но и демонстративно исключил из числа возможных кандидатов на польский трон шведского принца. В сложившейся ситуации это даже в какой-то мере было выгодно сторонникам Я. Замойского, укрепляя их положение при переговорах об условиях «*pacta conventa*» Сигизмунда Вазы. Опасаясь, что их неуступчивость может привести к победе царя, шведские послы были вынуждены принять условия, продиктованные коронным канцлером⁷⁹. В результате, в «*pacta conventa*» были внесены обязательства шведской стороны передать Речи Посполитой Эстонию и оказывать ей помощь в войне против России, в то время как предложенный шведами проект военно-политического союза против России в текст договора не попал⁸⁰.

Одновременно с изменением соотношения сил между лагерями существенно изменилось и соотношение сил внутри «промосковского» лагеря, что было связано с уходом из него литовских сенаторов. После окончания переговоров с русскими послами, 19-го августа, в сеймовое «коло» явились представители литовской рады с предложением приступить к выработке условий мирного договора с Россией, отложив до заключения мирного соглашения обсуждение всех других вопросов. На своем предложении литовские сенаторы энергично настаивали, а когда оно было отклонено, демонстративно покинули «коло»⁸¹. Попытки уговорить их вернуться закончились безрезультатно⁸². Если учесть, что почти одновременно литовские сенаторы обратились к сторонникам Я. Замойского с предложением заключить мир с Россией⁸³, то суть избранной литовской магнатерией политической линии станет совершенно ясной. В ходе переговоров с русскими послами литовским сенаторам стало ясно, что русское правительство имеет свою концепцию унии, отличную от польско-литов-

⁷⁹ О дискуссии над «*pacta conventa*» см.: *Almquist H. Den politiska...*, s. 154—162.

⁸⁰ Подробное сравнение шведского проекта договора с его окончательным текстом см.: *Lepszy K. The union...*, s. 166—167.

⁸¹ *Duagysze...*, s. 131—132, 207—208.

⁸² *Ibid.*, s. 133—135, 211, 213. Исключением были несвижские Радзивиллы, которые остались, чтобы склонять шляхту к избранию Габсбурга.

⁸³ *Ibid.*, s. 121, 204.

ской, и царь не намерен принимать корону на условиях, продиктованных польско-литовской стороной. Поэтому они, опасаясь, что в таких условиях соглашение с царем не будет достигнуто, а выбор шведского принца может привести к возобновлению войны между государствами, направили свои усилия на то, чтобы предотвратить подобное развитие событий. Избранная ими тактика состояла в том, чтобы, играя на противоречиях между враждующими сторонами, добиться мирного договора с Россией еще до завершения элекции. Именно этим целям отвечал их уход из лагеря, стоявшего на позиции, открыто враждебной партии Я. Замойского.

В условиях, когда литовские сенаторы покинули сеймовое «коло», а значительная часть коронных сенаторов удалилась в лагерь Я. Замойского, сильно возрос политический вес остававшихся в «промосковском» лагере коронных и литовских сенаторов, которые почти все были приверженцами Габсбургов. Их активность после «номинации» Сигизмунда резко возросла и они попытались в новых условиях осуществить свой план, намеченный накануне элекции. Австрофильские магнаты усиленно разъясняли шляхте, что из ответов русских послов нельзя заключить, согласен ли царь принять разработанные польско-литовскими феодалами условия унии и, напротив, следует полагать, что он хочет использовать унию, чтобы подчинить Речь Посполитую России⁸⁴. Так, К. Зборовский, говоря о русских, выражал сомнение, чтобы «этот гордый народ, который оберегает свою честь даже при снятии шапок, согласился бы на то, чтобы их государство было присоединено к Короне». «Скорее,— продолжал он,— они хотели бы, как рукав к платью, присоединить Корону к царству Московскому»⁸⁵.

Однако шляхта, вкладывая в высказывания послов иное понимание, настаивала на том, что русские условия очень выгодны для Речи Посполитой. Выбранный литовской шляхтой «маршалок», отстаивая выбор русского кандидата, утверждал в противовес высказываниям магнатов, что царь «хочет присоединить к Короне столь обширное государство, и чего силой и войной в течение столь многих лет и с таким великим кровопролитием невозможно до-

⁸⁴ Ibid., s. 135—137, 213—214; HRM, t. II, s. 21, 23.

⁸⁵ Соловьев С. М. История России..., кн. III, с. 223—224.

стичь, то теперь само добровольно нам достается»⁸⁶. Правда, позиция русских послов по вопросу о титулатуре будущего монарха и коронации явно противоречила такому пониманию, но этим высказываниям шляхта, по видимому, не придавала принципиального значения. Сторонник царя Ян Любоньский писарь Копинский записал в своем «диариуше», что, по мнению участвовавших в переговорах шляхтичей, русские послы говорили о титулатуре и коронации «несерьезно, в шутку»⁸⁷. Очевидно, шляхтичи полагали, что при окончательном решении вопроса русская сторона откажется от своих условий. Вместе с тем на позицию шляхты оказало сильное влияние обещание послов раздавать на русской территории земли неимущей шляхте. Не случайно, что в заключавшем обсуждение кандидатур «вотуме» надворного маршалка Андрея Зборовского это обещание отмечено как один из главных аргументов в пользу избрания царя⁸⁸, а в своем собственном выступлении он убеждал шляхту не выбирать царя только ради того, что он будет раздавать неимущим «волоки»⁸⁹.

Учитывая безуспешность полемики в этой плоскости, ряд австрофильских политиков избрали иную линию поведения. «Объективно» отмечая, что избрание царя могло бы принести Речи Посполитой большие выгоды, они обращали внимание шляхтичей на то, что в сложившейся ситуации, когда сторонники Я. Замойского ломают установленные правовые нормы, необходимо выбрать такого кандидата, который смог бы быстро прибыть в страну, короноваться и организовать успешную борьбу против шведского принца. Между тем нет оснований ожидать, что царь сможет быстро приехать в Речь Посполитую. Его коронация также натолкнётся бы на большие трудности, поскольку католический клир не согласится короновать схизматика. В таких условиях противники Сигизмунда Вазы могут легко потерпеть поражение в предвыборной борьбе. Чтобы избежать неудачи, нужно избрать другого кандидата — эрцгерцога Максимилиана⁹⁰. На ка-

⁸⁶ HRM, t. II, s. 21—22.

⁸⁷ Dyaryusze..., s. 212.

⁸⁸ HRM, t. II, s. 23.

⁸⁹ Dyaryusze..., s. 137; HRM, t. II, s. 22—23.

⁹⁰ Dyaryusze..., s. 135—136, 145, 152, 211—212.

кую-то часть шляхты эти доводы оказали воздействие⁹¹, но основная масса сторонников царя их отвергла. На главный довод своих оппонентов литовская шляхта заявила, что «о быстроте (приезда царя.— *Б. Ф.*) не нужно спорить, приедет как можно быстрее, а мы тем временем одни на малые деньги, а другие задаром, а, если надо, то и посполитым рушением будем препятствовать приезду шведа»⁹². Эта позиция литовцев получила полную поддержку таких популярных среди коронной шляхты политиков, как Я. Гербурт, А. Горайский и М. Казимирский⁹³.

Видя, что их доводы не оказывают желаемого действия, магнаты — приверженцы Габсбургов — попытались провести «номинацию» эрцгерцога, не считаясь с мнением противной стороны. Такой образ действий привел к открытому расколу — шляхтичи из Короны и Литвы, поддерживавшие кандидатуру Федора, покинули сеймовое «коло», и немногочисленные сторонники эрцгерцога могли без препятствий 22 августа провозгласить Максимилиана королем польским и великим князем литовским⁹⁴. Хотя формально С. Гурке и Зборовским удалось добиться своей цели, фактически «номинация», проведенная таким способом, означала провал их плана. Привлечь значительные группы шляхты на сторону австрийского кандидата австрофильской группировке не удалось. Тем самым была предрешена победа Сигизмунда Вазы и группировки, объединенной вокруг Я. Замойского. Поскольку заявления и шведских дипломатов, и близких к Я. Замойскому памфлетистов не оставляли сомнений, в каком направлении будет ориентирована внешняя политика страны после победы шведского кандидата, неудивительно, что в этих условиях снова активизировалась деятельность литовских сенаторов, стремившихся не допустить возобновления открытой военной конфронтации в Восточной Европе. Уже 21 августа О. Волович, Я. Глебович и Л. Сапега направились в лагерь Я. Замойского, где дали понять сторонникам шведского кандидата, что они готовы согласиться на избрание Сигизмунда, если предварительно будет заклю-

⁹¹ Ibid., s. 139, 145—146.

⁹² Ibid., s. 145.

⁹³ Ibid., s. 148, 150, 153.

⁹⁴ Ibid., s. 154—156; *Lepszy K. Walka stronnictw...*, s. 24—25.

чен мир с Россией, но не добились успеха⁹⁵. 23 августа попытка была повторена, но безрезультатно⁹⁶.

В этих условиях литовские сенаторы и присоединившаяся к ним литовская шляхта 23 августа самостоятельно начали от имени Речи Посполитой⁹⁷ переговоры с русскими послами о мире. Думается, русские послы понимали, что литовская делегация⁹⁸ неправомочна заключать договоры такого рода. Однако в условиях, когда избрание царя натолкнулось на серьезные трудности и элекция могла завершиться победой шведского кандидата, русская сторона также была заинтересована в заключении соглашения, которое могло стать препятствием на пути вовлечения Речи Посполитой в новую войну на Востоке. В результате уже к концу первого дня переговоров была достигнута договоренность о заключении долгосрочного перемирия между государствами⁹⁹. Затем в переговорах по просьбе литовцев наступил перерыв, который им был нужен для того, чтобы в последний раз попытаться добиться присоединения к соглашению хотя бы части феодалов Короны. С этой целью в лагерь Я. Замойского, а затем и Зборовских снова отправились литовские представители, но и на этот раз их попытка оказалась безрезультатной¹⁰⁰. Руководителям Великого княжества ничего не оставалось, как самостоятельно продолжать начатую политическую акцию. 26 августа они подписали с русскими послами договор о 15-летнем перемирии между Россией и Речью Посполитой¹⁰¹.

Одновременно русским послам был передан текст письма, разосланного по поветам Великого княжества. В нем собравшиеся под Варшавой сенаторы и шляхта извещали о принятом ими решении: великим князем литовским бу-

⁹⁵ Dyaryusze..., s. 141—142.

⁹⁶ Ibid., s. 156.

⁹⁷ Характерно, что в переговорах приняли участие литовские сенаторы, поддержавшие разных кандидатов на трон,— К. Радзивилл и Я. Глебович, с одной стороны, несвижские Радзивиллы — с другой (ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 305 об.).

⁹⁸ Кроме литовцев, в переговорах участвовал лишь украинский магнат князь Януш Збаражский, который не поставил своей подписи под текстом соглашения.

⁹⁹ Там же, л. 307 об.— 309 об.

¹⁰⁰ Dyaryusze..., s. 157.

¹⁰¹ Текст договора см.: Щербатов М. М. История российская..., т. VI, ч. II, с. 163—166.

дет признан только тот кандидат, кто предварительно даст обязательство не только соблюдать договор о перемирии, но и стараться о заключении «вечного мира» с Россией. Тот из жителей Великого княжества, кто решится принести будущему королю присягу до того, как последний утвердит русско-литовский договор, будет наказан смертью¹⁰². Это письмо было для русской стороны своеобразной гарантией того, что заключенное с литовскими феодалами соглашение будет утверждено новым правителем Речи Посполитой по окончании третьего «бескоролевья».

Хотя с точки зрения права соглашение было незаконным, оно все же создавало некоторое препятствие на пути осуществления планов военной экспансии на Восток. Поэтому его можно считать известным достижением русских дипломатов, которые решились подписать подобный договор, несмотря на то, что такой шаг не был предусмотрен их инструкциями. Для феодалов Великого княжества договор также был выгоден, поскольку не только прикрывал восточную границу от возможного нападения в период вооруженной борьбы между сторонниками Сигизмунда и Максимилиана, но и давал им возможности для борьбы за сохранение длительного мира в Восточной Европе.

Переговоры о заключении мирного соглашения составляли лишь одну сторону русско-литовских контактов на последнем этапе элекции. Как известно, действия сторонников Максимилиана и Сигизмунда, нарушавших установленные правовые нормы, вызвали недовольство не только магнатов и шляхты Великого княжества, но и значительной части коронных феодалов, покинувших оба лагеря. Соединившись между собой, эти группировки стали значительной политической силой, не уступавшей двум соперничавшим партиям¹⁰³. 23 августа посланцы этой «третьей силы» обратились к обоим лагерям с предложением отменить «номинации» обоих кандидатов¹⁰⁴ и приступить к подготовке условий для проведения «нормальной» элекции¹⁰⁵. Когда это предложение не было приня-

¹⁰² Текст письма опубликован: *Щербатов М. М. История российская...*, т. VI, ч. II, с. 168—169.

¹⁰³ *Lepszy K. Walka stronnictw...*, s. 23—25.

¹⁰⁴ *Dyaryusze...*, s. 155—156.

¹⁰⁵ О таком плане выхода из кризиса сообщали 23 августа русским послам литовские сенаторы.— ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 307 с об.

то, 25 августа собравшиеся в «третьем» лагере магнаты и шляхта огласили «протестацию», в которой «номинации» Максимилиана и Сигизмунда были объявлены незаконными¹⁰⁶. Тогда же по «повстам» были разосланы «универсалы», в которых, информируя шляхту о создавшейся ситуации, предводители «третьего» лагеря предлагали созвать 16 сентября поветовые сеймики для установления места и времени нового элекционного сейма¹⁰⁷. Содержащиеся в «протестации» утверждения, что эрцгерцог Максимилиан был избран «силой», когда его противники на время вышли из кола, в то время как на поле по праву должен был остаться Великий князь Московский («имея за себя так много голосов и с такой большой выгодой и прибавлением для Короны»), не оставляют сомнений, какую кандидатуру намерены были собравшиеся в «третьем» лагере шляхтичи поддерживать с наступлением новой элекции.

Накануне отъезда русских послов из-под Варшавы, 27 августа вечером, их посетили два первых светских сенатора Литвы — виленский воевода К. Радзивилл и троцкий воевода Я. Глебович¹⁰⁸. Информировав послов о сложившейся ситуации, они заверяли, что собравшиеся под их руководством поляки и литовцы не допустят коронации Максимилиана или Сигизмунда и добьются новой элекции. Поэтому они просили, чтобы царь, если он хочет быть избранным, прислал в Речь Посполитую свое посольство с разъяснениями по вопросу о «вере» и с указанием точного срока, когда избранный монарх может прибыть в Речь Посполитую. Одновременно они настоятельно рекомендовали, чтобы царь не поддерживал кандидатуру эрцгерцога, так как «цысарева брата и помянути ниhto у нас не хочет» и поддержка этого непопулярного кандидата может нанести ущерб лишь позициям самого царя. Этому вопросу литовские магнаты придавали столь большое значение, что в своих «речах» перечислили едва ли не все основные доводы, выдвигавшиеся шляхтой против канди-

¹⁰⁶ О сохранившихся экземплярах «Протестации» см. в предшествующем разделе.

¹⁰⁷ Тексты «универсала»: ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 336—338; Там же, ф. 389 (Литовская метрика), кн. 65, л. 236 с об.

¹⁰⁸ Запись их речей: Там же, ф. 79, кн. 18, л. 318—321 об.; см. также: Соловьев С. М. История России..., кн. IV, с. 225—226.

датуры Габсбурга. Действия литовских сенаторов были, несомненно, их реакцией на заявления русских послов, которые во время переговоров 15—20 августа, следуя инструкциям, рекомендовали избирателям эрцгерцога Максимилиана, если те не захотят выбрать царя¹⁰⁹. Кроме того, на них, по-видимому, действовали распространявшиеся «проавстрийскими» политиками сообщения, что царь готов оказать Максимилиану военную помощь при его утверждении на польском троне¹¹⁰. Думается, именно эти последние сообщения и побудили сенаторов так остро формулировать свои взгляды, чтобы не допустить военного вмешательства России в борьбу за польский трон. Ясно также, что одной из целей их визита было обеспечить безопасность страны в период политического кризиса в Речи Посполитой, для чего следовало убеждать царя, что его выбор еще возможен.

При оценке высказываний сенаторов следует иметь в виду всю совокупность сложившейся ситуации. «Проавстрийский» лагерь был слишком слаб, чтобы рассчитывать на победу, а сильная «прошведская» группировка могла в решающий момент оказаться без кандидата (существовали опасения, что шведский король в условиях политического раскола и гражданской войны в стране не решится отпустить сына за море). В такой ситуации новая элекция, на которой московского кандидата могли поддержать влиятельные группировки и в Литве, и в Короне, была вполне реальной перспективой, и литовские политики учитывали это в своих планах. Более того, внимательный анализ их «речей» показывает, что литовские сенаторы не только серьезно думали об избрании царя, но и находили сложившееся положение подходящим для возвращения к своим первоначальным планам сепаратного «вынесения» нужного кандидата и восстановления Великого княжества в его первоначальных границах. Так, сенаторы снова поставили перед русскими послами вопрос: если «Литва и Киев и Волынь и Подолье и Подлясье и Мазовша» отделятся от Польши, то «государь ваш нас

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 284—285, 303; Dyaryusze..., s. 213.

¹¹⁰ См. сообщение Спытка Йордана о его беседе с русскими послами (Ibid., s. 213). Поскольку его высказывания не подтверждаются русской записью, их следует расценивать как тенденциозный вымысел «проавстрийской» партии.

возмет ли и на Литве у нас опричь Польши государем будет ли и за нас мочью своею станет ли».

По-видимому, ситуация, сложившаяся после элекции, когда царь мог добиться трона лишь в сотрудничестве с литовскими феодалами, а господствующий класс Короны окончательно раскололся на ряд враждебных группировок, представлялась литовским магнатам благоприятной для реализации своего проекта. Предлагая прислать русских представителей на съезд Великого княжества в Вильне, сенаторы советовали одновременно направить гонцов к Янушу Збаражскому и Константину Острожскому. Это наводит на мысль, что выбранный политическими руководителями Литвы курс был определенно согласован с украинскими магнатами, интересам которых он также соответствовал.

Таким образом, двойная элекция не привела к автоматическому снятию кандидатуры царя Федора на польский трон. Достаточно сильные группировки в обеих частях Речи Посполитой продолжали ее поддерживать. В этих условиях русскому правительству предстояло определить свою дальнейшую политическую линию. О принятом решении дают понятие инструкции Е. Ржевскому и З. Связеву, которых во 2-й половине октября 1587 г. было решено снова направить в Речь Посполитую¹¹¹⁻¹¹². Хотя посланники получили предписания согласовывать свои действия с главными руководителями Великого княжества, прежде всего с виленским воеводой К. Радзивиллом¹¹³, русское правительство далеко не во всем приняло план действий, предложенный литовскими магнатами. Правда, оно молчаливо отказалось от поддержки австрийского кандидата¹¹⁴, посланники получили полномочия просить сенаторов и шляхту обеих частей Речи Посполитой поддержать кандидатуру царя на элекции и обещать значительные денежные суммы на защиту страны от «неприятелей»¹¹⁵. Однако одновременно посланники должны

¹¹¹⁻¹¹² Одновременно через Чернигов был отправлен гонец к К. Острожскому и Я. Збаражскому (Там же, л. 446 с об.), но материалы этой миссии в посольских книгах не сохранились.

¹¹³ Там же, л. 407 об., 430 об., 435 об., и др.

¹¹⁴ Посланники не получили указаний способствовать утверждению Максимилиана в Речи Посполитой.

¹¹⁵ Там же, л. 356, 357 об., 386 об., 448—450 об.

были заявить, что не может быть и речи ни о смене царем вероисповедания, ни о его коронации по «римскому закону», ни о приезде царя в Речь Посполитую в условиях, когда «вы ныне не одного государя себе обрали»¹¹⁶. Если польские и литовские феодалы хотят выбрать царя, они должны, соединившись между собой, направить в Москву «великих» послов «от обеих земель»¹¹⁷. На таком решении вопроса посланники должны были решительно настаивать, заявляя: если «государя нашего на те великие государства не оберете, и то на вашей воле, а государю нашему иначе делати невозможно»¹¹⁸. Таким образом, русское правительство не только не желало идти на уступки по спорным вопросам¹¹⁹, но и навязывало польско-литовским политикам такую процедуру ведения переговоров, которая ставила противную сторону в подчиненное положение и была поэтому отвергнута польско-литовской стороной еще перед наступлением элекции. По-видимому, русские политики полагали, что в условиях гражданской войны в стране, когда влиятельные силы в Речи Посполитой видят выход из политического кризиса в избрании царя, можно более решительно добиваться формального признания руководящей роли России в будущем объединении.

Вместе с тем русское правительство с большой осторожностью подходило к создавшейся ситуации. Так, миссия Е. Ржевского и З. Свиязева носила предварительный характер, им не было дано полномочий для заключения каких-либо соглашений. Одновременно посланникам вменялось в обязанность выяснить у польско-литовских представителей, «на какове мере, у вас, у всей земли... о обирание государском станет в договоре»¹²⁰. Аналогичный подход обнаруживается и при рассмотрении в инструкциях вопроса о сепаратном «вынесении» царя на литовский

¹¹⁶ Там же, л. 356 об., 402 об., 449 об.—450; Соловьев С. М. История России..., кн. III, с. 226.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 369 об., 449—450 об.

¹¹⁸ Там же, л. 451 об.

¹¹⁹ Как единственную уступку можно отметить обещание царя «ехати на те государства коруноватися», т. е. согласие на коронацию в Речи Посполитой, но при этом отмечалось, что царь поедет «по своей государской воле, как ему... время будет» (Там же, л. 450—450 об.).

¹²⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 451.

трон. Посланники не должны были по собственной инициативе ставить этот вопрос, а в случае, если бы литовские представители сами стали говорить о сепаратной элекции, посланники должны были постараться выяснить у них, «каким обычаем вам быти под государя нашего рукою». Только после выяснения этой стороны дела царь был готов продолжить переговоры об отдельном соглашении с Великим княжеством¹²¹. Обсуждение русских предложений на элекции, по-видимому, вызвало у русских политиков опасения, что предложенные польско-литовскими феодалами условия унии могут оказаться для России неприемлемыми. Поэтому, вероятно, и было признано необходимым еще раз выяснить польско-литовские условия, прежде чем переходить к более решительным политическим акциям.

Когда русские посланники в ноябре 1587 г. прибыли на территорию Великого княжества, положение в Речи Посполитой существенно изменилось по сравнению с заключительным этапом элекции. Осенью 1587 г. оба претендента на трон, эрцгерцог Максимилиан и шведский принц Сигизмунд Ваза, прибыли на польские земли. Между их сторонниками началась вооруженная борьба за власть, перевес в которой с самого начала стал склоняться на сторону шведского кандидата, так как его поддерживала подавляющая часть принявших участие в борьбе коронных сенаторов и шляхты. В начале декабря 1587 г. шведский принц въехал в Краков, а эрцгерцог начал под натиском войск противника поспешно отступать к западной границе. Это означало фактическую победу Сигизмунда Вазы, власть которого в декабре 1587 г. уже распространилась на основную массу земель Короны¹²².

В этих условиях начался открытый переход литовских феодалов на сторону шведского кандидата. На поклон к нему отправились сенаторы из Жемайтии — жмудский староста Ян Кишка, жмудский каштелян М. Талвош и епископ М. Гедройц, а также литовский канцлер О. Воллович¹²³, открыто нарушив тем самым решения созванных осенью 1587 г. съездов Великого княжества, которые

¹²¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 452 об.— 455.

¹²² Подробный очерк борьбы обоих лагерей осенью 1587 г. см.: *Lepszy K. Walka stronnictw..., roz. II—IV.*

¹²³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 478.

объявили незаконными выборы обоих претендентов¹²⁴. Правда, одновременно росло возмущение литовской шляхты действиями стоявших за спиной обоих претендентов магнатских группировок, соперничество которых вовлекло страну в войну¹²⁵. В связи с этим в среде литовской шляхты росли надежды на то, что выбор царя будет способствовать выходу страны из кризиса и прекращению конфликтов¹²⁶. На собравшемся в декабре 1587 г. съезде Великого княжества в Брест-Литовске значительная часть шляхты активно поддерживала кандидатуру Федора¹²⁷. Однако в условиях фактической победы Сигизмунда в Короне такая политическая линия означала разрыв унии между Польшей и Литвой, а на это литовские феодалы пойти не могли. В итоге кандидатура царя была снята с обсуждения и съезд постановил направить к Сигизмунду Вазе посольство для переговоров об условиях его признания Великим княжеством¹²⁸.

В такой ситуации литовские сенаторы не стали вести переговоров с русскими посланниками, ограничившись передачей им письменного ответа на царские грамоты. В своем послании, констатируя, что выбор царя в настоящее время невозможен, литовские сенаторы — участники съезда в Бресте — одновременно заверяли, что они будут выполнять условия русско-литовского договора о перемирии и добьются их признания новым государем¹²⁹. На этом закончились дипломатические контакты между Россией и Речью Посполитой в период третьего «бескоролья».

Таким образом, хотя к 1587 г. у русского правительства, с одной стороны, и у ряда политических группировок Речи Посполитой — с другой, сложились четкие и развернутые программы политического переустройства Восточной Европы, кардинально расходившиеся между собой, в течение третьего «бескоролья» дело так и не

¹²⁴ Решения Виленских съездов осени 1587 г. см.: *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Юрьев, 1911. Приложения, с. 220—228.

¹²⁵ «Паны-рада привели себе дву государей по посулам... и кровь меж их льетца от них» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 596 об.).

¹²⁶ Там же, л. 468 об., 596 об.

¹²⁷ Там же, л. 488 с об.

¹²⁸ Там же, л. 488 об., 491—491 об.

¹²⁹ Текст послания: Там же, л. 514—518.

дошло до полной и всесторонней конфронтации этих программ. В результате обе стороны не могли себе представить всей глубины разногласий между ними и после окончания «бескоролевья» продолжали считать, что постигшая их неудача вызвана случайными обстоятельствами, неблагоприятным соотношением сил в данный момент и что в иных условиях их планы могут быть реализованы. Так, изучение материалов Посольского приказа ясно показывает, что в конце 80-х — начале 90-х годов XVI в. в случае наступления новой элекции русское правительство было готово снова выставить кандидатуру царя Федора на польский трон¹³⁰. Действия литовских сенаторов на последнем этапе элекции также свидетельствуют, что политические руководители Великого княжества считали возможным соглашение с царем на предложенных ими условиях.

Эти расчеты имели, однако, значение прежде всего для долгосрочного планирования внешней политики обоих государств. На первый план после окончания третьего «бескоролевья» выступили иные политические проблемы. Победа в борьбе за польский трон шведского кандидата была победой тех группировок польских феодалов, которые толкали Речь Посполитую на путь военной экспансии на Востоке. Обеспечив себе поддержку нового правителя — открытого противника России, они были намерены с его помощью перейти к осуществлению тех планов, которые не могли быть проведены в жизнь из-за смерти С. Батория. На этом пути группировки, объединявшиеся вокруг Я. Замойского, ждала упорная борьба с теми силами в стране, прежде всего феодалами Великого княжества, которые были заинтересованы в сохранении длительного мира в Восточной Европе. К рассмотрению хода этой борьбы и ее результатов мы теперь и переходим.

¹³⁰ См. об этом подробнее: *Floria B. Rosyjska kandydataura na tron polski u schyłku XVI wieku.* — *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, XVI. Warszawa, 1971, s. 89—94.

Речь Посполитая между миром и войной (1588—1590 гг.)

Первое столкновение двух направлений в восточной политике Речи Посполитой произошло в январе 1588 г., когда на созванный в Варшаве коронационный сейм прибыла делегация Литвы и предложила Сигизмунду условия, на которых Великое княжество согласно принять шведского принца на литовский трон¹. В их числе были обязательства будущего короля подтвердить русско-литовский договор о перемирии, добиваться заключения «вечного мира» между Россией и Речью Посполитой².

Сигизмунд и его шведские советники прибыли из Стокгольма, как отметил современный наблюдатель, «горя желанием начать войну с Московитом и с помощью поляков расширить свое государство»³. Понятно поэтому, что просьба о подтверждении русско-литовского договора была для них неприемлемой. Обстановка еще более осложнилась тем, что отрицательная позиция короля получила полную поддержку собравшихся на сейме коронных политиков. Это неудивительно, если учесть, что на сейме, созванном в условиях вооруженной борьбы между сторонниками претендентов на трон, господствующей группировкой были сторонники Я. Замойского⁴. На совещании 13 января 1588 г. коронные сенаторы решили оказать королю поддержку, выслав «депутатов» на переговоры с литовскими представителями⁵. В центре аргументации коронных сенаторов стоял традиционный еще

¹ Dyaryusz sejmu koronacyjnego 1588 roku (далее — Dyaryusz), AGAD, Archiwum publiczne Potockich, N 6, k. 274.

² Czart., 99, N 13.

³ Dyaryusz..., k. 285.

⁴ *Lepszy K.* Walka stronniectw w pierwszych latach panowania Zygmunta III. Kraków, 1929, roz. VII.

⁵ Dyaryusz..., k. 274.

для «баторианского лагеря» тезис о военно-политической слабости Русского государства. Сейчас Россия слаба, подчеркивали коронные политики, государь неспособен к правлению, между вельможами распри, земля опустошена, а за 15 лет мира положение может измениться к невыгоде Речи Посполитой⁶. Речь Посполитая, наоборот, усилилась благодаря союзу со Швецией. Соединив вместе шведскую пехоту и польскую конницу, можно считать победу над Россией обеспеченной. В этих условиях заключение мирного договора на условиях «status quo» есть дело неразумное и вредное для интересов Речи Посполитой⁷. Наряду с этим в рассуждениях коронных политиков прослеживается и ряд доводов иного порядка. Так, указывалось, что, поскольку Московский «ad maxima angustas приведен», можно было бы теперь при мирных переговорах добиться от него существенных уступок, в то время как с подтверждением русско-литовского договора такая возможность была бы утрачена. Правда, после нескольких лет бесплодных переговоров надежды добиться от России уступки пограничных областей могут показаться необоснованными, но следует учитывать, что уния со Швецией давала возможности дополнительного давления на русское правительство.

Наличие в рассуждениях, исходивших от коронной стороны, двух различных точек зрения не было случайным. Как показал К. Лепши, на сейме среди коронных сенаторов и послов сложились две различные политические группировки, заметно расходившиеся между собой в подходе к ряду проблем внутренней и внешней политики Речи Посполитой,— сторонники Я. Замойского (из числа главным образом малопольских феодалов) и группировка примаса С. Карнковского и коронного маршалка А. Опалиньского, база которой находилась в Великой Польше⁸. Поскольку сторонники Я. Замойского стояли за войну, то вторую точку зрения, близкую к планам сенаторов времен С. Батория, следует приписать представителям великопольской группировки. Точка зрения «замойчиков» в начале 1588 г. доминировала.

⁶ Dyaryusz..., k. 281—282.

⁷ Ibid., k. 282.

⁸ *Lepszy K. Walka...*, roz. IV—V, VIII—IX.

В центре аргументации литовских политиков стоял также традиционный для их выступлений второй половины XVI в. тезис, что Великое княжество больше не может вести долгих и разорительных войн с Россией. За время кампаний С. Батория, указывали литовские представители, страна так разорена, что владельцы имений «должны были давать подданным своим свободу [от повинностей] одним до десяти, другим до пятнадцати лет в тех имениях, где были солдаты». Если война возобновится, Литва снова обратится в «*sedes belli*», что означает новое разорение их владений⁹.

При таких различиях в оценке ситуации возможность соглашения с самого начала была затруднена. Коронные политики не могли давать своим партнерам каких-либо гарантий того, что в будущей войне территория Литвы не пострадает, а на тех в свою очередь не производили впечатления рассуждения о том, что победа над Россией будет быстрой и легкой.

Кроме того, представители Великого княжества с самого начала заявили, что они связаны инструкциями съезда, от которых не могут отступить¹⁰. В результате ряд встреч представителей сторон с 14 по 20 января закончился безрезультатно. Затем в дискуссию снова включился король Сигизмунд, но и ему ничего не удалось добиться от литовских феодалов¹¹. 26 января делегация Великого княжества попросила у Сигизмунда прощальной аудиенции¹². В условиях, когда шла гражданская война со сторонниками Максимилиана, за спиной которого стояли Габсбурги, Сигизмунд и коронные политики не могли идти на разрыв с Литвой¹³. Посредником между Сигизмундом и делегатами Великого княжества выступил А. Опалиньский, который убедил короля подтвердить мирный договор, указывая, что без согласия «станов коронных» этот акт все равно не будет юридически правомочным. В итоге Сигизмунд «этот мир подписал». После этого в ночь на 28 января литовские сенаторы принесли

⁹ Dyaryusz..., k. 282.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid., k. 285.

¹² Ibid., k. 287—288.

¹³ Об этом прямо пишет составитель «Dyaryusza» — лицо, близкое к А. Опалиньскому.

присягу королю¹⁴. На следующий день Я. Глебович с удовлетворением писал К. Радзивиллу: «Все так решилось, как лучше всего могло бы быть решено»¹⁵. Однако когда 28 января в Варшаву прибыли официальные сообщения о победе под Бычиной над сторонниками Максимилиана, настроение участников сейма резко изменилось к невыгоде для литовцев¹⁶.

В новой ситуации не могло быть и речи об одобрении мирного договора Короной. Посольская изба не приняла ни одного из предложений Великого княжества, отложив решение всех спорных вопросов до следующего сейма¹⁷. Сигизмунд III также стал уклоняться от выполнения своей присяги. В окружении короля преобладали воинственные настроения. «Гневаемся на Москву, хотим ее бить, только бы сила была», — писал литовским сенаторам, прося о вмешательстве, Л. Сапега¹⁸. Весной 1588 г. Сигизмунд III обратился к римской курии с просьбой предоставить ему субсидии для осуществления планов, намеченных покойным королем Стефаном¹⁹. Сложившееся положение энергично пыталась использовать шведская дипломатия. Юхан III уже осенью 1588 г. обратился к польским и литовским сенаторам с проектом созыва в Таллине съезда для выработки согласованной политики обоих государств по отношению к России²⁰. С помощью сына он рассчитывал взять в свои руки руководство внешней политикой Речи Посполитой и направить ее в нужном для Швеции направлении²¹. Сторонники войны столкнулись, однако, с серьезными трудностями внутри страны.

¹⁴ Dyaryusz..., k. 289.

¹⁵ AR, V, N 5520.

¹⁶ Dyaryusz..., k. 292.

¹⁷ *Lepszy K. Walka...*, s. 123—124.

¹⁸ Письмо Л. Сапеги к К. Радзивиллу от 13 марта 1588 г. — *Archiwum domu Radziwiłłów. Kraków, 1885, s. 191.*

¹⁹ *Nanke Cz. Z dziejów polityki kurii rzymskiej wobec Polski (1587—1589). Lwów, 1921, s. 179.*

²⁰ Текст грамоты Юхана III литовским сенаторам см.: ГПБ, Авт. 124, № 67; грамота польским сенаторам: *Czart., rkp. 2234, k. 127—128.*

²¹ Подробнее о планах Юхана III см.: *Lepszy K. Rzeczpospolita polska w dobie sejmu inkwizycyjnego (1589—1592). Kraków, 1939, s. 35—36.*

Выявившееся в ходе споров на коронационном сейме упорное сопротивление Великого княжества планам войны с Россией заставило, по-видимому, часть коронных политиков всерьез задуматься над реальностью этих планов. Их осуществление вело к серьезному внутреннему конфликту в стране, тем более что сражение под Бычиной, положив конец внутривполитической борьбе, привело к осложнению международного положения: Габсбурги разорвали отношения с Речью Посполитой. В результате на совещании короля с сенаторами Великой Польши в Петркове 14—18 октября 1588 г.²² архиепископ Гнезненский охарактеризовал заключение мира с Россией как дело важное «pro bono et publico»²³. Того же мнения был и А. Опалиньский²⁴. В перечень вопросов для будущего сейма был включен пункт «об утверждении мира с Московитом и Татаринном»²⁵. В том же духе был, по-видимому, изготовлен и проект инструкции на предсеймовые сеймики²⁶. Однако на встрече короля с малопольскими сенаторами в Люблине Я. Замойский подверг резкой критике составленный в Петркове проект инструкции, в том числе и разделы, относящиеся к России²⁷. В Люблине был составлен новый текст инструкции, разосланный на сеймики в начале декабря 1588 г.

Этот документ начинался упоминанием о перемирии, заключенном литовскими сословиями с Россией, текст которого они передали королю с просьбой о подтверждении. Затем составители инструкции обращали внимание шляхты на то, что никаких дальнейших переговоров между государствами не было, в то время как состояние отношений между ними вызывает самые серьезные опасения. Русские войска нарушают границу в Ливонии, захватили пограничные земли на Остре. При первом удобном случае Россия может напасть на Речь Посполитую и поэтому шляхта может считать себя не связанной заключенным соглашением. Далее составители инструкции недвусмыс-

²² «Диариуш» съезда в Петркове.— BOZ, 1708.

²³ Ibid., k. 141 v.

²⁴ Ibid., k. 148 v.

²⁵ Czart., 97, N 197, s. 819.

²⁶ Распоряжение короля о составлении этого документа: BOZ, 1708, k. 148.

²⁷ Письмо М. Лесновольского к А. Опалиньскому, от 18 ноября 1588 г.— Czart., 93, s. 871.

ленно указывали, что «теперь для Речи Посполитой самое подходящее время [выступить] против них», но уклонялись от окончательного заключения, предоставляя решение вопроса о войне или мире с Россией всецело на усмотрение сословий²⁸.

Указание на «подходящее время» ясно показывает главную цель составителей инструкции — вовлечь страну в новую войну на востоке, для чего нужно было предварительно добиться отмены русско-литовского договора. Поскольку в королевской инструкции нельзя было открыто подвергнуть сомнению юридическую правомерность договора, который сам король обязался соблюдать, авторы инструкции были вынуждены перенести центр своей аргументации в другую плоскость. Подборка фактов о враждебных действиях русского правительства должна была убедить шляхту, что, поступая подобным образом, оно как бы само аннулировало договор. Так как в действительности русское правительство стремилось к сохранению мира с Речью Посполитой и подобный тезис явно не соответствовал действительности, то выбор такого метода аргументации побуждал возводить мелкие пограничные инциденты в ранг крупных событий²⁹.

Сопоставление решений съездов в Петркове и в Люблине показывает, что великопольская и малопольская магнатерия разошлись в определении политического курса по отношению к России. Решения сеймиков 1589 г. позволяют точнее представить характер разногласий и расстановку политических сил в Коропе. Сеймик воеводств Познанского и Калишского³⁰ подверг критике действия литовских представителей, которые не имели права заключать мирный договор с Россией от имени Речи Посполитой. Поскольку литовские представители поступили незаконно, то и заключенный ими договор не является обязательным для Речи Посполитой. Вместе с тем великопольская шляхта указывала, что нет оснований

²⁸ BOZ, 1809/I, k. 91—91 v.

²⁹ Стоит отметить, что в инструкциях ливонской шляхты своим послам на сейм (26 января 1589 г.) ничего не говорится о каких-либо нападениях с русской стороны и, наоборот, имеется целый ряд жалоб на захват пограничных территорий шведами (AR, II, N 223).

³⁰ Akta sejmikowe wojewódstw Poznańskiego i Kaliskiego, t. 1, cz. 1. Poznań, 1957, s. 76.

опасаться войны со стороны России, поскольку она заключила мирный договор с Литвой. Сопоставление этих решений с высказываниями великопольских сенаторов в Петркове позволяет уточнить позицию феодалов Великой Польши. Они были за сохранение мира с Россией, но этот мир вовсе не должен был основываться на русско-литовском договоре. По-видимому, речь шла об организации новых мирных переговоров, на которых следовало попытаться добиться от России уступок, как это было сформулировано частью коронных сенаторов на коронационном сейме 1588 г.

Позицию великополян интересно сопоставить с постановлениями Сандомирского воеводства. Сандомирская шляхта, предлагая королю и сенаторам обсудить вопрос о войне (или мире) с Россией, обращала внимание своих послов на то, чтобы «не было дано никакого повода к тому, чтобы нас ославили как людей, жаждущих пролития христианской крови», и рекомендовала направить в Москву послов с требованием возвращения потерянных Великим княжеством областей и возмещения ущерба, нанесенного при пограничных нападениях³¹. Таким образом, сандомирская шляхта также выступала за аннулирование русско-литовского договора, но определенно отмежевывалась от планов войны, выдвигая на первый план дипломатические средства воздействия. Следовательно, даже в Малой Польше часть шляхты одобряла скорее программу великополян. Если к этому добавить, что ряд воеводств Центральной Польши (Ленчицкое, Брест-Куявское и Иновроцлавское) в своих постановлениях обошли вопрос об отношениях с Россией молчанием³², явно не поверив утверждениям о серьезной опасности со стороны восточного соседа, то можно констатировать, что на землях Короны правительству удалось добиться в лучшем случае половинчатого успеха. Значительная часть шляхты, отвергая русско-литовский договор, склонялась к принятию программы великопольских политиков, предусматривавших средства дипломатического давления на Россию³³.

Еще хуже с этой точки зрения обстояло положение в Великом княжестве. Главный съезд Великого княжества,

³¹ BOZ, 1203, k. 121—121 v.

³² Ibid., k. 128, 132.

³³ Ср. несколько иную оценку (*Lepszy K. Walka...*, s. 180—181).

собравшийся в феврале 1588 г. в Слониме, предписал своим послам добиваться подтверждения русско-литовского 15-летнего договора с тем, чтобы «за это время стараться всеми способами о заключении вечного мира»³⁴. В Литве, следовательно, правительственная программа потерпела полную неудачу. Прямым следствием неуспеха предсеймовой кампании явилось то обстоятельство, что в королевской пропозиции, зачитанной на сейме 7 марта 1589 г., отсутствовали предложения каких-либо мер, направленных против России³⁵.

Сдержанное отношение (и даже нежелание) значительной части коронной шляхты обсуждать выработанные в окружении Я. Замойского планы войны, в немалой мере объяснялось тем, что перед страной стоял до сих пор неурегулированный конфликт с Габсбургами. В той же инструкции на сеймики излагалась просьба правительства предоставить средства для ведения войны, если на переговорах с представителями императора не удастся прийти к соглашению.

Однако амбициозные планы императора Рудольфа II, намеревавшегося силой взять реванш за поражение и плен эрцгерцога Максимилиана, не получили поддержки сословий (прежде всего чешских), отказавшихся предоставить средства на войну с Речью Посполитой³⁶. В итоге Рудольфу II пришлось пойти на уступки. 8 марта 1589 г. в Бендзине был подписан договор на условиях, продиктованных главой делегации Речи Посполитой Я. Замойским³⁷. По его настоянию в договор вошло условие, по которому Габсбурги обязывались не оказывать никакой помощи России в случае конфликта между ней и Речью Посполитой³⁸.

Происшедшие изменения, по времени почти совпавшие с началом работ собравшегося в Варшаве сейма, означали резкое улучшение ситуации в пользу сторонников войны. Действительно, после заключения мира с Габсбургами в значительной мере отпадали опасения, побуждав-

³⁴ AR, II, N 204.

³⁵ Racz., N 233, k. 33.

³⁶ *Macûrek J. Čechové a poláci v druhé polovině XVI století.* Praha, 1948, roz. III, § 1—2.

³⁷ *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, roz. I.

³⁸ *Macûrec J. Dozvuký polského bezkráloví roku 1587.* Praha, 1929, s. 17, 31.

шие шляхту отмежевывать от войны на Востоке перед лицом неурегулированных конфликтов на Западе. На сейме вопрос о войне с Россией стал одной из основных тем дискуссии. Как сообщал нунций в Рим, коронные сенаторы предлагали объявить войну России, используя для этого войска и средства, собранные на случай разрыва польско-австрийских переговоров. Указание нунция, что этого мнения придерживалась «большая часть польских сенаторов», позволяет думать, что, хотя в целом влияние политиков, близких к Я. Замойскому, в сенате возобладало, полного единодушия все же не было. Выдвинутое предложение вызвало возражения литовских сенаторов, ссылавшихся на разорение, которое приносит Литве война, и указывавших, что для них договор с Россией является обязательным, поскольку они его скрепили своими подписями и печатями³⁹. На этом сведения о работе сейма обрываются.

Последующая депеша нунция от 25 апреля⁴⁰ и краткие записи о сейме в одном из рукописных сборников собрания Чарторыйских⁴¹ сообщают уже о принятых решениях. Сейм постановил направить в Москву «великих» послов с требованием вернуть территории, некогда принадлежавшие Великому княжеству Литовскому: Смоленск и Северскую землю. Послы должны быть отправлены из Люблина, куда по окончании работ сейма направились король и часть сенаторов⁴². В зависимости от полученного ответа вопрос об отношениях с Россией должен был решаться на следующем сейме.

Решения явно носят характер компромисса между двумя группировками коронных феодалов. Сторонники Я. Замойского приняли план действий великопольских политиков, а те дали заверение, что, если их план не увенчается успехом, они согласятся на войну. Вынужденное согласие Литвы на эти решения было, вероятно, следствием того, что в 1589 г. главные группировки коронных феодалов договорились между собой о политике по

³⁹ См. депешу нунция от 27 марта 1589 г.— *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*. Roma, 1861, t. III, s. 130; *Listy Annibala z Kapui*. Warszawa, 1852, s. 190.

⁴⁰ *Vetera monumenta...*, t. III, s. 135; *Listy Annibala...*, s. 205—207.

⁴¹ *Czart.*, 2234, k. 119.

⁴² О пребывании короля и сенаторов в Люблине см.: *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 9—12.

отношению к России. Показательно, что часть сенаторов и шляхетские послы предложили не сдавать вотированные налоги в королевскую казну, где они могли быть растрачены на разные нужды, а поместить их на хранение у выборных представителей в воеводствах, «чтобы иметь готовую сумму на случай войны с Москвой». Сама постановка этого вопроса ясно говорит, что большинство представителей Короны хорошо понимало, что принятые решения ведут к войне.

Вместе с тем, дав согласие на встречу в Таллине короля с его отцом, сейм не принял никаких решений о возможных условиях союза между Швецией и Речью Посполитой, в чем сказалось, как представляется, и пренебрежительное отношение шляхты к военным возможностям шведского королевства, и стремление не допустить усиления этого государства за счет России. Интересы господствующего класса Речи Посполитой, желавшего укрепить свои позиции за счет шведского королевства, и шведских политиков серьезно расходились. Этими разногласиями, вероятно, следует объяснить тот факт, что вопреки решениям сейма ни из Люблина, ни из Вильно, где король совещался с сенаторами перед выездом в Таллин, так и не было отправлено намеченное посольство в Москву. Вероятно, король хотел перед отъездом послов получить советы от Юхана III, что позволило бы в какой-то мере согласовать эту дипломатическую акцию со шведскими интересами. Тем временем летом 1589 г. на Речь Посполитую обрушился страшный татарский набег, что явилось началом серьезного обострения в отношениях между Речью Посполитой и Турцией. В этих условиях ждать уступок от России было явно нереально, и неудивительно, что решение о посольстве в Москву было молчаливо отменено, а на съезде в Таллине сенаторы отказались обсуждать со шведским королем вопрос о союзе против России ⁴³.

Для кругов, группировавшихся вокруг Я. Замойского, столкновение с Турцией было лишь досадной отсрочкой. Они постарались вернуться к своим планам, как только наступил благоприятный момент. Уже поздней осенью

⁴³ Подробную характеристику международного положения Речи Посполитой летом — в начале осени 1589 г. см.: *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, roz. III.

1589 г., когда обозначились первые признаки разрядки в отношениях с Турцией, Я. Замойский предложил королю после заключения мира с Турцией обратить против России набранную на случай войны армию. Наряду с другими доводами канцлер использовал и следующий, звучавший наиболее весомо для Сигизмунда III: сведения о военных приготовлениях в России, направленных против Швеции⁴⁴. Ход оказался удачным: король солидаризовался с его планами, и Я. Замойский получил полномочия составить королевскую инструкцию на сеймовые сеймики⁴⁵.

Текст этого документа позволяет выявить главные очертания внешнеполитической концепции экспансионистских группировок господствующего класса Речи Посполитой на рубеже 80—90-х годов XVI в. В инструкции снова доминировала тема опасности, угрожающей Речи Посполитой со стороны России. Я. Замойский заверял шляхту: правительство имеет «надежные доказательства» того, что разоривший страну летом 1589 г. татарский набег был организован русскими дипломатами. Царь, по словам канцлера, послал хану пятьдесят тысяч золотых за то, чтобы татарская орда пошла разорять Речь Посполитую⁴⁶. Эти информации заканчивались выводом: царь, заслоняясь миром, заключенным с Речью Посполитой, своими действиями наносит стране вред больший, «чем если бы он сам вторгся со своим войском на землю и панства Речи Посполитой». Действия русского правительства дают все основания ожидать, что, если у Речи Посполитой в будущем возникнут какие-либо серьезные затруднения, то русские «костью нам в горле станут и не

⁴⁴ Czart., 2715, N 79; *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 91—93; *Macurek J. Dozvuký...*, s. 70.

⁴⁵ BOZ, 1809/I, k. 98—106v; *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 115—117.

⁴⁶ См. текст инструкции на сеймики: BOZ, 1809/I, k. 107—107v. В письме королю (Czart., 2715, N 79) он указывает и источник своих сведений — показания бежавшего из Крымского ханства шляхтича Секлуцкого (текст показаний — *Жерела до Історії України — Руси*, т. 8. Львів, 1908, с. 64). Сообщения Секлуцкого совершенно не соответствовали действительности. Русский посол И. Мишуриин по прибытии в Крымское ханство в январе 1589 г. был посажен в тюрьму и не мог оказывать влияние на решения хана, который освободил его, когда вопрос о походе на Речь Посполитую уже был решен. См.: ЦГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), кн. 17, л. 297—303.

только Полоцком и Ливонией, но и, избави боже, чем либо большим попытаются завладеть». Наступательная война — единственный способ ликвидации угрожающей опасности.

Оставив позицию арбитра, как бы информирующего, но не навязывающего свою волю, правительство теперь решительно высказывалось в пользу войны. Не может быть, говорилось в заключительных строках этого документа, чтобы «ваши милости захотели показать себя такими тяжелыми на подъем и небрежными в делах, чтобы такой случай, сам дающийся в руки, для добра своего, славы своей, безопасности на будущее Речи Посполитой, как попало бросили и оставили».

Далее доказывалось, что война против России принесет стране целый ряд положительных результатов. Увидев, что Речь Посполитая ведет войну с Россией, турки перестанут подозревать ее правительство во враждебных замыслах, и поводов для беспокойства у них не будет, поскольку запорожские казаки «найдут себе хлеб» в России. Крымский хан также заключит мир с Речью Посполитой и вместе с ней будет воевать против русских. Война окажет благотворное действие и на внутриполитическую жизнь страны. Весь господствующий класс объединится вокруг монарха, и деятельность связанной с Габсбургами оппозиции прекратится. Одновременно война благотворно повлияет на образ жизни и моральный уровень шляхты: война стала бы полезной школой «рыцарского дела», «сыновья шляхетские не проводили бы годы праздно, [лежа] на брюхе и не расточали свое имущество»⁴⁷. Представление о войне как средстве решения внутри- и внешнеполитических проблем является явным симптомом эволюции в восточной политике Речи Посполитой — от акцентирования преимущественно мирных методов экспансии (как в шляхетской публицистике 70-х годов XVI в.) к проповеди военной экспансии. На рубеже 1589—1590 гг. планы наступательной войны были впервые обнародованы в документе, предназначенном для обсуждения шляхты.

Первые практические шаги для подготовки к будущей кампании были предприняты еще до обнародования правительственной декларации. Используя сообщения о сою-

⁴⁷ BOZ, 1809/I, k. 106—106v.

зе между Россией и Крымским ханством, Я. Замойский в письмах сенаторам от ноября 1589 г. выступил с предложением передвинуть коронную армию в район Белой Церкви, так чтобы войска могли одновременно отбить набеги татар, поднимающихся на Украину идущим вдоль Днепра шляхом, и препятствовать возможному нападению на Киев⁴⁸ союзных татарам русских войск. Получив одобрение малопольских сенаторов⁴⁹, он привел свои планы в исполнение, перебросив часть коронной армии в указанный район. В действительности речь шла не об обороне, а о нападении, как ясно видно из письма, отправленного тогда же Я. Замойским Сигизмунду III⁵⁰. Канцлер писал, что, если сейм одобрит его планы, собранные на Днепре войска могут прямо вступить на русскую территорию. Этот же документ показывает, что план похода на Москву через Северскую землю определялся не военными, а прежде всего внутриполитическими соображениями. Избирая такой путь, коронный канцлер хотел ослабить возможную оппозицию со стороны Великого княжества, поскольку в этом случае войско пошло бы в Россию «не бывая в Литве», и, следовательно, военные опустошения, которых боялись литовцы, не затронули бы их территории. В соответствии с этим и в инструкции на сеймики Я. Замойский подчеркивал, что готовое к войне войско стоит в таком месте, откуда «легко перейти может на их (русских.— *Б. Ф.*) землю, ничего не занимая и ничем не отягощая панств коронных и литовских»⁵¹.

Наконец, надо отметить еще одну существенную линию в аргументации Я. Замойского: его определение целей войны. «Если бы дела привели, с помощью божью, к какому-либо настоящему с теми людьми соединению,— писал он,— то, выведя их из грубости и, как Лота, из мерзости, в которой они погрязли, надежная и немалая от них могла бы быть помощь против турка»⁵².

К. Лепши, опубликовавший эти высказывания Я. Замойского, видит в них прямое воспроизведение внешнеполитических замыслов С. Батория⁵³. Думается, одна-

⁴⁸ Послание гетмана сенаторам.— Czart., 1621, k. 436v, 443.

⁴⁹ Ibid., k. 504v.

⁵⁰ Ibid., 2715, N 79.

⁵¹ BOZ, 1809/I, k. 106.

⁵² Ibidem.

⁵³ *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 92—93, 117.

ко, что здесь налицо существенные различия. Если С. Баторий ставил вопрос о завоевании России, то коронный канцлер провозглашал целью похода «истинное соединение» между государствами. Сопоставляя данную формулу с предыдущими высказываниями на этот счет польско-литовских политиков, нетрудно раскрыть, что это означало заключение между Россией и Речью Посполитой унии по типу соглашений, предлагавшихся в 1585—1587 гг. Канцлер не ставил вопрос о детронизации Федора и был готов удовлетвориться обязательством «сословий» после смерти царя возвести на русский трон польского короля⁵⁴. Все это позволяет усматривать связь данных построений Я. Замойского не с планами С. Батория, а с предложениями коронных сенаторов (с той разницей, что на этот раз речь шла о том, чтобы принудить Россию к заключению унии не с помощью военной демонстрации, а путем войны).

Обращает на себя внимание и другая сторона рассуждения Я. Замойского: представление о том, что «истинное соединение» дает возможность приобщить русское дворянство к выработанным польской шляхтой «совершенным» формам культуры и общественной жизни. Исследователи давно указывали на связь этих высказываний с программой развития славянского мира, которую канцлер сформулировал 21 февраля 1589 г. в беседе с чешским вельможей Вилемом с Рожмберка. Тогда канцлер констатировал прежде всего неблагоприятные условия, в которых находятся славянские народы. Одни из них (южные славяне, чехи) лишены политической независимости, другие (русские), хотя и обладают собственной государственностью, целиком погрязли в варварстве. Только Речь Посполитая, обладающая собственной государственностью и высокой культурой, может (и должна) стать центром объединения славянских народов, освободить их от иноземного ига и приобщить к высокой культуре. Первым этапом на пути к решению этой задачи должна стать уния между Россией и Речью Посполитой, которая будет осуществлена либо мирным, либо насильственным способом⁵⁵.

⁵⁴ Archiwum Jana Zamoyskiego kanclerza i hetmana wielkiego koronnego, t. IV. Kraków, 1948, N 1361.

⁵⁵ *Macurek J. Dozvuký...*, s. 16, 30—31.

Следует отметить как широкий размах этой программы, так и явно проступающее в рассуждениях Я. Замойского стремление проводить ее в жизнь независимо от воли и желания других славянских народов. Польская феодальная идеология эволюционировала тем самым от констатации превосходства своего общественного устройства над общественным устройством соседних народов к признанию за собой права силой навязывать им свой более совершенный строй. И все же для правильного понимания динамики интересующих нас процессов следует отметить, что программа Я. Замойского не провозглашала целью политики Речи Посполитой на востоке ни уничтожение русской государственности, ни тем более русского господствующего класса. Таким образом, проповедь благодетельности для Речи Посполитой наступательной войны на Востоке составляла лишь одну сторону этой программы. Учитывая уроки предшествующих лет, канцлер постарался на этот раз поставить перед шляхтой цели в ее восприятии более реальные, связанные с целым комплексом популярных в этой среде взглядов и представлений.

Какова же была реакция шляхты на предложенную программу? Материалы сеймиков 1590 г. сохранились лучше, нежели сеймиков 1589 г., но также далеко не полно и, к сожалению, почти не пересекаются с более ранними документами.

Рассмотрение следует начать с постановлений Сандомирского сеймика⁵⁶, которые мы имеем возможность сопоставить с постановлениями сеймика предшествующего года. Формально Сандомирское воеводство повторило свое прежнее предложение выслать в Москву посольство для решения всех спорных вопросов, но в самой трактовке темы можно констатировать явное смещение акцентов. Если постановления 1589 г. говорили о необходимости избежать «кровопролития», то в постановлениях 1590 г. четко констатировалось, что если русский государь не примет польско-литовских предложений (возврат Северщины и Смоленска и пр.), то у Короны будет «хорошая причина для войны». Налицо, таким образом, явное сближение взглядов сандомирской шляхты с программой Я. Замойского. Другое малопольское воеводство — Краковское без

⁵⁶ Czart., 1621, k. 711.

аргументации и прогнозов на будущее повторило то же предложение, что и Сандомирское воеводство, — отправить посольство с требованием возвращения утраченных Великим княжеством земель⁵⁷.

В целом шляхта этих двух воеводств держалась решений сейма 1589 г. и, следовательно, припимая в основном программу Я. Замойского, все же расходилась с его группировкой по тактическим вопросам. Что касается третьего малопольского воеводства — Люблинского, то его постановления, как правильно отметил К. Лепши⁵⁸, были верным отражением политической программы Я. Замойского. Шляхта констатировала, что Корона терпит «немалые кривды и шкоды» от России, и поэтому давала послам полномочия для осуществления всех необходимых мер против нее, включая и войну⁵⁹.

Если в Малой Польше, таким образом, в тех или иных формах была санкционирована экспансионистская (вплоть до наступательной войны) политика по отношению к России, то в других районах Короны мы наблюдаем столкновение различных тенденций.

Это явление характерно прежде всего для территории огромного Русского воеводства. Так, на Вишенском сеймике, где собиралась шляхта с большей части территории воеводства (земли львовская, жидячевская, перемышльская и саноцкая), были приняты постановления, близкие к ухвалам люблинского сеймика: необходимость мер против России, включая и войну, если будет нужно⁶⁰. В то же время сеймик Галицкой земли, констатируя, что положение страны действительно вызывает тревогу, настоятельно просил короля, «чтобы по примеру предков своих» добивался прочного мира со своими соседями «и без причины войны против них не начинал»⁶¹.

Еще более сложная ситуация сложилась на территории Великой Польши. Здесь сеймик воеводства Серадзского дал послам полномочия для выступления против Московита — «наследственного врага», который «причи-

⁵⁷ Akta sejmikowe województwa Krakowskiego, t. I (1572—1620). Kraków, 1932, s. 140.

⁵⁸ Lepszy K. Rzeczpospolita..., s. 119.

⁵⁹ Czart., 1621, k. 731.

⁶⁰ Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej, t. XX. Lwów, 1909, s. 88.

⁶¹ Akta grodzkie i ziemskie..., t. XXIV. Lwów, 1931, s. 7.

ны [к тому] дает, чтобы война [против него], давно начатая, кончена была»⁶². Сеймик воеводств Познанского и Калишского не смог занять определенной позиции, поручив своим послам выяснить, нужна ли такая война и какие необходимы для ее ведения войска и средства⁶³. Шляхта же земли Велюнской выступила против войны, прямо ссылаясь на то, что литовцы заключили перемирие с царем⁶⁴. Против войны высказались также Брест-Кувявское и Иновроцлавское воеводства⁶⁵.

Среди этих материалов налицо существенные пробелы (нет данных о позиции Ленчицкого воеводства, Мазовии и украинских воеводств Короны, кроме Русского⁶⁶), однако взятые в целом постановления 9 коронных сеймиков свидетельствуют о значительных сдвигах в позиции коронной шляхты. Если в 1585 г. шляхта в основном недоброжелательно отнеслась к планам войны с Россией, видя в них прежде всего «утеснение» своих подданных, то к 1590 г. группа политиков во главе с Я. Замойским получила поддержку ряда воеводств, открыто одобривших планы наступательной войны на Востоке. С некоторыми различиями тактического порядка за программой Я. Замойского пошла на этом этапе основная масса шляхты Малой Польши и Русского воеводства, в то время как в Западной и Центральной Польше позиции лагеря Я. Замойского были гораздо более слабыми. Такое размежевание противников и сторонников войны не представляется случайным. Закономерно, что экспансионистская внешнеполитическая программа Я. Замойского получила одобрение именно тех групп господствующего класса Речи Посполитой, которые на протяжении столетий были главной силой польской феодальной экспансии на Восток.

Если в Короне Я. Замойскому и его приверженцам удалось добиться заметного успеха, то литовские сейми-

⁶² Czart., 1621, s. 722.

⁶³ Akta sejmikowe województw Poznańskiego i Kaliskiego..., t. I, cz. 1, s. 91.

⁶⁴ Czart., 1621, s. 739.

⁶⁵ Articuli Conventis Radzioviensis (Teki rzymskie, N 46).

⁶⁶ Это заставляет с осторожностью отнестись к заключению К. Лепшего, что «неожиданно большинство сеймиков (коронных.— Ф. Б.) высказалось за войну с Россией (*Lepszy K., Rzeczpospolita...*, s. 121).

ки, а затем и главный съезд Великого княжества снова высказались против войны с Россией⁶⁷. Несмотря на специально выработанный план военных действий и иные аргументы, Я. Замойскому и на этот раз не удалось убедить литовских политиков, что война с Россией будет короткой победоносной прогулкой и не затронет территории Великого княжества. Как показывают записи бесед русского гонца А. Иванова с литовскими шляхтичами, последние были уверены в обратном и ждали от войны лишь новых разорений, от которых пострадает только Литва, а все возможные выгоды достанутся Короне⁶⁸. Некоторые собеседники русского гонца выражали недовольство засилием польских феодалов в политической жизни страны («поляки им стали спесивы и Литву ставят ни за што») и высказывали убеждение, что магнаты Короны для того стремятся к обострению отношений, «чтобы у Литвы з государством Московским згоды не было, а они бы Литвою владели по-прежнему»⁶⁹. Таким образом, наряду с боязнью военных опустошений в среде литовских феодалов снова ожили традиционные для нее опасения, что война на Востоке может привести к падению удельного веса Великого княжества в рамках Речи Посполитой. Литовские сенаторы через пристава просили А. Иванова передать царю, что Великое княжество хочет мира и добьется присылки в Москву посольства для мирных переговоров, только бы царь не допускал новых инцидентов на границе, потому что «поляки не хотят, чтоб мы были с вами в згоде»⁷⁰. Среди шляхты были налицо еще более радикальные настроения. Наиболее пылкие из собеседников русского гонца прямо заявили, что если Корона начнет войну, «то уж поляки с Литвою соединенье разорвут, и тогда уж Литва, отстав от них, учнут бити челом государю и воеватца з государем не будут»⁷¹. Такие высказывания являлись, конечно, политической крайностью. Однако само их появление

⁶⁷ См. свидетельства папского нунция (*Macûrek J. Dozvuký...*, s. 74) и сообщения русского гонца А. Иванова (ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, л. 99 с об., 116).

⁶⁸ «Поедут поляки через их землю да наперед запустошат литовскую землю, а государь тогда учнет воевать Литву, а поляки будут в стороне». — Там же.

⁶⁹ Там же, л. 117.

⁷⁰ Там же, л. 108 об.

⁷¹ Там же, л. 117.

свидетельствует об атмосфере, в которой шло обсуждение королевской инструкции. Дело явно шло к тому, что сейм 1590 г. станет ареной резкого столкновения противоположных политических группировок.

При всей относительной силе позиций Я. Замойского стоит отметить, что поддержка, оказанная коронной шляхтой «военной» группировке, носила все же условный характер: в решениях целого ряда сеймиков указывалось, что шляхта соглашается на войну с Россией, если будет сохранен мир с другими соседями⁷². Между тем в первые месяцы 1590 г. наступило новое обострение отношений с Турцией: на южной границе появились татарские загоны, турецкий везир начал требовать с Речи Посполитой уплаты дани, правительство стало набирать войска на случай возобновления военных действий⁷³.

Такая обстановка не могла не оказать влияния на польских политиков, собравшихся в марте 1590 г. на сейм в Варшаве. Перед угрозой конфликта с Турцией рекомендации активной политики на Востоке становились явно бесперспективными и опасными. В результате главный инициатор военных планов коронный канцлер Я. Замойский в своем выступлении 21 марта 1590 г. обошел вопрос о войне с Россией молчанием⁷⁴. Поведение Я. Замойского было лучшим доказательством того, что в этих условиях ведущим коронным политикам было нечем отклонить антивоенные доводы представителей Великого княжества. Когда 21 марта на сейм прибыли из Константинополя представители Речи Посполитой с требованием султана заплатить ему дань, проект войны с Россией был молчаливо снят с обсуждения и сейм сосредоточил свое внимание на мерах по защите страны от турок⁷⁵. Так, благодаря осложнению международного по-

⁷² См. артикулы сеймиков Сандомирского, Серадзского, Русского воеводств.

⁷³ *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 126—129.

⁷⁴ *Ibid.*, s. 133. При этом канцлер отклонил предложение искать союза с царем против турок, так как «у Московита люди слабые, а короля его милость он знать не хочет, так что смех вечный искать там помощи» (*Biblioteka Jagiellońska w Krakowie*, rkp. 41, k. 74) — это еще одно доказательство его устойчиво отрицательного (и одновременно пренебрежительного) отношения к России.

⁷⁵ *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 138, 141—144; *Macurek J. Dozvuký...*, s. 48—54.

ложения Речи Посполитой, литовским политикам удалось без особой борьбы добиться сохранения мира с Россией.

Однако, конфликт между Речью Посполитой и Турцией открывал для литовских политиков более широкие возможности. Если для феодалов Малой Польши и Русского воеводства — главной опоры группировки Я. Замойского — война с Турцией означала смертельную опасность, для борьбы с которой необходимо было мобилизовать все силы страны, то феодалам Великого княжества турецкая опасность непосредственно не угрожала⁷⁶. Тем самым соотношение сил внутри страны объективно менялось в пользу Литвы, давая возможность литовским политикам за участие в обороне южных границ Речи Посполитой ставить своим партнерам определенные условия. Так у них создавалась почва для борьбы за реализацию их политической цели — заключения долгосрочного мирного договора между Россией и Речью Посполитой.

Действительно, хотя проект войны с Россией перестал обсуждаться, в любое время, как только минует чрезвычайная ситуация, он мог быть снова поставлен на повестку дня. Не случайно Я. Замойский в своей речи 21 марта говорил о том, что только осуществление восточных планов С. Батория могло бы окончательно избавить Речь Посполитую от турецко-татарской опасности⁷⁷. Среди собравшихся на сейм послов шли толки, что, если польским дипломатам удастся добиться сохранения мира с Турцией, набранные для турецкой войны войска пойдут в поход на Россию⁷⁸. Поэтому, когда в посольской избе началась выработка конституции о выделении средств на возможную войну с Турцией, литовские послы сразу заявили, что не хотят приступать ни к каким делам, пока им не сообщат, будет сохранен мир с Россией или нет⁷⁹. В сложившихся условиях с мнением Великого княжества

⁷⁶ Как видно из письма виленского тиуна Яна Паца — одного из сеймовых послов литовских — к К. Радзивиллу, литовские политики даже не без некоторого злорадства наблюдали обострение отношений с Турцией, полагая, что «у панов поляков пропадет желание воевать с Москвой, когда им своя нужда докучит» (Письмо Я. Паца к К. Радзивиллу от 25 марта 1590 г. — AR, V, N 11195).

⁷⁷ *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 134.

⁷⁸ Письмо Я. Паца к К. Радзивиллу от 3 апреля 1590 г. — AR, V, N 11195.

⁷⁹ *Ibidem*.

нельзя было не считаться, и в результате в проекте конституции, выработанном послами, было записано, что собранные средства могут быть употреблены лишь на войну против Турции⁸⁰. По-видимому, тогда же в него были внесены пункты, запрещающие назначенному сеймом военному совету начинать военные действия против какой-либо другой страны, кроме Турции и Крымского ханства, и предусматривавшие, что в случае заключения мира с Турцией «ухваленные» налоги собираться не будут. В таком виде тексты конституции 17 апреля 1590 г. были утверждены королем и сенатом⁸¹.

Вручая королю проекты конституций, маршалок от имени всех послов просил, чтобы Сигизмунд III «мир с Москвой подтвердил, великих послов назначил, приказал написать инструкции и дать *sub censura*, чтобы уж не было никаких сомнений» относительно намерений правительства⁸². Это требование натолкнулось на упорное сопротивление монарха, заинтересованного в создании антирусской коалиции с участием Швеции. Он сумел добиться того, чтобы пункт о подтверждении мира с Россией все же не был включен в сеймовые конституции. Однако король не имел прочной опоры среди коронных политиков, склонявшихся, по мере того как конфликт с Турцией принимал все более серьезные размеры, к закреплению мира с соседями (и с Россией)⁸³. В этих условиях Сигизмунд III не мог противостоять представителям Великого княжества, которые заявили, что не считают себя связанными решениями сейма, пока их просьбы не будут удовлетворены «на деле, а не [одними] словами»⁸⁴.

Литовские послы и сенаторы не только повторили свое заявление перед закрытием сейма, но и оставили в Варшаве своих представителей для наблюдения за тем, как

⁸⁰ Письмо Я. Паца к К. Радзивиллу от 7 апреля 1590 г.— *Ibidem*.

⁸¹ *Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 144—145; *Volumina legum*, t. II. SPb., 1859, s. 305—306, 319.

⁸² Письмо Я. Паца к К. Радзивиллу от 13 апреля 1590 г.— AR, V, N 11195. Ср.: *Konopczyński W. Liberum veto*. Kraków, 1918, s. 433.

⁸³ Так, датированный 31 марта проект организации обороны страны, составленный Я. Замойским, предусматривал среди других мер, что следует отправить в Москву посольство для заключения мира (*Lepszy K. Rzeczpospolita...*, s. 141—142).

⁸⁴ Письмо Я. Паца к К. Радзивиллу от 13 апреля 1590 г.— AR, V, N 11195.

будут выполнены их требования⁸⁵. Король был вынужден капитулировать. 24 апреля началась рассылка по литовским «поветам» универсалов с сообщением, что в Москву отправляются «великие» послы Речи Посполитой⁸⁶. 25 апреля назначенным послам — С. Радзиминскому, воеводе подляшскому, Г. Войне, подкашцлеру литовскому, и М. Войне, писарю литовскому, были вручены инструкции для ведения переговоров⁸⁷. Еще до конца мая послы выехали из Варшавы на границу, где им предстояло ждать «опасной» грамоты царя Федора⁸⁸.

Последовавшие затем мирные переговоры завершились в январе 1591 г. заключением договора о 12-летнем перемирии между Россией и Речью Посполитой. Помимо особенностей международного положения Речи Посполитой, повлиявших в определенной степени на такой исход конфликта, думается, немалое значение имел и тот факт, что надежды на ослабление Русского государства после смерти Ивана IV не оправдались. Россия, преодолев внутриполитический кризис, заметно усилила свою международную активность, и это не могло не подействовать сдерживающим образом на господствующий класс Речи Посполитой. Однако это не значит, что прошедшие события минули безрезультатно. Обнаружившаяся в ходе борьбы готовность значительных группировок коронной шляхты пойти на агрессивную войну, несомненно, была симптомом вступления шляхетской экспансии в новый период и учитывалась ведущими политиками страны в их будущих политических комбинациях. Вместе с тем решение начать мирные переговоры с Россией вовсе не означало пересмотра представлений о главных целях восточной политики Речи Посполитой. Этого и не могло быть, поскольку спор между отдельными группировками шел вовсе не о целях, а о методе их достижения. Цели остались прежними. Только в новом периоде отношений их реализации пытались добиться средствами не войны, а дипломатии. Первая попытка в этом направлении была предпринята уже во время мирных переговоров 1590 г., когда «великие послы» Речи Посполитой предложили русскому правительству проект широкого политического соглашения между обоими государствами.

⁸⁵ *Konopczyński W. Liberum veto...*, s. 434—435.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 389 (Литовская метрика), кн. 282, л. 119 об.—120.

⁸⁷ Подлинники инструкций см.: Там же, N 623.

⁸⁸ Об отъезде послов см. в депеше нунция от 28 мая 1590 г.

Польско-литовские проекты восточноевропейской федерации конца XVI — начала XVII в. и Россия

Тексты проекта, врученного отправившимся в Москву «великим послам» Речи Посполитой, сохранились на редкость хорошо. Имеется не только копия, включенная в посольские книги Литовской Метрики¹, но и находившийся в распоряжении послов оригинал, скрепленный печатью и подписью литовского канцлера Л. Сапеги². Не подлежит сомнению, что перед нами — не черновой текст, обсуждавшийся и не получивший санкции, а официальный документ, одобренный высшими государственными инстанциями. Несмотря на это, о происхождении документа нельзя сказать ничего определенного. Учитывая важность поднятых в нем вопросов, касавшихся целого ряда сторон жизни русского дворянства и господствующего класса Речи Посполитой, следовало бы предположить, что послам был передан проект, получивший одобрение высшего органа власти Речи Посполитой — сейма. Однако среди известных материалов о работе сейма 1590 г. нет никаких упоминаний о том, чтобы подобный проект обсуждался в посольской избе или в сенате. Очевидно, что в таких условиях нет оснований оценивать данный проект как выражение восточной программы господствующего класса Речи Посполитой в целом. Правильнее рассматривать его как результат деятельности группы находившихся при дворе сенаторов, которые сумели добиться у короля одобрения своих предложений. Однако и при этих оговорках данный документ следует оценить как весьма важный, поскольку он представляет собой первый известный сейчас официальный проект восточноевропейской федерации, разработанный польско-литовскими политиками.

¹ ЦГАДА, ф. 389 (Литовская метрика), кн. 594, л. 84—89 об.

² Там же, кн. 580, л. 33—36 об.

Проект предусматривал заключение между государствами военно-политического союза, так что в случае конфликта одной из сторон с какой-либо третьей державой другая должна оказывать ей всевозможную помощь. Конкретно речь шла прежде всего о сотрудничестве против татар. Один из пунктов проекта предусматривал организацию совместной обороны южных границ обоих государств, с тем чтобы Россия, подобно Речи Посполитой, выделила на эту оборону определенный фонд средств (аналогичный польской кварте)³. Выдвижение на первый план этих вопросов объяснялось теми условиями, в которых данный проект возник, когда Речь Посполитая находилась в открытом конфликте и с Крымским ханством, и с Османской империей. Не случайно в заключительной части инструкции послам предписывалось просить у русского правительства, «чтобы против турок или татар оказали нам существенную помощь людьми или деньгами, ружьями, пушками, пулями или порохом или еще чем-либо, как можно скорее».

Ряд условий определял характер будущих отношений между подданными обоих государств. Одна из этих статей устанавливала свободу торговли для купцов России и Речи Посполитой на всей территории будущего объединения; две другие определяли отношения между русским дворянством и польско-литовской шляхтой. По первой из них устанавливалась свобода приобретения земли «как поляку и литвину в Москве, так москвитину в Польше и в Литве». Значение этого постановления, носящего формально равноправный характер, будет понятным, если принять во внимание представление польской шляхты, так ярко отразившееся в публицистике 70-х годов XVI в., о России как незаселенной и плодородной стране, где многие шляхетские семьи могут найти себе пропитание. Помимо укрепления материального положения отдельных

³ В этой характерной детали ярко проступает убеждение польско-литовских политиков в том, что созданные ими учреждения должны быть для восточного соседа образцом для подражания. Вместе с тем очевидна их неосведомленность о многих сторонах русской жизни, в частности, о той сложной системе обороны юга, которая по размаху и сложной структуре уже в то время далеко оставила позади скромные акции польско-литовского правительства по созданию «поточной службы» и «кварцяной армии».

слоев шляхты, это постановление имело для польско-литовских политиков большое значение и в ином плане: приобретение польско-литовскими феодалами владений на русской территории привело бы к установлению родственных, имущественных и иных связей между польско-литовской шляхтой и русским дворянством, что в дальнейшем могло способствовать их интеграции в одном социальном организме.

Созданию условий для тесных контактов между этими социальными группами служило и другое постановление проекта, по которому предусматривалась возможность для шляхты и «детей боярских» свободно ездить из одной страны в другую «на службу и для обучения». Этому условию польско-литовские политики придавали особое значение. Уже во время переговоров на элекции 1587 г. с русскими послами, как отмечено в «статейном списке» посольства, «говорили о том паны рада много, чтобы вольность учинить людем ездити на обе стороны, как похотят»⁴. Во время переговоров в 1590 г. этот вопрос был поставлен послами Речи Посполитой перед русским правительством особо, еще до начала обсуждения возможных условий «вечного докончания»⁵. Упоминание в тексте проекта о поездках для «обучения» позволяет раскрыть мотивы, побуждавшие польско-литовских политиков настаивать на принятии этого положения. Убежденные в превосходстве не только общественной организации, но и культурного уровня польско-литовского общества над русским, они были уверены, что с установлением свободных сношений в университеты и коллегии Литвы и Короны направится поток русской дворянской молодежи. Ознакомясь с жизнью и духовными ценностями шляхетского общества, эта молодежь будет возвращаться домой как убежденная сторонница польско-литовской модели общественного устройства и, следовательно, объединения с Речью Посполитой, которое позволило бы и русскому дворянству усвоить себе все общественные завоевания шляхты. Эти расчеты, так же как и ряд построений польской публицистики 70-х годов XVI в., были результатом механического перенесения в иные условия опыта длительного исторического общения польских феодалов с литовской шляхтой.

⁴ ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 18, л. 298 об.

⁵ Там же, кн. 20, л. 353 с об.

Сопоставляя рассмотренные положения проекта с политическими концепциями предшествующих лет, следует констатировать, что направленность восточной политики Речи Посполитой в 1590 г. подверглась существенному пересмотру. Его суть заключалась в отказе от поисков немедленного решения восточной проблемы. Русско-польские контакты на элекции 1587 г. ясно показали, что путем переговоров нельзя склонить русское правительство к принятию польско-литовских условий унии. Путь войны также не сулил успехов, особенно после того как в ходе русско-шведской войны (1590—1593 гг.) выяснилось военное превосходство русской армии. В этой ситуации восточная политика Речи Посполитой стала все более ориентироваться на длительный период сосуществования, в ходе которого должны были постепенно возникнуть предпосылки для интеграции русского общества (прежде всего господствующего класса России) и государства с общественным и государственным строем Речи Посполитой. Деятельность польско-литовских политиков направлялась теперь на создание условий для такой эволюции.

Рассмотренные постановления построены на формально равноправной основе, в чем отражалось убеждение, что добиться соглашения с Россией можно, лишь трактуя ее как равноправного политического партнера. Вместе с тем при анализе некоторых других постановлений проекта мы сталкиваемся с существенно иным подходом к русской стороне. Это касается прежде всего трактовки вопроса о наследовании. Проект предусматривал, что если царь Федор умрет, не оставив потомков, то «народ московский» может избрать себе нового государя или признать над собой чью-либо власть лишь «с ведомостью и позволением нашим». Так, сформулированное условие интересно сопоставить с соглашениями о наследовании трона, имевшими место между Польшей и Литвой перед заключением Люблинской унии. Так называемый Городельский «привилей» 1413 г.⁶, а затем соглашения 1499 г.⁷ предусматривали, что выбор нового государя в Польше не должен производиться «без ведома и совета» (*sine scitu et consilio*) литовских панов, и, с другой стороны, выбор нового литовского великого князя не должен

⁶ Akta Unji Polski z Litwą (1385—1791). Kraków, 1932, s. 66—67.

⁷ Ibid., s. 129.

производиться «без ведомости и совета» польских панов. Это сопоставление выявляет две особенности проекта 1590 г.: 1) его односторонний характер, когда обязательства налагаются лишь на русскую сторону и не ставится вопрос о возможном участии представителей русского общества в элекции преемника Сигизмунда Вазы, и 2) использование при формулировании текста таких определений («разрешение» вместо «совета»), которые указывают на решающий, а не совещательный голос Речи Посполитой при выборах нового русского государя. Очевидна связь этого установления как с проектами, выдвигавшимися на элекции 1587 г., так и с внешнеполитической программой Я. Замойского в 1589 г. Хотелось бы также обратить внимание на другое — на попытку добиться от России крупной политической уступки, поставить русское дворянство в неравноправное положение, ничего не предлагая взамен.

Аналогичные тенденции можно проследить и в вопросе о будущих границах обоих государств после «вечного соединения». В инструкции послам предписывалось добиваться, чтобы по мирному договору Речи Посполитой были переданы Новгород, Псков, Северская земля, Смоленск, Великие Луки. Лишь в крайнем случае, если бы русская сторона приняла все предложенные условия «соединения», можно было ограничиться приобретением Смоленска, Невеля и Себежа. Здесь также очевидна связь польско-литовских предложений с построениями предшествующих лет, в которых соглашение с Россией неизменно связывалось с теми или иными территориальными уступками с русской стороны. Вместе с тем налицо и попытка трактовать Россию в качестве неравноправного партнера, от которого можно добиться односторонних уступок. И это в условиях, когда Речи Посполитой грозила война с Османской империей, а польско-литовские послы должны были искать в Москве помощи против турок. Действительность быстро показала нереальность таких представлений. Русское правительство решительно отказалось ради заключения «вечного мира» уступить Смоленск. Тем самым вопрос о заключении «вечного соединения» на данном этапе отпал и до обсуждения других условий разработанного в Варшаве проекта дело так и не дошло⁸.

⁸ ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, л. 354—428.

Более реальным делом было заключение между государствами соглашения против турок. Уже в июне 1590 г. русское правительство отнеслось положительно к предложению сенаторов, переданному через гонца Я. Девотолского, выслать на Северщину войска для возможных действий против татар. В Новгород-Северский была отправлена большая рать во главе с царевичем Арасланалеем Кайбуловичем и А. В. Трубецким⁹. На переговорах осенью 1590 г. русские представители также выразили согласие заключить с Речью Посполитой союз против «бесерменских» государств¹⁰. В этом, думается, еще раз проявилась наметившаяся в русской внешней политике после Ливонской войны тенденция искать решения внешнеполитических проблем в сотрудничестве с Речью Посполитой. Однако и на этот раз союз восточноевропейских держав против турок и татар заключен не был. Предлагая союз, русское правительство добивалось признания за собой свободы действий по отношению к Швеции, с которой Россия вела войну, но на это представители Речи Посполитой никак не хотели согласиться¹¹. К тому же осенью 1590 г., с начала мирных переговоров с Турцией, заинтересованность польско-литовских феодалов в заключении такого союза сильно упала¹².

В результате переговоры завершились в январе 1591 г. подписанием договора о 12-летнем перемирии между государствами на обычных для соглашений такого рода условиях¹³. В его преамбуле, однако, указывалось, что во время действия договора стороны должны посылать друг к другу «великих» послов «о большом деле..., о вечном соединении». Тем самым обе стороны, констатируя, что в данный момент решить спорные вопросы им не удалось, заявляли о своей готовности в будущем

⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, л. 157 («тайные речи» сенаторов), л. 185 об.—186 об. (ответ русского правительства).

¹⁰ Там же, л. 364, 368—368 об.

¹¹ Об этой стороне переговоров подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI—начале XVII в. М., 1973, с. 42—43.

¹² Характерно, что на переговорах польско-литовские послы уже не просили у русского правительства боеприпасов и снаряжения на будущую войну с Турцией.

¹³ Текст договора см.: *Щербатов М. М.* История российская от древнейших времен, т. VI, ч. II. СПб., 1790, с. 227—237.

продолжать переговоры о политическом устройстве Восточной Европы.

Неудачный результат первой попытки явился, по-видимому, причиной того, что в ближайшие годы после заключения перемирия вопрос о создании восточноевропейской федерации вышел из поля зрения польско-литовских политиков. К концу 90-х годов XVI в. положение, однако, изменилось. К этому времени серьезно осложнилась внутренняя ситуация в России. По мере того как становилось ясным, что приближается смерть бездетного царя Федора, последнего представителя династии Рюриковичей, судьба русского трона становилась предметом острой борьбы между соперничающими группировками феодальной знати¹⁴. Происшедшие перемены были сразу же замечены польско-литовскими политиками, которым казалось, что открываются новые возможности для заключения династической унии с Россией по соглашению с одной из группировок в русских правящих кругах.

Выступая на сейме в феврале 1597 г., виленский воевода К. Радзивилл призывал к возобновлению переговоров с Россией о союзе и «соединении». Переговоры нужны, указывал он, потому, что теперешний князь — последний из своей династии и после его смерти русские будут искать иного государя. Между тем в русской правящей верхушке налицо острые конфликты, которые уже привели к истреблению ряда знатных домов. Поэтому не исключено, что во избежание «большого кровопролития» в случае выдвижения местного кандидата русские могут согласиться «приступить под *regimen*» короля Сигизмунда. Почву для этого может подготовить направленное для мирных переговоров в Москву посольство¹⁵. Точка зрения К. Радзивилла, как отмечено в «диариуше» гданьских послов, была «также мнением всех литовских господ»¹⁶. К его мнению присоединился в своем «вотуме» коронный канцлер Я. Замойский¹⁷. После окончания работы сейма вопрос «*de Mosco futuro foedere*» (о будущем союзе с

¹⁴ Подробную характеристику назревавших в связи с «концом династии» конфликтов дал в свое время еще С. Ф. Платонов (Очерки по истории смуты в Московском государстве. СПб., 1899, с. 223 и сл.).

¹⁵ *Dyaryusze sejmowe r. 1597*. Kraków, 1907, s. 452.

¹⁶ *Ibid.*, s. 64—65.

¹⁷ *Ibid.*, s. 455.

Москвой) был специально рассмотрен на заседании сената, где было решено направить боярской думе грамоту с предложением начать соответствующие переговоры¹⁸.

В связи с подготовкой к посольству была возобновлена работа над проектом «унии». Летом 1597 г. Я. Замойский писал К. Радзивиллу, что он намеревается закончить свои заметки об унии, «какая должна быть с Москвой», чтобы они могли быть использованы при подготовке посольской инструкции¹⁹. В понимании целей посольства осенью 1597 г. обнаружились расхождения между королем и сенаторами. Если король предполагал послать миссию, носившую чисто разведывательный характер, то сенаторы настаивали на посылке «великого» посольства с условиями «вечного мира» между Россией и Речью Посполитой²⁰. Цели, которые они при этом преследовали, совершенно очевидны, как и аналогичная инициатива на сейме 1585 г.: обнаружение условий «соединения» незадолго перед тем моментом, когда будет решаться вопрос о судьбе русского трона, должно было побудить верхи русского господствующего класса принять польско-литовскую концепцию политического переустройства Восточной Европы. Сенаторам удалось настоять на своем, и вопрос о переговорах с Россией был поставлен на обсуждение шляхты в королевской инструкции на предсеймовые сеймики, разосланной в конце 1597 г.²¹

Соответствующий раздел инструкции открывался упоминанием о том, что король Стефан Баторий некогда вел переговоры о «вечном мире» и «соединении» между Россией и Речью Посполитой. Далее Сигизмунд III сообщал о своем намерении возобновить эти переговоры, так как «соединение» Речи Посполитой и России «было бы с великой славой для Короны и добром для обоих этих государств и народов и для всего христианства». Для этого он предлагал направить с сейма гонца с предложением от сенаторов боярской думе договориться о времени и месте встречи «комиссаров» обеих сторон для обсуждения этих вопросов.

¹⁸ См. депешу нунция от 29 марта 1597 г.— Zak^{ad}ad dokumentacji Instytutu Historii Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Teki rzymskie, N 68.

¹⁹ Archiwum domu Radziwiłłów. Kraków, 1885, s. 128.

²⁰ Archiwum domu Sapiehów, t. I. Lwów, 1892, N 189.

²¹ Текст инструкции см.: Czart., 370/IV, s. 50.

На сеймиках, собравшихся в начале 1598 г., королевские предложения встретили полную поддержку как Великого княжества²², так и значительной части коронных воеводств²³. Отношение других воеводств, не выразивших определенно своего мнения, было равнодушным, но не враждебным²⁴. Поскольку отклик шляхты оказался вполне благоприятным, следовало ожидать, что с началом работ сейма на ее обсуждение будет представлен и текст условий, которые следовало предложить русскому правительству. Однако еще до начала заседаний сейма в Варшаве стало известно о кончине царя Федора²⁵. Смерть бездетного русского монарха заставила польско-литовских политиков изменить свой план действий. Если первоначально выдвижение проекта «соединения» должно было привлечь русских феодалов к кандидатуре Сигизмунда III, то теперь следовало прежде всего выставить кандидатуру короля на вакантный трон, а затем предлагать русским феодалам свой проект «соединения».

Поступавшие с границы донесения, казалось, подтверждали правильность расчетов польско-литовских политиков, что смерть последнего Рюриковича приведет к взрыву внутриполитической борьбы в России. Оршанский староста А. Сапега сообщал о столкновениях между главными претендентами на трон — Б. Ф. Годуновым, которого поддерживают дети боярские, стрельцы и простой люд, и Ф. Н. Романовым, которого поддерживают бояре²⁶. Это давало польско-литовским политикам основание рас-

²² Литовские сеймики не только одобрили проект, но и добивались, чтобы послы были отправлены теперь же, с этого сейма. См.: AR, II, N 369—371, 378, 380, 401; Czart., 2234, s. 238.

²³ См. постановления Мазовецкого генерала воеводств Люблинского, Белзского, Ленчицкого, Подольского, сеймиков Холмского и Галицкого (BOZ, 1809/I, k. 278, 289; Czart., 2724, k. 29, 33, 38, 60; AR, II, N 372). С некоторыми оговорками относительно процедуры переговоров к ним присоединились Познанское, Калишское, Краковское воеводства.— Akta sejmikowe województw Poznańskiego i Kaliskiego, t. I, cz. 1. Poznań, 1957, s. 206; Akta sejmikowe województwa Krakowskiego, t. I. Kraków, 1932, s. 226.

²⁴ Воеводства Брест-Кувявское и Иновроцлавское, Серадзское, земля Велюпская, сеймик Вишенский.— BOZ, 1809/I, k. 303, 312; AR, II, N 375, 377.

²⁵ Handlingar rörande mötet i Reval, Konung Sigismunds resor till Sverige och polska legationen 1599. Stockholm, 1910, p. 102.

²⁶ Разбор писем А. Сапеги см.: Платонов С. Ф. Очерки..., с. 229—237.

считывать, что их дипломатическая инициатива может иметь успех в Москве. Уже через несколько дней после начала работы сейма, 6 марта, было принято решение официально выставить кандидатуру Сигизмунда III на русский трон. С сообщением об этом в Москву отправились представители Речи Посполитой²⁷. Их миссия носила предварительный характер. Посланцы Речи Посполитой С. Радзейовский и Я. Корсак Голубицкий должны были просить «опасную грамоту» для «великих послов» Речи Посполитой и добиваться отсрочки выборов на царский трон до их прибытия. Одновременно им следовало начать агитацию в пользу Сигизмунда, особо указывая на шляхетские «вольности», которые в этом случае могло бы приобрести себе русское дворянство. Отдельный «лист» от короля был изготовлен для Б. Годунова, которому было обещано сохранить за ним его прежние должности, но если его положение пошатнулось, «лист» отдавать не следовало²⁸. За этой миссией (в случае успеха посланцев) в Москву должно было направиться «великое посольство» во главе с литовским канцлером Л. Сапегой «для объединения обоих государств под общей властью»²⁹. В связи с этим в программу работ сейма вошло и обсуждение проекта унии между Россией и Речью Посполитой³⁰. К сожалению, о ходе обсуждения и его результатах ничего не известно.

Несмотря на проявленную оперативность, дипломатическая инициатива Речи Посполитой запоздала. Уже 3 марта (21 февраля ст. ст.) 1598 г. собравшийся в Москве земский собор «нарек» на царство фактического правителя России Б. Годунова. Хотя благодаря столь быстрому окончанию «междоцарствия» польско-литовским политикам не представился случай испытать на практике свои политические схемы, объективно события

²⁷ Handlingar..., p. 105.

²⁸ Жукович П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб., 1901, с. 337—339.

²⁹ Kronika Pawła Piaseckiego biskupa przemyskiego. Kraków, 1870, s. 146.

³⁰ Некоторые из условий этого проекта (заключение «вечного мира», возвращение Великому княжеству потерянных им земель и др.) приводит в своей депеше от 2 марта папский нунций (Teki rzymskie, N 53). В «Tekach» депеша отнесена к 1597 г., но из содержания ясно, что речь идет о событиях следующего года.

«междоцарствия» в России были серьёзным ударом по самой основе их концепции. Ведь в условиях, когда прекласлась династия, казалось, являвшаяся главным препятствием к унии, ни одна из борющихся за власть политических группировок не проявила желания интегрировать свою страну с государственным устройством Речи Посполитой³¹. Это ясно свидетельствовало, что восточная программа Речи Посполитой не имела поддержки в русском обществе³². Однако политическая элита Речи Посполитой не склонна была так воспринимать происшедшие события. Уже в 1600 г. она предприняла новую попытку убедить русских политиков принять выработанный в Варшаве еще один вариант условий «соединения» между Россией и Речью Посполитой.

Хотя в настоящее время хорошо известны как международные, так и внутривосточные условия, побудившие польско-литовское правительство в 1600 г. направить в Москву «великое посольство» во главе с Л. Сапегой³³, обстоятельства, при которых был составлен новый проект «соединения», привезенный в Москву польско-литовскими послами³⁴, остаются по-прежнему покрытыми тайной. Королевская инструкция на предсеймовые сеймики от ноября 1599 г. не предлагала шляхте заняться обсуждением подобного документа, а сам сейм, собравшийся в феврале, вообще не принял никаких постановлений, и вопрос о переговорах с Россией был решен, как и в 1590 г., в результате особого обращения литовских сенаторов и послов к Сигизмунду III. В таких условиях речь могла идти об одобрении проекта в лучшем случае сеймиком Великого княжества. Конечно, составители проекта могли основываться на проекте, представленном сейму

³¹ О таких намерениях не упоминается даже в слухах, собиравшихся литовскими шпионами. Поэтому не вызывает доверия утверждение Р. Гейденштейна (*Dzieje Polski od śmierci Zygmunta-Augusta*, t. II. SPb., 1854, s. 391), что Борис был избран вопреки воле бояр, желавших избрать польского короля.

³² Характерно, что Александр Комулович, посол папы в Москве в 1597 г., сказал Сигизмунду III, что русские скорее выберут мужика, чем поляка.— *Hirn J. Die Renuntiation des Deutschmeisters Maximilian auf Polen und die damit zusammenhängenden Plänen.*— *Mittheilungen des Institut für österreichische Geschichtsforschung*, Bd. VII. Innsbruck, 1893, S. 268.

³³ *Флоря В. Н. Русско-польские отношения...*, с. 129—137.

³⁴ См.: Сб. РИО, т. 137. М., 1912, с. 37—53.

1598 г. (и, возможно, утвержденном сеймом), но этот проект никак нельзя было механически приспособить к новым условиям: в 1600 г. речь могла идти лишь о федерации, а не об унии (на русском троне сидел правитель, имевший наследника мужского пола). Однако текст проекта 1598 г. пока остается неизвестным, поэтому врученный Л. Сапеге текст можно сравнить лишь с более ранним проектом 1590 г.

Сопоставление показывает, что в проекте 1600 г. был поднят целый ряд новых вопросов, а намеченные в документе 1590 г. положения получили всестороннюю разработку. Так, краткое определение проекта 1590 г. о том, что стороны должны оказывать друг другу помощь в случае нападения неприятеля, в проекте 1600 г. было дополнено целым рядом новых установлений. Помимо указанного обязательства, проект предусматривал, что обе стороны не должны заключать каких-либо соглашений с другими государствами, не договорившись предварительно об этом со своим союзником³⁵. Тем самым договор о военном союзе вырастал до рамок соглашения о ведении согласованной внешней политики вообще. Для проведения в жизнь этой политики следовало создать при дворах обоих государей постоянные дипломатические представительства союзника. При участии этих представителей другой державы каждый из дворов должен был решать стоящие перед ним внешнеполитические проблемы. Более того, послов в другие государства можно было отправлять лишь «по общему уведомлению... под общими обоими государствами титулами и через общих послов»³⁶. Таким образом, исключалось даже формально самостоятельное выступление одного из государств на международной арене и оба государства, следовательно, сохраняли за собой самостоятельность лишь в сфере внутренней политики.

По расчетам авторов проекта согласованные действия России и Речи Посполитой могли принести обоим государствам существенные выгоды. В проекте специально определялся порядок, согласно которому должны были распределяться между союзниками завоеванные земли: они отходили к тому из государств, которое ранее имело

³⁵ Сб. РИО, т. 137, с. 47.

³⁶ Там же, с. 50.

на них право, или (очевидно, в случае если ни одно из них таких прав не имело) делились пополам³⁷. Как и в проекте 1590 г., в проекте 1600 г. намечались некоторые конкретные внешнеполитические вопросы, решения которых Россия и Речь Посполитая должны добиваться совместными усилиями. Одним из них была отнюдь не потерявшая актуальности задача совместной обороны южных границ от нападений татар. Соответствующий пункт полностью заимствован из предшествующего проекта, включая рекомендацию русскому правительству создать для этих целей особый фонд, аналогичный польский кватерте. Нововведением 1600 г. было лишь указание, что средства на организацию обороны оба государства будут «складывать» в Киеве, который, очевидно, должен был стать своеобразным центром всей оборонительной системы восточноевропейской федерации³⁸. Хотя, возможно, русские политики предложили бы иные способы организации обороны, не подлежит сомнению, что в решении данной проблемы были заинтересованы оба государства и что в данном случае проект исходил из равноправного участия обеих сторон.

Этого нельзя сказать о предложенном в проекте решении другой важной для обоих восточноевропейских государств проблемы — балтийской. В 1590 г. о поисках такого решения не могло быть и речи, так как на польском троне сидел шведский наследный принц. К 1600 г. положение изменилось. Сигизмунд Ваза был со шведского трона низложен, а между Швецией и Речью Посполитой началась война за Прибалтику. В этих условиях для польско-литовских политиков стал актуальным вопрос о возможных союзниках, одним из которых могла быть Россия. Кроме того, балтийская проблема в новой ситуации и не могла решаться без участия России, коль скоро оба государства должны были вести согласованную внешнюю политику. О намеченных путях решения вопроса позволяет догадываться установление проекта 1600 г., согласно которому Нарва и Ивангород превращались в общий порт обоих государств, а пошлины от торговли в нем обращались на общую оборону³⁹. В таком контексте Нарва вы-

³⁷ Там же, с. 48.

³⁸ Там же, с. 50.

³⁹ Там же.

ступает явно как город, принадлежащий Речи Посполитой, а это значит, что польско-литовские политики рассматривали Прибалтику как территорию, находящуюся целиком в сфере их интересов⁴⁰. В обмен за сотрудничество с Россией против шведов они были готовы допустить лишь устройство русского порта в Ивангороде. Здесь явно проступает тенденция при решении балтийской проблемы подчинить русскую внешнюю политику интересам Речи Посполитой. Эта тенденция проявляется и в другом постановлении проекта, которое также отсутствовало в более раннем проекте 1590 г.

Включая в свои планы завоевание господства на Балтийском море, польские политики на элекции 1587 г. рассчитывали, что выбор на польский трон шведского принца отдаст в распоряжение Речи Посполитой сильный шведский флот⁴¹. Однако эти расчеты не оправдались. Более того, в ходе внутренней борьбы в Швеции ее флот перешел на сторону противников Сигизмунда Вазы и с началом польско-шведской войны перед государственными деятелями Речи Посполитой встала задача создания собственного флота, который мог бы защитить балтийское побережье страны от шведских кораблей. Проект, привезенный в Москву Л. Сапегой, предусматривал, что будет создан «общий» флот обоих государств на Балтийском и Черном морях. Базой этого флота на Балтийском море определялся общий порт в Нарве—Ивангороде, а на Украине — район днепровских порогов. Русский царь должен был предоставить необходимые для строительства кораблей материалы (лес, смолу и др.). Снабжение кораблей снаряжением и продовольствием обоим государствам следовало осуществлять совместно. Что же касается набора моряков и «людей рыцарских» для службы на кораблях, то это польско-литовская сторона полностью брала на себя⁴². Нетрудно видеть, что в таких условиях флот, созданный в значительной мере на русские средства, оказался бы по существу под исключительным руководством польско-литовской администрации.

⁴⁰ Это полностью подтверждается и линией поведения польско-литовской делегации на мирных переговорах. См. об этом: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения..., с. 149 и сл.

⁴¹ *Lepszy K.* Dzieje floty polskiej. Gdańsk — Bydgoszcz — Szczecin, 1947, s. 174—176.

⁴² Сб. РИО, т. 137, с. 50.

Сопоставляя эти предложения с проектом решения балтийской проблемы, выдвинутым русским правительством в 1587 г., следует признать, что в отличие от русских политиков времени третьей элекции польско-литовское правительство лишь в минимальной степени учитывало в своих решениях русские интересы.

Наряду с установлением единой внешней политики проект 1600 г. предусматривал ряд мер, направленных на оживление экономического общения между государствами⁴³. Купцы каждого из государств должны получить право свободно проезжать по территории другого и выбирать места для торговли. Эти положения, заимствованные из проекта 1590 г., дополнены в проекте 1600 г. рядом постановлений. В нем предусматривается, что размер проезжих пошлин должен быть зафиксирован и не повышаться. Еще более интересны два других постановления проекта, специально направленные на поощрение экономических контактов между Россией и Речью Посполитой. Одно из них предусматривало, что «монета в [обоих] государствах должна быть одинаковой и одной цены и веса». Другое постановление фиксировало право иностранных купцов на территории другого государства вступать в «товарищества», очевидно, с местным купечеством. В этом постановлении явно проявляется тенденция к созданию благоприятных условий для развития хозяйственных связей купечества обеих стран.

Особенно много места в проекте 1600 г. было уделено условиям жизни феодалов из одного государства на территории другого. Вслед за документом 1590 г. проект предусматривал для них возможность свободного передвижения по территории другого члена федерации и право посылать детей для обучения в иноземные школы⁴⁴. Далее им предоставлялась возможность вступать в брак («свататься и жениться»), поступать на службу в войс-

⁴³ Там же, с. 49—50.

⁴⁴ Если в проекте 1590 г. это обязательство носит двусторонний характер, то в проекте 1600 г. речь идет лишь о разрешении русским людям отдавать детей на обучение в школы Речи Посполитой. В этой поправке отразились расчеты польско-литовских политиков на использование учебных заведений для пропаганды среди русской дворянской молодежи своих представлений об общественной организации и общественных идеалов, а также, как увидим далее, и своих религиозных воззрений.

ке и при дворе, а также свободно покидать эту службу и удаляться на родину с нажитым во время службы имуществом. И, наконец, самое существенное из прав — право на приобретение недвижимости. На признании его за иноземцами настаивали уже составители проекта 1590 г., авторы нового документа последовали за ними в этом отношении, развернув краткое определение предшествующего документа в перечень всех возможных форм приобретения недвижимости: купля-продажа, вознаграждение за службу, получение в приданое и т. д. Проведение в жизнь всего этого комплекса предписаний означало по существу предоставление пришельцам всех тех прав, которыми обладают «туземцы». Ориентация на создание условий для постепенного слияния польско-литовской шляхты и русского дворянства в одну социальную группу, тесно связанную общностью кровных и имущественных интересов, выступает в этих текстах еще более ярко, чем в проекте 1590 г.

К разобранной серии постановлений, предусматривавших существенную перестройку ряда сторон во взаимоотношениях как между обоими государствами, так и между отдельными социальными группами польско-литовского и русского общества, естественно, примыкает один из заключительных разделов проекта. В нем идет речь о тех символических атрибутах, в которых должен был найти внешнее выражение новый порядок отношений между Россией и Речью Посполитой. Предполагалось, что будут изготовлены две одинаковые короны и одна из них должна храниться в России, а другая — в Речи Посполитой. При коронации одного из монархов хранящаяся в другой стране корона должна была возлагаться на его голову послами государства-союзника как знак подтверждения и сохранения установленного единства⁴⁵.

Такова в общих чертах совокупность норм, регулировавших отношения между государствами в рамках будущей восточноевропейской федерации. Наличие в нашем распоряжении на этот раз вместо кратких определений проекта 1590 г. довольно обширного комплекса норм, затрагивающих широкий круг вопросов, позволяет выявить источники, к которым могут восходить все эти предписания (формально и по содержанию). Источники ряда ин-

⁴⁵ Сб. РИО, т. 137, с. 52.

тересующих нас норм обнаруживаются прежде всего в актах Люблинской унии 1569 г. Здесь мы находим почти идентичную формулировку условий военно-политического союза⁴⁶, установление о введении единой монеты⁴⁷ и, что особенно важно, постановление о ничем не ограниченных возможностях «доставать имения» литовцам в Польше, а полякам — в Литве⁴⁸. Описанные в проекте 1600 г. символические атрибуты единства также находят себе параллели в созданном после Люблинской унии государственном гербе Речи Посполитой и в других изображениях такого рода, сама конструкция которых подчеркивала единство федерации и равноправность входящих в нее частей. Можно констатировать, что составители проекта 1600 г. извлекли из акта унии 1569 г. почти все положения, которые можно было провести в жизнь, не создавая таких общих для всей конфедерации институций, как единая особа монарха и общий сейм (как высшая государственная инстанция).

Вместе с тем обращает на себя внимание, что среди условий Люблинской унии почти отсутствуют постановления об улучшении экономических контактов между странами, аналогичные тем, которые имеются в проекте 1600 г. Подобные постановления, однако, можно обнаружить в проекте условий унии, подготовленном в 1563 г. представителями Великого княжества⁴⁹. В этой своей части предложения литовской рады не были приняты Коронай, и в тексте условий Люблинской унии они заменены статьей, по которой имущество шляхты и ее подданных освобождалось от всяких пошлин, а относительно купцов все должно было остаться по-старому⁵⁰. Использование в нашем проекте текстов, восходящих к одному из литовских документов, указывает на возможное участие в его подготовке канцелярии Великого княжества. Участие это, впрочем, не привело к существенным переменам концепционного порядка. В своих основных моментах, восходящих к акту Люблинской унии, концепция, лежащая в ос-

⁴⁶ Akta unii..., s. 359.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid., s. 360.

⁴⁹ Akta unii..., s. 167—168 (установления об упразднении одних торговых пошлин и фиксации размеров других, о свободе проезда и торговли для купцов обеих стран и т. д.).

⁵⁰ Ibid., s. 360.

новё проекта 1600 г., как и акт унии, соответствовали наиболее общим интересам всего господствующего класса Речи Посполитой. Вместе с тем в некоторых, весьма существенных чертах концепция проекта 1600 г. отличалась от концепции Люблинской унии. В проекте налицо ряд постановлений, которые не имеют аналогий ни в актах Люблинской унии, ни в тексте документа 1590 г. и посвящены вопросу, ранее в истории взаимоотношений между Россией и Речью Посполитой не поднимавшемуся, — вопросу вероисповедному⁵¹.

Проект предусматривал, что для поляков и литовцев, которые поступят на царскую службу, а также для постоянных представителей Речи Посполитой при царском дворе в Москве и других русских городах должны быть построены «костелы» для удовлетворения их духовных нужд. Вместе с тем польско-литовская сторона должна была настаивать на том, чтобы за феодалами, которые тем или иным способом приобретут земли в России, было признано право строить на этих землях церкви «Римской» или «Русской» религии, т. е. католические и униатские. Не ограничиваясь обеспечением духовных нужд польско-литовских подданных, проживающих в России, составители проекта предлагали, чтобы при костелах были созданы школы и «основаны коллегии, чтобы люди Московского народа учились латинскому языку, так как это может быть для них очень нужно и полезно»⁵². Если учесть, что все эти коллегии, как ясно видно из контекста, должны были быть католическими, а в Речи Посполитой главными организаторами таких коллегий в последней четверти XVI в. выступали, как известно, иезуиты (они уже к исходу столетия могли похвалиться заметными успехами по обращению в католицизм обучавшейся в их учебных заведениях дворянской молодежи разных вероисповеданий), то будет ясно, что речь шла о создании сети учебных заведений для распространения католической веры среди молодого поколения русского дворянства. С этими замыслами была связана, несомнен-

⁵¹ На роль этого вопроса в проекте 1600 г. обращал внимание К. Тышковский, связывая появление соответствующих положений с воздействием контрреформационной идеологии (*Tyszkowski K. Planu unji polsko-moskiewskiej na przełomie XVI i XVII wieku.* — *Przegląd współczesny*, 1928, s. 393, 397—399, 401).

⁵² Сб. РИО, т. 137, с. 48—49.

но, и просьба польско-литовской стороны разрешить русским молодым дворянам поступать в школы на территории Речи Посполитой⁵³.

Добиваясь построения костелов для духовных нужд католиков, составители проекта, однако, не проявили никакой заботы об аналогичных нуждах протестантских подданных Речи Посполитой. Более того, в тексте проекта 1600 г. содержится просьба, чтобы «великий князь Московский не допускал в своей земле еретичества»⁵⁴. Таким образом, составители проекта, добиваясь создания благоприятных возможностей для осуществления католической миссии на территории России, одновременно призывали русское правительство принять меры против попыток пропаганды своей веры со стороны польско-литовских феодалов-протестантов. Такая демонстрация враждебного отношения правительства к своим подданным иного вероисповедания дает материал для суждений о среде, в которой проект создавался. Если какой-то проект «соединения» и был представлен Сигизмунду III представителями Великого княжества, то он никак не мог включать в себя формулировок, ставивших в неравноправное положение протестантских магнатов Литвы, таких, например, как кальвинист К. Радзивилл, гетман и воевода виленский. Очевидно, окончательный свой вид проект «вечного соединения» получил на совещаниях в узком кругу между королем и его ближайшим окружением и руководителями великокняжеской канцелярии — такими ревностными католиками, как канцлер Л. Сапега и братья Войны (подканцлер Габриель и писарь Матвей).

Появление в проекте «соединения» подобных определений и формулировок ясно говорит о существенном видоизменении концепции восточной политики Речи Посполитой под влиянием контрреформационной идеологии. Еще в 80-х годах XVI столетия официальным лозунгом восточной политики Речи Посполитой было заключение между государствами унии по образцу Люблинской. Между тем суть Люблинской унии заключалась в уравнении социально-политического положения отдельных групп феодалов в рамках сложного организма Речи Посполитой путем предоставления всем им, независимо от националь-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 47.

ности или вероисповедания, одинаковых прав и привилегий, которые ограждали феодалов и их собственность от возможных посягательств со стороны государственной власти и одновременно укрепляли их классовое господство над горожанами и крестьянством. В соответствии с этим в процессе подготовки к унии были, как известно, ликвидированы те правовые нормы, которые ставили православных феодалов Великого княжества в юридически неравноправное положение по отношению к их католическим собратьям⁵⁵. Поэтому ни в проектах 80-х годов, ни в проекте 1590 г. вопрос о распространении католической религии в России не фигурировал. К началу XVII в. положение изменилось. Новое поколение польско-литовских политиков, формирование взглядов которого происходило в условиях роста контрреформации, отошло от политических построений предшествующего периода, склоняясь к тому, чтобы считать важнейшей гарантией государственного единства, в соответствии с высказываниями П. Скарги, не только единство социально-политических институтов, но в неменьшей мере единство вероисповедания. Из этой новой ориентации вытекали попытки принудить православное население Речи Посполитой признать власть римского папы, что нашло свое отражение и в провозглашении Брестской унии 1596 г., и в последовавших за ней гонениях на православных, не признававших унии. Для этих политиков восточноевропейская федерация была немыслима без возникновения перспектив на достижение такого религиозного единства хотя бы в будущем. Не случайно вместе с посольством в Москву выехал проповедник-иезуит, подготовивший для послов специальное рассуждение об унии церквей, которое было затем зачитано на переговорах⁵⁶.

Несмотря на существенность корректив, внесенных правительством Речи Посполитой к началу XVII в. в свой внешнеполитический курс, оценивая концепцию проекта 1600 г. в целом, следует признать, что ее основная линия, намеченная в проекте 1590 г., осталась прежней и

⁵⁵ Подробнее об этом см. в статье: *Bardach J. Krewo i Lublin. Z problemów unii polsko-litewskiej.*— *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego.* Białystok, 1970, s. 49—52.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie 1600 r.* Lwów, 1927, s. 49, 58—59.

лишь приобрела после внесенных поправок и уточнений большую четкость и последовательность. Это была линия на создание условий для польско-литовской феодальной колонизации русской территории и для всестороннего воздействия на русское общество со стороны господствующего класса Речи Посполитой. Тем самым были бы заложены основы для последующего объединения России и Речи Посполитой в едином государственном организме при определяющем влиянии польско-литовских феодалов.

Как же представляли себе авторы проекта такое слияние? Ответ на этот вопрос дают установления, помещенные в заключительной части проекта. В них рассматриваются как формально равнозначные две возможности: будущим государем России и Речи Посполитой может стать и царь, и король. С формальной точки зрения второй вариант было, несомненно, легче осуществить: в Речи Посполитой трон был выборным и достаточно было дожидаться лишь смерти царствующего монарха, чтобы осуществить унию, в то время как в России власть монарха была наследственной и следовало бы ждать пресечения династии, что могло отодвинуть момент слияния государств в неопределенно далекое время. Однако составители проекта поставили вопрос иначе. Правда, после смерти короля царю предоставлялось право «договариваться» с сенаторами и шляхтой относительно возможного кандидата на трон. При этом, однако, подчеркивалось, что царь не должен преграждать дороги к трону королевскому сыну и вообще ничем не ограничивать вольной элекции. Лишь в случае, если бы у покойного короля не осталось потомства, «станы Короны Польской и Великого княжества Литовского», как дипломатично сказано в проекте, «не исключают (nie zagazaią) для себя выбрать (своим) паном господаря Русского»⁵⁷. Следовательно, и после возможного пресечения династии Ваза Речь Посполитая не принимала на себя никаких определенных обязательств по отношению к царю. Совершенно иную ситуацию создавала бы смерть бездетного русского монарха. В этом случае, указывалось в проекте, «король его милость польский... должен быть господарем русским»⁵⁸. Можно отметить ряд обстоятельств, определивших фактический

⁵⁷ Сб. РИО, т. 137, с. 51.

⁵⁸ Там же, с. 52.

отказ польско-литовских политиков от заключения династической унии с Россией путем выбора царя на польский трон. Здесь, несомненно, не последнюю роль сыграла позиция самого короля Сигизмунда, стремившегося сохранить польский трон для своих потомков (без его согласия нельзя было внести соответствующие клаузулы в этот проект, не имевший даже санкции сейма), и стремление польско-литовских феодалов ни в чем не нарушить вольность элекции, которая в Речи Посполитой XVI—XVII вв. считалась основой шляхетских «свобод». Вместе с тем, стремясь сохранить за собой ничем не ограниченную свободу выборов, польско-литовская шляхта продолжала отказывать русскому дворянству в праве выбирать себе государя. Эта линия была прямым продолжением соответствующих постановлений в проектах 80-х годов XVI в. Такой курс был в прямом противоречии с фактами русской действительности начала XVII в., когда русское дворянство (вместе с представителями городского сословия) уже фактически пользовалось таким правом, избрав в 1598 г. на русский трон по пресечении династии Рюриковичей Б. Годунова. Перемены в русской жизни косвенно отразились и на построениях самих польско-литовских политиков, которые при рассмотрении ряда вопросов сами предполагали активное участие представителей русских сословий в решении важнейших вопросов межгосударственных отношений: так, в том же проекте 1600 г. послам предписывалось добиваться, чтобы при заключении договора о «вечном соединении» царь приносил присягу «с боярами думными и со всеми станами»⁵⁹. Выбор такой конструкции унии, когда один и тот же правитель был выборным государем в одной части федерации и независимым от общества правителем в другой, явно сближает проект 1600 г. (в его заключительной части) с построениями польско-литовских политиков во время «бескоролья» 1587 г. С этими построениями сближают проект 1600 г. и те его нормы, в которых определялись будущие взаимоотношения обоих государств после их соединения под властью единого монарха. И после унии оба государства должны были оставаться отдельными политическими организмами, их объединяла бы лишь личность общего монарха, который два года из трех должен

⁵⁹ Сб. РИО, т. 137, с. 53.

проводить в Речи Посполитой и один год — в России⁶⁰. Создание такой общей институции, как сейм, проект 1600 г. даже после установления унии не предусматривал.

Можно отметить существенную разницу мотивов, склонявших к сходным решениям ораторов на третьей элекции и составителей проекта 1600 г. Если для первых отсутствие общегосударственных институций было важно потому, что тем самым Речь Посполитая избавлялась бы от участия в войнах между Россией и ее соседями и не должна была бы нести расходов на оборону союзника, то для составителей проекта 1600 г., исходивших из того, что у обоих государств будет с самого начала единая внешняя политика, такой мотив явно не мог иметь значения. Для них главным был другой довод, выдвигавшийся в 1587 г.: невозможность сотрудничества по внутриполитическим вопросам с не обладающим навыками и традициями собственного парламентаризма русским дворянством. Однако если в этом плане польско-литовские политики склонны были смотреть сверху вниз на своих русских коллег, то совсем иным было их отношение к Русскому государству как политическому партнеру.

Показательно, что по проекту 1600 г. все взаимоотношения между государствами должны были строиться на строго равноправной основе, при одинаковых обязательствах сторон. Разумеется, за равноправными формулами проекта скрывались расчеты польско-литовских феодалов на то, что при формально равных условиях их общество как, по их представлению, более культурное и политически развитое, сумеет добиться больших результатов, чем русское общество. Однако эта черта проекта свидетельствует и о понимании польско-литовскими политиками начала XVII в., что, лишь обращаясь с Русским государством как с полностью равноправным политическим партнером, можно рассчитывать на соглашение с ним. Такое заключение можно подкрепить еще одним наблюдением. Составители проекта исходили из того, что при заключении «вечного соединения» границы государств останутся неизменными⁶¹. Тем самым польско-литовская сторона молчаливо отказывалась от требования вернуть ей хотя бы часть территорий Смоленщины и Левобережной Укра-

⁶⁰ Там же, с. 51.

⁶¹ Там же, с. 52.

ины, которое в 70—90-х годах XVI в. было непременным условием «вечного докончания» с Россией. Отказ от этого требования дался польско-литовским политикам, конечно, нелегко. Еще в 1599 г. в польских политических кругах выдвигался проект возвращения «спорных провинций» с помощью брака овдовевшего Сигизмунда III с дочерью царя⁶². Однако правительство Речи Посполитой пошло на такой шаг, а это показывает, что оно правильно восприняло опыт переговоров 1590 г., свидетельствовавший о том, что выдвижение подобных требований сделает соглашение между государствами невозможным. Поскольку правительство Речи Посполитой временно сняло аннексионистские требования из своей программы, в 1600 г., в отличие от 1590 г., предложенные условия «соединения» смогли стать предметом дискуссии между сторонами. Материалы этой дискуссии, показывая отношение русского правительства к польско-литовскому проекту, вместе с тем могут служить источником для выявления собственных взглядов русских политиков на «соединение» между Россией и Речью Посполитой в сложной международной ситуации начала XVII в.⁶³

Полное одобрение русского правительства получили те части проекта, в которых излагались основные условия военно-политического союза между государствами. Русские дипломаты одобрили предложение о совместных действиях против татар и лишь по вопросу о создании «общего» флота запросили у польско-литовской стороны более подробных объяснений. Русские политики обошли молчанием предложение высылать все посольства в соседние страны лишь от имени и с участием представителей обоих государств. Одобрив общие принципы предложен-

⁶² *Hurmuzaki E.* Documente privitoare la istoria Romanilor, v. III/1. București, 1888, s. 532.

⁶³ При этом следует иметь в виду наличие некоторых расхождений между текстом инструкции и текстом, предложенным для обсуждения русским дипломатам (публикация этого текста: Сб. РИО, т. 137, с. 740 и сл.). Помимо некоторых композиционных перестановок и деления текста на статьи, было изменено в той или иной степени и содержание ряда пунктов проекта (так, предложения о создании «общего» флота и совместных действиях против татар были изложены в общей форме, без имевшихся в проекте конкретных деталей). Текст русского ответа (по рукописи: РАН, N 638) подробно изложен у К. Тышковского (*Poselstwo...*, s. 56—57).

ного союза, русское правительство не было намерено доводить дело до ликвидации самостоятельной внешней политики России и Речи Посполитой. Аналогичные расхождения наметились и по вопросу об экономических отношениях между государствами. Полностью одобрив предложения о свободе торговых поездок и о фиксации размеров торговых пошлин, русское правительство отклонило предложение о введении в обоих государствах одинаковой монеты. Поскольку такая мера не могла нанести одной из стран экономического ущерба, ясно, что мотивы решения русских политиков следует искать в другой плоскости. Соглашаясь на развитие торговых контактов между сторонами, русское правительство стремилось избегать таких шагов, которые могли бы ограничить его суверенитет.

По другим вопросам различия точек зрения оказались еще более существенными. Так, русское правительство категорически отклонило те условия, которые предусматривали построение в русских городах и во владениях отдельных феодалов «костелов» с их последующим превращением в центры католической пропаганды. Оно лишь заверило, что приезжающим в Россию католикам не будут препятствовать исповедовать свою веру в частном порядке. Серьезные расхождения наметились и при подходе к наиболее существенной, с точки зрения польско-литовских политиков, части проекта — комплексу статей, определявших рамки возможных отношений между феодалами России и Речи Посполитой, а также условия жизни дворян одной страны на территории другой. Правда, ряд предложений польско-литовской стороны русское правительство одобрило. Так, оно было не против того, чтобы подданные одного государства ездили в другое и поступали там на службу при дворе и в войске. Русское правительство также согласилось разрешить своим подданным посылать детей «в службу и в науку» в Речь Посполитую⁶⁴. Однако одновременно русское правительство заявило, что браки между подданными обоих государств невозможны из-за различия вероисповедания и заняло отрицательную позицию по наиболее существенному для

⁶⁴ Это даже соответствовало намерениям правительства, как раз в первые годы XVII в. направившего группу дворянских детей для обучения в Англию и Голландию.

господствующего класса Речи Посполитой вопросу, отказав польско-литовским феодалам в праве приобретать имения на русской территории. Одновременно было разъяснено, что русская сторона не согласна и на то, чтобы «вотчины на обе стороны в приданое давати». Правда, к этому было добавлено, что царь, конечно, будет давать земли тем панам и шляхтичам, которые поступят к нему на службу, но лишь в условное владение, так что, оставив службу, они утратили бы и права на эти земли. Такое решение вопроса, разумеется, открывало возможность для материального преуспевания части малоимущей шляхты, но, конечно, не давало никакой основы для польско-литовской феодальной колонизации русских земель. Кроме того, русское правительство категорически отклонило предложения о создании символических атрибутов «соединения» и отказалось обсуждать вопрос об условиях наследования русского трона. Единственное, что нашли нужным сказать русские представители, было обещание, что царь, если его выберут на польский трон по пресечении династии Ваза, даст присягу соблюдать все шляхетские «вольности».

Если выбрать из польско-литовского проекта те условия, которые русское правительство соглашалось принять, то обрисуются контуры концепции, согласно которой «вечное соединение» — это прежде всего «вечный» военно-политический союз с одновременным сближением обоих государств по линии торговли и межгосударственного общения, но с максимально широким в данных условиях объемом самостоятельности обоих вступивших в «соединение» государственных организмов. Нетрудно видеть, что перед нами не что иное, как внешнеполитическая концепция, сформулированная русскими политиками во время «бескоролья» 1587 г. Почти все условия, на которые согласилось русское правительство, находят точные аналогии в подготовленных тогда проектах договоров. Различие заключалось лишь в том, что к 1600 г. позиция русского правительства по некоторым вопросам стала более жесткой. Так, проект договора 1587 г. предусматривал, что царь будет раздавать польско-литовским феодалам в собственность земли «в новых городах на Диком поле»⁶⁵. В 1600 г. об этом вообще не было речи.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 133.

Очевидно, смена позиции в этом вопросе была вызвана наблюдениями над бурным ростом польско-литовской феодальной колонизации восточных территорий Речи Посполитой на границе с Северской землей, когда польско-литовские феодалы пытались расширить свои владения за счет русской территории. В этих условиях раздача подданным Речи Посполитой земель «на Диком поле» могла бы привести к дальнейшему развитию подобных тенденций и поставить под угрозу русский суверенитет на территории пограничных областей⁶⁶. Изменилась позиция русского правительства и по вопросу о возможности браков между подданными России и Речи Посполитой. Если проект договора 1587 г. предоставлял подданным обоих государств право «свататися и племянство чинити»⁶⁷, то в 1600 г. такую возможность русские политики исключали, указывая на различие вероисповедания. В этом изменении линии нашли определенное отражение успехи контрреформации в Речи Посполитой. Если еще в 1587 г. Великое княжество Литовское, например, воспринималось русским правительством как страна, в которой «римская вера» была вероисповеданием меньшей части населения, то к началу XVII в. Речь Посполитая в их понимании была уже преимущественно католической страной.

Наблюдения по частным вопросам приводят к заключению общего порядка: по мере дальнейшего развития восточной экспансии Речи Посполитой как в форме шляхетской колонизации восточных областей, так и в форме подчинения православного населения католической церкви объективно сужалась база для возможного сотрудничества обеих восточноевропейских держав.

Все же занятая русским правительством позиция открывала определенные возможности для политического сотрудничества между восточноевропейскими державами. Однако они не были использованы, поскольку во время дальнейших переговоров⁶⁸ польско-литовская сторона четко поставила само заключение соглашения о союзе в зависимость от того, разрешит ли русское правительство польско-литовским феодалам заключать браки и приобре-

⁶⁶ Очень ясно подобный мотив выступает в построениях русских политиков в 1610—1611 гг. (см. об этом ниже).

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 162 об.

⁶⁸ См. о них: *Tyszkowski K. Poselstwo...*, s. 57—58.

татъ недвижимость в России. Необходимость именно такого решения аргументировалась тем, что лишь кровные и имущественные связи между дворянством обоих государств могут быть гарантией прочности заключенного договора. Обоснованность этих суждений вызывает, однако, серьезные сомнения. История отношений между Литвой и Коронай в десятилетия, предшествовавшие Люблинской унии, убедительно показывает, что приобретение польскими феодалами имений на пограничных территориях Великого княжества (с помощью браков, покупкой и т. д.), которое вело затем к фактическому включению этих земель в состав Короны, не только не укрепляло взаимоотношения, но, напротив, было источником постоянной напряженности в отношениях между этими государствами⁶⁹. Так, например, на литовском сейме 1554 г. стоял вопрос о том, «абы на Подляшье и на Волюню именовей не куповали чужеземцы, ани жадными причинами не поседали, кгды ж тым не мало паньства Великого Князьства убываетъ»⁷⁰. Тогда же волинская шляхта обратилась к господарю с просьбой о принудительном выкупе всех земель, приобретенных поляками на Волини⁷¹. На сейме 1559 г. встал вопрос о принудительном выкупе польских имений в Жемайтии⁷² и т. д. Разумеется, все эти факты польско-литовским политикам были известны, но они обошли молчанием эту сторону проблемы, поскольку их усилия были направлены прежде всего на то, чтобы снять барьеры на пути польско-литовской феодальной экспансии на Восток.

Для официального курса польско-литовской восточной политики начала XVII в. следует признать весьма показательным, что вторым неперенным условием соглашения, по мнению послов, должна была стать свобода католической проповеди в России. При этом настойчиво ставился вопрос о необходимости для москвичей ближе ознакомиться с «латинской» верой и обсудить с польско-литовской стороной вопрос об унии церковей под главен-

⁶⁹ Общую постановку вопроса см.: *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, с. 273—274.

⁷⁰ Русская историческая библиотека, т. 30. Юрьев, 1914, стб. 231—232.

⁷¹ Там же, стб. 277.

⁷² Там же, стб. 281—282.

ством папы⁷³. Русское правительство снова отклонило эти предложения, но вместе с тем русские дипломаты подчеркивали желательность политического сотрудничества между обоими государствами и, в частности, ставили перед польско-литовскими представителями вопрос о согласованных действиях России и Речи Посполитой в Прибалтике⁷⁴. Однако в этих условиях польско-литовские послы не проявили желаний продолжать переговоры о «соединении». Занятая ими позиция ясно показывает, что господствующий класс Речи Посполитой был заинтересован лишь в таком соглашении с Россией, которое открывало бы возможности для дальнейшего развития восточной экспансии, и отвергал те варианты урегулирования отношений, которые таких возможностей не предусматривали.

На этом переговоры о проекте «унии» закончились. Однако с приездом в Вильно зимой 1601—1602 гг. для ратификации договора о перемирии русских послов литовские сенаторы в беседах с русскими представителями снова подняли вопрос о «соединении», говоря с ними, как сообщал нунций в Рим, о «польской свободе» (*della liberta polacca*)⁷⁵. Эта инициатива ясно свидетельствует, что и после неудачного окончания переговоров вопрос о «соединении» продолжал быть актуальным для руководящего круга польско-литовских политиков. Вместе с тем избранный ими способ действий показывает, что с межправительственных контактов центр их интересов стал перемещаться на контакты межсословные, на первый план стали выдвигаться расчеты на привлечение русского дворянства к идее «унии» обещанием шляхетских «вольностей» по польскому образцу. Критическое испытание основательности этих расчетов, определившее в конечном итоге всю судьбу восточных концепций Речи Посполитой, произошло в бурные годы «Смуты».

⁷³ *Tyszkowski K. Poselstwo...*, s. 58.

⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения...*, с. 147—149.

⁷⁵ См. донесение нунция К. Рангони от января 1602 г.— *Zakład Dokumentacji Instytutu Historii Polskiej Akademii Nauk w Krakowie*.— *Teki rzymskie*, N 53.

**Проект восточноевропейской федерации
в период польско-литовской интервенции
в Русском государстве.
Крах восточной политики
Речи Посполитой¹**

Примерно к 1603 г. классовые и внутриклассовые противоречия в русском обществе достигли такой остроты, что и иностранным наблюдателям стало ясно — в России назревает внутривластный кризис. Истоки его коренились в процессе формирования крепостничества. Возникновение в Русском государстве сложной конфликтной ситуации стало стимулом для активизации внешней политики соседних с ним государств, для их попыток осуществить свои планы в отношении России. Наибольшей активностью была отмечена внешняя политика Речи Посполитой. Первым актом польско-литовской восточной политики стала попытка использовать назревавший в России кризис, для того чтобы устранить монарха, отклонившего польско-литовские предложения, и способствовать возведению на русский трон такого правителя, который содействовал бы осуществлению польско-литовских проектов. Такой попыткой стала развернувшаяся в 1604—1605 гг. авантюра претендента на русский трон Лжедмитрия I. Ее активными организаторами, как указывал В. Д. Королюк, «явились украинские и малопольские магнаты Речи Посполитой, поддержанные королем, папским нунцием и иезуитами»².

Согласно тексту «кондиций»-договора (заключен в Кракове весной 1604 г.) между Самозванцем и Сигизмундом III «царевич» взял на себя обязательство вернуть Речи Посполитой Северскую землю, разрешить строить в

¹ Сложная проблематика всего комплекса польско-русских отношений периода крестьянской войны в России и польско-литовской интервенции рассматривается в данном разделе лишь в той степени, насколько это необходимо для выяснения судьбы политических концепций, выработанных в предшествующий период.

² История Москвы, т. I. М., 1952, с. 293.

России «костелы» и допустить туда иезуитов для проповеди католической религии, а также соединить Россию и Речь Посполитую «вечной унией»³. Содержание последнего понятия позволяют раскрыть инструкции «великим послам» Речи Посполитой М. Олесницкому и А. Гонсевскому, отправленным в Москву в феврале 1606 г., когда Самозванец, умело используя недовольство крестьянства, служилых людей и мелкого дворянства Юга политикой Бориса Годунова, сумел утвердиться на русском троне. В этих инструкциях⁴ изложен проект условий «вечного соединения» между Россией и Речью Посполитой, все основные положения которого заимствованы из польско-литовского проекта 1600 г.⁵ Одновременно, ссылаясь на данные в свое время «царевичем» обязательства, польско-литовские представители должны были решительно добиваться передачи Речи Посполитой хотя бы части спорных областей, «без чего трудно заключить вечный мир и (установить) прочную дружбу» между государствами.

Лжедмитрий I, по-видимому, пытался выполнить некоторые из своих обещаний, но эти попытки натолкнулись на столь сильное сопротивление в России, что он оказался вынужденным непрерывно лавировать между русским обществом, с одной стороны, и Речью Посполитой и Ватиканом — с другой. Это лавирование привело Лжедмитрия к потере завоеванных им позиций и его гибели во время майского восстания 1606 г.⁶ Задуманный план тем самым провалился, и польско-литовские политики, осознав ненадежность избранного ими пути⁷, перешли к поискам других способов достижения своих целей.

Эти поиски происходили в условиях, когда смерть Лжедмитрия I явилась как бы своеобразным катализатором для нового взрыва классовых и внутриклассовых конфликтов в стране. Хотя кульминационная точка кризиса

³ *Hirschberg A. Dymitr Samozwaniec. Lwów, 1898, s. 43.*

⁴ Текст инструкций см.: *Czart., 2101, k. 31—35.*

⁵ Отсутствуют лишь пункты о создании символических атрибутов объединения и о будущем устройстве обоих государств, когда они окажутся под властью одного монарха.

⁶ Краткую, но всестороннюю характеристику русско-польских контактов времен Лжедмитрия I и их влияния на его судьбу дает В. Д. Королюк. — *История Москвы, т. I, с. 297—299.*

⁷ Характерно, что новый самозванец, Лжедмитрий II, не получил ни признания, ни помощи со стороны польско-литовского правительства.

(крестьянская война под предводительством Ивана Болотникова) пришлась на 1606—1607 гг., после поражения повстанцев Россию продолжали потрясать конфликты между социальными и региональными группировками, что привело к возникновению нескольких политических центров, оспаривавших друг у друга власть в стране. В этих условиях «великого разорения» и следовавшего за ним военно-политического ослабления Русского государства на первый план стали активно выдвигаться представители тех кругов господствующего класса Речи Посполитой, которые проповедовали проведение открыто агрессивной политики, направленной против всего русского общества,— новое явление в истории русско-польских отношений.

Наиболее четко взгляды этих кругов выражены в сочинении Павла Пальчовского «*Kołąda moskiewska*», напечатанном в Вильно в 1609 г.⁸ Описывая плодородие и богатство России, автор призывал польско-литовскую шляхту к завоеванию России, доказывая легкость этого предприятия ссылкой на успехи испанских конкистадоров в Новом Свете. «Несколько сотен испанцев,— писал он,— победили несколько сот тысяч индейцев», а москвиты, может быть, лучше вооружены, чем те люди, но вряд ли храбрее их⁹.

Характерное для этого высказывания приравнивание русских к жителям Нового Света имело в рамках концепций польско-литовских политиков еще и другой смысл. В начале XVII столетия, как показано В. Чаплиньским, в шляхетской среде снова оживают традиционные мысли о том, что внутренние проблемы, возникающие перед господствующим классом Речи Посполитой, могут быть решены за счет феодальной колонизации русских земель¹⁰. Однако если политики второй половины XVI в. (публицисты, например, времен первого «бескоролья») рисовали себе этот процесс по образцу польской феодальной

⁸ Подробный анализ этого памятника дан в работах современных польских исследователей В. Чаплиньского и Я. Мацшевского. (*Czapliński W. Propaganda w służbie wielkich planów politycznych.*— In: *O Polsce siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy.* Warszawa, 1966; *Maciszewski J. Polska a Moskwa, 1603—1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej.* Warszawa, 1968, s. 173—177)..

⁹ *Czapliński W. Propaganda...*, s. 193.

¹⁰ *Ibid.*, s. 191—193.

колонизации Украины и Белоруссии, ориентируясь на решение проблемы путем соглашения с русским правительством и с дворянством, то для ряда польских политиков и публицистов начала XVII в. образцом для подражания становится испанская монархия и деятельность конкистадоров на американских землях. Русские земли должны стать для Речи Посполитой тем, чем является Новый Свет для Испании и Португалии¹¹.

В соответствии с этими предпосылками П. Пальчовский планировал создание в завоеванной стране целых поселений поляков (как шляхты, так и людей «посполитой кондиции»), наделенных русской землей «по подобию колоний римских». Эти колонии стали бы опорными пунктами польско-литовской власти в крае. Роль других опорных пунктов должны были играть укрепленные «замки» со специально выделенными для них особыми округами — по образцу португальских крепостей в северной Африке. Остальные земли пошли бы в раздачу польско-литовскому дворянству. Правда, Пальчовский допускал, что те земли, которые не будут заняты шляхтой, могут быть розданы русским дворянам, но его оговорка, что эти владения должны быть небольшого размера, ясно показывают, что в новой системе устройства местному господствующему классу отводилась явно подчиненная роль¹². К этому добавлялась идея «крестового похода» на Восток против русских, которые христиане лишь по названию, а в действительности «не заслуживают того, чтобы называть их христианами»¹³.

Высказывания П. Пальчовского не были отражением лишь его собственных взглядов. Отзвуки аналогичных воззрений обнаруживаются также в инструкциях сеймиков и в публичных выступлениях сенаторов и послов¹⁴, а идею «священной войны» энергично пропагандировали католический епископат и курия. Не случайно всем участникам будущего похода на Россию самим папой было

¹¹ Ряд высказываний такого рода в публицистике 1609—1614 гг. собран в этюде Я. Тазбира: *Indyjskie skarby i dzikie pola*. — In: *Tazbir J. Szlachta a konkwistadorzy*. Warszawa, 1966.

¹² *Palczowski P. Kołęda Moskiewska*. Wilno, 1609, p. 29 v. — 30; *Maciszewski J. Polska...*, s. 174—175.

¹³ *Czapliński W. Propaganda...*, s. 195.

¹⁴ *Ibid.*, s. 198—199; *Maciszewski J. Polska...*, s. 182, 230, 238, 268.

дано отпущение грехов¹⁵. Но, пожалуй, наиболее существенно, что сочинения П. Пальчовского, как показал В. Чаплинский, были инспирированы королевским двором¹⁶ и, следовательно, выраженные в них идеи были близки группе политиков, державших в своих руках нити управления страной. Таким образом, в политическом мышлении части польско-литовского дворянства произошли явные сдвиги от идеи распространения государственных границ путем наделения местного дворянства шляхетскими правами и вольностями к пропаганде квази-колониальных форм эксплуатации русских земель.

Однако, хотя король и его ближайшие советники Ф. Крыйский и А. Бобола, несомненно, желали бы действовать в духе предложений П. Пальчовского, в официальной политике Речи Посполитой по отношению к России возобладала иная линия, при которой отдавалось предпочтение политическому решению вопроса. Дело было прежде всего в том, что у короля и его группировки не имелось реальных возможностей для завоевания России. В стране, как на обширном материале показал Я. Мацишевский, в течение всего интересующего нас периода существовала значительная оппозиция, выступавшая против вмешательства в русские внутренние дела. Эта оппозиция в шляхетской среде была настолько сильной, что на сейме 1609 г. король не решился поставить на обсуждение посольской избы вопрос об интервенции. Тем самым при осуществлении каких-либо планов в отношении России королевская группировка могла рассчитывать лишь на силы и средства группы связанных с королем магнатов. В этих условиях король и его окружение оказались вынужденными принять политическую линию тех политиков (главным среди них был гетман коронный Станислав Жолкевский), которые, одобряя необходимость военного вмешательства для возведения на русский трон польского короля, по-прежнему полагали, что достижения своих целей на Востоке Речь Посполитая должна добиваться путем соглашения с русским дворянством. Такой политический курс, казалось, тем более обещал реальные результаты, так как уже в 1606—1607 гг. в Речь Посполитую стали поступать известия, что часть

¹⁵ *Sobieski W. Żółkiewski na Kremlu. Kraków, 1920, s. 18—21.*

¹⁶ *Czapliński W. Propaganda..., s. 188—190.*

русских правящих верхов готова возвести на русский трон члена польской королевской семьи, чтобы с помощью польско-литовских феодалов подавить движение социальных низов¹⁷. Для понимания дальнейших событий важно отметить, что группировавшиеся вокруг Сигизмунда III круги принимали традиционную политическую линию скорее как тактический ход, который помог бы создать благоприятную ситуацию для проведения политики прямого подчинения России с помощью насильственных средств.

Об официальном курсе восточной политики Речи Посполитой после начала открытой интервенции дает представление ряд официальных обращений к населению России во второй половине 1609 г. Так, в универсале населению Смоленска, отправленном сразу после перехода границы королевской армией, все беды, постигшие страну в бурные годы «Смуты», объяснялись тем, что по пресечении законной династии на престол стали вступать люди, которые «не по своей мере на царскую высоту и царский стол покусились». Сигизмунд III «как царь христианский и приближный дедич Русского государства, вспомнив родство и братство наше, которое имели мы от прадедов наших с природными покойными государями московскими», приходит спасти несчастный край от постигших его бедствий. Если смольняне согласятся признать короля своим государем, то он намерен сохранить их веру и держать их «во всякой чести и вольности»¹⁸.

В последующих обращениях к русскому населению тезис о «правах» Сигизмунда III на русский трон больше не встречается. Это, думается, отражает определенные разногласия между Сигизмундом III и поддерживавшей его магнатской группировкой. Польско-литовские магнаты, конечно, желали, чтобы Сигизмунд III вступил на русский трон, но не как абсолютный монарх, преемник царей, а как выборный глава Речи Посполитой по соглашению между русским и польско-литовским дворянством. Сигизмунд III вынужден был пойти навстречу их требо-

¹⁷ См.: Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Крестьянское восстание под руководством И. И. Болотникова и Речь Посполитая.— Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков. М., 1974, с. 343—344.

¹⁸ Текст универсала: *Nietsewicz J. U. Dzieje panowania Zygmunta III*, t. II. Kraków, 1860, s. 315—317.

ваниям. Зато в его последующих обращениях к русскому населению, например в письмах к русским боярам и дворянам в лагере Лжедмитрия II, получила развитие другая тема смоленского универсала: сохранение традиционного общественного устройства. В этих письмах король обещал «надарыти и размножити» православные церкви и монастыри, а русских феодалов «при всех старожытных звичаях заховати». Однако на этот раз правительство Речи Посполитой пошло дальше, обещая русским тушинцам «прибавити права и вольности лучшие, которые прежд того в Московском государстве не были» и «снять с них тиранских людей неволю»¹⁹, т. е. освободить их от власти «деспотически», в духе старых традиций управляющих русским обществом правителей²⁰. Разумеется, эти обещания, хотя и адресованные всему населению России, имели в виду только русское дворянство, поскольку лишь дворянство пользовалось «правами и вольностями» в Речи Посполитой шляхетской.

Такой политический курс встретил сочувственный отклик со стороны ряда группировок русского дворянства. Летом 1609 г., еще до выступления Сигизмунда III в поход, воеводы некоторых западных городов России начали переговоры с властями Речи Посполитой о возведении на русский трон польского кандидата²¹. В начале 1610 г., уже после вступления королевской армии на русскую территорию, значительная часть русских феодалов — сторонников Лжедмитрия II — покинула своего кандидата и начала с Сигизмундом III переговоры о «соединении» с Речью Посполитой, которые завершились заключением предварительного соглашения, так называемого смоленского договора в феврале 1610 г.²² Летом 1610 г., когда армия С. Жолкевского подошла к Москве, одна из группировок московского боярства во главе с Ф. И. Мстиславским выступила с инициативой переговоров с гетманом и сумела убедить находившиеся в столице дворянские от-

¹⁹ Сб. РИО, т. 142. М., 1913, с. 48—49.

²⁰ См. текст одного из выпущенных королевской канцелярией памфлетов, где данная формула раскрывается именно так: *Sobieski W. Zólkiewski...*, s. 16.

²¹ *Ibid.*, s. 12—13.

²² Платонов С. Ф. Очерки по истории «Смуты» в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899, с. 423—428; Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, с. 543—544.

ряды и московский посад заключить с Жолкевским (как представителем Речи Посполитой) в августе 1610 г. еще одно предварительное соглашение о «соединении» Речи Посполитой и России²³. Не подлежит сомнению, что основной причиной тяготения социальных верхов русского общества к династической унии были надежды на то, что с помощью Речи Посполитой им удастся стабилизировать положение внутри страны и сохранить существующий социальный строй. Не случайно и февральский, и августовский договоры предусматривали отмену крестьянских «выходов», полную власть господ над своими «холопами» и, что главное, обязательство Речи Посполитой начать военные действия против «воров» и вести по отношению к казачеству согласованную с русскими феодалами политику²⁴. Более того, страх перед народными волнениями заставил бояр добиться ввода в Кремль польского гарнизона, что независимо от их побуждений было объективно не чем иным, как актом национальной измены. Этот аспект проектов унии был ясен уже современникам²⁵. Его вынуждена была констатировать и русская буржуазная историография XIX в., склонная в большей мере подчеркивать не классовые, а национально-объединительные моменты в событиях так называемой «Смуты»²⁶. Правильно констатируя эту сторону дела, исследователи, однако, не анализировали содержания обоих соглашений 1610 г. в целом и не сопоставляли их с концепциями соединения между Россией и Речью Посполитой, выдвигавшимися обеими сторонами в предшествующий период.

Между тем, только проделав такую работу, можно представить себе позицию русской стороны по интересующим нас вопросам в целом и понять дальнейшее направление восточной политики Речи Посполитой после заключения упомянутых соглашений. При этом следует иметь в виду, что оба соглашения передают русскую програм-

²³ Платонов С. Ф. Очерки..., с 450—463; Очерки истории СССР..., с. 548—549.

²⁴ Сб. РИО, т. 142, с. 68, 73, 99—100, 107—108.

²⁵ См., например, изречение, вложенное Авраамием Палицыным в уста боярских правителей Москвы: «Лучше убо государичю служить, нежели от холопей своих побитыми быти» (Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 208).

²⁶ Платонов С. Ф. Очерки..., с. 427.

му унии неточно и неполно. Уже С. Ф. Платонов отметил, что так называемый смоленский договор — это лишь перечень условий, по которым обе стороны достигли предварительной договоренности, но он вовсе не отражает все пожелания русской стороны²⁷. С полной уверенностью это можно утверждать относительно августовского договора 1610 г. По свидетельству С. Жолкевского, в зачитанном ему «большом свитке» с изложением русских условий избрания был целый ряд пунктов, которые он в текст соглашения включить отказался²⁸. Их текст был передан Сигизмунду III вместе с предварительным соглашением²⁹. Раскрыть более подробно содержание ряда условий русской стороны позволяет наказ великому посольству, отправленному осенью 1610 г. под Смоленск для продолжения переговоров с Сигизмундом III. Сопоставляя между собой все эти материалы, можно составить полное представление о тех условиях, на которых часть русского дворянства и горожан была согласна пойти на «соединение» с Речью Посполитой.

Прежде всего следует отметить, что если с самого начала интервенции польско-литовское правительство навязывало русскому населению кандидатуру Сигизмунда III, то в обоих соглашениях речь шла о выборе на русский трон его 14-летнего сына Владислава. Тем самым русское государство должно было существовать и далее как отдельный государственный организм во главе с особым правителем и лишь в перспективе мог встать вопрос об объединении России и Речи Посполитой под властью одного монарха. К этому следует добавить, что, как правильно отметил уже С. Ф. Платонов, основная часть помещенных в договорах статей обязывала королевича Владислава «блюсти неизменно православие, административный порядок и сословный строй Москвы»³⁰. Действитель-

²⁷ Платонов С. Ф. Очерки..., с. 425.

²⁸ «О переkreщении королевича его милости в русскую веру и иных немало абсурдов». — Żółkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej. Warszawa, 1966, s. 151—153.

²⁹ Conditie nie domowione. — Racz., rkp. 34, k. 183v — 185v.

³⁰ Между формулировками отдельных норм в обоих договорах можно отметить ряд различий, объяснявшихся несколько разным социальным обликом дворянских группировок, вступавших в соглашения с Речью Посполитой (подробный анализ этих различий см.: Платонов С. Ф. Очерки..., с. 426—427, 462—463).

но, в различных статьях договоров мы встречаем требования, чтобы православная вера «ни в чем нарушена не была», чтобы все пожалования в пользу церкви были неприкосновенными, чтобы светские феодалы также сохранили за собой свои владения и получали денежное жалование в соответствии с установленным обычаем, чтобы доходы собирались по традиционным нормам, а суд производился по Судебнику. Следует подчеркнуть, что речь шла о сохранении и утверждении традиционных форм сословной и государственной организации русского общества, сложившихся еще до начала крестьянской войны и иностранной интервенции. Лишь в некоторых пунктах эти нормы подверглись изменениям. Наиболее существенным из них, на первый взгляд, представляется обязательство, содержащееся в смоленском договоре, что новый царь «без рады и намов бояр думных... ничего чинити не будет»³¹. Если воспринять эту формулу буквально, то следует констатировать, что вступление Владислава на трон должно было означать изменение правления в Московском государстве, раздел власти между правителем и группой аристократических фамилий. Однако уже С. Ф. Платонов усомнился в том, что данный текст следует понимать именно таким образом, и правильно раскрыл содержание данной формулы как «гарантии сохранения старого строя московской жизни от покушений иноземной и иноверной власти»³².

Вместе с тем в договорах имеются и пожелания об определенном изменении существовавших ранее порядков. Это прежде всего — требование казнить виновных, лишь «осудивши первой справедливо с бояры и думными людьми», и не конфисковывать имущества родственников казненных, если те не участвовали в совершенном преступлении³³. Это требование, отражавшее пожелание верхних слоев русского дворянства, неоднократно страдавших от суровых репрессий со стороны Ивана IV, а затем Б. Годунова, было, по-видимому, заимствовано из так называемой «подкрестной записи» 1606 г. В. Шуйского³⁴,

³¹ Сб. РИО, т. 142, с. 67 (речи посольства), с. 72 («ответ» Сигизмунда III).

³² Платонов С. Ф. Очерки..., с. 463.

³³ Сб. РИО, т. 142, с. 67, 71—72, 98, 106.

³⁴ О ней см.: Платонов С. Ф. Очерки..., с. 300—303.

с которой текст договоров полностью совпадает по смыслу. Другое установление говорило об отмене норм, по которым имущества лиц, скончавшихся без прямых наследников, могли передаваться лишь узкому кругу ближайших родственников³⁵.

Хотя эти условия вносили в существующий порядок некоторые коррективы в интересах различных слоев русского дворянства, изменения были результатом автохтонного развития, а не внешнего влияния и не означали сколько-нибудь существенной перестройки традиционной модели общественного устройства.

Таким образом, группировки русского дворянства, вступившие в переговоры с польско-литовским правительством, не проявили никакого желания переносить на русскую почву шляхетские вольности, к чему призывал в своих универсалах Сигизмунд III. Это и неудивительно, если учесть, какую оценку давали в то время русские дворяне государственному устройству Речи Посполитой. Ценнейшее свидетельство на этот счет сохранилось в записках польского шляхтича С. Маскевича, побывавшего в 1610—1611 гг. в Москве. В ответ на призывы заимствовать шляхетские «вольности» его русские собеседники заявили С. Маскевичу: «Вольность ваша — это своеволие, и разве мы того не знаем, что у вас сильнейший угнетает худого, свободно ему взять у худого имение и его самого убить, а если по вашему праву искать справедливости, то будет [дело] тянуться десятилетиями прежде чем [обиженный] добьется [своего]»³⁶. При такой оценке государственного строя Речи Посполитой лишь узкий круг боярских фамилий мог быть заинтересован в его рецепции. Однако если какие-то представители боярства и стремились к этому, то они явно оказались слишком слабыми, чтобы достичь подобной цели. В соглашениях отразилась позиция широких кругов дворянства, предпочитавших сохранение традиционного общественного устройства. Тем самым объективно исчезал тот фундамент общности сословных интересов, на котором основывали свои концепции польско-литовские политики, а соединение

³⁵ Сб. РИО, т. 142, с. 67, 72, 98, 106; Памятники русского права, вып. IV. М., 1956, с. 529—532 (грань 14 Сводного судебника 1606 г.).

³⁶ Pamiętnik Samuela Maskiewicza. Wilno, 1838, s. 43.

между Россией и Речью Посполитой в представлении русского дворянства принимало совсем иной характер.

Тексты обоих договоров предусматривали заключение между Россией и Речью Посполитой военно-политического союза, направленного, в частности, против татар³⁷. Одновременно купцам обоих государств предоставлялось право свободной торговли по всей территории Восточной Европы и свободного проезда через эту территорию в соседние страны. Таможенные пошлины при этом не должны были превышать установленного ранее размера³⁸. Обращает на себя внимание отсутствие пункта о введении единой монеты, которому польско-литовское правительство придавало серьезное значение, постоянно включая его в свои проекты восточноевропейской федерации. Его отсутствие в договорах явно указывает на иную позицию русской стороны в этом вопросе.

Гораздо более глубокие расхождения выявляются при рассмотрении главных аспектов будущих русско-польских отношений. Так, в обоих соглашениях совершенно не упоминалось о разрешении подданным обоих государств вступать в браки между собой и приобретать недвижимость на чужой территории. Умолчав об этом, составители договоров, однако, нашли нужным оговорить, что польские и литовские феодалы не должны занимать в России никаких воеводств и урядов³⁹. Правда, наряду с этим признавалось, что тех панов и шляхтичей, которые приедут вместе с Владиславом, новый царь может «денежным жалованьем и поместьями и отчинами нагороджати», но при этом составители обоих договоров, каждый на свой лад, попытались ограничить рамки применения данной нормы. В смоленском договоре указано, что такие пожалования должны даваться «говора з бояры и з думными обоих господарств людми»⁴⁰, что должно было затруднить процедуру оформления этих пожалований и одновременно поставить возможную деятельность нового царя под контроль русских политиков. В московском договоре подобной оговорки не встречается. Однако в дополнительных «кондициях» и наказе, отправленным под

³⁷ Сб. РИО, т. 142, с. 66—67, 71, 97, 98, 105—106.

³⁸ Там же, с. 68, 72, 99, 107.

³⁹ Там же, с. 67, 72, 96, 104.

⁴⁰ Там же, с. 67 (ср. с. 72).

Смоленск послам, предусматривалось, что королевич может ехать в Москву лишь «с немногими людьми»⁴¹. Эти люди, как разъяснялось далее, не должны получать поместий «блиско Литовского рубежа», так как «почають в них на рубеже завладенья земле к Литовской земле»⁴². Понятно, что в таких условиях о согласии русской стороны на шляхетскую колонизацию на землях Русского государства не могло быть и речи. Единственной уступкой, на которую русские власти соглашались, было допущение на царскую службу небольшого числа панов и шляхтичей, деятельность которых протекала бы под бдительным контролем русских властей. Показательны также отсутствие в обоих договорах постановлений о свободе контактов между подданными обоих государств и весьма жесткая позиция, занятая русской стороной по отношению к попыткам пропаганды на территории России какой-либо иной религии, кроме православной. Наказ «великим послам» и «кондиции» прямо устанавливали, что тех из русских людей, которые «похотят малоумием своим» перейти в католичество, следует «казнити смертию», а их имущество конфисковывать⁴³. В соответствии с этой линией миссионерам других вероисповеданий запрещался въезд на русскую территорию⁴⁴ и определялось, что «всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве... нигде не ставити»⁴⁵. Наконец, и августовский договор, и «кондиции» предусматривали, что польско-литовское правительство снимет осаду со Смоленска и выведет свои войска из всех оккупированных в 1609—1610 гг. западных русских городов⁴⁶.

Подводя итоги, следует констатировать, что «соединение» между Россией и Речью Посполитой в представлении той части социальных верхов русского общества, которая пошла на переговоры с польско-литовским правительством, представляло собой обычный военно-полити-

⁴¹ Сб. РИО, т. 142, с. 147; в другом месте наказа указывалась и конкретная цифра — не более 500 чел.— Там же, с. 155—156; *Racz.*, гкр. 34, к. 184.

⁴² Сб. РИО, т. 142, с. 148, 160; *Racz.*, гкр. 34, к. 184v.

⁴³ Сб. РИО, т. 142, с. 147.

⁴⁴ «А учителем бы Римским и иных вер в Московском государстве не быти». — Там же.

⁴⁵ Там же, с. 95, 103.

⁴⁶ Там же, с. 99; *Racz.*, гкр. 34, к. 184v.

ческий союз между государствами, не дававший никаких возможностей ни для феодальной колонизации русской территории, ни для распространения католической религии. По своему содержанию этот союз мало чем отличался от того соглашения, которое предлагало в 1600 г. польско-литовским послам правительство Бориса Годунова. И все это при условии полного и немедленного прекращения интервенции, обращения польско-литовских войск исключительно на борьбу с казачеством и движением социальных низов.

Учитывая, что православная церковь, значительная часть русского дворянства и горожан относились враждебно вообще ко всякой идее соглашения с Речью Посполитой, можно сделать вывод, что в России не оказалось ни одной социальной группировки, серьезно заинтересованной в достижении тех целей, которых пытался добиться в России господствующий класс Речи Посполитой. Поэтому его политику ждал неизбежный провал.

Члены боярской думы, руководившие переговорами с русской стороны, вероятно, в какой-то мере понимали, сколь мало их условия могут удовлетворять устремлениям польско-литовского дворянства. Но, по-видимому, исходя из привычных им представлений об огромной власти монарха, они полагали, что решающим будет мнение Сигизмунда III, который должен быть заинтересован в том, чтобы польский трон достался его сыну, и ради этого добьется принятия русских условий. В таком допущении заключался определенный просчет организаторов «великого посольства». Во-первых, Сигизмунд III не обладал достаточной властью, чтобы проводить политику, не совпадающую с интересами главных группировок польско-литовского дворянства; во-вторых, именно король и его двор были сторонниками осуществления восточной экспансии в ее наиболее крайних формах и с их стороны русские условия должны были встретить наиболее сильный отпор.

Как и следовало ожидать, ознакомление с августовским договором и приложенными к нему «кондициями» вызвало глубокое недовольство собравшихся в лагере под Смоленском польско-литовских сенаторов. По каким направлениям развертывалась критика русских условий, позволяет установить сочинение «Дать или не дать королевича Владислава на государство московское», которое

написал один из наиболее выдающихся польских политиков того времени Криштоф Збаражский, староста Кременецкий. В своей брошюре он отмечал, что невозможно послать в Москву 14-летнего принца одного, так как в этих условиях королевич неизбежно попадет под руководство московских бояр, в то время как необходимо, чтобы Владислав сам подчинил их своему влиянию. Лишь присутствие при нем крупных контингентов польских войск позволило бы ему занять самостоятельную позицию по отношению к боярам. Однако русские условия предусматривают вывод этих войск из России, а имеющийся в них пункт о запрете давать полякам земли в пограничье ясно говорит о том, что русские не намерены допускать польско-литовских феодалов на свою территорию⁴⁷. Из этих рассуждений следовал вывод: русские условия не дают польско-литовским феодалам никаких возможностей для воздействия на внутреннюю и внешнюю политику Русского государства, не приносят им выгод.

Наметившиеся глубокие разногласия между русскими и польско-литовскими политиками открыто обострились с началом переговоров под Смоленском. На этих переговорах русские «великие послы» не только не пошли на уступки по каким-либо пунктам своих условий, но и настойчиво требовали от польско-литовских сенаторов снять осаду Смоленска и освободить оккупированную королевской армией территорию⁴⁸. Такая позиция посольства прямо определялась положением в столице: стоявшие в ней дворянские отряды и московский посад, по свидетельству такого осведомленного современника, как автор «Новой повести о преславном российском царстве», согласились на избрание Владислава лишь при условии, что иноземные войска, разорявшие страну «аки злые и жадные волки», уйдут «в свою их проклятую землю и веру»⁴⁹.

Достижение главных целей господствующего класса Речи Посполитой на востоке политическим путем оказывалось, таким образом, явно невозможным, и польско-ли-

⁴⁷ Dać czy nie dać królewicza Władysława na państwo moskiewskie. Rationes pro et contra XJM Krzysztofa Zbaraskiego starosty krzemienieckiego.— Kórn., N 339, k. 86—87.

⁴⁸ Сб. РИО, т. 142, с. 199—201, 205—206.

⁴⁹ Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960, с. 192.

товские политики становились перед дилеммой — либо отказаться от своих планов, либо, не считаясь с позицией русского общества, попытаться осуществить свою программу силой в духе рекомендаций П. Пальчовского.

К первому решению в ходе смоленских переговоров склонился сам инициатор переговоров с русским боярством С. Жолкевский. На заседании сената он просто предложил использовать ситуацию для заключения с боярским правительством в Москве выгодного мирного договора, по которому в обмен за вывод польско-литовских войск из России к Речи Посполитой отошла бы часть пограничных территорий⁵⁰. Когда его предложение не было принято, инициатор августовского соглашения покинул Россию. Уход Жолкевского означал фактически признание наиболее дальновидными польско-литовскими политиками нереальности польско-литовских планов в отношении России. С его устранением от дел руководство восточной политикой Речи Посполитой закономерно перешло к тем кругам, группировавшимся вокруг Сигизмунда III, которые настаивали на «твердом» курсе в отношении России. В королевском окружении открыто говорили, что русский народ следует утратить, что его необходимо подчинить оружием («*armis ad extremum subiugare*»)⁵¹, что вообще «с этими людьми по их натуре ничего нельзя сделать *clementia et benignitate*»⁵². Ближайший сотрудник короля подканцлер Ф. Крыйский, выступая на сейме 1611 г., прямо назвал русских «невольниками Его королевской милости»⁵³. Вместе с тем в окружении Сигизмунда III хорошо понимали, что имеющихся в их распоряжении сил недостаточно для прямого завоевания страны. Отсюда — попытка провести завоевание в скрытой форме, не вступая на первых порах в явный конфликт с русским обществом.

Практическая линия действий, избранная Сигизмундом III в данной ситуации, хорошо изучена С. Ф. Платоновым⁵⁴. Заключалась она в том, чтобы с помощью подкупа и репрессий подчинить боярское правительство в

⁵⁰ *Maciszewski J. Polska...*, s. 215—216.

⁵¹ *Sobieski W. Żólkiewski...*, s. 94, 151.

⁵² *Maciszewski J. Polska...*, s. 217.

⁵³ *Ibid.*, s. 237.

⁵⁴ *Платонов С. Ф. Очерки...*, с. 463—474.

Москве контролю и руководству Сигизмунда III. Затем, действуя от его имени, король рассчитывал добиться повинения и всего русского общества. Еще летом 1610 г. в своих наставлениях С. Жолкевскому Сигизмунд III неоднократно выражал убеждение, что «с этими людьми (т. е. с русскими — Б. Ф.) следует обращаться в соответствии с их правами, как с [людьми], повинующимися абсолютной воле своих государей»⁵⁵. Высказываясь так, король следовал традиционным для польско-литовских политиков второй половины XVI в. воззрениям на русское общество как на послушную массу, прилежно повинующуюся авторитетным указаниям сверху. Отсюда — представление о том, что следует только добиться, чтобы эти указания соответствовали интересам Сигизмунда III, и дело будет сделано. Повинуясь приказам правительства, русское население впустит в основные центры страны польско-литовские войска, и тогда можно будет поставить Россию в положение завоеванной страны и действовать здесь в соответствии с советами П. Пальчовского.

Представления, на которых основывался подобный план, уже и в период правления Ивана IV далеко не соответствовавшие реальности, в начале XVII в. оказались в воиющем противоречии с главным направлением исторического развития страны, где в эти бурные годы классовых и внутриклассовых конфликтов резко возросли политическая активность и организационная самостоятельность всех основных социальных слоев общества не только в центре, но и на местах. В этих условиях политика Сигизмунда III с самого начала не имела никаких шансов на успех. Правда, располагая польским гарнизоном в Кремле, король без большого труда сумел добиться поставленной перед собой цели: посадив под стражу неугодных членов думы, поставив под строгий надзор остальных, проведя на ключевые посты в управлении кучку авантюристов, искавших милостей короля, выслав в Польшу сопротивлявшихся его распоряжениям русских послов под Смоленском, Сигизмунд III добился того, что из Москвы стали рассылаться приказы, следовавшие его указаниям. Однако единственным результатом этой акции было катастрофическое падение престижа боярских правителей и объединение основных социальных групп рус-

⁵⁵ Цит. по: *Sobieski W. Żółkiewski...*, s. 147—148.

ского общества для борьбы с иноземными завоевателями. В итоге окончательно рухнули не только конкретные планы подчинения России, выдвинутые окружавшей Сигизмунда правящей кликой, но и вся концепция политического развития Восточной Европы, которую в течение полувека разрабатывала и пыталась провести в жизнь политическая элита господствующего класса Речи Посполитой.

Решение самых широких кругов русского общества (дворянства, горожан, черносошных крестьян, казачества) порвать с польско-литовскими феодалами и отклонить их планы «соединения» имело очень серьезное последствие для исторического развития России. Благодаря этому решению великорусская народность развивалась в условиях гораздо более благоприятных, чем украинская или белорусская народности. Еще более существенным по своим последствиям был тот факт, что русское общество отвергло модель общественного устройства Речи Посполитой, отдав решительное предпочтение системе институтов, созданных в ходе автохтонного развития. Важность этого решения станет очевидной, если принять во внимание, что речь шла о социально-политической организации, которая в самой Речи Посполитой к началу XVII в. уже исчерпала возможности поступательного развития и в сравнительно недалеком будущем должна была привести страну к экономическому застою и политическому упадку. Русские люди начала XVII в., вероятно, не могли даже представить себе главных последствий своего решения, но это никак не умаляет огромного положительного значения их борьбы за национальный суверенитет Русского государства.

Заключение

Продланное выше исследование позволяет прийти к определенным выводам о том, как видоизменились традиционные внешнеполитические программы основных политических центров Восточной Европы после сдвигов, наступивших с заключением Люблинской унии, каково было их классовое содержание, какой круг идей и представлений определил выбор конкретных путей к достижению поставленных целей, наконец, как внешнеполитические концепции обеих сторон эволюционировали на протяжении изученного периода.

Заключение в 1569 г. Люблинской унии между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским было крупнейшим событием в истории Восточной Европы XVI в., и прежде всего в истории отношений между родственными восточнославянскими народами, сформировавшимися к этому времени на основе единой древнерусской народности. Принятие унии означало окончательную адаптацию господствующим классом Украины и Белоруссии не только польской модели общественного устройства, резко отличной от великорусской (что уже само по себе предопределяло разные исторические судьбы русского дворянства и белорусско-украинской шляхты), но и концепции политического развития, отводившей польским феодалам главную руководящую роль в восточноевропейском регионе.

Люблинская уния — соглашение феодального дворянства, направленное против украинских и белорусских крестьян, горожан, казаков, — не разрешила и не могла разрешить противоречий, порожденных польской и литовской феодальной экспансией на белорусские и украинские земли. Более того, уже через несколько десятилетий стало ясно, что она сильнейшим образом способствовала их обострению и углублению. Однако в конкретной ситуации по-

следней четверти XVI в. позиция украинского и белорусского дворянства ставила русское правительство перед сложной задачей поисков дальнейших путей воссоединения в условиях, когда России противостояло вновь возникшее огромное государство, превышавшее ее и по размерам территории, и по численности населения. Со своей стороны и перед польскими феодалами после заключения Люблинской унии встала необходимость определить свое отношение к Русскому государству, исключить угрозу их господству над украинскими и белорусскими землями, исходившую от великорусского политического центра с его программой воссоединения восточных славян.

В этих условиях обе стороны искали решения восточноевропейских проблем на путях обращения к проектам создания в Восточной Европе феодальной «федерации» держав, в состав которой вошли бы и Россия, и Речь Посполитая. Выдвигавшиеся обеими сторонами проекты такой федерации носили классовый характер, были выражением политики дворянства (иногда еще уже — политической элиты дворянства) как России, так и Речи Посполитой.

Классовый характер русской внешнеполитической программы проявлялся прежде всего в том, что лежавшая в ее основе исторически назревшая задача воссоединения восточнославянских народов облекалась в средневековую феодальную форму борьбы за восстановление «вотчины» Владимира Киевского. На первый план поэтому выдвигался вопрос о признании господствующим классом Речи Посполитой русского самодержца своим наследственным монархом как «вотчича» всех этих земель. Еще более важно, что русские феодальные политики искали решения вопроса лишь на путях соглашения между дворянством обеих стран. В рассматриваемую эпоху даже не ставился вопрос о возможности какого-то направленного против польско-литовских феодалов соглашения русского правительства с иными общественными группами в Речи Посполитой.

Расчеты на то, что польско-литовских феодалов удастся склонить к признанию верховной власти русского государя, в немалой мере объяснялись тем, что русские политики первоначально не имели достаточно ясных представлений о действительных планах и намерениях польско-литовских феодалов, хотя в попытках осуществления

своих проектов они обнаружили известное знание внутренних проблем Речи Посполитой, и небезуспешно пытались использовать в своих интересах противоречия между магнатами и шляхтой. По мере того как планы и намерения польско-литовских феодалов становились в ходе политических контактов все более очевидными, стала меняться и вся позиция русского правительства.

Важнейшим итогом этих контактов для русского правительства стало ясное понимание, что соглашение с польско-литовским дворянством на условиях, приемлемых для русской стороны, невозможно, а других путей, ведущих к воссоединению, русские феодальные политики в то время не видели. В этих условиях их политические построения эволюционируют от концепций создания феодальной «федерации» в Восточной Европе к концепции военно-политического союза между восточноевропейскими государствами, союза, который позволил бы решить в интересах России и Речи Посполитой балтийский вопрос и укрепил бы позиции обеих держав перед лицом военно-феодальной экспансии Османской империи. В этом процессе смены и выработки решений проявились такие положительные качества стоявших у руководства Русским государством Б. Годунова и А. Щелкалова, как способность реально оценивать обстановку, широкий международный кругозор. К сожалению, эти проекты, предвосхищавшие программу русско-польского сближения, выдвинутую в XVII в. А. Л. Ординым-Нащокиным, не были осуществлены во многом из-за иной позиции польско-литовских феодалов.

Для второй половины XVI — начала XVII в. трудно говорить о наличии единой восточной политики у господствующего класса Речи Посполитой. Между позициями отдельных группировок существовали весьма серьезные расхождения, объяснявшиеся как разницей в социальном положении, так и различиями этнического характера, разными внешнеполитическими традициями и т. д. Так, если шляхта хотела видеть на троне сильного правителя, способного сломить власть магнатов (вроде Ивана IV), то магнаты решительно предпочитали слабого государя, отдавая свои симпатии его сыну Федору. Литовские феодалы предпочитали добиваться своих целей мирными средствами, в то время как польские феодалы были более склонны к применению силы и т. д.

Однако, сопоставляя между собой все выдвигавшиеся варианты, необходимо отметить наличие в них общей основы — единой политической программы, выражавшей интересы всего господствующего класса Речи Посполитой. Ее главной целью, как это признали уже и некоторые представители буржуазной историографии, было обращение русских земель в объект для польско-литовской феодальной колонизации. Что касается путей, ведущих к достижению этой цели, то при всех различиях в позиции отдельных группировок исходные предпосылки их политических построений определялись общими для всех них представлениями о Русском государстве и русском дворянстве как правящем политическом слое русского общества. Эти представления не основывались на реальном знании, а были продуктом механического переноса на Россию опыта действий в иной культурно-исторической среде, но были необыкновенно живучими и распространенными. Среди них — представление о русском дворянстве, включая и его элиту — монарха и его окружение, как о политически неразвитой, не имеющей за собой традиций политического воспитания общественной группе. Это представление, сочетавшееся с убеждением о превосходстве общественного строя Речи Посполитой и особой притягательности шляхетских «вольностей» для дворянства соседних стран, лежало в основе всех политических комбинаций польско-литовских политиков, полагавших, что им легко удастся обратить и русского монарха, и русское дворянство в орудие своих политических планов.

Правда, с развитием политических контактов в эти планы и представления был внесен существенный корректив: наталкиваясь на трудности при переговорах с царем и его советниками, правители, стоявшие во главе Речи Посполитой, постепенно уяснили себе, что русская правящая верхушка вряд ли будет способствовать осуществлению их замыслов. Но тем больше надежд возлагалось на возможности привлечь на свою сторону русское дворянство. Именно такие расчеты лежали у истоков сложившейся в последних десятилетиях XVI в. концепции неравноправной унии, суть которой состояла в том, что в обмен за предоставление части шляхетских «свобод» русское дворянство согласится на превращение России в неполноправный политический придаток Речи Посполитой.

Критический момент для проверки реальности всех этих представлений и основанной на них политической концепции наступил в годы первой крестьянской войны в России, когда не стало мешавшей польско-литовским планам династии, а вторгшиеся в Россию польско-литовские феодалы имели все возможности вступить в непосредственный контакт с разными социальными слоями русского общества. Как известно, это испытание завершилось полным крушением как всей этой концепции, так и попыток наиболее авантюристических и агрессивных кругов господствующего класса Речи Посполитой разрешить все проблемы путем завоевания России. А затем казацкие восстания, переросшие в народно-освободительную войну украинского народа, открыли новые перспективы политического развития Восточной Европы.

Список сокращений

- ГПБ. Авт. — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Собрание автографов
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве
- AGAD — Archiwum Głównie Akt Dawnych w Warszawie
- AR — Archiwum Radziwiłłów (AGAD)
- BOZ — Biblioteka Narodowa w Warszawie. Biblioteka Ordynacji Zamojskich
- Czart. — Muzeum Narodowe w Krakowie. Dział: zbiory Czartoryskich
- HRM — Historica Russiae Monumenta
- Kórn. — Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku
- Ossol. — Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu
- PAN — Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie
- Racz. — Biblioteka im. Raczyńskich w Poznaniu.

- Абрамович Я., староста лидский 162, 163
- Август, император римский 18
- Александр Невский, великий князь владимирский 156
- Александр Ягеллончик, король польский и великий князь литовский 32
- Альмквист Х., шведский историк 187
- Анна Ягеллонка, сестра Сигизмунда II, королева польская 46, 47, 182
- Арасланалей Кайбулович, служилый царевич при дворе Ивана IV 244
- Аскольд, киевский князь IX в. 13
- Базилевич К. В., советский историк 17
- Барановский В., епископ перемышльский, подканцлер коронный 168
- Бастанов С., дворовый сын боярский 106, 109, 110, 111, 113, 114
- Баторий см. Стефан Баторий
- Баторий А., племянник С. Батория 136
- Безнин М. А., думный дворянин 128
- Бельский Д. Н., стольник 128
- Бельский М., польский хронист 89, 97, 138
- Бобжиньский М., польский историк 199, 200
- Бобола А., подкоморий великий коронный 272
- Болеслав Храбрый, король польский 12, 22, 57
- Болотников И. И., вождь первой крестьянской войны в России 270
- Былинский А., староста крушвицкий 171
- Варкоч Н., австрийский дипломат 139
- Василий II Темный, великий князь московский 4
- Василий III, великий князь московский 28, 32
- Василий, слуга Острожского К. 144
- Вержбовский Ф., польский историк 6, 93, 94
- Витень, великий князь литовский 36
- Витовт, великий князь литовский 11, 17, 19, 20, 21, 24
- Вишневецкий А., князь, восвода брацлавский 68
- Владимир, князь киевский X в., 57

- Владимир Мономах, великий князь киевский 156
- Владислав, сын короля Сигизмунда III — 276, 277, 278, 281, 282
- Война Г., подканцлер литовский 238, 257
- Война М., писарь 238, 257
- Волович О., подскарбий земский, затем каштелян троцкий, затем канцлер литовский 34, 39, 47, 48, 190, 207, 214
- Воронецкий Я., католический епископ Киева 144, 188
- Воронцов И. М., боярин 34
- Воротынский М. И., князь, боярин 36
- Ворыпай Ф., литовский шляхтич 52, 53, 54
- Всеволод Большое гнездо, великий князь владимирский 15
- Вылузгин Е., дьяк 133
- Габсбурги австрийские 38, 46, 65, 66, 70, 81, 83, 84, 94, 95, 108, 111, 112, 114—117, 130, 152, 158, 167, 187, 188, 195, 198, 201, 203, 204, 205, 207, 219, 221, 224
- Габсбурги испанские 198
- Гарабурда М., писарь литовский, затем каштелян минский 9, 48—50, 52, 54—56, 60, 62—67, 69, 89, 95, 96, 100, 101, 109, 130—135
- Гедимин, великий князь литовский 19, 20, 36, 57
- Гедиминовичи, род литовских князей, потомков Гедимина 19, 20, 57
- Гедройц М., епископ жмудский 189, 214
- Гейденштейн Р., польский хронист 89, 249
- Генрих Анжуйский, французский принц, затем король польский 60, 64, 85, 90, 92, 93, 96, 98, 99, 103, 108, 160
- Генрих Валуа см. Генрих Анжуйский
- Геракл, древнегреческий легендарный герой 13
- Герберштейн С., австрийский дипломат и писатель 80
- Гербурт Я., хорунжий львовский 170, 194, 207
- Глебович Я., каштелян минский, затем воевода троцкий 33, 34, 36, 98—100, 161, 166, 207, 208, 210, 220
- Глинский М. Л., князь 27
- Годунов Б. Ф., сначала фактический правитель России, затем царь 132—134, 139, 142, 143, 147, 153, 155, 157, 160, 163, 247—249, 260, 269, 277, 281, 288
- Годунов И. В., боярин 132
- Годунов С. В. боярин 145
- Головин М. И., стольник 127, 128, 139
- Гонсевский А., староста велижский 269
- Горайский А., подкоморий люблинский 170, 194, 207
- Гостомский С., каштелян сохачевский 183, 195
- Граевский К., польский шляхтич 9, 100, 101, 102, 151, 155
- Граевский П., староста виский 102
- Греков И. Б., советский историк 8, 42
- Грушецкий С., польский историк 7, 73, 77, 80
- Гурка С., воевода познанский 187, 188, 195, 207

- Давил, легендарный предок Гедиминовичей 36
- Деветолский Я., литовский шляхтич 244
- Дербов Л. А., советский историк 8, 75, 107
- Дир, киевский князь IX в. 13
- Длугош Я., польский хронист 12—14, 22—24
- Дмитриева Р. П., советский филолог 18
- Дорогостайский К., литовский шляхтич 189, 191, 192
- Екатерина Ягеллонка, сестра Сигизмунда II 33
- Ельчанинов Ф. Е., выборный дворянин 103, 104, 107, 108
- Жолкевский С., воевода киевский, польный гетман коронный 123, 134, 272, 274—276, 283, 284
- Жуков П., дворовый сын боярский 56
- Закревский В., польский шляхтич 104, 106
- Закшевский В., польский историк 93, 94, 96
- Замойский Я., королевский секретарь, затем каштелян и гетман великий коронный 111, 112, 120, 121, 124, 125, 127, 130, 131, 143, 148, 181—183, 186—188, 193, 195, 196, 201, 203—208, 216—218, 221, 224—227, 229—237, 243, 245, 246
- Заполья Ян-Сигизмунд, воевода семиградский 39
- Захоровский В., каштелян брацлавский 68
- Збаражский К., князь, староста кременецкий 282
- Збаражский Я., князь, воевода брацлавский 143, 144, 171, 172, 208, 212
- Зборовские, малопольский магнатский род 100, 187, 188, 195, 201, 207, 208
- Зборовский А., маршалок надворный коронный 206
- Зборовский К. 205
- Зборовский П., воевода краковский 94
- Зборовский Я., каштелян гнезненский 197
- Зелович М., литовский шляхтич 189
- Иван Калита, великий князь московский 57
- Иван III, великий князь московский 16, 17, 80
- Иван IV, царь 5, 6, 9, 28, 29, 33—35, 37—45, 47—53, 55—69, 71, 76—78, 81—83, 86—90, 93, 95—116, 119—122, 129, 139, 143, 146, 147, 151, 152, 154—157, 159, 160, 166, 277, 284, 288
- Иван, царевич, сын Ивана IV 36, 37, 38, 50
- Иванов А., писарь 189, 200
- Иванов А., подьячий Посольского приказа 234
- Игорь, киевский князь X в. 13
- Изяслав, полоцкий князь X в., сын Владимира киевского 57
- Иордан С., староста санецкий 201, 211
- Казимир III Великий, король польский 16, 24
- Казимир IV Ягеллончик, король польский и великий князь литовский 14, 16, 24

- Казимирский М., малопольский шляхтич 170, 194, 207
- Канбаров И. М., служилый князь 38
- Карл IX, король французский 93, 98
- Карнковский С., епископ куявский, затем архиепископ гнезненский 41, 47, 168, 202, 203, 218
- Кий, легендарный основатель Киева 13
- Кишка Я., староста жмудский 164, 165, 190, 214
- Кленовский Я., слуга Карнковского С. 169
- Кмита Ф., староста оршанский 48
- Коведяев Н., «служебник» Сапеги Л. 61
- Козловский П., земский судья люблинский 170
- Колычев-Умной В. И., окольниковый 67
- Колычев-Умной, Ф. И., боярин 36
- Коммендоне Ф., кардинал, папский легат в Польше 96
- Комулович А., посол папы в Москве 249
- Корецкий Б., князь, староста луцкий 68
- Королюк В. Д., советский историк 8, 28, 29, 42, 59, 75, 268, 269
- Корсак Голубицкий Я., литовский шляхтич 248
- Кот С., польский историк 41
- Кохановский Я., польский поэт эпохи Возрождения 24
- Коялович М. И., русский историк 6
- Кромер М., польский хронист 22—24
- Кропоткин Т. А., князь, дворовый сын боярский 44
- Кротоский Я., воевода влоцлавский 47, 88, 98
- Крыйский Ф., подканцлер коронный 272, 283
- Кунсович К., литовский шляхтич 103
- Курбский А. М., князь, боярин 45, 113
- Ланцкоронский С., староста скальский 170
- Ланчинский Я., писарь гродский краковский 177
- Ласицкий Я., польский хронист 172
- Ласский О., воевода серадзский 105
- Лаурео В., епископ мондовский, папский нунций в Польше 117
- Лашковский Я., польский шляхтич 104, 106
- Лепши К., польский историк 218, 229, 232—233
- Лех легендарный родоначальник поляков 130
- Лещинский Р., староста радзейковский 106
- Лжедмитрий I (Самозванец), 268—269
- Лжедмитрий II, 269, 274
- Лорихс А., шведский посол в Польше 93
- Любоньский Я., писарь гродский копинский 170, 206
- Лютер М., религиозный реформатор 53
- Майер Э., австрийский историк 187
- Максимилиан II, император Священной Римской империи 83, 90—95, 111, 112, 115—117

- Максимилиан, эрцгерцог австрийский 158, 206—212, 214, 219, 220, 224
- Малыгин В. В., дворовый сын боярский 54
- Мамонич Л., виленский купец 144, 145, 147, 155
- Марцинковский А., малопольский шляхтич 170
- Маскевич С. 278
- Матвеев С., литовский шляхтич 48, 50, 54
- Мацিশевский Я., польский историк 270, 272
- Мацурек Й., чехословацкий историк 93
- Менгли-гирей, хан крымский 24
- Меховский М., польский хронист 22, 23
- Мещерский Г. Ф., князь, дворовый сын боярский 35, 38, 39, 40, 65, 66
- Михайлов Е., дьяк 100
- Мишурич И. Ф., выборный дворянин 227
- Мовколд, легендарный предок Гедиминовичей 36
- Монлюк Ж., епископ Валенсии, французский посол в Польше 88
- Мстислав, великий князь киевский 36
- Мстиславский И. Ф., князь, боярин 33
- Мстиславский Ф. И., князь, боярин 274
- Мычельский П., шляхтич Калишского воеводства, публицист 71—80, 82
- Мясоедов Ф. И., выборный дворянин 37
- Нагой А. Ф., думный дворянин 100
- Насонов А. Н., советский историк 16
- Новодворский В., польский историк 37, 53
- Новосильцев Л. З., московский дворянин 106, 109, 113, 115—118
- Огинский Б., подкоморий троцкий 145, 146, 169, 189, 200
- Ожельский С., польский хронист 90, 91, 110, 112
- Олесницкий М., каштелян малогайский 269
- Олферьев Р. В., дворовый сын боярский 35
- Опалинский А., маршалок великий коронный 134, 136, 181, 203, 218, 219, 221
- Ордин-нащокин А. Л., русский дипломат 288
- Оссолинский Е., канцлер коронный 176
- Острожские, украинский магнатский род 27
- Острожский К., князь, воевода киевский 68, 105, 142—144, 165, 212
- Павловский С., епископ оломоуцкий 168
- Палицын А., русский писатель 275
- Пальчовский П., польский публицист 270—272, 283, 284
- Паули М., австрийский дипломат 108
- Пац Я., тиун виленский 236
- Петелин Д. П., думный дьяк 146
- Писемский Ф. А., московский дворянин 135
- Платонов С. Ф., русский историк 245, 276, 277, 283

- Поссевино А., папский легат в Польше 124, 127, 134, 137
- Радзейовский С., польский шляхтич 248
- Радзивилл К., гетман польный литовский, затем воевода виленский и гетман великий литовский 117, 144, 162, 164—166, 168, 169, 190, 208, 210, 212, 220, 236, 245, 246, 257
- Радзивилл М., Рыжий, воевода троцкий, затем виленский 33—35, 44, 45, 47, 49, 60, 98, 115, 117, 118, 121
- Радзивилл М.-К., Сиротка, маршалок надворный литовский, затем каштелян троцкий 139, 162, 164—166, 173, 180, 187
- Радзивилл М. Черный, воевода виленский и канцлер литовский 34
- Радзивилл Ю., епископ виленский 166, 167, 187, 201
- Радзивиллы, литовский магнатский род 35, 46, 55
- Радзивиллы Несвижские, литовский магнатский род 187, 201, 204, 208
- Радзиминский С., каштелян черский, затем воевода подляшский 171, 177, 238
- Резанов А., сотник стрелецкий 61
- Ржевский Е. Л., московский дворянин 141, 155, 159, 161, 163, 165, 200, 212, 213
- Рогволодовичи, род полоцких князей потомков Рогволода — 36
- Рожмберг В., высший бурграбий земский Чешского королевства 94, 230
- Романов Ф. Н., боярин 247
- Ротундус А., войт виленский 52, 77
- Рудольф II, император Священной Римской империи 130, 158, 187, 224
- Рюрик, легендарный родоначальник русских 130
- Рюрик, легендарный родоначальник династии Рюриковичей 18, 57
- Рюриковичи, династия русских князей, потомков Рюрика 19, 36, 38, 45, 58, 80, 114, 146, 245, 260
- Самозванец см. Лжедмитрий I
- Сангушко Р., князь, воевода брочлавский 30
- Сапега А., староста оршанский 247
- Сапега Л., подканцлер, а затем канцлер литовский 61, 121—123, 136, 144, 165, 166, 168, 180, 207, 220, 238, 239, 248—250, 252, 257
- Сапега Л., литовский шляхтич 166
- Сапега П., каштелян киевский 68
- Сарыхозин А., слуга Курбского А. М. 62
- Свиязев З. Г., дьяк 141, 155, 159, 161, 163, 165, 200, 212, 213
- Святослав, киевский князь X в. 57
- Секлуцкий, польский шляхтич 227
- Сеницкий М., подкоморий холмский 110, 111
- Сененский Я., каштелян львовский 170, 195, 203

- Сигизмунд I, король польский и великий князь литовский 32
- Сигизмунд II Август, король польский и великий князь литовский 22, 29, 32—36, 38—41, 44—46, 54, 65, 71, 91, 105, 113, 121, 174, 176, 182, 187
- Сигизмунд III Ваза, шведский наследный принц, затем король польский 6, 125, 158, 160, 182, 184—186, 190, 196, 203—210, 214, 215, 217, 219, 220, 227, 229, 237, 243, 246—249, 251, 252, 257, 262, 268, 273—276, 281, 283—285
- Сикст V, папа римский 136, 137, 187
- Сицкий И. В., князь, боярин 132
- Скарга П., королевский проповедник и публицист 258
- Скумин Д., маршалок надворный литовский 166
- Скумин Ф., подскарбий земский литовский 144, 155, 189
- Соликовский Я. Д., королевский секретарь, затем архиепископ львовский 85, 89, 92, 109, 181
- Соловьев С. М., русский историк 4, 5, 6, 9
- София Ягеллонка, сестра короля Сигизмунда II 39
- Сплавский Я., воевода иновроцлавский 195
- Старов Ф., слуга Шуйского И. П. 140
- Стефан Баторий, воевода семиградский, затем король польский 57, 94, 112, 115, 116, 118—127, 131, 134, 136, 137, 140, 146, 147, 150, 161, 162, 168, 174, 179, 183, 184, 187, 198, 216, 218—220, 229, 230, 236, 246
- Стефан Сурожский, 18
- Тазбир Я., польский историк 271
- Талвош М., каштелян жмудский 214
- Тарановский А., чашник галицкий 99, 100
- Тепчинский А., воевода краковский 140, 181, 195
- Тетерин Т. И., голова стрелецкий 62
- Толстой П. И., выборный дворянин 126
- Томицкий К., каштелян гнезненский 169
- Трачевский А. С., русский историк 6
- Троекуров Ф. М., князь, боярин 128, 135, 145, 159, 191
- Трубецкой А. В., служилый князь 244
- Тышковский К., польский историк 6, 256, 262
- Уманец Ф. М., русский историк 6
- Уханьские, польский шляхетский род 97
- Уханьский П., польский шляхтич 97, 111
- Уханьский С., польский шляхтич 115
- Уханьский Я., архиепископ гнезненский 94, 104, 115—118
- Ушаков Н. Ю., дворовый сын боярский 108
- Фалейбовский, подстолий калишский 170
- Федор Иванович, царевич, затем царь 33, 41, 48, 50, 54—56, 103, 133—115, 117, 118, 126, 130, 131, 135, 139, 143, 146, 147, 151,

- 154, 155, 157, 158, 166, 168, 176—
180, 186, 189, 190, 192, 193, 199,
203, 207, 212, 215, 216, 242, 245,
247, 288
- Филипп II, король испанский 65,
158, 198
- Фирлей Я., воевода краковский
91
- Францкевич М., подкоморий
плоцкий 171
- Фрыч-Моджевский А., польский
писатель и публицист 41
- Ходкевич Я., староста жмуд-
ский, наместник Сигизмун-
да II в Ливонии 30, 33—35,
47, 49, 55, 60, 70, 91, 98, 103,
104, 107, 108, 118
- Ходкевичи, литовский магнат-
ский род 27, 46
- Цир И., аббат, австрийский ре-
зидент в Польше 47
- Чаплинский В., польский исто-
рик 7, 270, 272
- Чарнковские, великопольский
магнатский род 187
- Черниковский П., подстолий
люблинский 145, 169, 173, 179
- Чехаловский А., мазовецкий
шляхтич 171
- Чешельский А., польский публи-
цист 40, 41, 51, 87
- Чубек Я., польский историк ли-
тературы 9
- Шафранец С., каштелян бецкий
105
- Шиллинг, слуга Глебовича Я. 33
- Шуанен Ж., секретарь Монлю-
ка Ж. 71, 90
- Шуйские, русский княжеский
род 133, 134, 139
- Шуйский В. И., царь 277
- Шуйский И. П., князь, боярин
133, 134
- Шуйский Ю., польский исто-
рик 5
- Щелкалов А. Я., думный дьяк
67, 132—133, 143, 147, 153, 157—
160, 288
- Щелкалов В. Я., думный дьяк
133, 146, 191
- Эйлоф И., врач Ивана IV 129
- Эрнест, эрцгерцог австрийский
46, 83, 95
- Эсте Д'Альфонсо, герцог Ферра-
ры 94
- Юберсбергер Х., австрийский
историк 64
- Юрий Данилович, великий
князь владимирский 19
- Юхан III, король шведский 84,
85, 90, 91, 93, 158, 159, 185, 186,
190, 220, 226
- Ягайло (Ягелло), великий князь
литовский, затем король поль-
ский 11, 12, 19, 29, 33, 61, 73,
76, 80, 96, 102, 103, 109
- Ягеллоны, династия польских
королей и литовских князей,
потомков Ягайло (Ягелло) 20,
32, 36, 38, 45, 48, 57, 62, 104,
182, 186
- Ян с Кротомина см. Крото-
ский Я.

Содержание

Введение	3
Внешнеполитические программы восточноевропейских государств в XV — первой половине XVI в. и Люблинская уния	11
Проекты политического переустройства Восточной Европы на рубеже 60-х — 70-х годов XVI в.	32
Русско-литовские переговоры 1572—1573 гг. и формирование русской и литовской программ политической перестройки Восточной Европы	46
Польская шляхта и русская кандидатура в период первого «бескоролья» (1572—1573 гг.)	71
Второе «бескоролье» в Речи Посполитой и кандидатура Ивана IV на польский трон (1574—1576 гг.)	93
Перспективы политического развития Восточной Европы в концепциях польско-литовских политиков в 1584—1586 гг.	120
Формирование русской внешнеполитической программы во время третьего «бескоролья» (1587 г.)	141
«Промосковский» лагерь на элекции 1587 г. и его политическая программа	161
Элекция 1587 года	181
Речь Посполитая между миром и войной (1588—1590 гг.)	217
Польско-литовские проекты восточноевропейской федерации конца XVI — начала XVII в. и Россия	239
Проект восточноевропейской федерации в период польско-литовской интервенции в Русском государстве. Крах восточной политики Речи Посполитой	268
Заключение	286
Список сокращений	291
Указатель имен	292

Борис Николаевич Флоря
Русско-польские отношения
и политическое развитие
Восточной Европы
во второй половине XVI—
начале XVII в.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор **Е. К. Жигунов**
Редактор издательства **Л. И. Тормозова**
Художник **Н. П. Фролов**
Художественный редактор **И. В. Разина**
Технический редактор **Н. Н. Плохова**
Корректоры **В. С. Федечкина, В. А. Шварцер**

ИБ № 5225

Сдано в набор 26.06.78. Подписано к печати 28.08.78.

Т-10772. Формат 84×108^{1/32}.

Бумага типографская № 2.

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 16,6

Тираж 1800 экз. Тип. зак. 680

Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10